
Россия, Русь! Храни себя, храни!

1-2
2018

Союз писателей России

**Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал**

Основан в 1922 году

В НОМЕРЕ:

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Виталий ДАРЕНСКИЙ. Без русской истории и Православия не будет и России	3
Виктор САУЛКИН. Против религии смерти	61
Эмма МЕНШИКОВА. Провинция Отечества. Очерки русской жизни	101
Анатолий БАЙБОРОДИН. Одинокая бродит гармонь...	144

ПРОЗА

Павел КРЕНЁВ. Нечаянная радость. Рассказ	35
Владимир ПРОНСКИЙ. Сафари в Подлипках. Рассказ	71
Василий ВОРОНОВ. Душеспас. Рассказ	116
Виктор МЕЛЬНИКОВ. Телефон времени. Рассказ	124

ПОЭЗИЯ

Ольга ФОКИНА. Звуки родины моей. Стихи	52
Владимир СКИФ. За любовь и русскую тоску. Стихи	94
Николай КОНОВСКОЙ. Леденящая вечность. Стихи	135
Наталья РОЖКОВА. Завтра будет море... Стихи	140
Стихи поэтов Донбасса	170

УРОКИ ИСТОРИИ

Александр СЕВАСТЬЯНОВ. Ядовитая ягодка революции	177
Валерий ГАБРУСЕНКО. Этапы социализма в России	215

ДОРОГИ И СУДЬБЫ

Николай КОНЯЕВ. Обретение русской судьбы	219
--	-----

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

Михаил ХАЗИН. На распутье	266
Людмила РЯБИЧЕНКО. Половая переориентация Минздрава	269
Андрей АНТОНОВ. Без крепкого тыла	272

ИСКУССТВО

Нина БОЙКО. Рассказы о русских художниках	278
---	-----

Виталий ДАРЕНСКИЙ,
кандидат философских наук

БЕЗ РУССКОЙ ИСТОРИИ И ПРАВОСЛАВИЯ НЕ БУДЕТ И РОССИИ

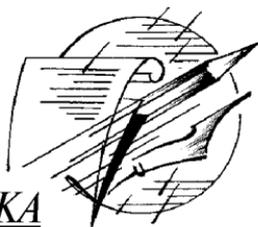
Горе миру от соблазнов, ибо надобно прийти соблазнам; но горе тому человеку, через которого соблазн приходит.

Матф. 18.7

Метафизика Революции

Революции происходили во многих странах, но только для России Революция стала фактом не только историческим, но метафизическим — то есть таким, который ставит под вопрос само ее бытие в качестве России и приобретает эсхатологический смысл. Только русская (хотя и эмпирически, и метафизически она *антирусская*) Революция — это не просто сокрушение государства и целой цивилизации, это — событие, несущее в себе явный символ и прообраз апокалипсиса и Страшного Суда. Ибо здесь сокрушается не только государство и цивилизация, но сам богоустановленный порядок земного человеческого бытия, причем сокрушается сознательно богоборческими силами, столь же сознательно служащими и врагу рода человеческого в различных его обликах.

Из всех других «национальных» (а на самом деле антинациональных) революций одна лишь Французская революция 1789 года несла в себе столь же явный

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

метафизический смысл сокрушения богоустановленного порядка, и это сразу было ясно понято ее действующими противниками, начиная с Ф. Шатобриана. Реакция на эту революцию породила все благороднейшие течения европейской мысли и культуры XIX—XX веков — от романтиков до традиционалистов; а когда ныне эта реакция иссякла, смерть европейской культуры можно фиксировать как медицинский факт.

Но даже и этот богоборческий бунт, подлинным «духовным отцом» которого следует считать отнюдь не только наивного эгоиста Ж.-Ж. Руссо, но и откровенного идеолога оскотинивания человека маркиза де Сада, — даже и эта катастрофа, в конце концов убившая Европу, не идет в сравнение с тем образом конца мира сего, который являет 1917 год. И дело не только в несопоставимости жертв, но в первую очередь в том, что в отличие от папистской Франции, без которой большая История еще, по сути, не изменилась бы, здесь было сокрушено Православное Царство — катехон, «удерживающий», отнятие которого, как говорит Св. Писание, открывает уже прямой и бесповоротный путь к этому концу.

Поэтому, говоря о Революции 1917 года, в какие бы исторические детали мы ни углублялись, мы всегда говорим библейским языком, мы говорим о катастрофе всемирно-исторического масштаба, из которой уже нет возврата. Теперь 1917 год — это всегда наше неизбывное «настоящее время», то «последнее время», о котором говорит апостол, но уже явленное наглядно и страшно, во всей его немислимой лжи, подлости и самовосхвалении.

Парадокс Революции 1917-го как неизбывного, еще длящегося *настоящего* первым сформулировал В.В. Кожинов, который писал: «Мы еще по сути дела не можем смотреть на Революцию из *будущего*; она в той или иной степени остается непреодоленным *настоящим*, которое властно порождает стремление не столько познавать, сколько действовать... По отношению к XX веку естественный для историка взгляд на прошлое из будущего вряд ли осуществим в наше время, и историография, так сказать, обречена смотреть на Революцию ее глазами (вернее, глазами той или иной действовавшей в ней политической силы)»; вместо этого «есть основания попытаться взглянуть на нее из предшествовавшего ей *прошлого*».

Взглянуть «из прошлого» — это означает понять Революцию русским православным разумом как событие библейского масштаба, связанное с грядущим приходом Антихриста, как *явленный прообраз* этого прихода и Страшного Суда над миром апостасии, отпавшим от Христа. Только такой *библейский* взгляд на Революцию *очами духовного разума* явля-

ется единственно метафизически адекватным, любые другие построения по сравнению с ним будут лишь произвольными наукообразными идеологическими спекуляциями.

Революция как неизбывное настоящее означает также и то, что подобные катастрофы повторяются в русской истории. Вот, например, как один современный автор пишет о событиях 1991 года: «Мы рухнули лишь из-за продажности и разъявленности правящих верхов. Причина нашей национальной катастрофы нематериальна. Она коренится в утрате Духа здоровой иерархии и наследия предков». Если не знать, о каких событиях это написано, можно подумать, что о 1917 годе, и действительно, к событиям 1917-го эта формулировка тоже полностью подходит.

Только исходя из этого, можно адекватно ответить на принципиальный вопрос: есть ли предпосылки и реальны ли угрозы революции в России? Суть ответа состоит в том, что «революционная ситуация» в России всегда является не аномалией, а «нормальным» состоянием, тем историческим аргіогі, в котором Россия будет существовать всегда. И эта «революционность», к сожалению, совершенно не зависит от того, «хорошо» или «плохо» в России обстоят дела — она зависит исключительно от «внешнего» фактора. Она определяется тем, что против России всегда будут направлены все антихристианские силы мира сего. Естественно, главная стратегия их лжи всегда состояла и будет состоять в том, чтобы изобразить революционную катастрофу — уничтожение Государства Российского — как якобы результат «внутренних противоречий». «Внутренние противоречия» всегда есть в любом обществе, но они сами по себе никогда не приводят к революции, если не будут искусственно усилены и обострены силами извне. Особенно это касается России, которая будучи мобилизационным обществом, то есть постоянно выдерживающим подрывную деятельность Запада практически на протяжении всей своей истории, имеет особый «запас прочности» по отношению к любым, сколь угодно острым «противоречиям». Но в 1917 году не хватило даже его... Главной и, по сути, единственной причиной революционной катастрофы 1917 года была мощнейшая и на редкость коварная *цивилизационная агрессия Запада*, а «внутренние» предпосылки стали лишь ее вторичными «инструментами».

Революция 1917 года как цивилизационная агрессия Запада

Самым непосредственным результатом революции 1917 года была братоубийственная Гражданская война, в резуль-

тате которой погибло по различным подсчетам более 12 миллионов человек и было уничтожено или вывезено за границу не менее половины национального богатства — столько же, сколько и в период Великой Отечественной войны в результате внешней агрессии. Если же к этим жертвам добавить еще и последующие жертвы от голода в ходе коллективизации и продразверсток, а также массовые жертвы репрессий, то общие жертвы революции 1917 года практически равняются жертвам гитлеровской агрессии. Очевидно, что даже если бы эта революция действительно преследовала какие-то благие цели, то цена их достижения была столь чудовищной, что даже самые «райские» цели не смогли бы их оправдать. Однако на самом деле — подлинные, но тщательно скрываемые цели организаторов этой революции были столь же чудовищными, как и размеры ее жертв. Подлинной целью революции 1917 года было уничтожение России как таковой — превращение ее в конгломерат мелких государств, нищих экономических колоний Запада. Только благодаря сталинскому перевороту внутри большевистской партии, в результате которого возродилась нормальная российская государственность, этого не произошло.

Как в советской, так и в западной историографии традиционно в качестве причины событий 1917 года в России называется экономический и политический «кризис», ее «отсталость» и т.п. Очевидно, что при большом желании признаки «кризиса» и «отсталости» можно найти в любой стране в любое время. Чтобы внести ясность в этот вопрос, следует обратиться к конкретным данным. В частности, стоит вспомнить работу русского ученого, эмигранта «первой волны» Бориса Бразоля, который составил интереснейшие выкладки по всем отраслям государственной и хозяйственной жизни самодержавной России накануне 1917 года. Б. Бразоль приводит ряд экспертных оценок того времени, которые затем подтверждает конкретной статистикой экономического развития России того периода. Он приводит слова известного британского экономиста Эдмонда Тъери, который утверждал: «Если у больших европейских наций события между 1912 и 1950 годом будут протекать так же, как они развивались между 1900 и 1912 годом, то к середине настоящего века Россия станет выше всех в Европе как в отношении политическом, так и в области финансово-экономической». В свою очередь, министр земледелия В. Кривошеин заявил немецкому профессору Зеерингу, приехавшему в 1912 году в Москву во главе комиссии, которой было поручено ознакомиться с результатами Столыпинской аграрной реформы: «Рос-

сии необходимо 30 лет спокойствия, чтобы сделаться наиболее богатой и процветающей страной во всем мире». На чем были основаны эти утверждения?

Например, за последние десять лет до Первой мировой войны в России повышение государственных доходов над расходами выразилось в сумме 2 400 000 000 рублей. Эта цифра является тем более внушительной, что в царствование императора Николая II были понижены железнодорожные тарифы и отменены выкупные платежи за земли, отошедшие в 1861 году к крестьянам от их бывших помещиков. В России налоги до Первой мировой войны были самыми низкими в мире. Прямые налоги в России были почти в четыре раза меньше, чем во Франции, более чем в 4 раза меньше, чем в Германии, и в 8,5 раза меньше, чем в Англии. Косвенные же налоги в России были в среднем вдвое меньше, чем в Австрии, Германии и Англии. В период между 1890 и 1913 годом русская промышленность увеличила свою производительность в 4 раза — тогда темпы ее развития даже превышали темпы сталинской индустриализации 1930-х годов. Ее доход почти сравнялся с поступлениями, получавшимися от земледелия, а товары покрывали $\frac{4}{5}$ внутреннего спроса на промышленные изделия. Такого высокого уровня «импортозамещения» в России никогда не было до сих пор.

Накануне революции русское сельское хозяйство переживало небывалый рост и расцвет. В течение двух десятилетий, предшествовавших войне 1914—1918 гг., сбор урожая хлебов удвоился. В 1913 году в России урожай главных злаков был на 30% выше такового же Аргентины, Канады и Соединенных Штатов, вместе взятых! В частности, сбор ржи в 1894 году дал 2 миллиарда пудов, а в 1913 году — уже 4 миллиарда пудов. В царствование императора Николая II Россия была главной кормилицей Западной Европы. При этом обращает на себя особое внимание феноменальный рост вывоза сельскохозяйственных продуктов из России в Англию (зерна и муки): в 1908 г. было вывезено 858 279 009 фунтов, а в 1910 г. — уже 2 820 049 000. К 2014 году Россия давала 50% мирового экспорта яиц, была первой в мире по экспорту сливочного масла, льна и лошадей. С 1900 г. по 1914 г. в России потребление сахара на каждого жителя повысилось с 4 до 9 килограммов в год. Потребление чая в 1890 году составляло 40 миллионов килограммов, а уже в 1913 году — 75 миллионов килограммов. Накануне войны 1914 г. Россия производила 80% мировой добычи льна. Такого стремительного и колоссального роста материального благополучия в то время не знала ни одна страна в мире — второе место по темпам этого роста

занимали тогда США, но они серьезно отставали по многим показателям.

В России в период всего с 1880 по 1917 год было построено 58 251 км железных дорог, что дает средний годовой прирост в 1575 км. Для сравнения: в СССР такими темпами железные дороги строились только всего несколько лет после Великой Отечественной войны. В 1916 году, т.е. в самый разгар войны, было построено более 2000 верст железных дорог, которые соединили Северный Ледовитый океан (порт Романовск) с центром России.

Именно в императорской России еще в XVIII веке, в царствование императрицы Екатерины II вообще впервые в мире были изданы законы об условиях труда: был запрещен ночной труд женщин и детей, на заводах был установлен 10-часовой рабочий день и т.д. И весьма показательно, что кодекс императрицы Екатерины, отпечатанный в России для заграницы на французском и латинском языках, был запрещен для обнародования во Франции и Англии как «крамольный». В царствование императора Николая II, до созыва 1-й Государственной Думы, были изданы специальные законы для обеспечения безопасности рабочих и социального страхования, которое было установлено уже в 1912 году. По тому времени императорское социальное и рабочее законодательство, по оценке экспертов, было самым прогрессивным в мире (это к вопросу об «эксплуатации рабочих»). Г.Тафт, президент Соединенных Штатов, за два года до 1-й Мировой войны публично заявил в присутствии нескольких русских высокопоставленных лиц: «Ваш император создал такое совершенное рабочее законодательство, каким ни одно демократическое государство похвастаться не может».

В царствование императора Николая II необыкновенного развития достигло и народное образование. В начале 1913 года общий бюджет народного просвещения в России достиг по тому времени колоссальной цифры, а именно 0,5 миллиарда рублей золотом. Первоначальное обучение было бесплатным по закону, а с 1908 года оно сделалось обязательным. С этого года ежегодно открывалось около 10 000 школ. В 1913 году число их превысило 130 000. По количеству женщин, обучавшихся в высших учебных заведениях, Россия занимала в XX веке на первое место в Европе и в мире. В то время как в США и в Англии, плата за учение в высших учебных заведениях колебалась от 750 до 1250 долларов в год, в царской России студенты платили от 50 до 150 рублей в год, то есть от 25 до 75 долларов в год. При этом неимущие студенты вообще освобождались от платы за учение.

Поэтому вполне естественно, что по современным наукометрическим оценкам, с 1870-х годов, т.е. начиная с великого открытия периодической системы Д.И. Менделеева, и вплоть до 1920-х годов русским ученым принадлежало 70% всех мировых открытий в фундаментальной науке и важнейших технических изобретений. Открытие радио, телевидения, создание первого самолета и вертолета являются только общеизвестной «вершиной айсберга» многих сотен мировых открытий, сделанных русскими учеными и инженерами в этот период. Светила позднейшей советской науки академики Павлов, Королев и Курчатов также являются воспитанниками дореволюционных императорских университетов. Позднее советская наука начала сдавать свои мировые позиции в результате вымирания еще дореволюционного поколения ученых, не нашедших достойной смены.

Полная ликвидация неграмотности среди населения Империи в возрасте до 18 лет планировалась к 1918 году, но этому помешала революция и последующие за ней события. Вместо 1918 года та же самая цель была достигнута в СССР лишь к концу 1930-х.

Наконец, самое главное. Правительство П.А. Столыпина через государственный крестьянский банк скупало остатки помещичьих земель и перепродавало их крестьянам на исключительно льготных условиях. Предоставлялся долголетний кредит при очень низкой процентной ставке (4,5%). В результате в 1914 году более 80% пахотной земли в Европейской России оказалось в руках крестьян. На одну дворянскую десятину приходилось крестьянских в 1894 году — 2, а в 1917-м — уже 5,5. К 1917 году никакого «помещичьего землевладения» уже почти не существовало — оно превратилось в маргинальное явление. «За землю» крестьяне пошли воевать в Гражданскую войну отнюдь не с помещиками, а с большевистской властью.

До сих пор ходячее мнение, пущенное в оборот «революционерами», будто бы крестьяне были «обездолены землей», также является лживым. На самом же деле, царское правительство стремилось увеличить площадь крестьянского землевладения, причем эта аграрная политика особенно усилилась в царствование императора Николая II. «Столыпинский закон» от 9 ноября 1906 года позволял крестьянину выйти из общины и сделаться индивидуальным и наследственным собственником земли, которую он обрабатывал. Закон этот имел огромный успех. Тотчас же было подано 2,5 миллиона прошений о выходе на отруб от семейных крестьян в 463 специальные комиссии, занятые проведением этой рефор-

мы. В 1913 году 2 миллиона семейств получили наделы, а в 1914 году уже 43% земель, принадлежавших общинам, перешли в индивидуальную собственность крестьян. Накануне революции Россия уже стала страной зажиточных маленьких собственников. По свидетельству И.А. Бунина, один крестьянин ему говорил осенью 1916 года: «Чего ему умирать, когда он дома облопался? Теперь у каждой бабы по сто, по двести целковых спрятано. Отроду так хорошо не жили». В 1917 году, как потом и в 1991-м, Россия рухнула вовсе не от «кризиса», а как раз наоборот, от резкого повышения благополучия, развратившего народ и создавшего ощущение полной вседозволенности. Этот психологический «механизм» антирусской революции лучше всего отражен в гениальном произведении А.С. Пушкина «Сказка о рыбаке и рыбке».

Даже краткий обзор этих данных со всей очевидностью показывает, что предпосылки революции 1917 года были прямо противоположными тем, о которых привыкла говорить как советская, так и западная историография. Суть этих предпосылок состоит в том, что **накануне 1917 года Российская империя была стремительно развивающейся сверхдержавой — и именно поэтому она была уничтожена Западом как его главный геополитический конкурент.** Уничтожение самодержавной России не удалось в 1904—1905 годах путем организации внутренних беспорядков одновременно с агрессией Японии, вооруженной на англо-американские деньги именно с этой целью.

Тогда мировой финансовой олигархией была организована намного более масштабная Первая мировая война, имевшая целью столкновение уже всех великих европейских держав между собою для их взаимоуничтожения и распада на мелкие «национальные государства» — марионетки Британской империи и США. Эта цель в целом была достигнута, однако разрушенная Российская империя неожиданно для «мировой закулисы» (И.А. Ильин) стала быстро возрождаться большевиками-сталинистами, и поэтому ею была организована следующая, Вторая мировая война с целью уничтожения СССР, но снова неудачно. СССР распался в 1991 году из-за внутренних причин — в первую очередь, из-за формирования здесь «потребительского общества» людей, ориентированных на «западные ценности» и поэтому ненавидевших собственную страну. Но и это саморазрушение СССР, как это ни парадоксально, было также самым прямым следствием 1917 года, когда были уничтожены религиозно-нравственные основы жизни русского народа. Материалистическая идеология, пришедшая к власти в результате событий

1917 года, сделала неизбежным становление «потребительского общества» в СССР и низкопоклонство перед Западом основной массы его населения.

Конкретные геополитические механизмы организации революции 1917 года были глубоко исследованы только в период после 1991 года русскими историками консервативно-патриотического направления. Среди научно-популярных работ в этом ряду стоит выделить книгу Н. Старикова «1917. Разгадка «русской» революции» (2013), которая соединяет в себе глубокую фактографическую аргументацию с четкими концептуальными выводами.

Понимание революции 1917 года как акта цивилизационной агрессии Запада против России впервые было раскрыто в работах вдающегося русского ученого, профессора МГУ А.С. Панарина. Конкретный механизм этой агрессии он формулирует так: «Тоталитаризм в России шел из города в деревню, из столичных центров — в провинцию, от заимной западной теории — к политической практике, а не наоборот. Победа большевизма, как и победа нынешнего «либерализма», связана с превосходством организованного столичного меньшинства, к тому же пользующегося мощной зарубежной поддержкой, над разрозненным провинциальным большинством... И большевистская модернизация, и нынешняя «либерализация» основаны на русофобии, питающей их демоническую энергетику... это режимы гражданской войны меньшинства с большинством».

Революция 1917 года имела три основные социальные группы в качестве своих основных «движущих сил» агрессивного меньшинства, навязывающего свою волю в основном пассивному большинству. Первая — это революционные идеологи, принадлежащие к типу социальных паразитов, в основе мировоззрения которых всегда лежит русофобия, независимо от конкретного типа их революционной идеологии. Вторая — это социальные маргиналы, также относящиеся к типу социальных паразитов, но низкого культурного уровня. (Главным психологическим признаком социального паразита является то, что ему всегда «не хватает свободы», — но именно потому, что он сам не хочет и не способен заниматься никакой общественно полезной деятельностью.) Третья группа — это социальные пассионарии из трудового народа, соблазненные революционной пропагандой. Последние составляли наивное «пушечное мясо» Красной армии, победившей Белую исключительно по причине своего многократного численного превосходства. Точно такой же социальный состав имели, например, и киевские «майданы» 2004 и 2014 годов.

Революция 1917 года действовала как «сверхточное оружие», в первую очередь нанося «удар по штабам». Для захвата власти «революционерами» так называемая «поддержка широких масс» сама по себе не только не нужна, но даже мешает, поскольку организация масс требует больших денежных расходов, и что еще важнее, массы имеют свойство неожиданно выходить из-под контроля и даже резко переходить на сторону противника. Революция вынуждена создавать «массовку» в первую очередь в целях пропаганды своих действий, демонстрируя остальному населению и так называемому «мировому сообществу» якобы «народную поддержку» переворота. Однако сам переворот всегда совершают заранее подготовленные профессионалы, и массам в него ни в коем случае нельзя вмешиваться, иначе они своими стихийными действиями легко поломают любой план (так и произошло с деятелями Февраля!). В этом смысле любая революция принципиально антинародна, но всегда использует «народ» как свой пропагандистский инструмент.

Так называемое «недовольство властью», на которое всегда ссылается любая революция, не только создается искусственно путем подрывной пропаганды, финансируемой и направляемой из-за границы, но и вообще представляет собой глубоко парадоксальный феномен. Его парадоксальность состоит в том, что чувство недовольства в относительно широких масштабах удается создать вовсе не в периоды настоящих трудностей, а как раз наоборот, в периоды стремительного развития страны и ощущения открывшихся новых возможностей. В частности, «недовольство», на которое ссылались заговорщики февраля 1917 года, было вызвано отнюдь не «усталостью от войны» (она была во всех странах, но там к революции не привела), а как раз наоборот, уверенностью в скорой победе, которой многие уже предвкушали воспользоваться в своих целях. В период же настоящих трудностей — в начале войны и отступления 1915 года — массовое сознание, наоборот, было патриотически мощно консолидировано вокруг Царя и государства как никогда, и попытки каких-то революционных действий в этот период максимальных трудностей были совершенно немыслимы, и их никто даже не пытался предпринимать.

Особой лживостью отличались коммунистические мантры о якобы «прогнившем самодержавии», которые до сих пор бездумно и бессовестно повторяют люди, считающие себя историками. В реальности дело обстояло как раз прямо противоположным образом. Во главе страны стоял царь, который по своим качествам государственного деятеля явно пре-

восходил даже Петра Великого (а по моральным их даже нельзя и сравнивать). Русофобская мифология о якобы «безвольном» царе, подлейшая распутинская мифология и т.д. давно уже опровергнуты серьезными исследователями. Страной управлял великолепный административный аппарат, который на деле доказал свою высочайшую эффективность, выведя страну из тяжелейшего экономико-управленческого кризиса 1915 года. Такой сильный аппарат потом удалось создать только И. Сталину в период Великой Отечественной войны. Наконец, само самодержавие как тип правления было как раз максимально адекватно тем тяжелейшим мобилизационным вызовам, с которыми столкнулась страна. Поэтому, как только ему на смену пришла демократия Временного правительства, страна разрушилась за несколько месяцев. И впоследствии большевистская власть вернулась к классическому самодержавию И. Сталина вовсе не потому, что И. Сталин был тираном, а потому, что только так страна могла выжить в условиях самых страшных испытаний. «Сталинизм» был естественной самоорганизацией народа путем стихийного восстановления «народной монархии» (И. Солоневич).

Революция 1917 года была цивилизационной катастрофой не только по количеству своих жертв, но и в качественном отношении — она привела к разрушению духовного и культурного «кода» русской цивилизации, что и сделало абсолютно неизбежным последующий крах СССР, существование которого в определенный момент стало казаться бессмысленным большинству его населения, в условиях атеистического опустошения души быстро переориентировавшегося на «идеал» западного «общества потребления».

Но главным преступлением 1917 года было даже не колоссальное количество жертв последовавших событий, но духовное убийство народа, совершавшееся атеистическим режимом. Души людей, лишенных Православной веры, обрекались на посмертные страшные муки. Остается лишь надежда, что Господь будет милостив к ним как к мученикам, которых сделали атеистами путем обмана и насилия, а не по собственному выбору.

Тем самым, фактически только сто лет спустя, к 2017 году Россия и весь Русский мир получил шанс преодоления катастрофических последствий революции 1917 года, став на путь возрождения традиционных духовных и культурных ценностей русской цивилизации. Если же этого не произойдет, если Россия останется экономической колонией Запада, ее неизбежно ждет новый социальный взрыв и распад, которые уже будут необратимыми.

Революцию 1917 года следует рассматривать как центральное событие всей тысячелетней русской истории, которое обнажило сущностные основы существования России как государства и цивилизации, их хрупкость и необходимость постоянного усилия их воссоздания самим народом. От того, насколько будут поняты уроки 1917 года, отныне всегда будет зависеть уровень русского национального самосознания и жизнеспособность России. 1917 год — центральное событие всей русской истории в том смысле, что оно до дна обнажило ее инвариантные базовые структуры, которые проявляются во все времена и будут проявляться в будущем, определяя судьбу России. Но от нас зависит, как они будут проявляться — разрушительно, как в 1917-м, или созидательно, как, например, в 1612—1613 годах.

«Опричность» как движущая социальная сила в русской истории

В истории Руси есть одна повторяющаяся ситуация («архетип», говоря новомодным жаргоном), в разные эпохи позволявшая народу выходить из тяжелейших кризисов и даже из самой гибели. Она составляет важнейшую часть русского исторического опыта. Давно уже замечено, что русская история катастрофична и прерывиста и многократно начиналась как бы «заново». Почему же она не обрывалась? Потому, что эти разрывы были не только следствиями внешней агрессии, но и актами внутреннего усилия самого народа — его способности порвать со старым, со старыми грехами и привычками, как бы «родиться заново» и жить по-новому. Кажется, в истории мы не встречаем больше народов с такой же высокой степенью внутренней подвижности, свежести духа и смелости решений. Уже само рождение Руси являет нам подобный пример. Устав от усобиц, новгородские «словене» сами пригласили себе правителей со стороны, тем самым проявив недюжинную мудрость и подлинное смирение. А ведь повсюду в Европе те же самые «варяги» (норманны) захватывали себе земли силой. Наш случай уникален.

Что же это значит? Это значит, что те «словене», которые сумели оторваться от своих родовых распрей, мелкой междоусобной злобы и слепоты и подумать о будущем, — начали жить как бы «заново», «опричь» своей заскорузлой и мелочной родовой среды. Именно так они основали Русь и начали нашу историю. И далее мы видим то же самое. Новорожденная Русь — уже «легка на подъем» и переносит центр на юг в Киев (а Святослав хотел перенести еще дальше — на Дунай).

И именно этот новый выход «опричь» привычного для варягов «круга земель» и создал тогда Русь великую. А уже в XII веке св. Андрей Боголюбский увидел новое народное движение — исход на северо-восток от перенаселенных киевских земель — и основал там новый центр Руси, который спасет ее в будущем. Северо-восток потому и спас Русь после иноземных погромов с востока и запада, что сумел, как и первые «словене», стать «опричь» мелкокняжеских раздоров, погубивших Русь Киевскую. Св. Александр Невский слал «опричь» гордыни князей и смиренно покорился татарской помощи — и отстоял Русь от поглощения экспансией Запада. И, наконец, уже в XVI веке царь Иван Грозный, чудом выживший в боярских смутах, стал «опричь» нового местничества, грозившего повторением судьбы Руси Киевской. Он пошел на отчаянный шаг, который решал всё: либо лишиться царства и погибнуть, либо восстановить Русь единодержавную, которая просуществует века. Если бы он этого не сделал, то Смута началась бы на полвека ранее и похоронила бы Русское государство навсегда.

В Смуту народное ополчение Минина и Пожарского стало «опричь» всех внутренних раздоров и не двинулось на Москву до тех пор, пока не подчинило себе все русские силы. А через несколько десятилетий на юге Руси, на Запорожье, народ стал «опричь» своего государства, поднял войну за веру и вольности, а затем соединился с единой Русью Московской. Еще полвека спустя Петр Великий, как и в свое время и Иван Грозный, стал «опричь» боярской власти, стал выстраивать свою армию и государство, первое время как бы «параллельно» существующим, и только так обновил Русь.

И страшные события русской Смуты XX века тоже представляли собой не что иное, как попытку разных сил стать «опричь» совершающейся катастрофы и начать жить по своей правде, «заново». И победила в XX веке та сила, чье «опричь» было самым радикальным и абсолютным, первое время отрицавшим даже самые основы русской культуры и государственности. И здесь сработала та же «модель», которая работала уже тысячу лет, но произошла ее «псевдоморфоza» (О. Шпенглер) — радикальная подмена ее содержания и смысла. Тут уже моделью «опричнины» воспользовались враги России.

Чтобы понять, отчего так получилось, стоит вспомнить, почему царь Иван Грозный в свое время использовал свою, русскую опричнину как особый государственный институт, введенный вынужденно в экстремальных обстоятельствах боярских смут и предательств. Дело в том, что сама опрични-

на была фактически «зеркальным ответом» на вызов уже существующей «опричнины» удельного боярства, пытавшегося ввергнуть Русь в усобицы и раздробленность, ранее уже погубившие Русь Киевскую. Царь действовал по принципу «клин клином вышибается» и предательской «опричнине» бояр противопоставил свою, *государеву* опричнину, которая и спасла Русь от распада. Что могло бы быть без опричнины, показала последовавшая затем Смута — но Минин и Пожарский снова фактически создали *новую опричнину* — народное ополчение, которое и снесло чужеземных самозванцев.

Революция 1917 года произошла потому, что у Царя не было своей опричнины, зато враги России создавали свою опричнину — революционное движение, «другую Россию» — уже почти на протяжении столетия, и весьма в этом преуспели благодаря щедрой поддержке из-за рубежа. Проблема России в том, что в ней всегда таится «опричнина» ее врагов, в любой момент готовых низвергнуть государство в статус бесправной колонии Запада, но свою, *русскую* опричнину решаются создать далеко не все правители России.

Русь и нерусь: бисистемность российского социума как источник социальных потрясений и исторических катастроф

Борьба двух «опричнин» составляет «тайную» сущность политического процесса в России, начиная, как минимум, со св. Александра Невского, казнившего проевропейски настроенных бояр, вплоть до настоящего времени. К сожалению, эта закономерность имеет совершенно объективную и неизменную причину. Суть ее в следующем.

Особенностью России и других стран Русского мира является то, что в них проживает огромная масса людей, настроенных враждебно по отношению к своей большой Родине, поскольку их «идеалом» является западная цивилизация — точнее, в современную эпоху «идеалом» стало «потребительское общество» всех стран т.н. «золотого миллиарда». Эта враждебность проявляется в распространении сначала среди интеллигенции (в XIX — нач. XX), а в настоящее время уже и среди самых широких слоев населения целой системы крайне негативных взглядов на историю, государственность и культуру России, основанных на невежестве и сознательной вражде. Эта система взглядов представляет собой идеологию русофобии, распространение которой является целой индустрией «промывки мозгов», частично финансируемой из-за рубежа, но во многом являющейся и результатом собственной инициативы людей, работающих в российской системе

образования и СМИ, поскольку русофобские взгляды уже являются укоренившимися среди части населения.

Причиной распространения русофобской идеологии является не только невежество людей относительно реальной русской истории и культуры, что позволяет легко внушать им какие угодно взгляды, но, в первую очередь, особое «духовное» состояние народа, при котором он и не хочет знать ничего позитивного о своей Родине, поскольку его «идеал» — «потребительское общество». Это «духовное» состояние частично уже укоренилось в России, но в силу объективных причин не может достичь здесь своего полного господства. Ложно понимаемая этими людьми якобы «вечная отсталость» России является главной причиной распространения русофобии как особого психологического настроения, так и целой идеологической системы взглядов. Очевидно, что и жизнеспособность России как государства фундаментально зависит от успешной борьбы с русофобией во всех ее проявлениях, причем, в первую очередь, с ее распространением не среди наемных лжецов из числа «интеллектуалов», а на уровне массового, легко манипулируемого сознания. Одни лишь просветительские усилия в этом направлении сами по себе малоэффективны не только в силу падения общего культурного уровня людей (это общемировая, а не только российская тенденция), но, прежде всего, в силу того нездорового духовного состояния, которое делает людей неспособными ни к пониманию своей Родины, ни, уже как следствие этого, к подлинному патриотизму. Поборить деструктивную идеологию, какой является русофобия, можно только показав *низость* и примитивность лежащего в основе нее базового смысла. В свою очередь, придать большую силу и убедительность патриотической системе взглядов также можно не только просветительством, но и еще более фундаментальным путем — сделать лежащий в ее основе базовый смысл всё более ясным и отчетливым, глубоко охваченным жизненной рефлексией человека и отвечающим на его жизненные вопросы.

Упомянутые *низость* и примитивность базового смысла русофобии, который состоит в гедонистически-эгоистическом отношении к жизни и соответствующем мировоззрении, приводят к тому, что Россия становится предметом ненависти именно как страна, которая не может обеспечить такому гедонисту-эгоисту максимальный комфорт жизни. И если четко и настойчиво формулировать этот низменный и примитивный базовый смысл русофобии, то очень многие из тех, кто стал русофобом под чьим-то дурным влиянием, излечатся от этой болезни духа, так как такой смысл им тоже отвра-

тителен. Ведь на массовом уровне русофобия, как правило, является результатом внушения и пропаганды, и такие люди просто не осознают ее смысловых оснований. Их просто нужно четко им указать.

Однако заметим, что не только на уровне базового смысла, но и на уровне своих стандартных рассуждений русофобия обычно демонстрирует крайне примитивный тип мышления. Например, для демонстрации «преимуществ» западной цивилизации русофобы обычно используют стандартный аргумент: «Езжайте и посмотрите...», — имея в виду, как всё «хорошо развито» на Западе и как в России «всё плохо». Правда, со временем разница становится всё меньшей, однако дело не в этом, а в самом «аргументе». Он основан на полном непонимании того, как устроен современный мир. Запад достиг своего так называемого «благосостояния» за счет блокирования развития всего остального мира, а часто и прямого грабежа и эксплуатации. В свою очередь, из всех стран мира Россия в XX веке в наибольшей степени подвергалась грабежу и агрессии со стороны Запада. После 1991 года Россия была в очередной раз разграблена и выброшена в болото стран «третьего мира», которые вообще не могут развиваться в принципе, поскольку их экономика полностью контролируется Западом, высасывающим из них всю реальную прибыль и ресурсы через глобальную банковскую систему. Совершенно абсурдно сравнивать «благосостояние» грабителя (Запад) и ограбленных им людей (весь остальной мир). Однако это, казалось бы, элементарное знание мир-системного анализа оказывается совершенно недоступным уму русофобов, мнящих себя «интеллектуалами». Именно на этом уровне уже крайне необходимы просветительские усилия, без которых люди остаются просто дезориентированными собственным невежеством.

В XX веке Запад трижды пытался уничтожить Россию, организовав революцию и Гражданскую войну, нашествие почти всей Европы во главе с Гитлером и развал СССР с последующим тотальным разграблением его территорий в 1990-х. Какая, скажите, еще страна вынесла бы такое? И уже тот факт, что Россия после этого еще **продолжает существовать** — уже это само по себе является удивительным подвигом нашей страны и **историческим чудом**. Будь на ее месте та же Америка, интересно было бы посмотреть, что от нее сейчас осталось бы? И после этого еще требовать, чтобы Россия в один миг догнала по уровню благосостояния Запад, грабящий ресурсы всего остального мира? Такие претензии к ней лишь показывают крайнюю степень тупости и бессовестности тех,

кто их высказывает — в первую очередь так называемых «либералов». Но не менее отвратительно и то, что значительная часть населения России по-прежнему преклоняется перед Западом. Это — результат дикого невежества и полного непонимания своей истории, граничащий с массовой шизофренией. Действительно, «россиянское» западопоклонство больше всего похоже на любовь к преступнику, который многократно хотел вас убить, и вы чудом выжили, но после этого продолжаете испытывать к нему самые нежные чувства.

Соответственно, нужно столь же четко и настойчиво формулировать базовый смысл русского патриотизма, который состоит в понимании жизни как усилия созидания, даже подвига, которые возможны только ради Родины, но отнюдь не ради своего ничтожного *его*. (Ради *его*, то есть ради личной корысти и комфорта подвиг невозможен в принципе; но именно ради *его* совершаются все подлости, предательства и прочие злодеяния.) Русская история в целом всегда была не просто трудной, но даже страдальческой и трагической — и именно поэтому человек, воспринимающий жизнь как подвиг, а не как развлечение и погоню за комфортом, всегда чувствует ее *своей*, хочет **приобщиться** к ней и к народу, который свершил подвиг такой величественной и тяжелой истории. Но для человека с гедонистически-эгоистическим отношением к жизни, требующим от нее только комфорта и корысти, русская история всегда будет казаться страшной и непонятной, никакого подвига он в ней не увидит, потому что просто духовно *не способен* видеть это — и никакими фактами *его* не переубедишь. Но можно остановить агрессию этого вируса слепоты.

Экзистенциальные истоки русофобии уже рассматривались многими авторами. В частности, покойный И.Р. Шафаревич, впервые концептуально определивший сам термин «русофобия» в одноименной работе 1980 года, для объяснения этого феномена использует концепцию французского историка Революции 1789 г. Огюстена Кошена, условно разделившего страну на «большой народ» и «малый народ» в соответствии с принципиальным различием их мировоззрений. «Фобия» присуща «малому» народу по отношению к «большому» не потому, что он «малый», но потому, что он сам враждебен «большому», ибо хочет господствовать над ним. «Оторванность от психологии «Большого Народа», неспособность понять его исторический опыт, которая в обычное время могла бы восприниматься как примитив или ущербность, в кризисных ситуациях обеспечивает возможность особенно смело резать и кроить его живое тело», — отмечает И.Р. Шафаревич

вич. Тем самым, экзистенциальной причиной фобии по отношению ко всему народу у отделившейся от него группы является *воля к власти и желание эксплуатации*, а это невозможно осуществить иначе, чем путем лишения «большого народа» его подлинной исторической памяти и основанного на ней самосознания. Эта группа, условно именуемая «малым народом», чисто этнически в основном та же самая, что и «большой народ» (хотя, как показывает история, ее «вдохновителями» обычно бывают инородцы), ведь главная причина этого отделения — именно экзистенциальная: это *духовно-нравственный отрыв*.

Русофобия, маскирующаяся под так называемый «русский либерализм», является следствием обвальской личностной деградации — это переход от жертвенно-героического и соборного понимания свободы, имеющего христианские основы, к эгоцентрическому, потребительско-гедонистическому пониманию, основанному на разрушении нравственного сознания как такового. Это деградация души от этоса служения и органического «жизненного мира» к антиэтосу конкуренции (тщеславия) и распадения (маргинализации) «жизненного мира», к «всегдашней либеральной службе — унижению России» (В. Крупин).

Русофобия как система взглядов, рассчитанная на невежество обрабатываемых ею людей, всегда была и остается грязным инструментом духовной оккупации России западной цивилизацией с целью эксплуатации ее ресурсов и устранения ее как геополитического конкурента. При этом Запад всегда пользуется методом активной поддержки «малого народа» с целью внутреннего ослабления, дезориентации и разрушения «большого народа» и его страны. Как пишет Н.А. Нарочницкая, «современная пресса Запада демонстрирует такой антирусский накал, которого не было даже в период «холодной войны»... Запад будет всегда демонизировать лидера, который хочет сильной и самостоятельной России... как только Россия начинает «сосредоточиваться» и искать формы самовосстановления и укрепления, восстанавливать контроль за своими ресурсами, ее обвиняют в фашизме и отступлении от демократии... Сопrotивление — это возврат к «тоталитаризму», а любая защита национального достоинства и истории — это «русский фашизм». Эта обычная стратегия Запада на современном околонaучном жаргоне именуется «войной дискурсов» и в нравственных человеческих понятиях является лицемерной ложью, а на языке геополитики — борьбой с очагами возрождения обманутой и ограбленной им страны.

Стратегия Запада понятна и естественна — он всегда так относился и будет относиться ко всему остальному миру, за счет которого долгое время «процветал». Цивилизация, в которой «высшими», а на деле псевдоценностями стали корысть, нажива и эгоизм, — никакой другой быть и не может. **Исток извечной русофобии Запада состоит в том, Россия стала первой в истории страной, которую Запад пытался сделать своей колонией, но это у него не вышло.** Но почему точно так же, как и Запад, без всякого принуждения начинают мыслить и сами русские? Как показывает большой опыт общения с этим типом людей, это их стандартный психологический ход: почувствовать себя «очень хорошим», особо культурным и даже «избранным» — но не за счет собственных личных качеств, а за счет сознательного унижения своей страны. «Логика» здесь самая подлейшая: раз я так ругаю свою страну, то значит, сам я совсем не такой, а наоборот, особо далекий от всей этой мерзости и потому с «праведным гневом» ее осуждаю. И как показывает тот же опыт, обычно здесь бывает еще и особое лицемерие: так, самые наглые взяточники больше всех кричат о коррупции в «этой стране», самые отъявленные хамы — соответственно, о ее «хамстве», полные невежды в русской истории — о «невежестве России» и т.д. Этот феномен вообще известен давно. Театральный деятель князь С. Волконский в своих «Воспоминаниях» сделал такой вывод: «Именно те люди, которые больше всего о свободе и равенстве говорят, те менее всего внутренне свободны и больше всего против равенства грешат». Автор имел в виду как раз этот тип людей, очень распространенный у интеллигенции начала XX века.

Этих людей можно «понять». Ведь вхождение в русскую культурную традицию всегда требует особого духовного *усилия*, требующего *самотрансформации* человека, его тяжелой работы над собой, отказа от многих предрассудков, внушенных цивилизацией гедонизма и эгоцентризма. А это усилие делать трудно и не каждому хочется. Предельное устремление, сущность и смысловое «ядро» русской культуры — это *преображение человека*. А стать эпигоном западной культурной традиции несравненно легче и «приятней» — ведь она никаких особых усилий не требует и никакого преобразования не обещает. Подвиго-жертвенный характер русской истории также является прямым выражением понимания сущности жизни как усилия преобразования человека. И русский патриотизм в своем экзистенциальном основании всегда является выражением подлинно христианского мировосприятия — причем, что особо важно, даже и в тех случаях, когда у

человека утрачена вера из-за отсутствия соответствующего воспитания, как это было в XX веке. «Советский человек», считающий себя «атеистом» просто потому, что имеет о религии очень смутное и крайне искаженное представление, обычно был по складу своей души более похожим на настоящего христианина, чем западный человек — часто внешне весьма набожный, но при этом живущий интересами и страстями, которые к христианству не имеют никакого отношения (корысть, индивидуализм, эгоизм и стремление к земному комфорту). Поэтому вполне естественно, что в настоящее время Русский мир является единственным регионом мира, в котором происходит религиозное возрождение, в то время как на Западе наблюдается стремительный упадок религиозности, причем без всякого принуждения, как это было в СССР. **«Советский человек» сумел сохранить православную «структуру души» именно благодаря своему жертвенному патриотизму. А массовой основой современной русофобии стал так называемый «совок», которого абсолютно ошибочно отождествлять с тем подлинным советским человеком, который победил объединенных Гитлером европейских агрессоров, стремительно восстанавливал страну после страшных разрух и создавал выдающуюся технику, искусство и науку.** «Советский человек» был человеком, «выкованным» еще православной цивилизацией. Коммунистический режим воспользовался этим бесценным человеческим ресурсом, но сам смог создать лишь «совка» — корыстолюбивое существо, преклоняющееся перед «благами Запада», уже открыто презиравшее свою страну и радовавшееся ее гибели в 1991 году.

В свое время М. Пришвин писал: «Европа — это история вырождения личности в индивидуум, с одной стороны, и с другой — история поглощения личности обществом». «Либеральная демократия» как современная форма идеологического доминирования Запада в мире является идеологией глобального финансово-информационного тоталитаризма (ГФИТ). Этот современный тип тоталитаризма, созданный Западом и навязываемый им остальному миру, маскируя под «нейтральный» термин «глобализация», некоторые авторы называют «информационно-финансовым». Этот тоталитаризм потребительского общества и тотальной манипуляции сознанием организован так, что уже не вызывает у людей сопротивления. Как пишет известный критик этой формы тоталитаризма депутат Европарламента Дж. Кьеза: *«Людей превратили в инструменты покупки. Мозги абсолютного большинства контролируются. Мы живем для рынка, и когда работаем и когда отдыхаем. Именно он диктует нам наши действия.*

Мы не свободные люди. Журналисты должны информировать об этом людей. Но СМИ об этом молчат. Телевидение 24 часа говорит нам, что надо покупать вещи, что наша шкала ценностей — это покупательная способность. Реально в современном телевидении непосредственно информации не более 8%. Все остальное реклама и развлечение. И формируют человека в итоге эти самые 92%». В такой ситуации репрессии и внешнее насилие уже излишни — люди и так полностью подчинены «промывке мозгов» и диктатуре потребительской цивилизации.

Но современный тоталитаризм потребительского общества даже намного превосходит по эффективности методы контроля репрессивного тоталитаризма XX века. Как справедливо отмечает О. Неменский, *«если мы посмотрим на современные западные общества, то увидим, что там контроль над сознанием общества несравнимо более высокий, чем в СССР и Германии 30-х гг. И государственная пропаганда, и сплочённость вокруг общей идеологии, единственно верных принципов, представленных ныне действующей политической системой. Даже сама идея осуждения «коммунистической идеологии и преступного режима СССР» — это лишь попытка утвердить другую тоталитарную систему. Которая, конечно, опять же является и «истинно демократичной», и «подлинно народной».*

Очевидно, что современные русофобы, на поверхности апеллирующие к «свободе» мнений и всего остального, в реальности являются носителями идеологии нового тоталитаризма и агентами его становления в тех странах, которые еще не полностью контролируются Западом и пытаются развиваться самостоятельно. И самой неприятной для них в этом отношении является именно Россия как страна, имеющая такой культурный «код», который способен очень эффективно сопротивляться любой духовной экспансии и обеспечивать быстрое возрождение страны после исторических катастроф.

Выступая в Таврическом университете 9 ноября 1920 года, перед самым падением Белого Крыма, В.И. Вернадский подвел итог той исторической «миссии» интеллигенции, которая стала первопричиной русской катастрофы 1917 года: *«Никогда в истории не было примера, чтобы мозг страны — интеллигенция — не понимала, подобно русской, всего блага, всей огромной важности государственности. Не ценя государственности, интеллигенция, несмотря на длительную борьбу за политическую свободу, не знала и не ценила чувства свободы личности». В словах «не ценя государственности, интеллигенция, несмотря на длительную борьбу за политическую свободу, не знала и не ценила чувства свободы личности», на первый взгляд, содержится парадокс. Но па-*

радокса нет, если вспомнить тонкое наблюдение М. Пришвина о том, что «каждый интеллигент — скрытый властитель», и борется он на самом деле за власть, а отнюдь не за личную свободу (хотя бы потому, что личной свободы на самом деле у него и так всегда было более чем достаточно). И вот на почве такого сознания, свойственного интеллигенции, как нельзя лучше развивалась и русофобия. Уже к концу XIX века она здесь стала доминирующей.

Эту ситуацию хорошо описал В.В. Розанов в «Опавших листьях», вспоминая годы своей молодости (1880—1890-е): «Я понял, что в России «быть в оппозиции» — значит любить и уважать Государя, что «быть бунтовщиком» в России — значит пойти и отстоять обедню, и, наконец, «поступить как Стенька Разин» — это дать в морду Михайловскому... Я понял, где корыто и где свиньи, и где — терновый венец, и гвозди, и мука. Потом эта идиотическая цензура, как кислотой выедающая «православие, самодержавие и народность» из книг; непропуск моей статьи «О монархии», в параллель с покровительством социал-демократическим «Делу», «Русскому богатству» etc. Я вдруг опомнился и понял, что идет... левая «опричнина», завладевшая всею Россиею». Выражение В.В. Розанова *левая опричнина* уже само по себе гениально и раскрывает ту особую структуру российского общества, в которой извечно борются Православная Русь и антихристова «прогрессивная» нерусь.

Итак, российский социум имеет своеобразный *бисистемный* характер — он не только интегрирован как целостность, но и постоянно находится под воздействием извне, пытающимся лишить его самостоятельности. И часть российского социума во все времена стремится не к внутренней системной интеграции со своим народом, а лишь к *внешней интеграции* в систему западного мира. Эта бисистемность впервые проявилась еще во времена св. Александра Невского, подвиг которого состоял не только в победах над внешними агрессорами, но и в ликвидации внутренней оппозиции прозападного боярства, стремившегося интегрировать новгородские земли в европейское сообщество в статусе полуколониальной периферии. Эта коллизия, впервые правильно разрешенная св. Александром, стала затем, к сожалению, «парадигмальной» для всей дальнейшей российской истории. В полной мере она разыгрывается и в настоящее время.

В Россию можно только верить

Естественно, в любом государстве политика «вовне» и политика «вовнутрь» не являются в полной мере интегрирован-

ными в единое целое, везде между ними существуют противоречия и конфликты, при которых приходится жертвовать интересами одной ради другой — и наоборот. Однако в Европе это не приводило к тому, что государство фактически начинало функционировать в двух разных системах, живущих по совершенно различным законам и требованиям. Но в России, будучи обращенной «вовне», государственность всегда была системой, с предельным напряжением сил борющейся за самосохранение под перманентной угрозой внешней агрессии — поэтому, обращенная «вовнутрь», она была вынуждена действовать уже не как простая самоорганизация общества для обеспечения его внутренних выгод, но как особая система с чрезвычайными полномочиями. Общество понимало, что иначе невозможно выжить, и поэтому соглашалось с этими полномочиями ради своего же самосохранения. Это российский вариант «общественного договора»: пока государство способно защититься от внешнего врага, ему представляются любые полномочия, поскольку это все равно легче, чем иноземное порабощение. Ведь в Западной Европе внешнее вторжение никогда не означало колонизации и даже геноцида, как это всегда было в России, — поэтому таких полномочий государство здесь никогда не имело. Они здесь были просто не нужны, поскольку переход в другое подданство никогда не грозил особыми бедствиями. Самые кровавые войны здесь велись не между государствами как таковыми, а между религиозными конфессиями и этническими кланами.

Поэтому, хотя в России, вопреки распространенным предвзвешенным, общество было более автономно относительно государства, чем в Западной Европе (особенно на уровне крестьянского «мира», жившего фактически в догосударственном состоянии вплоть до коллективизации 1929 г.), противопоставление государству некоего «гражданского общества» здесь всегда было не только абсурдно, но и аморально. Здесь государство всегда само брало на себя функции «гражданского общества» — по крайней мере, пыталось это делать. В этом можно усматривать и реализацию евангельской заповеди: «Царство, разделившееся в себе, не устоит» (Матф. 12. 25), что свидетельствует о глубокой христианизации политического сознания народа.

Поскольку для Запада Россия всегда представлялась и представляется исключительно в качестве потенциальной колонии, подлежащей полному контролю и эксплуатации (и это отношение в эпоху глобализации будет только усиливаться, особенно по мере сокращения мировых ресурсов, поло-

вина которых находится ныне на территории России), то именно исторически сформировавшийся мобилизационный характер российского социума является важнейшим ресурсом его выживания и сопротивляемости давлению извне.

Но иногда такое разделение все-таки происходило и приводило к бедствиям и историческим катастрофам. Функцию «гражданского общества» всегда брала на себя часть «элиты», оппозиционная единоначальной власти. Поэтому «предательство элиты» (старых и новых «бояр»), впервые предотвращенное св. Александром Невским, а позже — Иваном Грозным, затем стало основной «моделью» краха российской государственности: впервые в Смуту начала XVII века. Заговор олигархов и генералов против Николая II в феврале 1917 года и «приватизация» республик бывшего СССР высшей номенклатурой КПСС — это два самых ярких исторических проявления этой модели.

Нормальный режим функционирования российской государственности, связанный с его неустранимым бисистемным характером, состоит в *фактическом единовластии*, опирающемся на *деполитизацию населения* и массовую *моральную* (но не обязательно идеологическую) поддержку власти. Утрата же единовластия всегда неизбежно приводит к «приватизации» и разграблению страны «элитой», всегда интегрированной во внешнюю систему (Запад). Политизация населения делает неизбежным усиление этой «элиты» в ее борьбе против единовластия — со всеми неизбежно вытекающими отсюда последствиями. Соответственно, любые попытки выстроить в России иной тип государственности по заимствованным откуда-то образцам, игнорирующий ее неустранимую бисистемную природу, как в прошлом, так и в будущем приводил и будет приводить только к разрушительным смутам и фактической иностранной колонизации, какими бы «красивыми» идеологическими обоснованиями эти попытки ни прикрывались («демократия», «гражданская свобода» и т.п.).

Сущностно *мобилизационный* характер власти в России всегда делает российскую власть «монархичной» независимо от ее частной формально-юридической формы. Любые «противовесы» единому центру власти в России всегда с «математической» неизбежностью приводят к социальным катаклизмам и разрушению государства. Это объясняется сущностно бисистемным характером общества. Этой имманентной «монархичности» российской власти, в свою очередь, соответствует народная культура *предельного доверия к власти*, которая всегда оказывалась полностью оправданной и

эффективной, поскольку привела русский народ к колоссальным успехам в строительстве государства, защите от внешних и внутренних врагов и способствовала созданию великой культуры. Катастрофы начались в XX веке именно потому, что сначала сам народ не проявил достаточной культуры доверия власти, поверив «революционерам», а в результате этого и получил совсем иную власть со всеми признаками подлинного деспотизма, возвращенного «передовыми» европейскими идеологиями: сначала марксистской — после 1917-го, а затем либеральной — после 1991-го. И только лишь когда в народе возрождалась культура доверия власти, тогда власть получала пространство для развития, сама перерождалась и становилась снова если и не «народной», то, по крайней мере, стимулирующей развитие народа и страны.

Западный социум отличает юридически четко регламентированная деятельность без крайностей русской «вольности» и русской мобилизации. Западный стиль власти построен по модели рынка: здесь власть — посредник в борьбе интересов, а политика — рынок оплаченных услуг. Для этого типа русский тип власти кажется «деспотичным», т.к. к власти применяется не русский принцип доверия, а рыночный принцип найма и контроля. В нормальном состоянии для русских характерно органическое сочетание «отеческой» власти с естественной вольностью жизни, не стесняемой никакими чужеродными влияниями, и тем более никак не стесняемой государством. Но когда нормальный порядок жизни разрушен, искусственно создан «хаотический анархизм», тогда народ естественным образом ищет сильной, авторитарной власти просто с целью самосохранения. Это состояние совершенно противоположно, и поэтому ошибочно приписывать его национальным чертам какого-либо народа, в частности, русского.

Если же обратиться к реальной истории, а не к современным идеологическим клише, то тезис о «русском деспотизме» в сопоставлении с историей Западной Европы оказывается совершенно мифологическим. В первую очередь потому, что основная масса русского народа и других народов Империи вплоть до революций XX века имела самый минимальный и опосредованный контакт с государством, поэтому степень его т.н. «деспотизма» для нее была вообще безразлична. Реально абсолютное большинство русского народа жило не в государстве, а в «миру» — общине, имевшей контакт с государством не напрямую, а через старосту и помещика. Отношения в общине строились на принципах морального авторитета ее членов, максимальной открытости и

справедливости, и именно это сформировало тот максимально свободный, честный и искренний тип личности, которому так дивились иностранцы и который стал жизненным базисом великой русской литературы.

Но главная основа самого бытия России в истории — способность к нравственному подвигу и, если нужно, самопожертвованию — оказывается одновременно и самой мощной побудительной силой к великим деяниям (отсюда мощь государства и самого народного «организма»), и самым хрупким и уязвимым для внешних воздействий основанием, поскольку предполагает постоянное воспроизведение этой способности к нравственному усилию, ничем не поддерживаемой, кроме христианской совести и примера великих предков. И стоит кому-либо соблазнить русских идеей погони за одним лишь земным благополучием и комфортом, подменить подвиг и нравственное усилие компромиссами эгоистических «интересов» и т.д., как вся эта внешняя мощь окажется бесполезной и бессильной, и Россия начинает разрушаться нравственно и физически.

Эти соображения подтверждаются не только всем ходом российской истории, но и жизненными наблюдениями над реально сохранившимися чертами русского национального характера. Русский человек, независимо от своего этнического происхождения, везде сразу заметен благодаря своему принципиально прагматическому поведению и стилю жизни. Даже утрачивая порой ценностные ориентиры своего сознания, он все равно, тем не менее, никогда не станет «прагматиком», озабоченным лишь личной выгодой. Соответственно, столь же ложными, с русской точки зрения, оказываются и другие понятия западной идеологии. Актуализация этого реально сохранившегося в народе исконного *русского характера* в современных условиях является основой возрождения жизнеспособного типа человека и непотребительского общества с суверенными ценностями.

Исходя из всего сказанного, формулировка русского социального идеала, способного противостоять Революции, может быть такой: это непотребительское общество, в целом основанное на доминировании духовно-нравственных ценностей над материальными, с особым отношением к государству как гаранту существования народа в условиях внешней и внутренней русофобии, с особой культурой взаимопомощи и неформальных социальных связей «семейного» типа, с необходимостью постоянных свободных усилий по возрождению жизнеспособности народа вопреки деструктивным воздействиям современной цивилизации и возрождению

исторического самосознания народа вопреки деструктивному и целенаправленному воздействию русофобской пропаганды.

Мучительно размышляя о нынешнем состоянии нашего народа, продолжающем деградировать нравственно и физически и уже давно стоящем на краю исторического небытия, мысль неизбежно обращается к нашему великому прошлому с одним главным вопросом: что же позволяло нашим предкам преодолевать гибельные времена, подобные нынешнему, и после этого становиться лишь еще сильнее? Понятно, что в первую очередь их укрепляла незыблемость Православной веры и верность своему земному Отечеству и государству, в каком бы состоянии оно ни пребывало. Но что же нам делать теперь, когда едва ли не абсолютное большинство народа равнодушно к вере (часто даже и не отрицая ее формально, но никак не связывая со своей реальной жизнью), а к государству относится едва ли не враждебно? Таких случаев в нашей истории еще не было.

После падения безбожной власти Русь несет в себе ее наследие — она по живому перерезана границами искусственных государств и одурманивается скотской жизнью в американизированном «потребительском обществе». Молодежь вырождается нравственно от пустоты жизни и гибнет физически от алкоголя и наркотиков. И даже нынешнее восстановление и укрепление российской государственности — это лишь внешняя «броня», под которой процесс «гниения» народа продолжается, хотя он и существенно затормозился благодаря той новой «сборке» народа, которую начал В. Путин по образцу своих великих предшественников. Для русского православного сознания очевидно, что появление этой «брони» — есть факт, что Россия не распалась и не окончательно разграблена в 1990-е, это поистине знак Провидения. Этим Господь показывает, что дает нам время и шанс для возрождения. Но как же им воспользоваться, глядя на всё происходящее?

Опыт Истории подсказывает: вновь *стать «опричь»*. Фактически Русь подлинная и так живет «опричь» современного общества — с радикально иными ценностями, смыслами и пониманием жизни. И живя «опричь» антиценностей современного вымирающего «потребительского общества», эта невидимая «гордому взору иноплеменному» подлинная Русь именно поэтому и является самой надежной опорой Государства Российского, поскольку видит в нем не просто «сборщика налогов», а священное тело своего земного Отечества. Эта невидимая подлинная Русь объединяет многие миллионы людей, разбросанные на огромных расстояниях и в раз-

ных странах. И именно они каждый раз возрождают страну, очередной раз стоящую на краю исторического небытия и выхождения. Они невидимы тем, кто в жизни видит лишь материальное и очень удивляется очередному, как выразился известный классик, «явлению России» перед «глазами изумленной Европы», уже давно списавшей ее со счетов. Так было раньше, так происходит сейчас и так будет всегда до конца мира сего. Русь — это страна, которая меняя обличья, но не меняя лика своего и души своей, всегда рождается заново. «Моя внезапная, неожиданная Россия» — гениально сказал об этом самом главном Федор Сологуб. И мы тоже умеем всё время воскресать и рождаться заново вместе с нею, потому что мы — русские.

«Кадры решают все!»: технология русской Победы

На протяжении уже многих веков конечная цель мироправителей Запада — оставить на месте России «выжженную землю» с населением, достаточным для обслуживания их колониальных экономических интересов. На протяжении веков само существование России было непрерывным подвигом, без которого ее уже давно ждала бы судьба американских индейцев. Понимание этого *главного факта* должно лежать в основе современного русского исторического самосознания, быть его стержнем — иначе не удастся ни «собрать» народ, ни выстоять в грядущих испытаниях, которые будут не легче предшествующих.

Более глубокая цель мироправителей — провести над человечеством эксперимент по антропологической деградации: выведению «мировых холуев». К сожалению, очень часто этот эксперимент оказывается весьма удачным — мы имеем возможность видеть его удачные результаты на глобальных гейпарадах, на киевском «майдане» и т.д. И сейчас Россия остается катехоном (удерживающим мир от гибели) — ее миссия состоит в объединении всех здоровых сил человечества для отстаивания образа Божия в человеке, не позволяющего ему превратиться в биосоциальный автомат, живущий на уровне физиологических рефлексов. Понимание этой *исторической миссии* должно лежать в основе современного русского национального самосознания, быть его стержнем, иначе не удастся ни «собрать» народ, ни выстоять в грядущих испытаниях.

Таковы две идеи, которые почти не нужно специально конструировать и «внедрять в сознание масс» — они и так достаточно широко известны и понятны, нужно лишь, чтобы Государство Российское не стеснялось их озвучивать офици-

ально перед своими извечными заклятыми «партнерами». Этими двумя идеями Россия может изменить глобальный дискурс.

Именно изменение глобального ценностного дискурса с лицемерных американских сказок о «свободе и демократии» (под прицелом НАТО) на отстаивание фундаментальных духовных ценностей может стать самым мощным превентивным ударом по любым проектам «цветных» революций как в самой России, так и за ее пределами. Но для этого нужна политическая воля, а для политической воли нужны люди — *кадры*.

Понимание того, что проблема возрождения России и ее устойчивости перед любыми попытками переворотов — есть, в конечном итоге, *проблема кадров*, — это понимание весьма широко распространено и не является открытием. Процитируем известного автора:

«Запад страшился нас и приложил все силы для пресечения роста Русской цивилизации. Он и до сих пор понимает, что мы — это не Бразилия и не Сомали, и нас не сломить до конца рецептами Международного валютного фонда. Среди нас пока еще живут миллионы... воинов и конструкторов, ученых и инженеров. Поэтому самое главное сегодня — сохраниться как народ, стянув в новые общности людей с честью и совестью, умом и мужеством. Так спаслась Восточно-Римская империя, собрав в христианские общины лучших людей, избежав страшного крушения Западного Рима в пятом веке от рождества Христова. И чтобы сделать подобное, надо отмыть от грязи образы Империи и новой цивилизации, показав русским то, чего мы лишились».

Всё точно. Но остается вопрос: а КАК все это сделать?

На наш взгляд, здесь также не нужно изобретать велосипед, а нужно воспользоваться теми реальными механизмами и структурами современного общества, которые реально существуют и работают, но использовать их для иных целей. Современное государство во всём мире — и на Западе, и на Востоке, и в России — является скрытым неокастовым **государством-корпорацией**. Внешние «демократические процедуры» созданы для профанов и на самом деле не имеют никакого отношения к реальному перераспределению власти и отбору государственных кадров. И на Западе, и в России этот факт тщательно маскируется мощной пропагандистской машиной и «системой образования», внушающими населению, что оно якобы живет при «демократии» и «равенстве прав». Хорошо это или плохо, в данном случае уже не важно, а важно следующее: раз это так, то именно в рамках этого объек-

тивно существующего механизма и нужно действовать, а не тратить силы впустую, пытаясь его заменить на «подлинную демократию», которая в реальности существовала лишь в трактатах Аристотеля и в русской крестьянской общине. То есть нужно *перехватить* механизм отбора и рекрутирования кадров у русофобской олигархии. Собственно, это и так фактически уже происходит усилиями президентской «вертикали власти», но происходит далеко не в такой степени, которая необходима для устойчивого возрождения России.

Здесь крайне необходима встречная инициатива патриотической части общества — только она может предложить государству встречный проект отбора «государевых людей» — тех, кто станет эффективным противовесом опрличнине русофобской неруси, с 1990-х нагло оккупировавшей госаппарат. Здесь не место вникать в детали того, как это делается, — просто следует изучить наш богатый исторический опыт. В конечном счете всё решает различие двух принципов отбора и рекрутирования государственных кадров, которые можно назвать «принципом Цицерона» и «принципом Цинцинната» (Люций Квинций Цинциннат — легендарный римский земледелец, назначенный в 458 г. диктатором; послы, явившиеся к нему с известием об этом назначении, застали его в поле за плугом; одержав блистательную победу над врагами, Цинциннат вернулся с богатой добычей в Рим, где ему был присужден триумф, после чего он возвратился к своему плугу). Принцип Цицерона (амбициозного оратора) — это отбор «общественных активистов», то есть, по сути, карьеристов, которые в любой момент перейдут на сторону врага, если получат от него выгодное предложение. С 1960-х в СССР в партономенклатуру стали брать комсомольских «активистов» — горбачевское поколение, которое и уничтожило страну. До этого в номенклатуру рекрутировали «производственников», которые никогда и не помышляли ни о какой карьере, а тем более о партийных должностях, а просто честно вкалывали на своем рабочем месте. В результате получили самый лучший в мире управленческий аппарат, неподкупный и невероятно работоспособный, без которого бы не выиграли войну. И.В. Сталин говорил, что работа наркома — это «мужичья работа», и искал для нее «мужиков». Это «принцип Цинцинната». Если его удастся реализовать снова, Россия будет непоколебима в любых испытаниях.

Публичная мобилизационная идеология, ненавязчиво внедряемая через СМИ и систему образования, должна быть максимально простой, четкой и доходчивой. Двух вышеупомянутых идей вполне достаточно для того, чтобы при пра-

вильной их подаче жестко дискредитировать и вывести за рамки публичного дискурса идеологию «либерализма», под которой в действительности скрывается криптосатанизм, светская религия субпассионариев, нравственных и интеллектуальных дегенератов, прямо или опосредованно находящихся на содержании у Запада. Мобилизационный тип общества следует максимально закреплять в имеющихся социальных институтах (религиозное просвещение, армия, спорт) и главных сферах экономики (госсектор и индивидуальное рискованное предпринимательство при максимальном подавлении паразитарного корпоративного сектора).

Кроме двух этих базовых идей, которые поддержит патриот с любыми убеждениями — хоть «белый», хоть «красный», и православный, и мусульманин, и атеист, — в остальном идеологическое разнообразие может быть любым. Оно не представляет никакой угрозы для государства: как справедливо отметил протоиерей Всеволод Чаплин: *«В России все время возникает напряжение между реальной жизнью и западными идеями, принятыми властью за основу... Так было при многих монархах XVIII—XIX веков, так было при «марксистах», так есть и сейчас... Не зря вздыхает демократический догматист, как раньше вздыхали догматисты коммунистические: все их клише и модели разрушаются о российский образ жизни, о наш народный характер»*; нынешним западникам снова *«хотелось бы изменить народ, подстроить его под свои идеалы. Но на самом деле выйдет иначе. Россия перемелет идеологию и строй западной демократии, как перемолола марксистский коммунизм, наполнив его совершенно иным содержанием... За фасадом формально прогрессивного, прозападного политического режима у нас всегда будет идти собственная жизнь»*.

Для нужд публичной идеологии, служащей укреплению русской государственности, вполне могут быть адаптированы и переинтерпретированы и привычные западные понятия, в том числе и понятие «демократии», по понятным причинам весьма дискредитировавшее себя в России. Например, может быть введена такая типология демократии, которая вообще разрушает все основы западной идеологической пропаганды. Общества: паразитарное («золотой миллиард»), подчиненное («третий мир»), суверенное (Россия). «Демократия»: имитационная («золотой миллиард»), манипулятивная («третий мир»), мобилизационная (Россия)

Но простых «адаптаций» недостаточно, и для российской науки является крайне важным создание собственной, *русской политической теории*, объясняющей специфику российской государственности. Российская политическая наука

должна выработать свой собственный понятийный аппарат, свой суверенный дискурс и свою систему интерпретации всех базовых политико-философских категорий. В богатой истории русской классической политической философии — от Карамзина до Панарина — эта работа уже фактически сделана, и в настоящее время она только требует сильной систематизации и популяризации. Нам нужен хорошо организованный русский «интеллектуальный спецназ», аналог «Сколкова» (только в более эффективном варианте) для гуманитарных наук.

Главный залог нашей победы состоит в том, что русофобский «либерализм» разрушителен не только по отношению к России и русским, — он еще более разрушителен и по отношению к самим своим адептам, очень быстро доводя их до катастрофической моральной и интеллектуальной деградации и полной исторической импотенции.

Современный российский социум может эффективно развивать любые новейшие социальные институты и формы социальной активности, необходимые для развития современной техногенной цивилизации, без освоения которой Россия не выживет в современном мире. Однако само по себе это освоение также не означает выживания России в качестве именно России. Если будет утрачен ценнейший тип человека, в течение многих веков формировавшийся суровой русской историей и Православием, то само существование России утратит всякий смысл. Она в таком случае может стать пусть и «развитой», но всего лишь одной из множества безликих американизированных стран «общества потребления». Высшей целью общества является не экономическое развитие, а создание более сложного и содержательного типа личности. В этом отношении Россия как раз остается мировым лидером и является намного более развитой страной, чем страны Запада и быстро вестернизирующиеся страны Востока. Хотя в России также чрезвычайно распространился западный, а теперь уже и общемировой тип обезличенного человека техногенной цивилизации — эгоцентрического индивида с примитивными стандартизированными потребностями и столь же примитивным инфантильным мировоззрением; но смысловое «ядро» российского социума еще продолжает формировать и традиционный тип русского человека, *homo ruscicus*, провиденциально «законсервированный» в советскую эпоху и ныне способный внутренне противостоять экспансии Запада.

Только бы хватило тех, кто способен на «мужичью работу»...

НЕЧАЯННАЯ РАДОСТЬ

РАССКАЗ

Вот уж залилось рыбки, так залилось! Всего в ручье было выставлено три «морды», а для заполнения пестеря «с чупышем» хватило и первых двух. Из последней снасти сорог да окуней пришлось «выливать» обратно в воду. Рыбешка, вовсе живая, булькала в ручей, радостно плескала хвостами и шмыгала в разные стороны. А что делать, ежели ноша и без того получилась тяжеленная. С этой-то попробуй дошагай до дома по мхам да лесным кочерыгам, по расхлябанной весенней размытости.

Но дело это, конечно же, разлюбезное — ловить сорожку в ручье около Малого Боровского озера. Кирилл Новоселов давно выпытал сорожью моду — заходить в него весной. Получалось так, что зимовала рыба в соседнем Большом Боровском, где еды хоть и поменьше, зато глубины больше, а значит, и кислорода зимой достаточно, а на лето возвращалась в кормовые места, в Малое озеро, где вдосталь травы и ила, и гуляла там остаток весны, все лето и всю осень, нагуливая жирок, наращивала свои бочка. Потом, на зиму, поздней осе-

ПРОЗА

ную, перед ледоставом, опять скатывалась в соседний водоем, на глубину, и там в дреме проводила зиму. Природа!

На ручье, по которому рыба шастала туда-сюда, он делал заклы: перегораживал течение частыми колышками да еловыми и можжевельными ветками, чтобы рыбке ни в какую щелку не просунуться было, а посередке закола устраивал маленькие ворота, куда рыбеха и устремлялась. Да только тут-то и ждала ее хитрость: сразу за проходом попадала она в горловину морды, а из него в сам кут, из которого выхода уже не было.

Новоселову в радость разгадывать всякие там рыбы хитрости-загадки, оттого и удачлив он в рыбалке. Кто бы еще в деревне вот так вываливал обратно в воду излишек пойманной рыбы? Никто, это факт.

Бушевала во всю свою распахнутую удаль весна. Над лесом тянули и призывно хоркали длинноносые вальдшнепы, зовущие спрятавшихся в траве самок. На Светлом болоте, что лежало в километре от озера, раздавались гортанные крики гусей — гуменников. Там, среди жухлой редкой травы всегда высыпало много клюквы, вытаявшей из-под ушедшего льда, к этой поре завсегда сладкой: зима вытягивает из этой ягоды всю горечь, и клюква теперь, хоть и сморщенная и скукоженная, а мила и человеку, и привередливому гуменнику.

Табуны гусей на перелетах завсегда, испокон веку, сворачивают со своего привычного маршрута к гнездовьям в тундряных местах и присаживаются на это болото. Расхаживают здесь вперевалочку на нарядных красных лапах, склевывают прикившие ко мху ягоды и без умолку разговаривают друг с дружкой, обсуждают последние новости, издавая гортанные звуки, задирая головы вверх. Кирилл обыкновенно любит, расположившись на краю болота, разглядывать в бинокль этих громадных птиц, прилетевших на свою родину и теперь отдыхающих.

«Прибыли опеть, гуляки, — шепчет он про себя, внимательно разглядывает гусей в синие окуляры и щурится словно сытый кот, — ишь мнут сладеньку ягоду, ядрена-матрена. Бока толсты у самих, наелись уж, а все мнут да мнут. Ну прилетели, голубочки, дак и прилетели, слава те Господи. Навестили опеть родинку-ту свою. Ну, кушайте, кушайте...»

Сейчас он посиживает у кострища, что рядом с его избушкой, подкладывает в огонь еловые сучья, греет чай. Потом долго сидит на завалинке, и, опираясь спиной о бревно избушки, пьет из кружки сладкую жидкость. Немилосердно фыркает, закатывает от удовольствия глаза и затем долго раз-

глядывает небо, деревья и озеро. Глядит, как на озерную воду упала с неба и разлеглась во всю ширь водного пространства красно-сиреневая вечерняя заря и теперь покачивается на легкой волне.

Посреди озера, прямо в гуще яркой краски зари плавают две большие белые птицы — пара лебедей. Они уже много лет гнездятся здесь и живут всё лето с двойкой-тройкой серых птенцов, необыкновенно быстро растущих. Супружеская пара время от времени горланит в свои лебединые трубы, и длинные, сильные звуки улетают в лесные дебри.

Еще слушает Новоселов, как на прилегающих к озеру мхах поют страстные песни косачи, как они с шипеньем чужаются, томно урчат, захлебываясь в восторге весеннего ликования. И их песни журчат над землей, словно буйные разлившиеся ручьи.

Косачи, это ведь петухи, и на виду у своих самок-тетерок они рьяно, азартно дерутся, стучат друг о друга крыльями, и шум их драк и хлопки их крыльев доносятся до Кирилла.

Весь этот весенний, радостный шум просыпающейся природы возбуждает его. Сейчас он словно подросток, увидевший перед собой женщину необычайной красоты и оттого оробевший, растерявшийся. Он сидит, прильнувший к своей избушке, сидит с полуоткрытым ртом. И перед ним во всей расцветающей красе гуляет по озерному берегу русоволосая синеокая молодая женщина по имени Весна, смотрит на него ясными, распахнутыми глазами и улыбается ему хорошей простой улыбкой.

Домой, в деревню, он попал только к обеду. Проспал начало дня в лесной избе. Этой ночью ему не спалось, потому что на весь белый свет вместе с весной нагрянули прозрачные бессонные ночи, и потому, что в мире светло, даже когда закрываешь глаза. Полночи куролесил он вокруг да около избушки, долго сидел на озерном берегу и слушал Весну. Не мог от нее оторваться. Солнышко уже стояло над деревьями и раскидывало густые косые тени в озерную синь, когда он пошagal от озера домой.

В деревне было всё как всегда. Так же лаяли собаки на проходящих по улицам людей, так же каркали на морском берегу вороны. Но всё же стало как-то посветлее, что ли, повеселее. Всё правильно: весна вступала в свои права.

На скворечниках — считай на всех — посиживали скворцы и, вытянув к небу горлышки, фигурно высвистывали свои затейливые песенки. И, хоть свежая травка едва-едва проросла, по деревне, по всем ее закоулкам расхаживали

овцы и блеяли, и подпрыгивали, и взбрыкивали, радуясь новому раздолью.

Глаз Новоселова зацепился за дом, в котором проживал старый его приятель Никандр Пестунов. С ним Кирилл дружил, несмотря на то, что увел тот в молодости от него Верку, школьную Кирюхину подругу, считай невесту. Да чего теперь об этом вспоминать? Дело прошлое.

На углу дома, на коленях сидела какая-то женочка, протягивала руки под бревна и чего-то там ковыряла.

«Верка, — узнал Новоселов и направился к ней.

— Привет, — сказал он ей, — ты чего мастеришь-то тутогде одна? Где мужик-от твой?

Верка не ответила ему ничего. Только глазами зыркнула. Злыми и усталыми.

— Где-где, сказала бы я тебе где, да ругаче не больно хочу.

Было видно, что у Верки нету желания разговаривать и отвлекаться от дела. Она всё ковырялась под бревнами, пыхла и чуть слышно ругалась. Килилл стянул с плеч пестерь, наклонился и заглянул под угол. Там на узкой и короткой доске стоял домкрат. Стоял неровно и постоянно соскальзывал, когда Верка пыталась его подкачать. Было видно, что она хотела приподнять угол дома, да разве поднимешь его на такой шаткой основе?

— Вера, ты сбрендил, аль как? Тут как следоват надо, а не едак.

— Не е-е-едак! — Верка откинула в сторону ломик, который являлся орудием накачки, полыхнула ярко-зелеными глазами и резко высказалась Новоселову в лицо:

— А не едак, дак сделал бы как надо сам, да и все. А то ходют тут, указывают! Равзе могу я как надо, ежели я баба!

— Дак мужик-от твой где, Вера? Пускай бы и смастрячил, чево он-то?

Верка выпрямилась, поднялась на ноги и сказала желчно и зло:

— Нету больше у мня мужика нонеча, всё!

— А где же он, Никандрушко-то? Куды делся?

— Выгнала его, змееватика, вытурила гадину.

Верка стояла злющая, брызгала зеленью глаз и явно было — разговаривать больше не хотела. Появись в сей момент перед нею никандровская физиономия — крепко бы ей досталось.

Лежало рядом с углом дома толстое бревно метра полтора длиной — новая стойка — свая, которую надо было подладить под угол. Старая сгнила совсем, ее надо было заменить. Из-за этой гнили дом стал заваливаться и просел на

угол. Верка и бросилась спасать ситуацию. Кирюхе было понятно, что ей одной с такой мужской работой не справиться.

Он постоял, поразмышлял.

— Ладно, — сказал он, — приду опосля, сделаю. Ты не суйся тут, а то дом уронишь.

Видно было, что Верка обрадовалась, но виду она не подавала — характер у нее такой, фыркнула и отвернулась. Всё же маленько поговорила:

— Ну, дак ладно уж, коли желанье...

Потом резко повернулась и высказала... Все женщины не могут не высказать:

— Только, Кира, денег я не дам, у меня их нету.

Кирилл махнул рукой, надел опять тяжеленный пестерь и убрел домой. В этот день он отдыхал, засаливал рыбу в деревянном маленьком чане, топил баню, мылся.

А на другое утро пошел к Веркиному дому и заменил стойку, выровнял угол дома. Всё сделал как надо. И вернулся домой. Верку даже и не видел.

А вечером она заявила к нему сама. Застучала в дверь, зашумела под окнами. Когда зашла в избу, стало понятно: выпившая она, а потому развеселая. Раскомандовалась. Новоселов хотел выставить ее, да не смог.

— Пока рюмку со мной не выглоташь, не уберусь я никуда. Так, парнишко, и знай!

Она достала из кармана старинного, но вполне сносного пальто (видно нарядилась, как смогла) маленькую бутылку водки и шлепнула доньшком об стол:

— Неси стаканы, Кира.

Что ему было делать? Они вместе учились, считай, старинные друзья. Кирилл и принес. Кроме того, доставил к столу тарелку со свежепросольной рыбой, миску с картошкой в мундире, хлеб.

Выпили. Крякнули. Закусили.

Посидели. Помолчали. Вера, нахохлившись, раскачивалась на стуле. Видно, не знала, с чего начать разговор. А поговорить ей, судя по всему, хотелось.

— А тебе спасибо, Кира. Выручил ты меня... Дом бы упал, — она наконец решительно глянула на него, — куда мне одной-то было? Некуда, да и все... А дом, вишь ты, падать начал. Хряснул бы, кабы не ты...

Она сидела, раскачивалась и нервничала. Ей необходимо было поговорить.

— Где Никандрушко-то, Вера?

Было очевидно, что для нее это сейчас была самая большая язва, самый поганый вопрос. Она машинально потянулась к бутылке, но та была пуста, и Верка со злостью хлопнула ею по столешнице. Чудом не растрескала бутылку. Ей необходимо было выпить.

— У тебя в шкапчиках не осталось ешшо маленько чего-ниабудь? А, Кира? Тошно мне...

У Кирилла, конечно, стояла в чулане на холодке поллитровочка, но он не поддержал пьяненькую женщину. Качнул отрицательно головой.

— Эх ты, жалко, — сокрушенно охнула Верка. Помолчала, спрятав подбородок в плечах, и высказала свое, наболевшее.

— А я прогнала своего. Насовсем, суку. Не знай, живой таперича аль нет, не знай.

— Чего ето помереть Никандр должен? Прихворал, али чего?

— Нахряпала я ево страхи Божьи как, уколотила сколько могла... Поленом намаячала.

Новоселов испугался, да и заинтересовался тоже. Верка говорила какие-то страшные вещи.

— С чего эт ты Никандрушка-та, поленом-то? С какой такой стати?

— А вот тебе и с какой! — Верка не на шутку взбеленилась, прямо заподпрыгивала на стуле. — Я намеднись от мамы прикатила с Витькой, соседом на мотоцикли, из Яренги. Хотела в следушшо утро — муженьку-то так и обещшала, а прикатила пораньше. Ну, так ето подстатилось. Вечером-то и заявилась я...

Тут Вера вытаращила в ужасе глаза, проглотала ртом воздух и выпалила тяжеленную для нее самой новость:

— А оне и разлеглись, сученыши, на моей-то, да муженька постельюшке. Дергаючче под одеялом, окаянны... Спарились, как кобель со ссучкой...

Верка не могла продолжать, помолчала...

— Да хто ето они-то?

— Проститутка ета, Надька, доярка, шалава ета... Ну и мой... Лежат, разлеглись... На моей простынке.

Вера так разволновалась, что ей трудно было говорить. Она открывала рот, но слова не получались.

— Я полено-то и схватила от печки. Отходила обоих по чему попало. А потом выпинала на улицу.

Она завершила жуткий для нее рассказ и сидела притихшая, потухшая.

— Сказывают, обоих в Пертоминск увезли, в больницу. Не знай, живы, нет, не знай.

Кирилл тоже помолчал, подумал:

— Ну, ежели не забрали тебя, Вера, значит, живы они.

Так успокоил он Верку, а сам пошел на повесть за бутылкой. Разволновался он сам от таких событий. Налил себе и Вере. Но только по одной налил. Больше не разрешил. И сказал ей:

— Слышал я, Вера, што выпивать ты стала сверх всякой меры. Народ тебя осуждат. И я тоже осуждаю. Не надо бы тебе его дело...

Верка горестно склонила голову:

— Сама знаю, а жись у меня така. Вот поетому...

Она махнула сокрушенно рукой и побрела, покачиваясь, домой.

Стоял солнечный денек начала июня. С утра до полудня Кирилл готовил в колхозном ангаре снасти — проверял исправность ставного семужьего невода, выделенного ему колхозом для путины, как звеньевому рыбацкому стана: развешивал на вешалах тяжелую капроновую стенку, тайник, крылья. Выглядывал, не прогнила ли, не порвалась ли в каких-нибудь местах нитка, похаживал вокруг невода с иглой, подшивал, подправлял, терпеливо и тщательно перебирал руками снасть. Неводу ведь тоже, как и человеку, необходимо отдохнуть после зимы, глотнуть свеженького воздуха, повялиться на солнышке. Доля у него такая: зимой в душном ангаре, в скукоженном виде, а все лето — в соленой морской воде.

Кирилл разглаживал его — старого, надежного помощника, тихонько добродушно ворчал:

— Ну, ты, ето, повиси тут покудова, погрей бочка. Скоро уж нам с тобой в морюшко пехачче...

И вдыхал поднимаемый теплом со слезавшегося капронового полотна прогорклый запах морской соли и кисловатый аромат просохших за зиму морских водорослей — родной с детства поморский запах.

Потом он сидел на крылечке своего дома, откинувшись на ступеньки, выставив лицо солнышку и прикрыв глаза. Слушал начало лета. Это была хорошая пора, когда картошка уже посажена, когда еще не начался сенокос и пока еще не началась семужья путина. И можно было вот так посидеть, расслабиться хоть на полчаса, послушать, как живет деревня. Звуки были одни и те же, что и всегда, но они отрадой ложились на сердце. Где-то приглушенно орала детвора. За огородами, около полей, какой-то мужик без конца всё пилил и пилил дрова, и бензопила его распевала визгливые

песни. Словно мужик решил заготовить дрова для всей деревни. Мычання коров — самого обыденного звука — не было слышно: в эту дневную пору стадо пасется на травяных пажитях за озером.

И прямо напротив его глаз, почти над головой, пел скворец. Он расселся на кончике крышки скворечника, сколоченного Новоселовым пару лет назад, и даже не пел, а выделял, будто специально перед своим хозяином, невероятные выкрутасы художественного свиста. Кирил слышал, конечно, что у скворцов нет собственной песни, они, как попугаи, воруют трели у самых разных птиц, но этот, его сосед-скворец, явно превзошел всех попугаев. Он вытянулся в струнку, будто искусный оперный певец на сцене, растопырил дрожащие в азарте крылья, задрал головку, распахнул клюв и, слегка подпрыгивая, верещал то чистым соловьем, то щеглом, то воробьем и даже сорокой. Явно работал на внимательного слушателя — Кирилла. А тот полулежал, полудремал, ему было хорошо на солнышке. Да разве долго отдохнешь с односельчанами! Нет, не получится...

— Мишка-та пишет чего, аль нет? — громко позвала его соседка Ангелина. Шла она за водой к Кирюхиному колодцу, и ей надо было себя обнаружить, вот и кричит она, будто оглашенная. А как же, всё же к чужому колодцу идет.

Мишка — это сын Кирилла. Он в прошлом году закончил мореходку, механический факультет, и в этом сезоне, хоть и последним механиком, но ушел в загранку на сухогрузе.

— Пишет-пишет, — пробурчал Новоселов; разговаривать и прерывать сладкую дрему ему не хотелось.

— Вот и слава те Господи, парень батька не забывает. — Ангелина так и унесла полные ведра, не поговорив.

А потом к нему подсел кто-то щупленький и легонько толкнул в бок.

— Здравствуй-косо, дядя Кира, — пропел девичий голос.

Кирилл узнал его, голосок этот, пришлось ему проснуться.

Это была Любашка, Веркина дочка. У той было их две. Старшая Людмила училась в Архангельске на фельдшерлицу, а эта, младшенькая, примерно классе в пятом. Но по ней не скажешь, что малявка, хотя и пигалица с острыми коленками, а такая она не по годам умница-разумница! Кирилл это давно приметил. Справная девчонка будет, когда подрастет.

Она сидела рядом, и личико ее было розовеньким и возбужденным. Белая челка свисала на пряменький, аккуратенький носик.

— Че ты, бяляска, прибежала? — Кирилл окончательно проснулся. Он был рад повстречать Любу. Та всегда тоже радовалась, когда они встречались на улице, всегда первая здоровалась и почему-то непременно улыбалась при этом.

А вот сейчас она, судя по кислой мордашке, была чем-то расстроена, что-то тревожило маленькое ее сердечко.

— Ну-ко, ну-ко! — Новоселов развернулся к ней, легонько потрепал Любашкино плечо и стал допытываться. — Докладай-ко, деушка, че стряслось-то тако?

Люба склонила лицо к коленкам и захныкала, плечики ее задергались.

— Та-ак! Вот явилась нюня така! Дак што ето с тобой, Люба, ну-ко растолкуй мне?

Та подняла к нему зареванное лицо, и через всхлипы Кирилл разобрал:

— Мама пьет... Да гулят где-то. Вчерась дома не ночевала. Лежит пьяна...

Для Кирилла это не было большой новостью. Он давно всё знал, как знала и вся деревня. Знал и жалел Верку. Они ведь учились в одном классе. Она была тогда для него самой замечательной девочкой в школе. И они дружили, пока он не ушел в армию. Когда он вернулся, Верка была уже другая. Она была замужем.

Кирилл не знал, что можно тут поделаться? Женщина-выпивоха — это страшное дело.

А Любаша вдруг сказала:

— Я, дядя Кира, придумала, как надо поступить. Всю ночь думала-думала и придумала. Только ты мне должен помочь. Мне одной тяжело будет.

План ее оказался занятным и вполне проработанным, чего Кирилл совсем не ожидал от такой малявки.

— Надо на маму мою повлиять стрессом, — Любка ляпнула то, чего Кирилл совсем уж не мог ожидать.

— Это чего тако? — выпучил он глаза.

Люба повернулась к нему всем своим тельцем, выпрямила спинку и деловым тоном, как учительница школяру, разъяснила суть своего плана. Глаза ее быстро высохли. Наверно, учительницей она и будет.

— Я, дядя Кира, зимой проштудировала всю нашу библиотеку в клубе, разговаривала с фельдшерницей Антониной Вячеславовной. Всё я разузнала.

— Ну и што там тако про стресс-от етот сказывают? Интересно мне...

— Из всего, что я узнала, я поняла, что алкоголизм можно излечить лишь в результате сильного эмоционального воздействия.

Где она таких слов-то нахваталась? Наверно серьезно изучила вопрос. Кирилл робковато спросил:

— Может, эмоционального?

— Чего? А, да, конечно же, да. Эмоционального.

Она пошмыгала красивым носиком, продолжила:

— Человека надо, дядя Кира, угрозить угрозой смерти или же гибели близких людей. От этого страху он перепугается и закончит свою пьянку. А иначе ему не победить свое нутро, как бы он этого ни захотел.

Во дает, шмакодявка! Кирилл отвернулся, помолчал. Надо же, «угроза смерти»... Так и помрет кто-нибудь. Впутывают его...

— Ты, Люба, не придумай чего. Помереть же может Вера-то. Узнаешь тогда, как без мамки-то?

— Да не-е, не в маме дело. Ей-то чего? Я под угрозой должна быть.

— Ишше чего не хватат? — Кирилл от неожиданности кашлянул, — из-за еённой пьянки тебя, дева, под монастырь поведем? Ты-то куда почто собралась?

Вот тут Любаша заулыбалась. Ей было приятно, что о ней позаботились. А потом, это ж удовольствие разговаривать с таким непонятливым в медицинских делах человеком.

Шмыгая носиком и быстро-быстро кивая головкой, она поведала свой план. Простой и вполне проработанный.

Она должна пойти в лес за вениками — березовые листочки как раз припели — и там, в лесу, она потеряется. Как бы потеряется. На самом деле она спрячется в лесной избушке, в которую ее отведет дядя Кира. Мать, конечно, будет ходить по лесу, искать, кричать, и так и не найдет свою доченьку. Вот это и будет для нее стрессом. А затем она, опять же с помощью дяди Кирилла выберется из леса. А потрясенная мать выздоровеет.

Кирилл поначалу сидел остолбеневши. Не мог ничего сказать. Авантюра, конечно, но вроде бы всё правильно. В его избушке тепло, еда у нее будет. Да и безопасно, чего там говорить. Кирилл подумал, помычал в кулак и спросил:

— А не страшно тебе будет, деушка, одной-то в лесу? Медведя ведь кругом, а зубья у их во!

И он показал скрюченный указательный палец.

Любаша посмотрела на этот палец, представила... Ей действительно было страшно, чего уж тут... Жуть как страшно. Сидеть одной, когда вокруг такие зверюги с такими вот зубьями!

Но на что не решишься ради хоть и пьющей, но любимой мамы? И она решительно тряхнула челкой.

— Все-таки пойду я в твою избушку, дядя Кира. Пусть моя мама выздоровеет.

Кирилл опять задумался. Втягивают его невесть во что. Люди потом скажут: долбанулся Кирюха совсем! Очень ему это надо... А как тут быть: Верку он всё одно уважал, что бы о ней ни судачили. Тепло у него на душе от воспоминаний о юности. От их с Веркой юности. Он помолчал и сказал:

— Я тебя не отпущу, красава.

Любаша взвилась, ведь она всё продумала, она правильно всё решила! А маму надо спасать!

— Тогда я одна в лес уйду. Под кустом буду сидеть, а уйду! Ежели ты не поможешь.

Кирилл возразил спокойно, твердо и убедительно:

— А ушкой придет к тебе... Не бойся? Тяпнет маленько, да и нету тебя, девоньки, вместе с кишочками. Ты же малёхонна кака. Хошь, Люба, штобы я грех на себя навалил? Не хоче мне таку обузу брать.

Они замолчали и сидели, склонив головы.

Кирилл размышлял: вот ведь соплюха совсем, кнопка, а как за мамку свою воюет! От этой мысли ему было почему-то радостно.

Наконец Кирилл придумал! Он поглядел на Любашку, улыбнулся во весь свой немаленький рот и высказал ценную идею:

— Давай-косе, Любушка, так сделаю, коли уж туда пошло: спрячу-ко я тебя на время у теты своей, у Насти, в Яренъге котора. Всё одно, каникулы чичас. Школу не прогуляшь. А у теты моей ладно тебе будет, деушка. Пошто тебе с ведмедями сидеть?

— А лес-то как? В лесу ведь мне надо потерячче.

— Дак, ты всем и заяви, што, мол, за вениками ты. Матка тебя отпустит, люди будут знать... А ты в лес пойдешь, потом шасть из леса на бережок, да по бережку и в Яренъгу. К теты моей. Ты ведь всяко знашь, где тета моя проживат? Дом-от синенькой окол речки.

— Да знаю я, знаю. Мама мне показывала.

— Во-во, а я к ей на мотоцикли скатаю, предупреджу.

Еще они помолчали. На сердцах обоих царила благодать от того, что намечалось благое дело.

Потом Любашка помялась, помялась, повернулась к Кириллу, глянула прямо в глаза и тихо прошептала спрятанные до сей поры слова, как будто раскрывала ему глубокую-глубокую тайну:

— Дядя Кира, а ведь моя мама тебя любит.

— Чего это? Чего ты? — замахал рукой Кирилл, — полуумна ты!

— Да, дядя Кира, так это, так... Плачет она иногда и сказывают мне, что зря не дождалась тебя из армии. Жалет она да ревет...

— Ладно, ты это, чего теперь?

Кирилл поднялся, отвернулся и сказал:

— Зайди ко мне, Люба, послезавтрева. Я пока скатаю до теты, договорюсь. Да невод у меня вот, дело многодельно...

И он ушел, так и не повернув к Любе лицо. Не хотел показывать покрасневшие свои глаза.

Искала Любу, почитай, вся деревня. Искала-искала и не нашла. Жители группами и в одиночку прочесывали лес. Лесник Федотов разбил его на квадраты, собрал в своей конторке народ и каждому поставил задачи: ты идешь туда, ты — сюда.

Нет, не нашли девочку.

Кирилл тоже, как все, сходил на поиски. Дошел до своей избы, хоть и не близко было. Зато навел порядок и в самой избе и снаружи — так-то всё время некогда, всё бегом, бегом. Выдраил можжевельновыми ветками посуду, нарубил и прибавил под навесом дров. Посидел на озерном берегу. Посередке воды, как и во все годы, плавало лебединое семейство — пара взрослых птиц и пара птенцов.

«Семья, — подумалось ему. Лебеди плавали безмятежно. Детишки их гонялись друг за дружкой, прятались по очереди под крыльями родителей, а те время от времени гулко, на всю водную ширь, гугукали. Им было раздольно одним на большом лесном озере.

А вот у Кирилла семьи не было. Вернее сказать, ее не стало, когда года три назад умерла Светлана, жена. Какая-то странная болезнь привязалась к ней. Стала она вдруг бледнеть и худеть. И постепенно сгорела в этой непонятной хвори. Кирилл из больничных разговоров только и понял, что в ее крови белые кровяные тельца победили красные. А для человека это, мол, смертельная штука.

И ушла от него Светлана, лежит теперь на деревенском погосте.

А сын Володя моряком стал. Уплыл от отца в заморские края, ходит где-то на своих кораблях. К бабке наезжает редко. То учеба у него, то работа, а то отпуск на югах с дружкойми... Ну да ладно, может, женится, образумится. Будет с женкой да с деточками наезжать.

Без семьи Кириллу было тяжело.

На другой день, в самую рань постучалась к нему Верка. За три дня похудела она крепко. Наверно, не ест, не пьет и не

спит тоже. Сидит на стульчике скелет скелетом. Глаза ввалились, бегают беспокойные. Посидела с минуту молча, опустив низко голову, потом завyla.

— О-о-еей, Кириллушко, тошнехонько-то мне-е. Не могу-то я натить доченьку-ту свою-ю... Потерялась девонька-та моя-я-а...

Кирилл подошел к ней, остановился напротив.

— А не потерялась она, а ушла от тебя, галюзы, вот што, — сказал, — так оно и есь.

Верка перестала выть. Глянула на Новоселова, донельзя вытаращила глаза:

— Как ето ушла, куда ето?

— Влес пошла, к зверям лютым, лишь бы с тобой не жить, окаянной.

— Почему ето не жить? Я же мамка ей. Мы с ей хорошо живем, даже очень, в согласии. Как две голубки. Золота она, девонька-то.

— Она-та золота, а ты-то хто?

— А хто я есь, Кира?

— Пьянь ты, вот хто. Всяк знат.

Этих слов Вера не выдержала. Как пуля вылетела она из избы, полетела по проулку. Кирилл смотрел ей вослед.

Вдруг она остановилась, резко развернулась и побежала опять к Кириллу в дом. Со всего размаху упала она на пол, звучно, хрястко стукнулась коленками и, стоя на карачках перед Кириллом, опять завyla, только еще громче, с надрывом.

— Все, Кира, все-е-о! Не пью я больше енту заразину! Три дни уж! В рот больше не возьму-у! Хошь поклянусь тебе, Кира?

— Порато надо мне твои клятвы слушать. Не пей, да и всё.

— Мамой своей клянусь, Феклой Северьяновной. Не буду больше-е!

Она глянула на Кирилла бешеными, смертельно усталыми глазами и уже тихо, потерянно сказала:

— А убьюсь я, Кира, ежли чево. Ежли Любушку не найдут. Пошто мне жись без ей?

Она, видно, не могла подняться, обессилела совсем. Кирилл подошел, обхватил руками за подмышки, оторвал от пола и усадил на стул.

Верка сидела обездвиженная, со сникшими плечами, никакая.

— Поишши-ко девку мою, Кира. Сам сходи да поишши. На тебя токо и надёжа. Токо ты и найдешь, знаю я.

Она глянула на него с мольбой. В глазах стояла безысходность и тяжелая тоска.

— Ты ведь Любушку уважаешь, знаю я... Дак и она тебя привечат, кабуди дочка твоя...

— Ладно, сказал Кирилл, схожу, поишшу. А ты, Вера, поди-ко ты домой да поспи. Как скелетина бродишь, людей пугашь.

Посреди белой ночи, когда соседняя деревня Яреньга мирно спала, он вывел Любашку из дома своей тетушки и увел в лес. Через два часа они пришли к его избушке. Люба сразу в нее и шмыгнула.

— Ой, чисто-то как тут! — зашебетала она, сунув везде свой носик. — Приборки никакой и не надо.

Кирилл развел костерок, сварил вермишелевый суп. Пока его хлебали, вскипел и чайник.

Любашка жевала моченые сухари, фыркала, вытягивая из ложки горяченный суп, потом прихлебывала чай и разглядывала раннее утро, сменившее белую ночь. Глядела на белесую сырость, легким туманом лежащую на озерной воде. Куталась в теплый свитер, наброшенный ей Кириллом на плечи, шурилась от переизбытка впечатлений и мечтала:

— Вот бы здесь жить да жить... Хорошо-то ка-ак, дядечка Кирочка!

Тряхнула вдруг головой и добавила:

— Чтобы и мама тутогде тоже была... Рядышком сидела.

Она помолчала, подумала маленько и ни с того, ни с сего ляпнула:

— А ты, дядя Кира, чтобы был моим папой.

Кирилл и не смутился совсем.

— А я бы, Люба и не возражал, — сказал он.

Потом он вдруг засобирался. Позвал Любу в избу и там проинструктировал:

— Вот спички, вот береста, вот дрова. Костерок сама растаганишь, чай согрешь. Вот тебе топор.

Он снял с гвоздя мешок с припасами.

— Тут тебе еда, девонька. Много чего, с голодухи не погрешь. Месяц можешь питаться.

— Дак чего, месяц мне тут сидеть? — Любаша маленько встрепенулась, — а мама моя как? Она же волнуется!

— Вот таперича про твою мамку и поговорим. Шибко она переживает, конечно, что потерялась ты. Мне и людям обещат, што пить не будет боле. А где зарок, скажи на милость. Вдруг опеть она к водке етой, к заразе... Надо бы ей ешшо попугать, штобы уж насовсем она остановилась, глупа же-ночка.

Любашка со всем этим была согласна:

— Ну, дак и чего, дядя Кира? Ну, дак и как?

Кирилл присел на нары и сообщил:

— Она сегодня придет к тебе, Люба.

— Ой, девочки! — захлопала та ладошки. — Ой-е-ей! Мамка придет!

— Только прошу ты, краса едака, ты сразу-то ей не открывайся, придержи форсу.

— Как ето?

— Принцип ей поставь. Скажи, ежели пить будешь, мамка, не пойду с тобой домой. Тут буду, в лесу жить. Поняла?

Любашка сидела на супротивных нарах и уже улыбалась. Довольнёненькая от всего, что тут сейчас происходило.

— Уж это нам понятно, дядя Кира, уж сделаю всё как надо.

Уходя, Кирилл строго-настрого наказал:

— Сиди в избе, Люба! Не выкуркивай. Вот крючок на двери, зашшолнись на его и посиживай тихонько.

— А чай, дядя Кира? Чайку-то надо ведь согреть.

Кирилл это разрешил:

— Согрей чай, согрей, ладно. И тут же в избу. Понятно? Мало ли чево...

— Понятно, понятно!

Верка его уже ждала. Сидела перед домом на завалинке. Опять, наверно, не спала или спала мало. Выпытывать что да как приступила, когда он еще не подошел ко крылечку.

— Нашел, аль как? Че молчишь-то?

— Да я ведь и сказать-то не успел ишшо.

— Не молчи, сказывай, нашел аль нет?

Кирилл потихоньку стянул с плеч старый рюкзачишко, повесил его на крючок. Сел рядом с Веркой, слился с нагретой поверхностью завалинки, медленно начал стягивать с усталых ног сапоги.

Верка глядела на всё это словно голодная волчица перед броском на ничего не подозревающую, зазевавшуюся жертву.

— Ты скажешь мне аль нет? — неторопливость Кирилла вывела ее из себя.

— Чего сказать-то тебе я должен, Вера?

— Че ты как придурок какой. Дочку мою отыскал аль нет?

— Верка кричала ему в самое ухо. — Нашел, спрашиваю, или чего?

— Нет, — спокойно и твердо сообщил Кирилл. — Самой Любаши я не нашел, но, ето самое...

— Что ето за «но» тако? — Верка совсем сорвалась на крик. — Как ето самой не нашел? А кого ты тогда нашел? Што за «но» за тако тут ишше?

Кирилл повернул к ней усталое, вполне добродушное лицо и, как бы между прочим, сказал:

— Я голос слышал.

Верка глядела на него оторопело, в глазах ее темно-зеленых запроглядывала ненависть.

— Какой такой ишше голос. Я ему про Любашечку мою, про доченьку, в лесу, моет, погибшую, а он хреначит мне про голос какой-то. Нашел ты, обормотина, кровинушку аль нет?

— Найти не нашел, а голос еёной был. Прознал я его. Кричала она.

— Кто кричала, хто?

— Дак Любашка и кричала, хто ишше. Ейной голос. Че, я Любу с кем перепутаю.

— Дак ты-то ей кричал? Ты-то? Аль нет? Ты-то как?

— И я кричал.

— Дак а она чего?

— Дак не слышала она меня.

— Как ето так, не слышала? Ты, мол, слышал, а она и нет!

— Дак ветер был встречной для ей. Как она услышит, коли рвань така. Задувало ей навстречу, крепко задувало. Не пробить голосом. От ей ветром наносит, а от меня к ей нет. Любой не услышит.

Вера уже стояла, руки враслопырку, рот распахнут. Она не знала, чего сказать в такой нелепой ситуации. Кирилл тоже поднялся, отшагнул малость. Неизвестно, чего от Верки ждать.

— Ну, дак скажи ты мне таперича, Кирьян, куды мне бежать? Где дочку искать. Потерял ты Любушку мою, одну оставил сиротинушку, из леса не вывел. Голоса у его не хватило... Ну, дак я тебе чичас поправлю его, счас шибче запоешь...

И она стала искать под ногами полено — обычное для нее оружие. Но полена не нашлось, поэтому Вера пошла на мужика с голыми, но, по всему видно, крепкими руками.

Кирилл на всякий случай отступил, урезонил мамку разбушевавшуюся:

— Да остынь ты, шальна баба! Нашел я твою Любу, нашел. Чичас расскажу где, сама и отыщешь.

И приказал на всякий случай:

— Садись-ко ты обратно на завалинку, остынь, горяча больно. Привыкла с Никандром руки распускать...

Когда Верка, тяжело дышащая, стреляющая бешеными глазами, присела, Кирилл рассказал, что голос был от избы его, что на озере. А идти он не смог, потому как нога у него подвернулась, а шагать до Любашки надо было километра два.

— Куды мне, Вера, скажи ты на милость, топать в таку даль с подвернутой-то ногой? Некуды! Не дошел бы я. Вишь, еле стою, хромаю страхи Божьи! Понимать должна...

Вера сидела теперь притихшая, только стреляла глазами.

— Это изба, котора на мысу стоит, дак я видала, — сказала она с нервной визгливостью.

— Та сама, котора ишше может там быть. Бывало всяко. Найдешь...

— Бывала-бывала, — кричала ему Верка, уже убегая в лес. К своей доченьке, к Любашке.

Поначалу они жили не вполне мирно — мать и дочка. На глазах у всей деревни поругивались, затем сразу же мирились и миловались... Не знали уж, чем друг дружке угодить. Чего там говорить, любовь их взаимная была у всех на глазах.

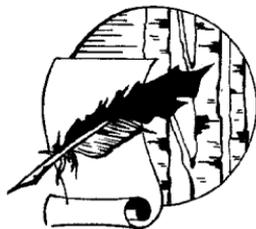
Вера долго не могла пережить свой стресс, ведь не было у нее на белом свете никого дороже и ближе, чем родная доченька Любаша, красавица из красавиц, умница из умниц.

О выпивке сразу как-то забылось. Эта беда ушла из их дома раз и навсегда.

Однажды, уже в конце лета пришли к Кириллу в дом две счастливые особы — Вера и Люба. Нанесли пирогов. За разговорами повечеряли, напильсь чаю. Кирилл — радушный хозяин — выставил было бутылочку шампанского. Как же, гостей надо бы уважить. Только никто пить не стал. А Вера даже и не взглянула на симпатичную зеленую сосудину. Так и простояла она нетронутая.

А в воскресенье Кирилл пошел на кладбище. Постоял около могилки Светланы, жены, погладил ее фотографию, прибрал какой-никакой мусор с холмика. Сел на скамейку рядышком и сказал:

— Пойми ты меня, Светушка, чижало мне одному век вековать. Хозяйка в доме нужна. Возьму-ко я Веру да Любу к себе, хороши оне люди. Сама ето знашь. Не обижайсе ты на меня, Христа ради, Светушка...

Ольга ФОКИНА

ЗВУКИ РОДИНЫ МОЕЙ

* * *

Как же ты пахнешь, сырая земля!
Этот бы пласт, перевернутый плугом,
Взять в обе руки и есть, не соля,
Не оснащая ни медом, ни луком.
Как же ты тянешь, родная земля
В эти пласты, как в ладони родимой,
Ткнуться лицом, ни о чем не моля,
Лишь бы с любимой — неразделимо.
Лишь бы ответить теплом на тепло...
Плакать мне — не о чем, каяться — не в чем.
Знаешь сама: где тебе тяжело,
Детям твоим достается не легче.
Каждый мой шаг — у тебя на груди,
С самого первого детского следа...
Что позабыто мной — разбереди,
А сомневаешься в чем — исповедуй.
Песню ли в голос, часы ли молчком,
Всё разберешь — переводчик не нужен:
Ты — без асфальта, и я — босиком,
Ты — из-под снега, и я — после стужи.

* * *

В цветной бумажке розовое мыло,
Ты пахнешь чем-то очень дорогим,
Ты пахнешь чем-то несказанно милым,
Но — чем же? Память, память, помоги!

Чуть уловимый запах земляники,
Едва заметный — ржи и васильков,
И аромат лесных тропинок диких,
И душистый мёд некошенных лугов,
И — вместе всё... Когда такое было?
Но память вновь меня не подвела:
Ты пахнешь детством, розовое мыло!
Как позабыть об этом я смогла?
Была война. Дымы больших пожаров
Не залетали в нашу глухомань,
Но как-то в сельсовет пришёл подарок,
Пришла посылка с надписью: «Для бань».
Я материнских глаз не позабыла,
Они светились, радовались так,
Как будто дали нам не кубик мыла,
А самородок золота с кулак.
...Намытое, давно скрипело тело,
Уж мать в предбанник выносила таз,
Но открывать я долго не хотела
Зажмуренных от мыльной пены глаз.
Тогда впервые за четыре года
Запахло снова тёплым молоком,
И белым хлебом, и тягучим мёдом,
И васильками, и живым отцом.

* * *

Станут слезы комом в горле —
Удержи их, убеди:
Это горюшко — не горе,
Горе будет впереди.
Приструни себя пожестче,
Поговорку призови:
Хорошо-то наживешься,
Ты, брат, худо поживи!
Дай себя на перевязку
Песне, певанной отцом,
Вспомни материну сказку
С утешительным концом.
И минует черный вечер,
И пробьется светлый луч,
И тепло, по-человечьи,
Плянет небо из-за туч.

Близорукий, станешь зорким,
И опять вздохнешь легко:
Когда горе станет горкой,
С горки видно далеко.

* * *

Стихи отдать в печать —
Что дочку замуж выдать:
Тут радость и печаль,
Тут гордость и обида:
Достоин ли жених?
Да ладна ли невеста?
И — самый главный стих —
Любовь меж ними есть ли?
Я, как любая мать,
Мечусь, ревную, мучаюсь,
Спешу подозревать
Безрадостную участь.
И, вольная пока
От участи избавить,
Хочу стихи в руках
В своих — навек оставить.
Но, как любая дочь,
Круты и своенравны,
Стихи в глухую ночь
Сбегают к переправам,
Сбегают к поездам,
Сбегают к самолетам,
Им скучно возле мамы —
Им на люди охота.
Хотят своей судьбы —
Неведомой, отдельной,
Хотя порой слепы
И не могутны в теле.
Не нюхавшие бед,
Они еще бесстрашны:
И на «Останьтесь!» —
«Нет!» —
Ответствуют отважно.
Уходят прозревать
И крепнуть на народе...
Стихи отдав в печать,
Потом — не жить, а вроде

На плахи-топоры,
На камни — что случится!
С отчаянной горы,
Закрыв глаза, катиться.

* * *

Спугнула утку с селезнем
С речного серебра,
Но вновь они уселися —
Прощаться не пора.
Им не пора, но времечко!
Совсем не то, что нам:
Как шелухе от семечек —
По разным сторонам...
Порадуюсь на парочку,
Тихонько обойду
По заречью, по-за ручью,
По тающему льду:
Не опасайтесь, плавайте!
Я реченьку свою,
Свои озера-заводи
Вам с миром отдаю.
Пойду другой дорогою —
Мне все равно, какой.
С разбуженной тревогою,
С растушею тоской.
Сквозь елок иглы хмурые
Насильно продерусь,
На них оставлю бурую,
Как мох, седую грусть.
Снежницы-поовражницы
Не раз черпну в сапог —
Забудется, уляжется
Непрошенный намек.
Нам тоже песни пелися
В отпущенные дни!
Спугнула утку с селезнем..
Да не меня ль — они?

* * *

Эти огромные, эти прозрачные,
Только из света и воздуха дни!

...Рвали цветы, загорали, рыбачили,
Сеяли, были в гостях у родни —
Всё ещё день!
...Обежали любимые
Пожни, угоры, полянки в лесу,
Баню потом изготовили, вымылись —
Всё ещё день!
...Пережили грозу,
В дождь наскakались, по лужам набегались,
Вымокли, высохли, ладим костёр —
Всё ещё только сегодня приехали:
След от колёс на дороге не стёрт.
Кажется-чудится: солнце заблудится
И не уснёт за лесным бугорком,
Что-то ещё непременно сбудется
И не закончится день костерком.

ВОЛОГДЕ

Соборы величавые,
Из труб дымки курчавые,
И берега с ледянками,
И ребятишки с санками.
В снегу березы белые
Стоят заиндевелые,
И нет на свете города
Белей, чем город Вологда.

Когда же ливни вешние
Прольются над скворечнями
И тополя с березами
Сомкнут листву под грозами,
В листве с полета птичьего
Не разглядеть наличников,
Ведь зеленей, чем Вологда,
Нигде не встретишь города.

А как не спеть об осени
С рябиновыми гроздьями,
С пылающими астрами,
С гроздьями-алебастрами,
Когда брусника — насыпью,
А жаравица — россыпью!
И нет на свете города
Щедрей, чем город Вологда.

... Опять слетелись голуби
Попить воды из проруби,
Все умники, все книжники
Опять сегодня — лыжники!
И нам от ветра встречного
Опять беречься нечего:
Ведь нет на свете города
Теплей, чем город Вологда.

* * *

Простые звуки родины моей:
Реки неугомонной бормотанье
Да гулкое лесное кукованье
Под шорох созревающих полей.
Простые краски северных широт:
Румяный клевер, лен голубоватый,
Да солнца блеск, немного виноватый,
Да облака, плывущие вразброд.
Плывут неторопливо, словно ждут,
Что я рванусь за ними, как когда-то...
Но мне, теперь не меньше их крылатой,
Мне все равно, куда они плывут.
Мне все равно, какую из земель
Они с высот лазурных облюбуют,
Какие океаны околдуют
И соберут их звонкую капель.
Сижу одна на тихом берегу,
Варю картошку на родном огнище,
И радость ходит по душе и брызжет,
Как этот кипяток по чугунку.
Другим без сожаленья отдаю
Иных земель занятные картинки.
... И падают веселые дождинки
На голову счастливую мою.

* * *

Я с детства живу борьбою,
Забыв про словцо «везет».
Мне всё достается с бою,
Но мне достается — всё.
Сегодня — темно и трудно,
И разум уже не прочь

В своей правоте минутной
Оставить — и эту ночь,
Холодную без просвета,
Дождливую — без надежд,
И углую баньку эту,
Где бьюсь я за свой рубеж.
Ведь рядом — дорог развилка,
К чему мне тоска деревень?
...Качнет язычком коптилка,
В углу шевельнется тень,
И ветер замрет, присвистнув,
И вззоет вдали опять.
И встану я, зубы стиснув,
И сяду к столу опять.
Не надо скулить, погода,
Не надо скулить, поверь!
Не лучше ли для восхода
Попробовать сделать дверь?
Попробуем сдвинуть тучи,
И пусть посветит во мгле
Надежда, что каждый лучик
К утру заблестит на земле,
Что солнце взойдет, не прячась,
Что счастье — любому листу..
Я верю в свою удачу,
Я верю в свою звезду.
Я с детства живу борьбою,
Забыв про словцо «везет».
Мне все достается с бою,
Но мне достаётся — всё!

* * *

Брату Володе

Ну, вот и все повыращены дети,
Все пять сынов — при деле. Дожила.
У всех пяти в военном документе
«Мать» — вычеркнуто. Вписано — «жена».
Освободили, значит, ствол от веток.
Теперь, не приведи Бог, воевать,
То защищать сынам — жену и деток,
Жену и деток, значит, — а не мать.
А на кого ж сыны ее покинут?

Тридцатый год в земле ее солдат...
Да за нее все пять по сердцу вынут,
Не спрашивая почестей-наград.
И что, ну что им эти циркуляры,
О коих и не ведает она?
Одной семьей сидят за самоваром,
Чаяк, налитый ею, пьют до дна.
И нет конца сердечным разговорам,
Одна на всех, печется о любом...
Она для них — бессменная опора,
Пример добра, невыстуженный дом.
Но я опять к тому, о чем в начале:
Главвоенком! Нельзя ли приказать,
Чтоб слово «мать» сыночкам не черкали.
Подчеркивали чтобы слово «мать»!

* * *

Россия, Русь!
Храни себя, храни!
Николай Рубцов

Россия, Русь! Храни себя, храни:
Твои сыны хранить тебя не могут!
У них свои дела не слава богу,
Свои заботы... так что — извини.
Россия, Русь! Храни себя сама.
И если впрямь безвыходно и туго,
Назло врагам сплети себе кольчугу
И бейся за хоромы-терема.
Храни себя, храни, Россия, Русь!
Распахивая поле, веруй свято:
Твои подзагулявшие ребята
Авось ещё опомнятся... не трусь!
Авось ещё с повинною придут
За все перед тобою прегрешенья,
И — жизнь не в жизнь без твоего прощенья!
Стыдясь и каясь, в ноги упадут.
Тебе в привычку — верить, ждать, любить,
Не помнить зла, прощать обиды близким,
Тебе не оскорбительно, не низко
Блаженной ли, святой ли — быть ли, слыть...
А если, мать, ты сделалась больна?
А если конь-надёжа — обезножел?

Ну что за блажь? Такого быть не может!
Ты не имеешь права. Не должна.
Взбодрят-разбудят, кнут употребя...
Но дело ли — сердиться на сыночка?!
При плуге. При кольчуге. В лапоточках.
Стой как стояла! И блюди себя.

* * *

И до глубинной деревеньки
Дошли раскол и передел:
У вас — всю ночь считают деньги,
Мы — без гроша и не у дел.

Вы натянули шапки лисьи,
И шубы волчьи вам — к лицу,
Мы — воспитали, вы — загрызли,
Мы — на погост, а вы — к венцу.

Такое звёзд расположение,
Таких «указов» звездопад:
Вы — в господа, мы — в услуженье
Да на работу без зарплат.

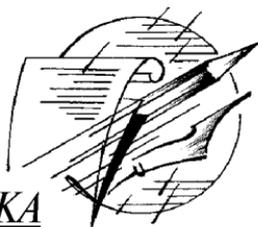
На вашей улице — веселье:
Еда — горой! Вино — рекой!
Святые звёзды окосели,
Смущаясь вашею гульбой.

У вас всю ночь огонь не гаснет,
У нас — ни зги во всём ряду:
На нашей улице — не праздник.
Но я на вашу — не пойду.

ПРОТИВ РЕЛИГИИ СМЕРТИ

Кирилл Серебренников давно должен сидеть в тюрьме. Хотя г-н Сванидзе и утверждает, что Серебренников не мог украсть, потому что он, Сванидзе, в это не верит. Точно так же Сванидзе утверждал, что не верит в то, что губернатор Белых мог брать взятку: «демократы» ведь никогда не воруют и взятку не берут. Кто же в таком случае разворовал страну за последние два десятилетия, пока «демократы» были у власти?

На защиту гонимого властью режиссера поднялась вся «либеральная рать», а также «творческая интеллигенция» во главе с «лучшим министром финансов» Алексеем Кудриным. Вроде бы все знают, что «вор должен сидеть в тюрьме». Но к Серебренникову это не относится! Пропали 68 млн... растворились на счетах фирм-однодневок. В ходе расследования выяснилось, что организатором хищения был руководитель проекта Серебренников, но это разве причина, чтобы оскорблять подозрением «гениального художника»? «Руки прочь», подумаешь, какие-то жалкие 68 млн. рублей! Из-за этого портить судьбу художнику, отрывать его от «творческого процесса»!

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Кража 68 млн. — действительно мелкое сопутствующее преступление по сравнению с тем ущербом, который нанес этот певец Содома русской культуре. Сегодня представители актерского сообщества протестуют против ареста «великого», «всемирно известного», даже «гениального» режиссера. Интересно, эти известные актеры и театральные деятели искренне считают, что Серебренников стоит в одном ряду с Товстоноговым, Завадским, Гончаровым, Поповым? Они уверены, что Серебренников продолжает традиции Русского театра, является преемником Станиславского, Немировича-Данченко и Михаила Чехова?

Власти сами назначили «творческой элитой» тех, кто в октябре 93-го аплодировал расстрелу парламента. Для них организовали замечательную кормушку в виде государственных субсидий, раздачи грантов, литературных и театральных премий. И, к огромному сожалению, многие режиссеры и актеры превратились в обычных лицедеев, чье настоящее место действительно «в буфете». При этом они оправдывали и оправдывают свое лизоблюдство перед «сильными мира сего» тем, что «служат великому искусству». Наблюдая за многими из нынешних «звезд», среди которых действительно немало одаренных актеров и актрис, всё чаще вспоминаешь слова Фаины Раневской: «Талант, как муха, на любое г-но сесть может». Был великий советский кинематограф, были по-настоящему народные артисты. Как сказала мне однажды актриса, много лет прослужившая в театре Советской Армии: «Они были народными потому, что были частью своего народа. Ведь Николая Афанасьевича Крючкова в любой русской семье могли встретить как родного, посадить за стол пить чай с пирогами. А нынешние «звезды»?

Что сотворили за последние годы с русским театром различные серебренниковы? Невозможно перечислить то изощренное издевательство над русской классикой, которое происходило последние два десятилетия под видом «творческих поисков». Все эти серебренниковы явили действительно «зоологическую» ненависть к русской культуре, стараясь соперничать друг с другом в том, кто сумеет более изощренно поиздеваться над Чеховым, Островским, Гоголем и т.д. Заметим, что ничего нового выдумать эти «творцы» не способны, чаще всего паразитируют на произведениях русской и мировой классики, соревнуясь в том, кто сумеет более эффектно «плюнуть в вечность». Чеховские три сестры у них непременно должны быть лесбиянками, Гамлет — страдающим геем и т.д., и т.п. Зачастую полет «творческой фантазии» этих «мастеров искусства» мог свидетельствовать о весьма тяжелой

форме психических заболеваний на почве патологических и сексуальных расстройств. Не случайно эти «творцы» являются явными сторонниками ЛГБТ-сообществ и считают, что своим «творчеством» ведут борьбу с «гомофобией» и «средневековыми предрассудками», сражаются за «свободу», «демократию» и «права человека». А учитывая, что президенты США считают «священным долгом» «исключительной нации» защиту прав сексуальных меньшинств, а одной из задач ставят утверждение Содома в «мировом масштабе», то понятно, что все эти серебрянниковы немедленно получают статус «всемирно известных» и «гениальных», которых подвергает политическим репрессиям «зловещие кремлевские диктаторы».

Дело не только в том, что актерское сообщество проявляет корпоративную солидарность в защите «гения». Речь идет о страхе потерять свободный доступ к «кормушке». Почему глава СТД Александр Калягин не проявил корпоративную солидарность, когда разгоняли его коллега из тетра имени Гоголя, чтобы создать для Серебрянникова «Гоголь-центр»? И почему «Гоголь-центр», а не «Зигмунд-Фрейд-центр», к примеру, или не «Содом-центр»? И посмотрите, как эти персонажи сознательно пытаются осквернить символы русской культуры. Для всего мира Большой театр является олицетворением непревзойденного русского балета, русской оперной школы и музыкальной культуры. И именно на сцене Большого серебрянниковы должны ставить «Детей Розенталя», «Нуриева» и прочие свои «неприкрытые шедевры». Что это, если не сознательное стремление осквернить символы русской культуры?

В 90-е либеральное меньшинство не только сумело приватизировать нефтяные и газовые скважины, заводы и пароходы, они приватизировали СМИ, ТВ, а заодно театральную сцену и кинематограф. Всевластие «золотого мешка» оказывало страшное действие на общество. Я не хочу обвинять актеров и режиссеров в том, что многие из них стали сниматься в пошлых сериалах, подрабатывать в рекламе. Погибал «Мосфильм», нечем было платить за работу в театрах, известные актеры превращались в нищих, некоторые вынуждены были зарабатывать на хлеб на стройках, «бомбили» на машинах. Как можно бросить камень в режиссеров и художников театров, которые металась в поисках спонсоров? А мы помним, у кого в то время были деньги. Конечно, порой встречались и настоящие меценаты, искренне любящие театр и кинематограф. Но на ТВ не случайно всё заполнили пошлые сериалы и «бандитские петербурги». Они были воплощени-

ем той информационной политики, которая должна была изменить сознание «архаичного народа». А бесконечные «смехо-панорамы» и «аншлаги» должны были веселить «электорат», пока у него шарили по карманам новые «хозяйева жизни».

Повторялась ситуация революционного погрома традиционной русской культуры, который учинили «пламенные революционеры» после 1917-го. И точно так же, как некогда «Мурка», во время либерального погрома отовсюду звучал «блатной шансон» — песни «социально близких». А разные серебрянниковы действовали, руководствуясь лозунгом «пламенных революционеров»: «Долой стыд!» В то время в соответствии с идеологией «золотого тельца», которая методично навязывалась обществу, в «демократической» России элитой были объявлены «денежные мешки» из списка журнала «Форбс», «звезды» шоу-бизнеса и наиболее бойкие журналистские «перья» из обслуги современных «шейлоков». Для театральных деятелей и кинематографистов был один критерий отбора в ряды новой элиты — твердая приверженность «демократическим реформам» и беззаветная преданность «делу Ельцина—Горбачева».

Можно было наблюдать, как представителям актерского сообщества СМИ предоставили право, как «власть имущим», давать оценки различным событиям жизни страны. «Властители дум» рассуждали о нравственности и истории России, общественных явлениях и международной политике. По ряду обстоятельств мне приходилось быть знакомым и общаться с разными представителями актерского цеха. Среди них есть очень глубокие, блестяще образованные, высокой культуры и высокой нравственности люди. А есть и весьма ограниченные и пустые, с весьма своеобразными представлениями о нормах морали люди, но при этом вполне состоявшиеся в профессиональном плане. Высота, на которую их вознесли российские СМИ, явно не заслужена. Послушать некоторых нынешних «звезд» — сколько невежества даже в самых простых вопросах! Но они же «звезды», стало быть, им определена главная роль «моральных авторитетов».

Государственная власть «демократической» России очень долго прикармливала представителей «творческой элиты», чтобы они могли в нужный момент объяснить «электорату», как правильно голосовать. И многие представители «творческой элиты» сегодня твердо уверены, что являются настоящими «учителями» народа, имеют право объяснять обществу, «что такое хорошо, а что такое плохо», а власть и народ обязаны их содержать и щедро оплачивать «творческие поис-

ки». А любую угрозу сокращения «денежных потоков» воспринимают как проявление «тоталитаризма», «цензуру», «возвращение в 37-й год». Поэтому и закатывает истерику Константин Райкин, хотя у «несчастливого» художника оказался в собственности театр «Сатирикон», плюс 200 млн. дотаций из бюджета, да еще и торговый центр «Райкин-плаза» в придачу. Как же, власть «преследует» режиссера, мешает ему свободно творить! Это же настоящие «сталинские репрессии»!

Поэтому и Сокуров нагло требует у Путина выпустить «режиссера» Сенцова, готовившего взрывы в Севастополе и Симферополе. Мол, да, террорист, но ведь он же «творческая личность», а значит, как и Серебренников, принадлежит к касте «неприкасаемых». Поэтому Евгений Миронов, получая награду в Кремле, бесцеремонно сует в руки главы государства письмо в защиту Серебренникова. По мнению этих «защитников демократических ценностей» Путин обязан освободить Серебренникова от любых преследований. Даже если украд, он — «гений», а не какая-то «тварь дрожащая». Как утверждают различные райхельгаузы и лунгины, Серебренников не мог украсть, потому что мы в это не верим! Прямо по Пушкину: «Он же гений, как ты да я. А гений и злодейство — две вещи несовместные. Не правда ль?»

На самом деле всё гораздо проще. А вдруг после скандала с «Юголь-центром» и другим решат сократить дотации из госбюджета? Это ведь прямая угроза «свободе творчества»! Потрясение основ мироздания. Константин Райкин прямым текстом объяснил, что государство обязано давать деньги, не имея права ничего требовать от художника, а уж тем более обращать внимание на чувства тех, кто называет себя верующими. Какие такие верующие, какое может быть оскорбление религиозных чувств, он, Константин Райкин, знает, что это все лжецы и лицемеры. И, надо заметить, испуганные чиновники немедленно задобрили рассерженного «гения» очередными финансовыми вливаниями.

Очевидно, что нынешняя «творческая элита» шантажирует государственную власть. Но на кого же обижаться, если группа «Война» получила госпремию, изобразив на мосту (напротив здания ФСБ в Петербурге) то, что рисуют на стенах общественных туалетов психически ненормальные? А Марат Гельман много лет на деньги госбюджета проводит свои выставки, на которых изошренно издевается над русской культурой?

И теперь власть оказалась под сильнейшим прессингом, переходящим в прямой шантаж либеральных СМИ и современной «творческой элиты». Так вы же сами объявили их «властителями дум», на кого теперь обижаться?

Самое страшное, что сегодня многие представители творческого цеха не решаются выступить против оголтелых защитников Серебренникова, ибо немедленно будут объявлены «нерукопожатными». А как это скажется на их творческой карьере, объяснять не надо. Сегодня вся либеральная интеллигенция вопит о цензуре, но на самом деле можно утверждать, что до последнего времени в России с начала 90-х существовала жесточайшая либеральная цензура — цензура райкиных и гельманов. А осуществлять эту цензуру было несложно, так как деньги распределяли такие министры культуры, как Швыдкой. Да и у нынешнего министра Мединского, похоже, дрожат руки при одной мысли ущемить некоторых «творцов».

На этом фоне особенно важен поступок Владимира Меньшова. В свое время замечательный русский режиссер отказался на одном из фестивалей вручать премию фильму «Сволочи», сюжет которого был построен на клевете на Советскую армию. Узнав, что лживый фильм о Великой Отечественной войне победил в номинации, Меньшов заявил, что этому «подлому фильму, позорящему мою страну» награду вручать не будет, с презрением бросил конверт на пол, развернулся и ушел со сцены. Сегодня Меньшов резко отказался участвовать во «вселенском вавилонском плаче по Серебренникову», напомнив коллегам о судьбе актеров театра Гоголя, которые отказались под руководством Серебренникова воспевать и пропагандировать ценности Содома. Кстати, Владимир Валентинович Меньшов обладатель «Оскара» и автор всенародно любимых фильмов «Москва слезам не верит» и «Любовь и голуби».

Сегодня, пожалуй, как никогда остро звучит вопрос, обращенный к творческой интеллигенции: «С кем вы, мастера культуры?» Среди тех, кто подписал письмо в защиту Серебренникова, Наталья Солженицына. Литературной премией Солженицына *«награждаются писатели, чьё творчество обладает высокими художественными достоинствами, способствует самопознанию России, вносит значительный вклад в сохранение и бережное развитие традиций отечественной литературы»*. Серебренников не литератор, но неужели вдова Солженицына считает, что творчество режиссера Серебренникова «способствует самопознанию России»? Или, по ее мнению, Серебренников сохраняет и бережно развивает традиции русской культуры?..

А подписавший письмо Федор Бондарчук может представить, каким было бы отношение его отца, великого русского режиссера Сергея Федоровича Бондарчука, к «творческим экспериментам» Серебренникова?

Нам ответят, что, подписывая письмо, представители творческой элиты встали на защиту Серебренникова от несправедливых обвинений. Но разве у защитников Серебренникова есть неопровержимые доказательства невиновности руководителя «Гоголь-центра»? Отчего они твердо уверены, что дело сфабриковано? Интересно, многие из защитников режиссера искренне сравнивают Серебренникова с Мейерхольдом и действительно считают, что на дворе новый 1937-й год? Или же это один из способов давления на власть?

В свое время Владимир Путин после страшного теракта в Беслане на митинге в Москве заявил, что России объявлена война. Рядом с главой государства стоял Генрих Резник и некоторые другие представители «элиты». В этот день в эфире радиостанции «Радонеж» я задал риторический вопрос: «Владимир Владимирович, с кем вы воевать собираетесь? С Генрихом Резником и ему подобными либералами?» Сегодня все маски сброшены, и никто не сомневается, что России объявлена непримиримая война. Мы вступили в смертельное противоборство с теми, кто навязывает миру проект «глобального Содома». Россия в этом противостоянии отстаивает традиционные духовные и нравственные ценности русской цивилизации. Одним из обвинений наших противников в адрес России является «ущемление прав секс-меньшинств», «гомофобия», запрет на парады содомитов по улицам русской столицы. Нетрудно заметить, что в информационно-психологической войне Серебренников и прочие защитники прав содомитов выступают на стороне наших противников. Во время войны необходима прежде всего духовная мобилизация всего общества.

Разве можно представить, чтобы во время Великой Отечественной войны на сцене Большого ставили «Детей Розенталя» или «Нуриева», а по радио звучали не стихи Константина Симонова, Александра Твардовского, Анны Ахматовой и Ольги Бергольц, а «творения» «Орлуши» в исполнении полупьяного Ефремова-младшего, чтобы на киноэкранах демонстрировали не «Александр Невский», а звягинского «Левифана»? Наши «закрытые друзья» знают, что делают, когда Звягинцеву присуждают престижные кинопремии, а Серебренникова объявляют «лицом русского театра». Но как назвать тех, кто за тридцать серебряников западных грантов и престижных российских премий плюет в собственный народ? Только иудами.

С давних времен завоеватели знали: чтобы уничтожить народ, необходимо разорить и уничтожить его святилища. Именно поэтому Гитлер считал необходимым стереть с лица

земли Петербург и Москву; были осквернены Ясная Поляна и дом П.И. Чайковского в Клину — очищали от славян «жизненное пространство». Серебрянников и Гельман, оскверняя культурное пространство страны, стремятся очистить «жизненное пространство» от «архаичного народа». Но удивительно, что делают они это на государственные деньги.

Не могу представить, что кто-нибудь в здравом уме станет утверждать, что кощунственные «перформансы» и «инсталляции» на выставках галериста Гельмана имеют хоть какое-то отношение к подлинному искусству. Это откровенно коммерческие проекты, на которых зарабатывают деньги различные проходимцы — от т.н. «современных художников» до таких же «современных искусствоведов». Не случайно кощунницы, устроившие тараканьи пляски в Храме Христа Спасителя, зарегистрировали перед этим свое название как коммерческий брэнд. И не случайно на своих «инсталляциях» они фотографировались с тараканами. Во все времена ведьмы любили тараканов, сушеных жаб, мышей и гадюк. Тяга к уродству у творцов «современного искусства» — это стремление призвать всякую нечисть, внести грязь в нашу жизнь. А там, где грязь, там эпидемии, болезни и смерть. «Музеи современного искусства», на которые щедро выделяет деньги Дмитрий Медведев, — источники духовных эпидемий в наших городах. Они своим ядом отравляют народный организм. Хотя можно убедиться, что народ вовсе не толпится в очередях, чтобы приобщиться к этому «современному искусству». Не потому ли такое раздражение вызывали у либералов огромные очереди на выставки Серова и Айвазовского?

Много лет в России в рамках либерального проекта такими «творцами», как Гельман и Серебрянников, ведётся методичное уничтожение пространства русской культуры. Сознательно разрушают традиционные духовные и нравственные ценности, называя это «творческими экспериментами», «правом художника на самовыражение». Нетрудно заметить, что действия этих «творцов» вполне напоминают действия по уничтожению в Европе всего, что напоминает о христианских корнях европейской цивилизации. Европа уже именует себя «постхристианской». Точно так же российские либералы пытаются и Россию избавить от «пережитков клерикализма» и «средневековых предрассудков». Они являются прямыми наследниками тех, кто взрывал храмы, сжигал на кострах иконы и возводил в Свяжске памятник Иуде Искариоту.

Разрубленные иконы, клистиры в виде куполов храмов, «Тангейзер» и прочие изощренные издевательства и кощун-

ства на выставках и театральной сцене являются частью продуманного плана. Проверяют реакцию общества — удалось ли перестроить сознание «архаичного народа»? Но ненависть многих представителей «творческой элиты» к Церкви вполне искренняя — ведь «властителями дум», «учителями» народа должны быть они, а не какие-то «дремучие попы». Еще и премьеру «Нуриева» перенесли — тут явные происки «клерикалов»! А как они смеют протестовать против премьеры «Матильды», ленты еще одного «великого» и «гениально-го» Учителя?!

Можно не сомневаться, что вся мощь либеральных СМИ и влияние «творческой элиты» будет направлено на защиту Серебренникова. Очевидно, будет организована информационная кампания, во время которой западные политики и деятели культуры будут обличать «душителей свободы» и требовать освобождения «гениального режиссера». Мы знаем, что существует влиятельное лобби содомитов и в различных властных структурах, не говоря уже о некоторых телеканалах. И хотя Серебренникову угрожает уголовное преследование за расхищение государственных средств, а не за пропаганду Содома, но перепуганным извращенцам уже мерещатся сталинские репрессии против любителей однополрой любви. Можно не сомневаться, что ЛГБТ-сообщества всего «цивилизованного мира» дружно встанут на защиту несчастного творца, преследуемого в «гомофобской» России за отстаивание «высоких идеалов свободного мира». Солженицына, Киркоров, Малахов, Ургант, Бондарчук, Калягин, Хаматова и некоторые другие готовы поручиться за Серебренникова, а сестра олигарха Прохорова хочет внести в залог 68 млн. Но разве вопрос в том, куда может подеваться Серебренников? Главный вопрос, куда будет двигаться наше общество.

Сокуров, почему-то объявленный чуть ли не Тарковским наших дней, требовал освобождения террориста Сенцова. Из истории нашей страны известно, что «прогрессивная интеллигенция» всегда испытывала горячую симпатию к террористам, аплодировала бомбистам, которые убивали губернаторов, казаков, солдат и полицейских, не считаясь с жертвами среди случайных прохожих. К чему это привело 100 лет назад, мы помним. По классификации Гумилева все эти Сокуровы, Ахеджаковы и пр. борцы с «путинским режимом» — типичные представители антисистемы. Оправдание терроризма, ненависть к традиционным нравственным ценностям «большого народа», ненависть к государству, т.н. «толерантность» к содомитам — характерные признаки антисистемы, «религии смерти». Хорошо известно, что если подобный т.н.

«малый народ» навязывает себя «большому народу» в виде элиты, то государство превращается в «химеру», становится нежизнеспособным. Неужели современное Российское государство — химера?

Сокуров, Макаревич, Райкин, Серебренников, Акунин, Улицкая и пр. с их мировоззрением «малого народа» все эти годы были назначены «творческой элитой» современной России. Их отношение, их ненависть и презрение к традиционным ценностям «большого народа» навязывалось стране в годы засилья либералов. Сегодня встал вопрос, может ли государство дальше существовать в условиях, когда большинство СМИ и почти все площадки культурного пространства с 90-х приватизированы «малым народом»?

На многолетние издевательства либералов над памятью о Великой Отечественной войне наш народ ответил «Бессмертным полком». Ельцин-центр несовместим с «Бессмертным полком». «История России» Акунина несовместима с патриотическим воспитанием молодежи. Потому что иначе наше государство — химера. А химеры недолговечны.

Русской цивилизации, Русскому миру объявлена беспощадная война. Осквернение символов русской культуры, пропаганда растления — часть информационно-психологической войны против нашей страны. Каким будет ответ на методичные издевательства иуд-серебренниковых и гельманов над Русской культурой?

Наш долг перед будущими поколениями защитить и сохранить живоносные родники великой русской культуры, которые питают душу народа.

САФАРИ В ПОДЛИПКАХ

РАССКАЗ

Неожиданно встретившись у подъезда, они разговорились, и выяснилось, что оба собираются в отпуск.

— Сергеич, и куда же поедешь? — спросил у Руслана Сухова сосед Вениамин Егин — угловатый, обычно угрюмый лицом, а сегодня вдруг улыбнувшийся.

Сухов в меру высок, коротко подстрижен, спортивный. Он возвращался из парка после пробежки и находился в прекрасном настроении. И Сухову и Егину было слегка за пятьдесят. Поэтому Руслан и ответил запросто:

— В мои годы не загадывают.

— Да уж ладно, не прибедняйся! А то поехали со мной в деревню на охоту! Уток — море. Не охота будет, а натуральное сафари. Почти как в Африке!

— Для тебя сафари, а мне что делать? Вам с женой мешать?

— Одни поедем, ей и на даче хватает забот. Ну как?

— В августе неплохо в сельской местности, только я ведь не охотник.

— У меня местных дружков полно — есть с кем уток погонять! А твоё дело за грибами ходить!

ПРОЗА

Неделя после разговора пролетела незаметно, и вот они уж за городом и мчатся на «Ниве» — только ветер свистит. Путь неблизкий — почти четырёхста километров. Пока ехали, о многом переговорили. Разговаривая, Сухов в мыслях представлял малую родину Вениамина, на которую ехал впервые, ведь познакомился с ним недавно, поселившись рядом несколько месяцев назад.

Ранее Руслан почти каждый год проводил отпуск у родителей. Иногда с женой и дочерью, а в последние годы ездил один: дочь выросла и не очень-то рвалась к деревенской бабушке, а прошлым летом и той не стало. Ему бы взвалить на себя заботы о родительском доме, но он давно отвык от хозяйства. Поэтому и продал дом, разделил деньги с братьями. Всё это теперь в прошлом: домашние хлопоты, перепалки с дочерью и её иногородним мужем, из-за которого после смерти жены пришлось продать квартиру. На свою долю он купил «однушку» на окраине Москвы, но и этому был рад, хотя пришлось брать кредит. Зарабатывал Сухов в проектной мастерской неплохо, поэтому планировал года через три рассчитаться. Так что не совсем уж тяжело складывалась его жизнь.

К вечеру они прибыли в село с нежным названием Подлипки. Выглядело оно просторным, зелёным, вот только лип почему-то не было видно. Лишь вереницы вётел и берёз разбежались вдоль широких улиц; особенно теснились они возле церкви, заросшей деревьями на холме у реки. Церковь сохранилась хорошо, но оказалась недействующей, словно недоставало здесь прихожан или они забыли православные обряды и жили по каким-то особенным законам. Поэтому Подлипки показались Руслану насторожёнными, даже затаившимися. Правда, тревожные мысли забылись, когда вышли из машины и окунулись в такой нестерпимо свежий и густой воздух, что лёгкие могли запросто лопнуть от глубокого вдоха.

Друзья быстро разгрузились, протёрли полы в бревенчатом пятистенке, подключили газовый баллон, холодильник и сели перекусить. Бутылочку откупорили. Как без неё. Расположились в веранде, и Вениамин нет-нет да поглядывал сквозь пыльные занавески.

— Кого высматриваешь-то? — спросил Руслан.

— Гляжу, Наташка активировалась...

— Соседка, что ли? — Сухов тоже покосился и увидел женщину средних лет, обрывавшую траву в своём палисаднике.

— Кто же ещё... В прошлом году участковому заявление подавала: мол, я два кочана у неё стянул. А, сам посуди, нужны они мне? Я что, из Москвы приехал, чтобы кочаны тя-

гать?! Надо на ночь машину во двор загнать, а то от этой глупой чего хочешь жди!

— А может, она внимание на себя обращает, радуется твоему приезду?

— Ну и мысли у тебя!

Когда они выпили и основательно закусили, убрав еду со стола в натужно ворчащий холодильник, хозяин выступил с предложением:

— Может, прогуляемся?!

— Что-то не хочется... — отказался Сухов, разомлев от выпитого.

— Тогда один до родственников добегу, соскучился всё-таки.

Хозяин быстро ушёл, а Сухов остался на крыльце, закрытом от улицы разросшимися кустами сирени и пламенеющих рябин. И так ему хорошо сделалось, словно он оказался у себя дома на любимой лавочке под разлатыми елями.

— Здравствуйте! Вы с Вениамином приехали? — неожиданно раздался женский голос.

Покосившись, Сухов увидел соседку. На вид лет сорок пять: опрятная, светлые волосы расчёсаны на две стороны, нос слегка курносый, глаза серые, любопытные.

— Да, с ним, — подтвердил Руслан Сергеевич и назвал, не зная, что ещё можно сказать собеседнице и помня слова Вениамина о её глуповатости.

— А где же он сам-то? Небось, к дружкам закадычным побежал?!

Сухов развёл руками, давая понять, что говорить более не о чем; ему в этот момент хотелось лишь насладиться тишиной и покоем.

— Ну ладно, я попозже зайду! — настырно пообещала Наташка.

Соседка ушла, зато вскоре появился Вениамин с двумя пакетами, а в пакетах бутылки гремят.

— Пойдём, Сергеич, ещё посидим!

Вот чего-чего, а пьянствовать Сухову совершенно не хотелось. Он сегодня и без того много выпил, уважил хозяина, а более и смотреть не мог на водку.

— Вот завтра, после охоты, и выпьем, а на сегодня план выполнили! Я ставлю точку!

— Ну и зря! — не согласился Вениамин и прошёл в веранду, начал расставлять старую закуску и резать новую, пояснил: — Сейчас кореша придут!

И правда, вскоре появились сильно загоревшие мужики из местных: один чернявый, плотный, в рубахе непонятного

цвета, другой — худой, рыжеватый, в майке и с выколотыми синими «перстнями» на пальцах. И оба небритые. Руслан поздоровался, познакомился: чернявого звали Михаилом, рыжего Жорой, после чего они расселись за столом, а Вениамин так и крутился около них. Когда всё было готово, сказал Сухову:

— Сергеич, много можешь не пить, но за знакомство рюмочку пропусти, уважь пацанов!

Что оставалось? Сухов уселся на лавке с краешка, окончательно распроставившись с наладившимся настроением. Незаметно заполнила мысль о том, что зря он поддался уговорам и приехал сюда. Если Вениамин пьяница, то спокойствия ему не видать. И ведь никогда не подумаешь. Когда переехал на новое место, то даже радовался, что повезло с соседом: всегда первый поздороваётся, с работы идёт с газеткой. Правда, узнав, что Вениамин работает в типографии, понял, что газетки для него ничего не стоят, и, скорее всего, он их не читает. Но всё равно уважение вызывал. А теперь его как подменили.

Поэтому Сухов лишь выпил за знакомство и ушёл разбирать кровать, понимая, что если останется за столом, то выпивка не закончится. Под суматошные выкрики с веранды Руслан задремал, а потом и вовсе заснул, а проснулся от суеты, которую устроил Вениамин, тоже укладываясь. Начал давать ценные указания, из которых Руслан уяснил лишь одно: «Спи, сколько хочешь, но с утра накопай за садом хрена!»

Сухов пробурчал, мол, согласен, и, не желая разгуливать, повернулся к стене... Среди ночи он всё-таки проснулся от храпа Вениамина и лежал в темноте до тех пор, пока в окно осторожно постучали, а хозяин пробормотал: «Иду, иду...» Одевшись, он прихватил ружьё с патронташем, и только после этого Сухов заснул по-настоящему.

Проснулся от шумных шагов... Пригляделся, а это Вениамин шастает из угла в угол, словно и не уходил никуда. Увидев, что гость зашевелился, похвалился:

— Вставай, Сергеич! Надо дичь потрошить! Целый таз с корешами нащёлкал.

Сухов быстро оделся, немного смущаясь от долгого сна, хотя на часах и девяти не было. Так что и не проспал вовсе, а нормально отдохнул после дороги. За завтраком Вениамин похмелился и начал на веранде чистить ружьё. Сухов же, попив чаю, вынес таз с двумя кряквами и несколькими чирками к лавочке в палисаднике и принялся драть с птиц перо. Неожиданно появилась Наташка. Она негромко поздоровалась, спросила:

— Хозяин у себя? — и, не дожидаясь ответа, прошла в открытую веранду, как к себе домой. Сухов запоздало кивнул и стал невольным свидетелем разговора.

— Вениамин, ты уж не обижайся за прошлый год. Напраслину я наболтала участковому, — плакалась соседка.

— Ну, а от меня-то чего хочешь?

— Ничего не хочу.. Вот бутылочку принесла... Чтобы не было обиды.

— Ладно, оставляй, деньги потом отдам. Подаяния мне не нужны! А то, что пришла, — молодец!

— Только не держи обиду..

— Не держу, не держу.. Всё, свободна!

Наташка легко сбежала по ступенькам и, глянув на Сухова, усмехнулась:

— Кто же так уток чистит? С головы только селёдку дерут, а дичь — с хвоста! Да откуда городским знать это! Вот, смотрите...

Наташка моментально оказалась на лавке рядом с Суховым, подвинула таз с дичью к себе — и только перья полетели из-под её шустрых рук.

— Учись, Сергеич! — усмехнулся вышедший на крыльцо Вениамин. — Она ещё не тому научит! Если взяла в оборот, живым не отпустит! Ладно, занимайтесь, а я пойду часок вздремну, а то вечером опять на охоту.. Да, хрена не забудьте накопать! — Вениамин закрыл дверь, давая понять, что разговор окончен.

Наташка удивительно быстро ошипала уток, собирая перья и пух в большой пакет, и, разогнувшись, сказала:

— Теперь надо опалить их. У меня за двором кострище есть — дочь с зятем приезжала недавно, шашлыки делали, — там и разведём костерок.

В саду Наташка развела огонь, опалила уток, а потом на чистой доске выпотрошила их. Сухову лишь оставалось подносить воду из колодца.

— А ты хозяйственная! — похвалил Руслан раскрасневшую соседку. — Всегда помогаешь Вениамину?

— А кто ему поможет. Ему никогда ни до чего нет дела. А вы, я сразу поняла, — повар никудышный!

— Что есть, то есть... А теперь-то что делать с птицей?

— Ставьте кастрюльку на плиту и варите на медленном огне. Утки долго варятся, это не куры бройлерные! А я пока картошечки накопаю, лучок с морковкой почишу, зелень приготовлю.

Действительно, не прошло и получаса, как соседка вернулась и отдала Руслану, снимавшему пену с закипавшей воды, миску с овощами, ведро картошки и подсказала:

— Как дичь сварится, заправьте овощи.

— Всё так и сделаю, как говоришь, заботливая наша! — усмехнулся Сухов, невольно проникаясь чужой отзывчивостью.

Дав указания, соседка ушла, а Сухов взял лежавшую на полке книгу и начал листать. Книга была об Африке и диких животных. Почитав об особенностях тамошней охоты, которая называлась сафари, Сухов усмехнулся и подумал, слыша доносившийся из комнат храп: «У нас тут своё сафари. И антилопы подходящие водятся. Только не зевай. Надо будет об «антилопе» расспросить у Вениамина!»

Пока он читал да размышлял, вернулась Наташка и принесла стеклянную баночку хрена, разукрашенного свекольным соком.

— Спасибо, мы должники...

— Да ладно, сочтёмся! Соседи всё-таки. Тогда я пойду — надо лук перебрать, — доложила она, словно Сухову это необходимо было знать.

Руслан присел на ступеньку крыльца, не понимая, какой интерес Наташке возиться с ними. Ну, приехали и приехали. Или она действительно вину искупает за прошлогодний поступок, когда ни за что опозорила Вениамина... За мыслями Сухов не заметил, как появился Вениамин, по-кошачьи мягко ступая в носках. Сел рядом, потянулся, разламываясь со сна:

— Ловко ты... Не успел вздремнуть, и утки варятся, и овощи порезаны, и хренок на столе розовеет! Молодец!

— Это всё соседка...

— Она шустрая, только мужа не может найти. Мужик её года два, что ли, назад утонул в полую воду. Пошёл на охоту и с концами... Вот с той поры и мается: рада бы за кого выйти, да не за кого — сплошь пьяницы. А ведь она башковитая: работала воспитателем в детском саду, пока его не закрыли, а теперь в школе уборщицей перебивается. Можешь представить, какая там зарплата. Но и той, говорят, скоро лишится: детишек будут в соседнее село возить! Автобус дешевле гонять, чем школу содержать... А Наташку-то с детства знаю, она на моих глазах выросла. Такая рассудительная всегда. Помню, Веником дразнила. У нас с ней разницы-то лет шесть, кажется.

— Ты же говорил вчера, что она глупая!

— Да так я чего-то сболтнул. Прошлогонья обида не прошла. А она ишь какая совестливая — бутылку принесла. А мне приятна не бутылка, а уважение. И чувство своей вины. Ошиблась — исправь положение. А то ведь как у нас: иной сделает глупость и до бесконечности упрямится, не желая признавать ошибку. А Наталья не такая, а податливая, душевная. Она ведь, как только приеду на охоту, не отходит от меня.

-
- Старая любовь, что ли? Не ржавеет!
 - Да ты что! Она мне как сестра родная!
 - Можно всякое подумать, если так печёшься о ней.

— А кто ещё будет печься... С детства без отца росла, мать года три назад похоронила. Дочь давно в райцентре живёт. Поэтому и радуется моему приезду, а то, что в прошлом году участковому наболтала, — я сам виноват. Напраслину спьяну сказанул у магазина, что, мол, мою соседку все ребята хвалят... Ну и заработал на орехи... Ну, ладно, ты уж занимайся похлёбкой, если ввязался в это дело, а я пока к дружку схожу.

Ходил Вениамин долго. Давно утиный суп сварился, огурцы и помидоры заветрились, хотя и накрытые полотенцем от мух, а он всё не появлялся. А когда появился, то удивился:

- Всё ждёшь?
- Жду, — вздохнул Сухов.

— Ну и зря... Давно бы нахарчился и лежал, поплёвывал в потолок.

- Есть-то будешь, или мне одному?

— Я уж наелся... Не обижайся... Михаил пристал — нельзя было отказаться: друзья детства. А ты ешь-ешь — хоть всех уток слопай, ещё добуду. И похмелись после вчерашнего, и мне заодно налей! — командовал хозяин.

Выпил он, правда, немного, потому что и без того был пьяненьким, и отправился спать, попросив разбудить к вечеру. А Руслан выпил по-настоящему и, похлебав супа, принялся за крикву. Утка показалась пряной на вкус, жестковатой, нежирной, какой и бывает дичь.

Перебив посуду, Сухов вышел в палисадник с книжкой. Он хотя и выпил, плотно пообедал, а настроения особенного не было из-за появившегося неуютного чувства. Не такой он видел эту поездку, когда мечтал о дальних прогулках, походах за грибами, но, похоже, ему предстояло просидеть в этом палисаднике все предстоящие дни. Он несколько раз видел мелькавшую Наташку, и складывалось впечатление, что она напрашивается на разговор, но почему-то не решается подойти. А он охотно поговорил бы, расспросил о теперешней сельской жизни.

Вечером Сухов вновь оказался один, поужинал жареной картошкой, бутербродами, чаю попил. После ужина неожиданно появилась Наташка.

— Не пришёл? — спросила она о Вениамине, заглянув на веранду, где Сухов протирал стол.

- Рано ещё...

- Что послезавтра делать будете?

— Мы так далеко не загадываем... Книжку читать о сафари... — усмехнулся Руслан.

— А вот и зря... Пока погода стоит — надо за грибами ходить. Я послезавтра пойду после обеда, могу и вас взять с собой.

— За грибами-то по утрам ходят. И почему не завтра?

— В выходной и утром после выходного бесполезно. За выходные дачники все леса насквозь прочесали. А к вечеру в понедельник пойдёшь — можно набрать!

— Я бы с удовольствием... Только без Вениамина нехорошо идти.

— Ему не до грибов.

— В понедельник же охоты не будет!

— Всё равно он никогда не ходит. Будет с друзьями бражничать!

— Тогда, считай, договорились.

После заинтриговавшего разговора Сухов ушёл в дом, лёг поверх одеяла и сладостно закрыл глаза, обдумывая неожиданную договорённость, подумал о том, что предстоящая затея не понравится Вениамину. Хотя почему надо подстраиваться под кого-то. Он — гость, и его желания если уж необязательны к исполнению, то хотя бы к ним надо прислушиваться. Впрочем, он не знал планов Вениамина на ближайшие дни, и вполне возможно, что тот отправится за грибами вместе с ними.

Вениамин вернулся с охоты в темноте, когда разлилась прохлада, а в палисаднике запахло горьким ароматом отцветающих мальв, и бросил на веранде связку дичи, сказал вышедшему Руслану:

— Работа есть...

Сухов без лишних слов понял, что надо делать, но когда приготовил пакет для перьев, чтобы шипать уток, Вениамин остановил.

— Смотри, как надо! — и за две минуты разделал утку, буквально содрав ножом кожу вместе с перьями и головой. — А то будешь, как Наташка, полночи возиться!

Такой способ выглядел варварским, но Руслан признал, что он весьма эффективен, тем более что перо всё равно выбрасывать.

— Где так научился-то?

— У Жорика... Он когда-то на Севере бичевал, а там валандаться не любят.

— На Жорика посмотришь, так и не поверишь, что он такой ушлый...

— Он ещё тот жиган... Знаешь, как однажды от волков спасся?

— Как?

— Очень просто. Выбирался как-то с товарищем из тайги, до села оставалось полкилометра, как за ними стая увяза-

лась. Обоих бы погрызли, а Жорик под коленкой жилы подрезал приятелю, тот упал, волки кинулись на него, а Жорик в это время успел ноги унести.

— Но это же подло!

— Человек, когда жить захочет, на всё готов. Лишь бы свою шкуру спасти.

Более Сухову не хотелось говорить ни о волках, ни о Жорике, ни о его чудовищном спасении. Приспособившись, он быстро разделал четыре утки, потом — окровавленных и страшных на вид — упаковал в пакеты и убрал в морозилку, помыл посуду. Вениамин отправился спать, а Руслан, тоже улегшись, долго представлял схватку в зимней тайге, как два человека, спасаясь от волков, пытаются убежать, и как один другому режет поджилки... Да, такое откровение дорогого стоит. Он старался гнать от себя чёрные мысли и постепенно забылся, представляя поход за грибами. Надо лишь дождаться понедельника.

Поэтому следующий день прошёл у него под знаком ожидания. Вениамин мотался по друзьям да на охоту, а Руслан занимался хозяйством, неожиданно радуясь этому, потому что часто ходил за водой, а колодец почти напротив Наташкиного дома. Однажды заметил мелькнувшее в окне курносое лицо и понял, что она следит за ним. И от этого ещё сильнее проникся ожиданием, понимая, что всё это неспроста, и поймал себя на мысли, что она становится небезразличной.

В понедельник охоты не было, и Вениамин, хорошенько отославшись, заявил:

— Сегодня я должен долг отдать — на могилках у родителей убраться. С Пасхи не был. За лето там бурьян по пояс вырос. Пойдёшь со мной?

— Мог бы и не спрашивать!

Вскоре, с двумя мотыгами на плечах, отправились на кладбище. Работали недолго, потому что особо не мудрствовали: счистили растительность до земли, поправили холмики. И когда, постояв минуту в молчаливом почтении перед могилами, пошли домой, Вениамин вздохнул:

— Теперь с чистой совестью можно и в магазин заглянуть.

— Меня в расчёт не бери! — заранее отказываясь от выпивки, сказал Сухов, зная, что после обеда пойдёт с Наташкой за грибами.

— Как хочешь, а я родителей помяну. Такой порядок!

Уж неизвестно, кто устанавливал этот порядок в Подлипках, но, похоже, Вениамин сам для себя установил, и Сухов был не в праве ни запрещать, ни поощрять.

К обеду он разогрел вчерашний суп, отварил картошек, порезал огурчиков с помидорчиками. Успел вовремя, к воз-

вращению пьяненького хозяина. А тот, только появился, сразу сделал замечание:

— Сергеич, не смотри на меня так! Имею законное право помянуть родителей!

— Я разве что сказал... Садись к столу — будем обедать.

— Вот это правильно... Пообедаю и пойду спать — мешать тебе не буду!

После обеда Вениамин действительно отправился на боковую, а Сухов убрал снесь в холодильник, переделся в походную одежду: сапоги, куртка, берет на случай дождя. Взял пакет и складной ножик, вышел в палисадник. Присел, дожидаясь Наташку, а глядь — она сама бежит, с извинениями подступила:

— В школу вызывали, я быстро соберусь...

Через десять минут они вышли на пажить, за которой виднелся лес, но туда не пошли. Наташка повела в сторону, пояснила:

— В старом лесу никаких ныне грибов... Мы на Мокрое поле пойдём, которое у реки. Поле это не пашут лет восемь, берёзы с руку выросли, а грибов там — хоть косой коси!

— А что же косу-то не взяли?! — улыбнулся Руслан, пытаясь настроиться на непринуждённый разговор.

— Нам и ножика хватит!

Пока шли, Наташка успела о многом расспросить у Руслана о нём самом, хотя ранее её это будто не касалось: женатый ли, есть ли дети, с кем живёт. Руслан рассказал всё как есть и не мог понять, как она отнеслась к его откровениям. Сам же ничего спрашивать не стал, потому что почти всё знал о ней от Вениамина.

В нём ещё какое-то время вились мысли, а потом он позабыл обо всём, когда они вошли в редкий берёзовый молодняк, перемежавшийся густыми купами осинника, где стали попадаться такие прелестные подосиновички с палец величиной и с нераскрывшимися шляпками, что Сухов чуть ли не кричал от удовольствия. Со времён детства он не видел столько грибов, даже не верилось, что они могли быть в таком количестве. Понаблюдав за Суховым, Наташка улыбнулась:

— Я же говорила! За ночь успели вырасти. Завтра ещё больше будет!

Вперемежку с красноголовыми «солдатиками» попадались серые подберёзовики, и свинушки жирно пластались на травянистых полянках. Очень скоро насобирали Наташкину корзинку, пакет, прихваченный Русланом, и теперь можно было возвращаться.

— Давайте сперва грибы переберём! Место освободится, тогда ещё походим! — предложила Наташка. — Вот здесь можно! — указала она полянку, среди тонкоствольного осинника.

Сухов расстелил на траве ветровку, и они, усевшись, неожиданно оказались так близко друг к другу, что он чувствовал, как она мелко подрагивала, словно касалась оголённого телефонного провода. Они высыпали грибы и начали перебирать. Работали не спеша, и чем меньше оставалось грибов, тем медленнее. Когда Сухов наклонялся, то невольно прислонялся к Наташке, чувствовал её мягкие овалы тела. Она казалась такой нежной, что хотелось обнять её, поцеловать. Он так и поступил, когда они перебрали грибы. Сперва поцеловал вскользь, а потом по-настоящему: долго, крепко, отчего она шумно задышала, чуть не задохнулась.

— Пойдём ещё грибы собирать! — сразу перешла она на «ты» и поспешно поднялась с ветровки, словно застигнутая кем-то. И не смотрела в этот момент на Сухова.

Они побродили среди зарослей и, добрав корзинку, почти молча возвращались в село. Почему-то слов не находилось, или все успели выговорить. Сухов понимал, конечно, от чего появилась юношеская неловкость, и теперь нужно было какое-то особое слово или поступок, чтобы забыть недавний поцелуй и неожиданное волнение. Но как вернуть лёгкость и непринуждённость в разговоре, как сделать такой вид, что будто ничего не произошло, — это теперь казалось невыполнимо.

— Чего сейчас делать-то будешь? — всё-таки спросила она, когда вернулись в село.

— Не знаю... — отозвался Сухов. — С грибами надо бы разобраться.

— Это моя забота! — сразу с прежней упругостью в голосе охотно сказала Наташка.

И Руслан подхватил её интонацию и так же живо предложил:

— Тогда воды принесу для грибов...

— Это не возбраняется, — улыбнулась она.

Он дважды сходил за водой, Наташка замочила грибы в большом пластмассовом тазу и начала перебирать, перекладывая в эмалированную кастрюлю. Сухов предложил:

— Чтобы не маячить перед тобой, пойду, посмотрю, чем Вениамин занимается...

— Сходи... — неопределённо отозвалась Наташка.

Вениамина он застал лежащим на кровати поверх одеяла. Подложив под голову руки, он не спал и встретил появление Сухова, не скрывая насмешливого выражения:

— Ну и где грибы?!

— Наташка занимается... К ужину будут готовы. Зря с нами не пошёл!

— Чего мешать...

— Грибов бы всем хватило! — Сухов притворился, что не понял егинской подковырки.

— Да ладно... Проехали, — ухмыльнулся Вениамин, намекая о бесполезности разговора. — Надо бы к ужину картошки начистить! Сделай доброе дело, а я ещё поваляюсь. Сил чего-то нету.

— Запросто... — легко согласился Руслан, понимая, что хозяин находится в сильном похмелье.

Сухов начал греметь посудой, ещё раз сходил за водой... Когда, возвращаясь от колодца, шёл мимо Наташкиного дома, увидел, что она стоит у окна веранды и смотрит на него, почти незаметная за тюлевыми занавесками... Эта случайная картина взволновала даже сильнее, чем поцелуи, и Сухов понял, что всё это просто так не закончится. А вот как — пока неясно.

Чтобы уж совсем не заморачиваться, он принялся чистить картошку и старался гнать волнующие мысли, которым теперь, казалось, не было конца. Он начистил полведра и не знал, зачем им столько. И тогда решил отнести часть соседке; пока та возится с грибами, ей не до этого. Так и сделал. Отсыпал картошку в попавшуюся кастрюлю и пошёл к Наташке. В веранде её не оказалось, тогда приоткрыл дверь в дом, окликнул... Она вышла, удивлённо посмотрела.

— Вот картошку принёс...

— Проходи, жених! — усмехнулась она, а он закрыл уличную дверь на задвижку.

— Это-то зачем? У нас днём никто не закрывается!

— Так спокойнее, — смущённо сказал он и подтолкнул Наташку в дом, в котором сытно пахло варившимися грибами.

Она внимательно посмотрела Руслану в глаза и сама же смутилась, покраснела, словно хотела что-то сказать, но не посмела... Сухов не понял, в какой момент начал целовать её, а она, сперва слегка отстраняясь, вдруг по-настоящему прильнула к нему. Они нашли приют в маленькой спальне, и, не успев разобрать кровать, почти упали на неё, и никто в этот момент не смог бы удержать их взаимный порыв.

Сухов пришёл в себя лишь от её возгласа.

— Грибы убежали — всю плиту теперь изгваздали! — вскрикнула она и сразу же перекинулась через него, собрала разбросанную по стульям одежду и пристыдила: — Отвернись, чего уставился-то?!

Её вопрос прозвучал так комично, что Руслан, успевший к этому моменту немного отдышаться, рассмеялся, а она, вернувшись из кухни, укорила:

— И чего же мы с тобой наделали-то?! — и прильнула к нему, а он рассмеялся. Но она не приняла смеха, грубовато поторопила: — Вставай, а то Вениамин обо всём догадается!

— Дался тебе этот Вениамин!

Сухов не спеша оделся, отправился следом и шутливо попытался оправдаться:

— Я больше так не буду!

Но она всё повернула по-своему:

— Нет уж... Оскоромился — женись! А ты как думал?

— Да хоть сегодня свадьбу сыграем — я человек свободный!

— погоди, «свободный человек», сперва грибы доварить надо. — Она осторожно вышла в веранду, тихо вернулась, шепнула: — Вениамин на крыльце сидит, головой туда-сюда вертит — тебя потерял... Уходи через сад, а потом в проулок выйдешь! Мне лишние разговоры не нужны. И так бог знает что обо мне сплетают.

Наташка осторожно провела Руслана через сени во двор и, приоткрыв ворота, подтолкнула:

— Прямо по тропинке иди... Я потом загляну, грибов принесу...

Через сад Руслан вышел на пажить, а оттуда завернул в проулок и вскоре оказался перед крыльцом, чем немало удивил Вениамина.

— Откуда это?

— Прогуляться ходил...

— Ой ли... Видок помятый... Давай колись: где был?!

— Где был — там нет меня...

Вениамин лишь хмыкнул.

Сухов прошёл в дом, налил из чайника воды, причмокивая от удовольствия, напился. Вспомнилась Наташка и всё, что произошло между ними. «Надо же, — ухмыльнулся он, — не знаешь, где найдёшь, а где потеряешь!» В другом случае он поделился бы хорошим настроением с Егиным, но о Наташке при нём нельзя и полслова сказать, потому что до конца не выяснил их отношений. Почему-то казалось, что он всё-таки неравнодушен к ней, но скрывает чувства.

Как Сухов ни размышлял, а дело делал, потихоньку собирая на стол. Даже картошку поставил варить, решив, что к тому времени, когда она сварится, грибы будут готовы. И верно: вскоре появилась Наташка и поставила кастрюльку на стол, радостно сообщила:

— Вот, ребята, самая закуска — жареные грибы с лучком!
— Тогда с нами садись. Рюмашку хлопнешь!
— Нет, Вениамин, ты же знаешь — я равнодушна к этому.
А грибов я себе оставила, не сомневайтесь.

Озорно крутнувшись, она ушла, а Сухов слил воду из картошки и выложил её, дымящуюся паром, в тарелку. Грибов наложил в миску. Указав на кастрюльку с грибами, Вениамин усмехнулся:

— Как же она у Наташки оказалась?

— Да, наверное, спьяну отдал и не помнишь теперь...

— Всё я помню. Зачем к Наташке ходил? А?

— Картошку отнёс в этой самой кастрюльке... Она грибы чистила, а я картошку. Разделение труда! Разве непонятно?

— Молодец, Сергеич, вывернулся! А выпить-то у нас маловато — полбутылки осталось, да и та Наташкина.

— Ну и хватит нам. Много-то зачем.

— Это правильно... Надо немного тормознуться. Завтра не грех бы в райцентр съездить — налоги заплатить. А то с опухшей мордой поедешь — права отберут. Потом бегай за ментами!

— Это точно. С ними лучше не связываться!

Сухов всё-таки разлил водку по стаканчикам, сказал:

— Под грибки! — и выпил, подцепил упругую шляпку от подосиновика. — Вкуснота!

Перекусив, разлил остатки, чем удивил хозяина.

— Ты-то чего разошёлся? То силком не заставишь, а то не успеваешь наливать!

— А что! Мало будет — ещё сбегает.

— Вот и сбегай! Чего вечером маяться.

Сухов понял, что он просто обязан сходить за бутылкой, потому что у Вениамина сейчас желание послать за выпивкой именно его. А если не пойдёт, обида появится, которая неизвестно во что может вылиться, если Вениамин заподозрит в жадности.

Из магазина Сухов вернулся с двумя поллитровками, а к ним набрал колбасы, сыра, помидоров, хлеба — полный пакет еды. Не забыл и шоколадку для Наташки. Одну поллитровку спрятал на видном месте — перед крыльцом, поставив её в густой куст флоксов. Именно так поступал его отец, когда не хотел слушать ворчание матери. Приём проверенный: прячь на виду и никто не найдёт, не догадается.

Шоколадку отдал чуть позже, увидев, как Наташка пошла к колодцу. Она взяла, улыбнулась, загадочно спросила:

— Чего вечером делать будешь?

— Пока не знаю... Всё от Вениамина зависит.

— А то приходи, телевизор посмотрим...

Он пообещал прийти, а сам не знал: удастся улизнуть или нет. К тому же Вениамин никак не отреагировал на бутылку, а когда Сухов напомнил о ней, подозрительно укорил:

— Нечего меня спаивать... Завтра в райцентр поеду!

Сухов не стал уговаривать, лишь, немного покрутившись перед хозяином, сказал:

— Пойду к соседке схожу — грибы надо помочь перебрать!

— Иди-иди! Быстро ты с ней снюхался! — ревниво сказал Вениамин. — Ночевать-то придёшь или до утра будешь заниматься грибами?!

— Приду, куда я денусь... Дверь не запирай...

Сухов ушёл, а после его слов в душе Вениамина всё перевернулось. Словно кто-то вошёл в неё без спроса, наследил, и теперь шастает туда-сюда, продолжая гадить. И нет сил выгнать его. Ведь этот «некто» сросся с Русланом, которого сам же пригласил, почему-то забыв в тот момент о Наташке. Вениамину всегда казалось, что она с детства принадлежит только ему, даже и тогда принадлежала, когда вышла замуж. Всегда она оставалась близким человеком, хотя Вениамин и ругался с ней, обзывал, бывало, по-всякому. И рад был вытравить её из души, а не удавалось, и с ней всё не так, как надо. Помнится, когда демобилизовался, то пытался провожать из клуба, но от этого их отношения никак не развивались. Она и проводы-то не считала настоящими, а так: она идёт домой, и он рядом с ней по-соседски, хотя однажды, когда был выпивший, поцеловал в губы, за что получил оплеуху. Он цеплялся по-взрослому, а она не представляла его своим женихом, не могла даже подумать, что в будущем может выйти замуж за Вениамина. Это же Веник: сосед, товарищ, приятель! А он не мог ей объяснить, что относится к ней совсем не по-приятельски, не умел говорить красивыми словами. Пожив в Подлипках после армии года два, он так и не добился Наташкиного внимания, уехал в Москву, поступил в училище полиграфистов, а через полгода женился. И какое-то время не ездил в Подлипки, а приехал однажды — Наташка уж выскочила замуж. Тогда и подрался с её мужем, и срок получил, тем самым отдалив себя от неё на недостижимое расстояние. После отсидки редко ездил домой, а когда утонул её муж, зачистил. Как отпуск или большой выходной — мчит-ся на родину. И жена ему не указ. Скажет: «Дачу просила? Получила! А мне не мешай. Я без Подлипок жить не могу!» Всегда ездил один. Только в этот раз какое-то затмение нашло: пригласил соседа. Пригласить-то пригласил, а его ишь в какую сторону занесло. Немыслимо даже подумать! И не знаешь, что сказать, как остановить. А он словно ничего не

замечает — прёт напролом, будто баб никогда не видел. Вот и сейчас: усмехнулся и был таков!

Сухов же, когда Вениамин был предупреждён, смело пошёл к Наташке. Миновав веранду, которую не забыл закрыть, и сени, спросил разрешения войти в дом и услышал в ответ радостный голос:

— Заходи... Давно жду..

Всё так и случилось, как предугадывал Сухов. Никакими грибами они не занимались и телевизор не смотрели. Они даже целоваться не стали, а сразу улеглись и забыли обо всём на свете... Уже в темноте немного успокоились, а Наташка глубоко вздохнула, осторожно спросила, словно боялась ответа:

— Надолго приехал-то?

— Собирались на две недели...

— Тогда ещё ничего... — Она вновь вздохнула. — А то всю душу перевернул... Уедешь, а я опять одна останусь. Вениамин совсем запозорит.

— У тебя с ним что-то было?

— Никогда. Даже и намёка не делал.

— Тогда и не переживай. Нет причины.

— Всё равно как-то не по себе. И за тебя волнуюсь: как бы не подговорил дружков, а те могут подкараулить и тумачков навешать! Они ведь из тюрем не вылезают, на всё способны! Они и мужа моего сгубили. Всем говорили, что он на охоте утонул, а как он мог утонуть, если на охоту в тот день не ходил... — Наташка хотела сказать в подтверждение своих слов о том, что ружьё до сих пор у неё хранится, и патроны к нему, но сдержалась.

— Перестань... Неужели он для этого пригласил?

— Он не думал, что всё так получится.

— Теперь уж поздно о чём-то говорить. Мы же свободные с тобой птицы, что хотим, то и делаем.

— Всё равно будь осторожным. У нас так не принято!

— А как принято: и сам не ам, и другим не дам?! А если у нас чувство? Если мы нужны друг другу? Не думала об этом? И вообще, я, может, отсюда вместе с тобой уеду. Поедешь в Москву? На работу устроишься в детский садик. Ведь ты же воспитатель?!

— Да, техникум окончила.

— Вот видишь... А сейчас в больших городах воспитателей не хватает. Поработаешь несколько месяцев, а потом решишь, что делать: уехать или остаться. Останешься — распишемся! Ты не против?

— Какой скорый! — Она поцеловала его в щёку и залилась слезами. И было не понять: то ли от радости плачет, то

ли от нереальности услышанного. — Не будем загадывать. Иди к себе, и за грибами теперь один ходи. Нечего вдвоём мелькать, Вениамина дразнить.

Сухов, конечно же, не послушал Наташку и выбрался от неё в тот ранний час, когда поздний августовский рассвет лишь выплывал вместе солнцем из розового тумана. Поцеловался на прощание в сенях и тихонько вышел на крыльцо. Из палисадника шагнул в росную траву; глядь, на соседнем крыльце Вениамин сидит. Подошёл ближе — бутылка на лавке, огурец обмусоленный...

— Появился? С вечера тебя жду!

— Зачем пьёшь-то? В райцентр ведь собирался? — укорил и напомнил Сухов.

— Нечего там делать... Наташка заплатит. Всё равно документы у неё. Денег дам, и заплатит.

— Тогда другое дело... — отозвался Руслан и встретился с Вениамином взглядом и столько увидел в его глазах ненависти, что растерялся.

Надо бы как-то обыграть ситуацию, сказать что-нибудь смешное, позубоскалить, но у Руслана не хватило сил на это, словно язык прикипел к нёбу, да и не хотелось лебезить и оправдываться. Сухов быстро забрался в постель и сделал вид, что сразу уснул. А самому не спалось от мыслей о Наташке, от обвала чувств. Но кто же знал, что сложится такое отношение. Вениамину сразу бы сказать: «Она хотя и свободная, но у нас с ней свои разборки!» Тогда бы и мыслей никаких. А то: «глупая», «мужа не может найти!» Опять же в прошлом году каверзу устроил, у магазина неизвестно что наболтал о ней. Вообще-то за такие дела по морде бьют. А за неё заступиться некому, вот и распоясался соседушка, начал гадкие сплетни распускать. Понятно, что это неспроста, от неравнодушия это всё. А того не понимает человек, что подобной «заботой» он лишь унижает её. А она даже бутылку принесла, чтобы хоть как-то откупиться, а ему всё неймётся, всё чем-то недоволен.

Сколько ни думал Руслан, ворочаясь с боку на бок, но ничего определённого не решил. Не мог понять до конца ни Вениамина, ни Наташку, но пришёл к простому выводу: значит, между ними было что-то такое, что связывает их. Это остаётся тайной для окружающих, и, наверное, навсегда останется. Поэтому никогда не узнать об этом, да и не нужно пытаться. Есть такие моменты в жизни каждого человека, о которых не обязательно знать другому, даже вредно.

Под бесконечные размышления Сухов всё-таки заснул, а проснулся от толчков: кто-то тряс за плечо. Глаза открыл —

Вениамин криво усмехается. Да выбритый стоит, будто собрался куда-то ехать.

— Вставай! — приказал он, словно выгонял на расправу. — Гости пришли!

Сухов посмотрел на часы: половина второго! Немного посидел на кровати, разламываясь, а потом резко поднялся, заправил одеяло и вышел в веранду. Действительно, стол был накрыт, а на столе вчерашние грибы в сковородке, грубо нарезанная колбаса, ветчина, помидоры, а в середине бутылка и стаканчики перед гостями.

— Присаживайся! — указал Вениамин на свободное место.

— Погоди, умоюсь, а то феис кривой со сна!

Вернувшись от умывальника, Руслан радостно прихлопнул ладонями:

— Вот теперь совсем другое дело! В честь чего праздник?

— Отходную друзьям поставил... Сегодня уезжаем. Жена позвонила... Ногу сломала... В больнице лежит.

— Неприятность, конечно... — печально отозвался Руслан, всё-таки не поверив хозяйину; и сразу мыслю о Наташке.

— Да не верь ты бабе! — засомневался Михаил. — Знает, что за воротник закладываешь, вот и придумала. Приедешь, а она дома сидит, ещё и посмеётся над тобой.

— Сыну позвони, уточни! — подсказал рыжеватый Жора, сменивший майку на куртку защитного цвета и ковырявший спичкой в зубах, отчего синие «перстни» на пальцах так и мелькали перед глазами Руслана.

— Звонил, он подтвердил, тоже просил приехать.

— Ему трудно, что ли, с матерью побыть?! У тебя ведь охота срываться.

— Он метростроевец, а они сейчас две новых станции сдают — без выходных работают. Так что от него помощи не дождёшься. Хочешь не хочешь, а надо валить отсюда.

Сухов сперва думал, что Вениамин всё это разыграл, чтобы подурочить, но когда он даже не прикоснулся к выпивке, то понял, что не шутит. И, встретившись с жёстким взглядом трезвых злых глаз, Сухов догадался, что он собрался из-за его ночевки у Наташки, не может простить. Поэтому и наврал о жене.

Мыслей своих Руслан, конечно, не выдал и решил выпить вместе со всеми, если уж такой обвал получился. Выпил, закусил, мужики загалдели о чём-то своём, а у него в мыслях только Наташка. Как-то всё несуразно выходило, обидно. Он вдруг понял, что успел привыкнуть к ней за считанные дни, и все эти дни казалось, что их встреча была заранее кем-то загадана — так легко и просто он сошёлся с ней. Они оба, наверное, давно готовы были к этой встрече, и не их вина, что

оказались они в зависимости от случая. «Ладно, — попытался Руслан успокоиться, — в гости приглашу. Приедет в Москву, тогда и решим, как дальше жить. Уж там-то нам никто не посмеет указывать!»

Говорили они за столом неторопливо, вели себя вольготно, особенно Михаил с Жорой, зато Вениамин начал нервничать. Пока гости пили водку, он через силу кружка за кружкой хлебал чай, чтобы выгнать остатки хмеля. Даже по совету Жоры пожевал зубок чеснока.

— Ну и как, понравилось у нас? — испытующе спросил Михаил у Руслана, разливая остатки.

— Нормально, — отговорился Сухов. — Я привычный, сам из деревни родом. — Он думал, что Михаил спросит что-нибудь о Наташке, но тот и полусловом не упомянул о ней. Это понравилось. Значит, не сплетник. — Давайте выпьем!

Они выпили, закусили, потянулись за сигаретами, а Руслан вспомнил о припрятанной бутылке. Прошёл к цветам, а когда поднялся по ступенькам крыльца, увидел, что Наташка зовёт к себе. Пошёл не сразу, сперва сказал гостям:

— Погодите курить... У нас ещё одна есть! — и выставил на стол поллитровку. — Разливайте, а я пока отойду.

Руслан заглянул к соседке, тихо спросил:

— Чего звала?

— Ты поаккуратнее с ними... Они такие... Коснись чего — мать родную не пожалеют! В селе говорят, что и муж мой утонул из-за них, чего-то подстроили ему!

— Ладно, потом! — отмахнулся Сухов и вернулся за стол.

Но выпили они лишь по рюмке, когда Вениамин, не церемонясь, приказал:

— Всё, братва, некогда засиживаться. Нам с Русланом пора, некогда шашни разводить!

Гости послушно поднялись, а Вениамин напомнил:

— Бутылку с собой забирайте. Потом допьёте! — и посмотрел на Руслана: — Не против?

— Мне хватит, а парням не помешает.

Гости ушли, а они отключили газ, убрали в кладовку баллон и начали выносить к машине сумки с вещами. К ним вышла Наташка, вцепилась в рукав Руслана, сказала, заглядывая в глаза:

— Ты-то чего уезжаешь? Пожил бы...

— Не могу... Вместе приехали, вместе надо уехать!

Она, скукожившись, торопливо ушла в себе, а Руслан от её слов и взгляда совсем разволновался. Глянул, а она затаилась в веранде. И он не выдержал, пошёл к ней, а она прижалась, молчит и вздрагивает.

— Ну чего раскисла? Будем перезваниваться. В каникулы ко мне приедешь.

— Не уезжай, пожалуйста! У тебя ещё три недели отпуска!

— Вениамин не поймёт. Он и так косится на меня...

Она отвернулась, вырвалась из его объятий и убежала в дом. Он же стоял, словно окаменевший. Но недолго. Резко развернувшись, вышел из веранды, взял из машины сумку и сказал подошедшему Вениамину:

— Езжай один. Я остаюсь!

— У кого? — растерянно спросил Егин.

— У соседки, если ты, конечно, не против!

— Пользуйся моментом. Авось она не жена мне! — внешне равнодушно, как о нестоящем, сказал он и задвигал желваками.

— Тогда до встречи в Москве! А я пока за грибами похожу — у меня своё сафари, грибное!

Вениамин отвернулся, накинул замок на дверь дома, сказал «пока» и сел за руль «Нивы». Через минуту и след его простыл. Руслан постоял-постоял и пошёл в соседний дом. Наташки на веранде не было. Он постучал о косяк, приоткрыл дверь в комнату и окликнул:

— Наташ, это я...

В один миг она оказалась рядом и прижалась к нему и ничего не могла произнести из-за трясучки во всём теле. Они стояли и молчали. Первой всё-таки встрепенулась хозяйка.

— Располагайся... — сказала она, глубоко вздохнув.

Он принёс из веранды сумку, улыбнулся:

— Вот и всё моё приданое.

Он вновь подумал о Вениамине, пытаясь отгадать, что встрепенуло его, заставило моментально переменить планы и забыть об охоте, о которой так мечтал. «Неужели из-за Наташки? Если это так, то это глупо, по-мальчишески. Мы же взрослые люди! Мы же...» Руслан даже слова подходящего не находил, чтобы оценить поступок товарища. Именно товарища. С кем-то другим разве бы стал делить стол и кров.

Рассуждая о Вениамине, Руслан не знал, что он не сразу уехал из села. Перед выездом на трассу тот завернул на соседнюю улицу к Михаилу. Думал, что они с Жорой разбежались по домам, но увидел их под ветлой, под которой обычно собирались выпивохи. Вениамин позвал Михаила, а потянувшегося за ним Жору осадил:

— погоди, Жорик... Мне с Михаилом надо перетереть...

Тот вернулся под ветлу, а Михаил сел в машину, посмотрел на Вениамина:

— Что за байда?!

— А ты разве не просёк! Гость-то мой у Наташки остался, я ему запаadlo стал. Короче, специально заехал, чтобы по телефону не светиться. Накажите его. Он за грибами любитель ходить. Вот и подкараульте, маслѣнка* не пожалейте. Да так подгадайте, чтобы стрельба вокруг была — уток пока много! А я поехал — мне светиться теперь необязательно. Если всё получится, не звоните, я и так пойму через некоторое время. Вот вам аванс, чтобы вы тут с Жориком не скучали, — Вениамин отдал Михаилу пятитысячную купюру, — остальные потом!

— Замѣтано! С другим бы не стал связываться, а ты у нас в корешах ходишь. Тогда разбегаемся!

— погоди! Вот возьми — еды полно осталось! — Вениамин взял с заднего сиденья пакет и, подумав, добавил: — В общем, в случае чего, заскочил к вам, чтобы хавчик отдать! Усёк?

— А то... — понятно кивнул Михаил.

Выезжая на трассу пустынной улицей, Егин подумал: «Скоро у вас тут шумно будет и весело!» Вспомнил жену, которая очень даже ксати сломала ногу. Хороший повод, чтобы сорваться с охоты. Вот только она о Руслане спросит. Ну что же: так и скажет, что тот попросился к Наташке на постой, чтобы не ломать отпуск. Обо всѣм поразмыслив, Вениамин даже повеселел. Всѣ неплохо складывалось, хотя он и не знал, что затеют его дружки, но что-нибудь придумают.

Руслан же, оставшись без Вениамина, ощутил настоящую свободу, столь неопиcуемую, что, казалось, такой и не было никогда.

— Теперь тебе надо подумать об увольнении... — сказал он Наташке, когда она успокоилась. — А то совсем немного времени до начала учебного года, потом могут сразу не отпустить, заставят отрабатывать. А так всё по-людски будет. Они заранее подыщут тебе замену, и мы рванѣм в столицу. Не против?!

— Я-то нет... — улыбнулась она. — Хотя страшно очень!

— А чего страшиться-то! А то так и будем киснуть: ты здесь, а я у себя.

— У вас разве закиснешь. Народу такая прорва. Голова закружится!

— Не закружится. Быстро привыкнешь. Когда пойдѣшь заявление подавать?

— Сегодня уж поздно, а завтра с утра директриса должна быть на месте.

— Вот и договорились! — вздохнул Руслан; ему и не верилось, что всё столь легко и просто разрешилось.

* «Маслѣнок» — патрон.

Утром она собралась в школу, а он решил прогуляться и набрать грибов. Расставшись у крыльца, Руслан садом вышел за ограду и отправился в низину поближе к реке, где грибов особенно много. Ему и выстрелы не мешали, один за другим доносившись с реки и со старицы. Что они ему, когда у него своя охота, своё грибное сафари.

Наташка же, сорвавшись чуть ли не с места в карьер, около второго проулка застыла, спрятавшись за кустом черёмухи, когда неожиданно увидела Жорика. Сперва даже не узнала его в брезентовом плаще, но даже и не плащ удивил, а то, что он что-то прятал под ним. «На охоту, что ли, отправился, — подумала она. — А если и на охоту, то зачем ружьё-то прятать? — И сразу как ножом кольнуло: — Он же к Руслану пошёл. Расправиться с ним хочет!»

Она сразу вспомнила о ружье мужа, о котором никто не знал, даже участковый считал, что оно утонуло вместе с ним в половодье. А кроме него никто и не спрашивал о нём, а она никому не говорила, даже дочери, что оно хранится у неё за шкафом вместе с полным патронташем, завёрнутое в тряпки. Не говорила никому и о том, что всегда доставала его и держала наготове, когда приезжал Вениамин, чтобы чувствовать себя защищённой. И вот теперь, когда он уехал, а Жорик отправился в лес, куда сроду-то не ходил, она всё поняла, и решение возникло мгновенно: «Надо спасти Руслана!»

Наташка вернулась домой, достала ружьё, проверила, заряжено ли оно, и во дворе, завернув в серую тряпку, привязала его к раме велосипеда вместе с лопатой. На тот случай, если кто-то спросит, куда это она отправилась, придумала отговорку: «На старые огороды, за хреном. Куда же ещё!» Выбравшись на зады своего участка, она никого не увидела — это обрадовало — и, никем не замеченная, через несколько минут скрылась в зарослях, где освободила ружьё, а велосипед спрятала под молодой сосёнкой. Шумная сначала, она почти сразу прониклась осторожностью, не шла, а кралась, почти не касаясь земли. Хотела окликнуть, позвать Руслана, чтобы предупредить об опасности, и спугнуть, если понадобится, Жорика. И лишь только так подумала, чуть выглянув из-за густого куста ивы, — увидела метрах в пятнадцати бледного Руслана и почти рядом с ним Жорика, что-то говорившего ему и тычущего обрезом в грудь... От увиденного на сердце похолодело. Ещё более похолодело, почти остановилось, когда Жорик отступил на три-четыре шага и взвёл у обрезка курки, продолжая что-то говорить. Она не помнила, как сняла с предохранителя и нажала на курок... Когда подошла к Руслану, он стоял совсем белый, только губы были

почему-то синими, и удивлённо рассматривал Жорика, бившегося в конвульсиях и судорожно трясащего синими наколками. Потом посмотрел на неё, спросил, разглядывая во все глаза, словно впервые увидел:

— Ты понимаешь, что натворила?

— Понимаю. За мужа отомстила и тебя спасла! Ещё бы секунда, и лежал бы Русланчик на его месте. Пошли отсюда.

Они вернулись к велосипеду, Наташка укрепила на раме лопату, а ружьё бросила на плечо, словно бывалый охотник. Когда спустились к реке, она зашвырнула его с обрыва и чуть ли не весело сказала:

— Вот и вся любовь, дорогой мой!

До самого дома он не произнёс ни слова. Лишь перед крыльцом спросил:

— Ты ведь в школу собиралась...

— Теперь это ни к чему. Так что можешь ехать в свою Москву, а я здесь останусь.

— Нет, я с тобой!

— Вот это зря. Не сегодня-завтра полицейские наедут, скрываться я не собираюсь, и на тебя свою вину не буду сваливать.

— Зачем же тогда ружьё выбросила?

— Теперь и сама не понимаю — зачем. Сгоряча, видно!

Наташка плакала долго, почти беззвучно, он пытался ей что-то говорить, попытался обнять, но она мягко отвела его руку и всё повторяла и повторяла сквозь слёзы:

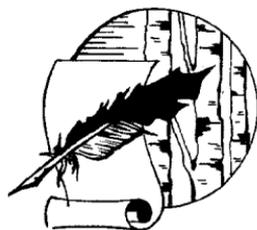
— А ты собирайся, собирайся. — И вздохнула: — Давай поцелую на прощанье.

Она поцеловала, прижалась мокрой щекой к его щеке, и как он ни пытался разговорить её, она лишь нервно улыбнулась:

— Чем раньше уедешь, тем раньше я сдамся.

И он понял, что её не переломить, что все слова, все уговоры ни к чему не приведут. Он лишь пожалел, что вообще зачем-то приехал сюда. Зачем-то связался с Вениамином, с этой непонятной Наташкой. Он собрал сумку, поцеловал её в лоб и, ничего не сказав, чувствуя, как всего трясёт, отправился за село на шоссе.

Вокруг Подлипок по-прежнему гроыхали выстрелы. Сафари продолжалось. Даже не мешала вдруг разразившаяся гроза, редко приходящая по утрам.

Владимир СКИФ

ЗА ЛЮБОВЬ И РУССКУЮ ТОСКУ

* * *

Мир тяжёлый вокруг, он и новый и древний,
От орудий глубокие в нём колеи...
А я снова свою навещаю деревню —
Крутояры мои, глухомани мои.

Светит грустная даль, и угрюмится осень,
По откосам дорог конский щавель стоит.
Терпкость прошлого дня
тёплый воздух приносит,
И щемящую боль в птичьих криках таит.

Запахнула печаль до китайской границы
Пустоту одичавших и жухлых полей.
Снится им или нет золотая пшеница,
Молодых колосков сладкий запах и клей.

Но лежит пустота целиной поднебесной,
И молчит пустота над деревней моей,
Обернулась земля нескончаемой бездной,
И не стало на Родине хлебных полей.

Мне охота кричать, чтобы лоно земное
Стало жить и рожать, пить дожди и ручьи.
Слышу — стонут во тьме, убегая за мною,
Крутояры мои, глухомани мои...

* * *

За кедровой далью и осиновою
День-другой в зимовье проведу,
Посижу у лампы керосиновой,
И от битвы дух переведу.

Вышепчу тоску свою осеннюю
Узкому, дремучему окну.
Подожду летучего Есенина,
Блоку проходящему махну.

Мне от Блока тайна будет выдана,
И от Слова отданы ключи.
Зазвучит мелодия Свиридова,
И в тайге очнутся кедрачи.

Зазвенит метелица осенняя,
Чёрный космос высветит луна.
Я в зимовье приглашу Есенина
И налью убойного вина.

Сядем на сосновую колодину,
И, тревожа сонную тайгу,
Беспробудно будем пить за Родину,
За любовь и русскую тоску...

* * *

Я не знаю, куда взвился день мой пылающий:
Почернели цветы и листья камыша...
В небе стынет печаль, стонет свет отлетающий,
Стала тесной земля и заблудшей душа.

Гнётся ива в ночи и с тоской беспощадною
Обнимает луны безответную тень...
Вспоминает судьба мою жизнь не парадную,
Всё пытаюсь поймать улетающий день.

День уже иссечён злыми ветрами времени,
Он пробитым крылом еле плещет вдали.
Ему падать ещё с пулей-дурую в темени
И, быть может, спастись, но уже вне земли...

* * *

Почему, скажи, так чудно, почему, скажи так странно
Нас судьба соединила в свете зимних вечеров?
Мы почуяли с тобою — жить не поздно и не рано.
Нелегко найти друг друга посреди слепых миров.

Неужели зимний вечер так судил, рядил, лелеял
Нашу встречу золотую? И дышал, и замирал,

Чтобы в жарком поцелуе мы найти себя сумели,
Чтобы ты замирала, чтобы я замирал.

Мы сплетали наши руки, мы ласкали наши пальцы,
Мы живительную силу друг из друга извлекли.
Неужели мы, живые, — в тёмном космосе скитальцы?
Почему нашли мы землю и себя на ней нашли?

Я не ведаю, не знаю, что на небе приключилось,
Что стряслось на белом свете, чтобы встреча нас сожгла?
Почему соизволение от Всевышнего явилось,
Чтоб любви неизъяснимой с неба молния сошла?!

ПОЭТЫ РОССИИ

Анатолию Аврутину

Мы — скитальцы, мы возле небес, мы такие...
Нас по тёмным трущобам, по свету несёт.
Мы — усталая жизнь, мы — загадка России,
Но мы всё-таки те, кто Россию спасёт.

О бесстрашии помним, о времени помним,
Мы себя из себя каждый день достаём,
Святорусскую отчину музыкой полним
Ту, которую в звонких стихах создаём.

Мы стоически держим земное пространство,
Замирая порой над погибелью дней.
Мы — российская мысль, мы её постоянство,
И она не исчезнет, поскольку мы в ней

Вечной сутью и русской судьбою пребудем,
Неотступно идём по священной земле.
И в бою, и в скитаньях её не забудем,
И не сможем предать в наступающей мгле...

* * *

Всё плачет ива над рекою
В тоске осенней, как желна,
Соединю себя с тоскою,
Напьюсь гремучего вина.

Пойду по зимникам застылым
И по кладбищам ледяным,

Где ходят звёзды по могилам,
И шелестит позёмок дым.

Пойду по *ветреному свею*
Искать загубленную Русь.
И не найду, и не сумею,
И свея белого напьюсь...

* * *

Любовь и жизнь, вы разминулись,
Уже не слышится: «Прости!»
И посреди осенних улиц
Былого чувства не спасти.

Не отрезвить чужую дерзость,
Не разомкнуть в пылу уста.
И на лету уже не держит
Нас — одержимых — высота...

* * *

Я знаю, я чувствую, вижу:
Эпоха сжимается вновь.
Я время набухшее выжал —
И брызнула алая кровь.

Я где-то во времени долгом
Свой путь, свою долю искал...
Я пел, как Некрасов на Волге,
Как Чехов — смотрелся в Байкал.

Но время меня торопило,
Пытало железом меня,
На знойном ветру прокалило,
Вдохнув в меня силу огня.

Во мне первородно, глубоко
Любовь трепетала моя...
И страждущим, веющим оком
Искал я таких же, как я.

...Светило лицо молодое,
Горя вдохновенным огнём...

И солнце вставало гнедое,
И я становился конём —

Тем самым отчаянным, красным,
Которого мальчик купал...
Ты реяла девой опасной
Среди купидонов и скал.

Взрывались в Нью-Йорке высотки,
В ночи колебалась земля...
Коня рисовал Петров-Водкин
И тот уносился в поля.

* * *

То ли свет отлетел, то ли небо разверзлось,
Стала близкой пустыня и тёмное дно.
Моё сердце упало в кровавую бездну,
А твоё не упало с моим заодно.

Дно качалось, как магма, и не было жизни
Посреди вековой и глухой темноты...
Ты стояла вверху, ликовала на тризне,
И в кипящую магму бросала цветы.

БОМЖ

Я встречаю бомжа, он живёт, в тектонической груди
Безобразных камней, неопознанный, полуживой.
Мимо годы идут, будто полые голые люди...
Для кого он живёт и кому он знакомый и свой?

Я спускаюсь к бомжу в его тесное полужилище,
Я иду по трубе, а потом попадаю в дыру,
Где взрывается гул, будто нас преисподняя ищет,
Или чёрт на земле затевает шальную игру.

В закоулках трубы мы находим его амбразуру,
Некий свет из земли или с неба к нему заглянул,
Я случайно попал в эту штольню, а может быть, сдуру
Напросился к бомжу, словно время спиралью согнул.

Бомж хозяином вдруг ощущает себя в преисподней,
Приглашает к столу из базальтовых плоских камней.

Ставит водку со свалки, которую стырил сегодня
У другого бомжа ради странной персоны моей.

Мы сидим у бомжа. Полстакана — и стало уютно
В этой чёрной дыре, из которой не выйти уже
Ни стране, ни бомжу и ни мне, что живём так беспутно,
Не надеясь найти просветленья в стране и в душе.

СИНИЦА

А жизнь ещё как будто длится,
Хотя все вешки снесены...
И вечность медленная мглилась
Среди стеклянной тишины.

Как птица, вспархивает ветер,
Ночь загоняет под крыльцо...
Взмахнёт синицы лёгкий веер
И опанёт моё лицо.

Мне так охота затаиться
И видеть, как в зазорах мглы
Ко мне летит моя синица,
Чтоб пеньем оживить углы

Моей души многострадальной,
И радость из неё добыть...
Летит она из рощи дальней
Мою тоску растеребить,

Разворошить моё сознание,
Растормошить слепую кровь,
Да так, чтоб сердце распознало
Во мгле последнюю любовь.

МЯСНИК

В его руках топор тяжёлый,
Он к туше ласково приник
И хряснул так, что у монголов
В степях летучий смерч возник.

Орда проснулась Золотая,
Затрепетала вдалеке,

В иных веках, не забывая
О грузном русском мяснике.

Среди гремучего базара
Топор значенье обретал,
И звук свистящего удара
До континентов долетал...

Топор вздымался на полсвета,
На небе пряталась Луна...
И Вашингтону мнилось: это
Летит ракета «Сатана»!

У МОГИЛЫ ВАМПИЛОВА

Мы разные. Мы все шальные.
Мы гордые, аж нету сил.
А здесь мы встали, как родные:
Вампилов нас объединил.
Мы изменяемся с годами,
Но не меняется душа.
Мы все пришли к нему с цветами,
Пред ним покаяться спеша.
Он был весёлым, нежным, грустным,
Своих товарищей ценил.
Здесь все равны — бурят и русский...
Он никого не обвинил
В грехах, предательствах, изъянах
Несовершенного пути.
Он в пьесах, для кого-то странных,
Пытался ближнего спасти.
О, быть Вампиловым непросто
Среди озлобленных личин!
...С тяжёлым временем бороться
Вампилов многих научил.
...И вот мы надрываем жилы,
Решений ищем всякий раз
И улыбаемся. Мы живы.
Вампилов наши души спас.

г. Иркутск

ПРОВИНЦИЯ ОТЕЧЕСТВА

ОЧЕРКИ РУССКОЙ ЖИЗНИ

Уже, казалось бы, всё: русская деревня сошла на нет. Никакой перспективы ей не оставили — ни школы, ни медпункта, ни клуба. Колхозы распустили, фермы закрыли, подались мужики за работой куда подальше, и семьи свои вывезли. А кто не подался, тот спился, руки опустил, поник, да и помер.

Пустела, пустела деревня, одни погосты ещё к праздникам наезжающими к могилам родственниками прибирались. И вдруг раз: одна избёнка от глухих «объятий» вколоченных в неё досок освободилась, другая окошками засверкала, у третьей плетень из цепких лап бурьяна восстал. Возвращаются к истокам пенсионеры. И возвращают деревню к жизни.

Ремонтируют старые и строят новые дома. Восстанавливают ближайшие церквушки. Дым Отечества? И это тоже. А еще тяга к покою и природе, к здоровому физическому труду, свободе от городских коммуникационных пут и умопомрачительных тарифов, от оцифровки и роботизации всей жизни, к душевному умиротворению наконец, откуда и к вере предков, к воцарению рукой подать.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Кстати, пенсионеры уезжают из городов еще и затем, чтобы оставить квартиры детям: тем работать, семьи содержать, а на жильё — копить и копить. Или в кабалу к банкам на тридцать лет подаваться.

Так что не было бы счастья, да несчастье помогло. Навязывают нам электронные услуги, чипизировать собираются, комфорт и бытовые удобства провозгласили национальной идеей, но непредсказуемый русский человек выбирает волю! Похоронили деревню, уже на малые города замахнулись, мегаполисные резервации создают — а люди тянутся к земле, к лесу, к реке поближе, которые и прокормят, и согреют, и душу ублажат.

Глядишь, уже и нувориши в глубинку забираются. Рановато крест на ней поставили. Поторопились. Даже в худшие времена деревню держали и хранили ее истинные дети, не уехали, умудряясь в полной забытости и отверженности хозяйствовать на своей земле и даже обустраивать по-новому свое жильё и жильё.

Более того: именно там, на воле, люди продолжали и продолжают традиционные для села ремёсла, занимаются самодеятельным творчеством, создавая порою в тиши своих скромных усадеб и в полной безвестности такие шедевры, которые и рядом не стояли с хваленными произведениями так называемого актуального искусства.

Зато сколько шума и славы вокруг сомнительных инсталляций из мусора, рыбьих глаз и чешуи, омерзительных перформансов околуниязного содержания, пошлых изделий, унижающих нашу православную веру и историю, скандальных постановок скабрезного характера!.. Пришпилил срамные места к брусчатке Красной площади — и уже «художник» на все времена. Изобразили фаллос в людном месте — и сто тысяч просмотров в Интернете, аплодисменты и восторг. Представил Бунина, Достоевского, Толстого и их произведения в собственной порочной интерпретации — и уже свободный выразитель своих сексуальных фантазий...

Народное творчество мало кому известно. В последние годы зелёную улицу дали разве что инвалидам и людям, нуждающимся в социальном сопровождении — сиротам, обитателям домов призрения, детям из неблагополучных, приёмных, многодетных семей. А давайте заглянем в домашние мастерские, музеи, выставки обычных, не сломавшихся, талантливых, чистосердечных, чаще всего деревенских наших сограждан, творящих для души. Честное слово, там бывает очень интересно...

МАСТЕРОВЫЕ ЛЮДИ РОССИИ, ИЛИ НЕАКТУАЛЬНОЕ ИСКУССТВО

Не так давно в данковском селе Берёзовка Липецкой области доброхоты из бывших местных начали реставрировать

уникальную церковь Димитрия Солунского, построенную в самом конце XIX века в память о войнах, павших в одном из главных в нашей истории сражений за христианскую Русь. Речь идет о Куликовской битве, и храм стоит как раз у дороги, ведущей на Куликово поле.

Строительство храма, в проектировании которого «подозревают» одного из Бенуа, а в росписи — Васнецова, совершенно доподлинно велось на средства местного помещика Юрия Степановича Нечаева-Мальцова. Есть также сведения, что проект принадлежит Александру Померанцеву (среди его работ верхние торговые ряды в Москве, ныне более известные как ГУМ). Конструкцию кровли, лестницы и хоры разрабатывал гениальный инженер, архитектор, создатель первой в мире гиперболической конструкции Владимир Шухов.

С храма Димитрия Солунского началось и творчество нашего современника, самодеятельного мастера крестьянского происхождения Евгения Александровича Ляднова.

Всю жизнь — а сейчас ему 72 — он прожил на самом въезде в Берёзовку, где когда-то стоял и отчий, «коренной» дом, в котором он вырос и рядом с которым потом построился. Оттуда до храма рукой подать. Помнит Евгений Александрович и лучшие времена этого уникального собора. Потому что хотя и был он разграблен в 20-е годы, а закрыт в 1933-м, но уникальные колокольня, мозаика и мраморный иконостас разрушали и разбивали уже в 60-е. Но и в полуразрушенном состоянии храм впечатляет.

Евгений Ляднов часто ходил вокруг, рассматривал — и возмечтал создать макет собора со всеми деталями и элементами в его первоизданном, так сказать, виде, чтобы сохранить это произведение искусства хотя бы в почти игрушечной копии. Но не было ни опыта подобной работы, ни фотографий, ни эскизов, ни описаний. Слишком сложно, понимал он.

Однако руки Ляднова, привыкшие с детства к резьбе по дереву и умевшие с ним «ладить», просили стоящего дела, а душа тянулась к высокому. И он, обычный мужичок, прежде занимавшийся выпиливанием лобзиком (эти изделия Евгений Александрович тоже хранит среди своих работ), увлёкся новым для себя видом творчества. И был он к тому времени уже на пенсии. Я не утерпела, спросила: а залобзик-то в своё время с чего взялся? В память о деде, ответил он. Отца своего Ляднов не помнит. Родился 7 ноября 45-го, и именно дед по материнской линии вырастил его домовитым «рукастым» парнем, да еще и с талантом.

Впрочем, и сам дед, Николай Никанорович, был непрос-тым человеком. В деревне все называли его богомазом. Ког-

да-то он учился в самой Москве, в академии художеств. Как произошло, что оказался он в данковской Берёзовке, в глуши похлеще Саратова, уже никогда не узнать. Но факт остается фактом: основали деревню в XVII веке монастырские (Тульского Предтечева монастыря) крестьяне. И могло так статься, что дед Ляднова, будучи иконописцем, в эти места попал не случайно. Как не случайно и то, что внук его, Евгений Александрович, войдя в лета, потянулся мини-соборы «возводить».

Когда дед садился писать, маленький Женя устраивался рядом и смотрел. И на этюды они вместе ходили. Дед вообще был мастер на все руки, вспоминает Ляднов: строил, плотничал, малярничал, портреты рисовал для культурных учреждений. После икон ему доверяли писать даже... вождей! Специальный допуск для этого давался.

Кстати, в корпусе старинных часов за стеклянной дверцей бережно хранится у Евгения Александровича портрет Сталина: вполне возможно, тот самый, который дед использовал в своей работе над образом вождя. Увлекался дед и резьбой по дереву, и изготовлением макетов. Однажды смастерил и их домик, тот самый, коренной, где жила семья Лядновых. И даже представить себе не мог, что эту модель внук будет хранить как самую дорогую реликвию. Она стала частью его прошлого, его семьи, в которой учили честно жить, много трудиться, не предавать Отечество, быть ответственным за близких и за родное село.

Ещё при жизни деда Евгений поступил в училище, выучился на слесаря-инструментальщика. Потом отслужил в армии, в Германии, механиком-водителем танка. Вернулся домой и женился — на медсестре Анне. Работал в колхозе, в том числе и комбайнером. Лет пятнадцать назад ушел на пенсию. Прожили с женой почти полвека, вырастили двоих детей — сына и дочь. Теперь у них четверо внуков.

Анна Михайловна интереснейшая женщина: сорок лет отработала в местной больнице, пока ту не закрыли, и к искусству, ремеслам отношения никакого не имеет. Но к увлечению мужа относится уважительно — ему ведь нравится. А значит, надо помогать.

И каждый этап изготовления очередного произведения проживает она вместе с супругом — подыскивает нужное железо для крыш и куполов, подходящие материалы для окон, ворот, изгородей, покупает и таскает на себе лаки, краски, клей, лобзики и пилочки. А ещё терпит грязь и пыль, шум от пиления и сверления в доме, где муж работает в холодное время года, тесноту в комнатах, где модели и размещаются, загараживая подход и свет в окнах, собирая пыль, с которой приходится постоянно бороться.

Декабристка, одним словом. Мой завхоз, шутит Евгений Александрович. Она улыбается. Хотя кто знает, поддержала бы она его в желании отреставрировать дедову модель домика, если бы представляла, что муж так увлечется и в их жизни начнется целая эпопея моделирования, причем таких сложных и объемных сооружений, как храмы.

Ведь в гараж работы выносят они только для показа редким гостям, и то лишь летом: зимой хранить такие ценные поделки в неотапливаемом помещении Лядновы не рискуют.

А началось всё с того самого домика, который теперь он хранит еще и как первую модель, к которой приложил свою руку — подлатал, покрасил, изгородь «приставил». Почувствовав вкус к такой работе, остановиться уже не мог. Но и сразу взяться за храм Димитрия Солунского не решился. Походил-походил вокруг, повздыхал — и отступился: понял, что с такой сложной работой не справится.

Первая работа в «храмовой» коллекции мастера — модель Христорождественского собора, что стоит на главной площади Липецка. Трудно сказать, почему он начал с него. Может быть, потому что это главный храм епархии. Или потому что показался проще в исполнении. Или было больше информации о его архитектуре. Ляднов и сам ездил, рисовал его, делал эскизы: и на снимках разглядывал, и в книгах описания читал. Ну и дело пошло.

Но ту первую свою модель он подарил местному священнику. А для себя всё-таки повторил эту работу: слишком дорогой его сердцу она стала. И не заметил, как втянулся в деревянное своё зодчество, стал изучать литературу, приобретать инструменты.

Сын подарил ему токарный станок по дереву. А фрезерную пилу приспособил он к основанию... старой ножной швейной машинки «Зингер». Зингеровские конструкции почистил, покрасил — и теперь это ценные экспонаты его гаражного «музея», где фон для моделей создают старые вещи: керосиновая лампа, часы с кукушкой, шкафы, телевизор, примус, календарь, популярные когда-то репродукции в рамках.

Над каждой моделью работает он по полгода и больше. Вдохновляют его храмы не только своего Данковского района. К примеру, Свято-Никольский храм «высмотрел» он в селе Верхний Студенец Задонского района, где всё освящено именем и памятью Тихона Задонского.

И модель берёзовского собора Димитрия Солунского, к которому он так долго боялся подступаться, тоже сделал. Уже когда набрался опыта и мастерства, когда появилась допол-

нительная информация о храме, новые материалы о его архитектуре, истории создания. Работал над ним больше года.

Между прочим, на крыше мини-храма то же самое кровельное железо, которым при реставрации покрыли крышу настоящего храма в Берёзовке. Лядновы нашли там отходы железа и, не мудрствуя лукаво, использовали его по тому же назначению. С эскизами деталей, снимками храма с разных ракурсов помогали-таки добрые люди и книги.

Колоритные, яркие, со всеми подобающими и соответствующими оригинальным сооружениям деталями и архитектурными элементами, модели притягивают взгляд и долго не отпускают от себя. Хочется открывать миниатюрные дверцы, оконца, воротца, звонить в колокольцы, обходить кругом и разглядывать, разглядывать...

Евгений Ляднов человек скромный. Встречает с какой-то даже робостью: мол, чем заслужил внимание... Приглашает в аккуратный дворик, где важно выгуливают свое куриное семейство два живописных петуха.

Сарай, гараж, построенные из старых кирпичей, которым Евгений Александрович и его жена Анна Михайловна дали вторую жизнь, собирая их в разрушенных усадьбах округи и тщательно вычищая, шлифуя для дальнейшего употребления, выглядят добротнo, хотя и прозаично. Но вот двери гаража распахиваются — и открывается чудо.

Это вам не красные человечки без голов, установленные скандальным галеристом в Перми. И не арт-объекты из чего похуже, невесть для чего предназначенные. Кстати, музей современного искусства в самом центре Москвы называется... «Гараж». Правда, там всё же проходят более или менее приличные мероприятия и выставки. Однако гараж Евгения Ляднова гораздо ближе и роднее русскому человеку: в нем собраны работы народного мастера, создающего модели храмов.

Между тем это всего лишь гараж, и в нём практически никто не бывает. И сколько таких мастеров-умельцев в России, особенно деревенской, изготавливают настоящие произведения искусства, которые пылятся потом в сумраке гаражей, подвалов, сараев вместо того, чтобы быть представленными на выставках, в музеях, домах культуры и библиотеках.

Несколько лет назад с достижениями липецкой социальной службы приезжали знакомиться австрийские коллеги. Когда они увидели, какие шедевры выходят из-под рук пожилых людей — а это и гончарные изделия, и вязаные, и лоскутное шитье, и самобытные куклы, и тканые панно, и декоративные украшения, и живопись, иконопись, роспись, вышивка бисером, гладью, крестиком, макеты и модели, скульп-

птура и лепнина — то восторгам не было конца. Но главное: «Это же всё баснословно дорого! да на этом можно столько зарабатывать! Да у нас они бы разбогатели!»

А у нас не знают, кому подарить, куда даром пристроить свои работы, чтобы сохранить и другим показывать, на что способен человек. Модели Ляднова сложные, красивые, познавательные — клад для краеведов, музейщиков, учителей, священнослужителей. А деть этот клад некуда.

Но зато и не надо расставаться с работами, в которые душу вложил. Они ведь как живые, говорит мастер: дерево долго хранит память о тех, кто к нему прикасался. Откуда он это знает? На то он и мастер, что знает и слышит больше других. Ему даже дедов домик что-то шепчет, и маленькие храмики рядом тоже внимают этим шорохам и звукам из былого. Что-то они сами нашепчут когда-нибудь потом тем, кто сумеет их услышать...

ЛАПОТНИЦА

Уже восемьдесят лет Мария Сухова из Преображеновки плетёт лапти на все случаи жизни. Да-да, лапти на Руси издавна были не только обувью, но и служили оберегом, для отвода глаз людей завидующих и загребущих.

Придёт такой недобрый чужой человек во двор или огород, а там лаптей видимо-невидимо: до ста штук вешали их на столб около крыльца или над воротами, а то и на каждый кол в огороде, на штакетины забора. В курятнике лапоть «охранял» кур, в лавке — «приносил» доход. В доме лапоть «сторожил» семейное счастье. В лапоть прятали гостинцы для домовых. А ещё он охранял от разлучников и разлучниц!

Но не до примет было Марии Суховой из добровского села Преображеновка, когда она принялась плести свои первые лапти...

До войны Марии Михайловне удалось закончить только один класс в местной школе. Семья была не из зажиточных: шестерых детей нажили её родители, и это было единственным их богатством. Чтобы содержать семейство, папа работал на шахте. Но, видимо, с достатком в доме было туго, и во второй класс маленькой Маше просто не в чем оказалось пойти.

Впрочем, в деревне босым остаться невозможно: сызмала все научались плести лапти. Мария Михайловна вспоминает, что в лаптях на селе ходили и в войну, и долго ещё после неё. Так что не было ничего удивительного в том, что дед, папин отец Игнат Федотович Бусаров, вручил девчужке кочедык в руки и научил им пользоваться. С тех пор Мария Михайловна и плетет эту самобытную русскую крестьянскую обувь. Лапоточки у нее получаются просто картинные.

И пусть давно уже в них никто не ходит, лапти и сегодня пользуются немалым спросом. И не только в качестве сувениров, хотя это одно из новых предназначений лаптя, ставшего непременным атрибутом народных, этнографических, фольклорных гуляний, фестивалей, праздников.

Их охотно покупают на память о пребывании на мероприятиях, развешивают в домах, выстроенных в деревенском стиле. Лапти приобретают русские танцевальные и певческие коллективы, театры, музеи.

Такой всплеск интереса к произведениям своих рук Мария Михайловна только приветствует: плетение лаптей — ее любимый досуг, приносящий к тому же хоть и небольшие, но доходы. В мае заготавливает она лыко, благо лес рядом.

Традиционно в Преображеновке используется лыко липовое. Оно сушится, сматывается в мотки и ждёт своего часа, когда заканчиваются полевые и огородные хлопоты и начинается рукоделие. Тогда лыко распаривают или вымачивают, и плести из него — одно удовольствие. День-два работы — в охотку или под заказ — и пара готова.

Лапти можно и разукрасить, и особыми шнурочками снабдить, это кто как пожелает. Кстати, снашивались лапти в старину за неделю! Другой-то обуви не было. Зимой их надевали на онучи — хорошо, если шерстяные, которыми обматывались ноги до колена. Поэтому лапти в домах плели почти постоянно — впрок по нескольку десятков пар, ведь семьи были большие.

Марии Суховой уже 87 лет, но сидеть без дела она не умеет и не хочет. В её маленьком домике, который они в своё время построили с мужем, царит творческая атмосфера.

Там и колодки, и инструменты для лаптевого промысла. Там и прялки, в том числе старинная, что называется, дедовская, а также электрическая, которыми Мария Михайловна пользуется по сей день.

Соседи выращивают овец, рассказывает она, а шерсть за ненадобностью выбрасывают. Её и подбирает Мария Сухова и прядёт отличную пряжу для теплых домашних носков, жилеток, которые потом собственноручно и вяжет.

Одна беда — не хотят молодые перенимать ремёсла. Терпения у них не хватает, считает мастерица. И интереса. Это пока-то они проникнутся народными традициями, исконно русскими промыслами. Да вот только научить их, открыть секреты ремесла будет уже некому.

А ведь она ещё — по свидетельству соседей, потому что сама Мария Михайловна очень скромный человек, — печёт изумительный домашний хлеб, уваривает исконно русский

преображенковский квас, знает все грибные и ягодные места в округе и делает из лесных даров заготовки на зиму, а про блины и вовсе молчок: что толку говорить, когда надобно «откушать». А еще лучше — самим учиться у деревенских хозяек премудростям русской кухни и жизни.

Главное, чтобы было для кого плести, вязать, готовить, печь. У Марии Михайловны с этим проблем нет. Мало того, что человек она гостеприимный и душевно принимает каждого ступившего на порог. Так у неё и родни целый клан, только успевай поворачиваться. И не потому что надо, а потому что нравится ей быть нужной своим близким людям.

Я горжусь, говорит она, что мы с мужем, Александром Никитичем, после себя столько народу оставили! Супруг уже ушёл в иные веи, но они родили и вырастили пятерых детей, которые «дали» многочисленную молодую поросль. У нее двенадцать внуков и девять правнуков — вот оно, женское счастье Марии Суховой, её опора и подержка.

Но пока она и сама ещё в силе, старается хлопотать по дому, в котором всегда находит себе дело по душе — хоть лапоточки сплести, хоть блинцов испечь...

ПАПА КАРЛО

Одни считают Сергея Матвеевича Кузнецова из чаплыгинского села Кривополянье мастером, другие чудаком. А это богач, каких поискать. И вся его наличность на виду: деревянной резьбой, скульптурой украшен скромный дом у дороги, мимо которого невозможно проехать без удивления и восторга. Люди останавливаются, восхищаются живописной усадьбой и, конечно, фотографируются: денег за это Сергей Матвеевич и его супруга Антонина Владимировна не берут.

А то еще и в дорогу зелени с огорода — петрушку, базилик, сельдерей — с собой дадут. Ведь в Кривополянье все занимаются огородничеством. А поскольку Кузнецовы люди творческие, то пока муж над очередным поленом стамеской орудует, жена настоящие «ковры» зелени возделывает на участке, издали похожем на цветное мозаичное панно — с салатowymi, фиолетовыми, буро-зелеными грядками.

— А я с детства любил рисовать, — вспоминает Сергей Матвеевич. — Но в нашей школе не было учителя рисования, и по этому предмету нам ставили прочерк. В армии же в аттестат зрелости никто не заглядывал, увидели, что рисую, — и стали задания давать, портреты заказывать. Хотели даже в художественное училище направить, но меня дома любимая девушка ждала, жениться собирался...

Так и закопал бы он свой талант в землю, если бы не одна случайность. Уже и дети подросли, и в профессии суровой — машиниста путевых машин — освоился, а когда предложили ему на курсы квалификации в Москву поехать — согласился. Слово для того, чтобы, находясь в столице по серьезным делам, зайти в магазин «Тысяча мелочей» и купить там непонятно зачем, как он думал тогда, набор стамесок.

Ну а раз купил, то надо было хотя бы узнать, что с ними делать, как работать. Пришлось походить по книжным магазинам в поисках обучающих курсов, пособий, подобрать и приобрести дополнительные инструменты, побывать не в одном музее, на выставках. Словом, повышать свой общий и культурный уровень, самообразовываться.

В семье ни до него, ни после никто творчеством не занимался. Хотя родных много: отец его, Матвей Егорович, 1899 (!) года рождения, овдовев, остался с шестерыми детьми на руках. Во втором браке родились ещё двое, в том числе и наш герой.

Отцу посвятил Сергей Медведев деревянный памятный знак в год 68-й Победы над фашистской Германией, который установлен у него на воротах усадьбы: отец прошел Гражданскую и Великую Отечественную войны, в 43-м в августе на Курской дуге был ранен и в бессознательном состоянии взят в плен, пережил концлагерь в Майданеке. И всю жизнь был верен Родине и Сталину: кстати, за плен с него никто никогда не спросил, не судил, не репрессировал.

Сергей Кузнецов об отце вспоминает с почтением, но, отдавая ему дань уважения, политикой в своем творчестве не увлекается. Сюжеты и герои его деревянных скульптур — сказочные, былинные: Василиса Прекрасная и сестрица Алёнушка, витязи и богатыри, мощные орлы и изящные жарптицы. Правда, и для этого он много читал, изучал славянскую мифологию, русский — и не только — фольклор.

Внимание к его резному, с витиеватыми наличниками и многочисленными скульптурами, дому проявил в свое время и глава районной администрации Николай Климов. А побывав в гостях, заказал для города ряд работ, которые ныне украшают Чаплыгин на улице Советской.

В округе Медведева уже знают, везут ему дерево — спиленные берёзы, липы, ольху, осину, клён. Его дом и усадьба неоднократно признавались лучшими и образцовыми, в том числе и в областном масштабе. Так что и увлечение жизни, и слава всё-таки нашли его. Уже лет двадцать занимается он любимым делом, вынашивает идеи, образы и с волнением в сердце приступает к каждой новой работе: ведь всё на интуиции, предвосхищении того, что выйдет из-под его резца...

И по-настоящему счастливым он бывает, только укрывшись в своей скромной мастерской, которую он называет каморкой Папы Карлы. А что, похоже: кругом чурбачки, коренья, стружки, а на козлах лежит ещё не тронутое резцом полено. Но Медведев уже видит, уже знает, что в нём скрывается. Теперь его задача — отсечь лишнее.

В КЛАССИЧЕСКОМ СТИЛЕ

У Николая Рожнова было четыре сестры и два брата — Володя и... Володя. Старший Владимир погиб в 1943-м, подорвался на mine. А младший родился 9 Мая 1945 года, и родители в память о первенце назвали мальчика Володей...

Для Николая Григорьевича это не семейные предания, а живые воспоминания. Старший брат во всем был для него примером: прилежный, ответственный. И страсть к рисованию тоже от него. А вот откуда в Володе вдруг открылась такая увлеченность живописью, неизвестно. В роду все были крестьянами, пахали и сеяли, пряли и ткали. Не до красок с карандашами. А он бережно складывал свои рисунки под соломенный тюфяк на полатах, покрытый самодельной дерюжкой: мать ткала их зимними вечерами. Наверное, он стал бы художником. В 43-м ему было всего 18 лет. Когда мина взорвалась, он успел крикнуть «Мама!..»

Родители так и не оправились от горестной утраты. Если бы не знали подробностей, может, время как-то утихомирило их душевные раны. Но в село вернулся сослуживец сына и рассказал, как было дело. Обидно, что парень вышел живым из боев, а погиб во время очередного марш-броска, когда фрицев уже гнали с Украины. Ночью поступила команда «Привал». В темноте, располагаясь на отдых, он и напоролся на мину. Жил еще несколько часов. А этот его крик «Мама!» так и застрял в ее сердце навсегда...

Потом Николай Рожнов напишет картину «Похоронка» — ее можно посмотреть в областном краеведческом музее. Но эта боль, которая поселилась с тех пор в их семье, с годами никуда не исчезла. А Николая Григорьевича подвигла на создание полотен, словно пронизанных святой памятью о брате, истекшем кровью на минном поле враждебной нам ныне Полтавщины...

Самой известной его работой из цикла, посвященного брату, называется «У портрета сына». Познакомиться с ней можно только в каталогах. В 1974 году она экспонировалась в Москве на Всесоюзной выставке, потом побывала в Германии, о ней писала профессиональная пресса. Позже картину при-

обрел Владимиро-Суздальский музей народного творчества, где она хранится и по сей день.

Сюжет её прост: на стене деревенской избы висит портрет крестьянского парнишки, а под ним на деревянной лавке сидят старенькие родители, сложив натруженные руки на коленях. И такие у них лица, такие глаза, что сердце сжимается. Художнику удалось передать человеческое горе не какими-то особыми изобразительными средствами или аллегориями, а исключительно талантом и силой собственного чувства. Он всю жизнь трогательно чтит родителей и последние десять лет их жизни — до 1984-го — был рядом.

Его корни — в селе Ранино Мичуринского района. Там он делал свои первые наброски, разживаясь у брата драгоценными белыми листочками для рисования, там учился в школе, отсылал свои рисунки в местную газету. Там ему и посоветовали поступить на заочные курсы для желающих учиться рисованию при Центральном доме народного творчества имени Н.К. Крупской в Москве, позднее преобразованные в Государственный заочный народный университет искусств. Его приняли сразу на второй курс. И с тех пор звание самодеятельного художника закрепилось за ним на всю жизнь.

Любитель, самоучка: так еще называют не получивших академического профессионального образования живописцев. Но картины-то у них настоящие! Кстати, самоучками были Поль Гоген и Ван Гог, Филипп Малявин и Виктор Васнецов, известные русские пейзажисты Федор Васильев и Иван Похитонов, современный талантливый художник Андрей Шишкин и многие другие. К сожалению, нет на наших художников таких меценатов и организаторов художественных галерей, как Третьяковы и Морозовы, поэтому картины большинства талантливых живописцев наших времен пребывают в полном забвении и пыли. Но когда они начинают доставать их из этого плотно забитого хранилища, хочется плакать: ну почему, почему их никто не видит, почему они никому не нужны?!

Возможно, творческая судьба Николая Рожнова сложилась бы успешнее, женись он на какой-нибудь сподвижнице и поклоннице его таланта, понимающей, что этот «любитель» иных профессионалов, вместе взятых, стоит. Однако не получилось. Женился он на выпускнице мичуринского педагогического института и уехал с ней по направлению в Нижний Тагил. Окончил худграф тамошнего пединститута. В 1962-м родился сын Андрей. А в 74-м Николай Григорьевич вернулся на родину. Супруга не прониклась его живописью, он не разделил её учительских забот. Каждый остался при своём.

Ещё одна женитьба тоже не принесла Рожнову счастья. Обосновались они с новой семьёй — супругой и полторагодовалым пасынком — в Липецке. Он занимался в основном оформительской работой: ведь руки у него золотые. Резьба по дереву, лепнина, витражи, росписи — он мог всё. И зарабатывал неплохо. Но 90-е годы смутили его своей необузданностью, и он ушел в свободное плавание. Однако созданный тогда на пару с сотоварищем кооператив больших доходов не принёс. Да и не творческим людям заниматься частной хозяйственной деятельностью. Тем временем и у жены появились свои интересы и увлечения, несовместимые, скажем, с каждодневным трудом и страстью художника, его представлениями о смысле жизни и призвании, любви и искусстве.

В итоге сейчас он один в тесной комнатухе с сотнями (!) работ — картин, эскизов, рисунков — на стенах, стеллажах, за диваном, дверями, в углах, на подоконнике и просто на полу, иные из которых значительного (до двух метров в длину!) размера.

Там же — мольберт с почти законченным городским пейзажем, заготовки для рам, оригинальные композиции за стеклом из природного материала. Повсюду краски в тюбиках и кисти, кисти, кисти, кисти везде...

— Да лучше бы я был шофёром! — в сердцах сказал он, заботливо раскладывая по местам «экспонаты» специально для меня устроенной выставки.

Любитель, он самый почтенный член клуба самодеятельных художников «Горизонт» при областном центре культуры, народного творчества и кино. И сейчас, на 84-м году жизни, пишет почти каждый день. Сколько уголков Липецкого края запечатлел он в своих светлых, ярких пейзажах! Есть и просто красивые, почти декоративные цветочные композиции. Но всё самобытное, никаких копий!

Обычный с виду, худенький человек, он любит людей сильных, героических. На его портретах и современники, и исторические личности — Петр Великий, Петр Столыпин, Иосиф Сталин, Георгий Жуков. А какой Иван Грозный! Глаз не оторвать, магическое притяжение.

Можно упрекнуть меня в дилетантизме: что я понимаю в живописи. Ну, рисует человек, и примитивисты считают себя великими художниками. Но Николай Рожнов себе спуску не даёт: он постоянный участник всевозможных выставок, позволяющих более или менее объективно судить о таланте и месте художника на иерархической лестнице мастеров в этом виде искусства. Так вот этот любитель из глубинки, непризнанный профессионалами и на уровне региона, в грязь лицом не ударяет.

Кроме «У портрета сына», у него очень сильная работа из этого цикла «Портрет брата» (где глаза юноши еще пытливно вглядываются в будущее, а за спиной у него уже свершилось всё самое страшное: война, взрыв и конец...). В мае 1985 года Рожнов за эту работу получил диплом и медаль лауреата Всесоюзного смотроконкурса самодеятельных художников. Затем картина была представлена на передвижной выставке в Болгарии.

Впечатляет и портрет матери, который Николай Григорьевич с трудом высвободил из «тисков» других картин, тесно приставленных друг к другу в дальнем (насколько это возможно в десятиметровой комнате) углу.

Хочется подробнее остановиться и на картине Рожнова «Осень», где изображены его родители. Работа эта демонстрировалась в Москве, побывала на передвижных выставках в ГДР, Болгарии, Чехословакии, Венгрии. Затем выставлялась в Ливадийском выставочном комплексе Ялты и впоследствии была приобретена музеем Симферополя.

Его полотна есть также в Санкт-Петербурге, Свердловске, Костроме, в частных коллекциях и музеях, в центральной городской библиотеке имени Сергея Есенина в Липецке. В областном центре и в районах устраивались и персональные выставки. Но профессионалы Рожнова не жалуют, на престижные областные выставки его картины не берут: мол, и членов союза художников предостаточно.

Можно было бы объяснить такое положение вещей тем, что его лучшие работы выполнены давно и сегодня никакой ценности (?) не представляют. Но, во-первых, это не так, да и картины его годами никто не видит. Во-вторых, в прошлом году его работа под названием «Пижма» была отобрана и представлена на VIII Международной выставке-конкурсе современного искусства в Санкт-Петербурге. И на конкурсе классической (!) живописи его «Пижма» заняла третье место в номинации «Пейзажи и природа в классическом стиле». Я видела эту картину: она изумительна!

Траву на первом плане трогаешь рукой: кажется, что для такого объемного изображения художник применил какую-то хитрость, ан нет — на ощупь всё «чисто». А кажется, трава колышется, и сами цветки пижмы — нет, не фотографической точности, наоборот, исполненные скорее в импрессионистской манере, — словами описать невозможно. Есть там и третий план — глухой наступающий лес.

Не знаю, насколько это правильно в профессиональном смысле, но для сердца такое «любительство» куда ближе, чем мастерски измалеванный холст с невесть чьим изображением. Так вот эту картину на областную выставку не взяли...

Такая вот осень жизни у мастера. Впрочем, в классическом стиле: настоящее творчество чурается комфорта. И сетовать не на кого. Был бы он прагматиком, брал бы выгодные заказы, строил бы себе дворцы, теплицы, гаражи, а вечером лежал бы на мягком диване, потягивал виски с содовой и посапывал от удовольствия. А он, романтик, брал мольберт и писал этюды, создавал свой мир красивых пространств и людей.

Государству же не до романтиков, будь они хоть профессионалы, хоть любители. Да и людям тоже не до творческих потуг отдельных личностей, не умеющих жить по уму — только по сердцу, только по душе. Но зато расставил Рожнов свои картины — и всё в комнате преобразилось. И не нужны там фотографические обои, глянцевые потолки, золочёные люстры, потому что излучают его пейзажи и лица удивительный свет, мерцают огоньки костерков в его инсталляциях, сияют радостью его глаза.

Нет, нет, ни за что не променял бы художник свою судьбу. А про шофера — это он так, для красного словца. Да и шоферы тут совсем ни при чём. Тут другое: жизнь в искусстве. Она делает тебя создателем той реальности, которая никогда бы не стала явью без твоих усилий, самоотверженности, дара. Одна беда: что с этой реальностью делать?

Вот и Рожнов мучается вопросом: как распорядиться своими картинами, кому они нужны? У него добрые отношения с сыном и пасынком, с внуком, они все благоразумные, работающие люди. Но им это живописное собрание ни к чему. В области тоже не испытывают пиетета к народному художнику. Неужели пропадут картины народного художника?

Он вздыхает, достает еще один пейзаж: с дубом и липой. Как Филемон и Бавкида, напоминает он мне античный миф о супругах, которые за гостеприимный прием Зевса были награждены долгой и счастливой жизнью, а после смерти превратились в эти два дерева, растущие из одного корня.

Писал Рожнов эту картину, думая о родителях. Их осень он пестовал, скрашивал. В его же осени есть только картины и такая же, как он, одинокая подруга, художник-любитель. Они изредка ходят друг к другу в гости. Изредка — потому что ходить им всё тяжелее. Но они не падают духом: в их тесных комнатках целый мир красок и образов...

г. Липецк

ДУШЕСПАС

РАССКАЗ

Брехаловка была совестью Загряжска.

Любое событие, будь то пожар или драка, измена любящего и чадолюбивого мужа, буйство пьяного полицейского, тайная любовь начальника к секретарше или, боже упаси, попытка дать взятку мэру или его заместителю — любое едва заметное шевеление в Загряжке обговаривалось, обкатывалось и отшлифовывалось на брехаловке до здравого логического определения, до неоспоримой истины.

На утреннюю брехаловку в Загряжском парке собиралось человек двадцать пенсионеров. По многолетней привычке всегда собирались в любую погоду, но в майские дни народу прибавлялось. Вокруг деревянных скамеек цвели старые липы, жужжали пчелы, пахло медом и праздником. На отлежалых за зиму лицах проявились улыбки. Люди лениво разминались, потягивались, хрустели заржавевшими суставами. Старички охотно и ядовито угощали друг друга крепкими словами, смеялись и ржали, как мо-

ПРОЗА

лодые. Чувство стадности обостряет жизнь, прибавляет самоуважение и полезность в житейской маете.

Здоровяк в красном спортивном костюме, с желтыми от курева усами, выпучив глаза, громко отрапортовал:

— На селекционной станции скандал, от директора Грибоедова ушла любимая жена Наташка!

Новость взбудрила старичков, нарастающая тишина зашекотала нервы. Кто-то слабо попытался усомниться:

— Да я вчера видел их вместе в мебельном магазине...

Здоровяк решительно поднял указательный палец:

— Ты никак не мог видеть их вчера! Ровно неделю назад она дала деру к замужу Грибоедова, доценту Огуречному! Вчера ты мог видеть рядом с профессором Грибоедовым его тещу Меланью Терентьевну, Наташка очень похожа на мамашу... Но, слушайте дальше! Неделю она провела, я дико извиняюсь, в постели с доцентом Огуречным, а сегодня утром дала деру к директору мясокомбината Криворылову. Кстати, это одноклассник и дружок нашего уважаемого Митрофана Витаминовича. Митрофан, подойди поближе, внеси ясность.

Со скамейки нехотя поднялся человек в черном длинном пиджаке, хромовых сапогах и армейской кепке с длинным козырьком. Он был Вениаминович, но для удобства земляки погоняли его Витаминовичем, уважительно, впрочем. В его тихом мироточивом обличье проглядывала властность и сила. Проглядывала и пряталась в холеной волнистой бороде, в легкой иронической улыбке. Он медленно оглядел напряженные лица товарищей и разочарованно развел руками:

— Не слышал, не видел, брехать не стану...

Брехаловка обиженно загнула губы.

— Не может быть!

— Не темни, Митрофан, ты все знаешь!

— Криворылов твой кореш!

Митрофан смущенно улыбнулся:

— Господа старички, не спешите. Слухи должны отлежаться, обмаслиться... Дайте срок.

Брехаловка подтвердила свою репутацию, слухи оказались чистой правдой. Красавица Наташка убежала от профессора, как это случалось не раз. Потому что была моложе на двадцать лет и кровь у нее быстрее бежала по жилам, чем у профессора. А каков доцент Огуречный! Оказалось, он давно стрелял за Наташкой! Роман был у него, старого дурака мужа, под носом. На глазах у всех! Слепец, тряпка! А Наташка дура! Доцент через неделю выставил ее за дверь: он, как оказалось, женат и брак не расторгнут, жена намекает на примирение. Что касается мясника Криворылова, то у него

кроме Наташки еще две любовницы. Он не жадный, подарил каждой по квартире и Наташке посулил. А насчет жениться, где вы видели женатого кобеля?

Беда не ходит одна, мясник Криворылов снял с работы профессора Грибоедова. Вы спросите, как может директор мясокомбината уволить директора селекционной станции? На брехаловке вам зададут встречный вопрос: а как мясник Криворылов сместил мэра Загрязска Смышляева три года назад? То-то!

Профессор Герман Ильич Грибоедов заперся у себя на даче в Бирючем Куту и запил. Через неделю к нему приехал доцент Огуречный, упал на колени перед учителем и каялся, обливаясь слезами. Сердце Германа Ильича дрогнуло, он обнял друга и даже успокаивал его. Теперь они продолжали пить вместе, и чем больше пили, тем быстрее, как им казалось, трезвели. Чем больше пили, тем глубже и содержательнее было их общение.

— Скажи, Олег, — обращался к другу, немножко заплетаясь, профессор. — В чем смысл и назначение женщины? Нет, спрощу проще: зачем человеку женщина? Зачем она живет рядом с человеком?

Доцент деликатно икал, но отвечал, не задумываясь, как о деле давно для себя решенном.

— Это бывает... Вот, допустим, кошка. Ты ее погладил на улице, чужую кошку... Она за тобой в твой дом. Попробуй теперь прогони. Ты дальше должен ее гладить и кормить. Какой тут смысл? Нету никакого смысла. Все драки, все войны от баб. Нельзя их приручать! Все Наташки одинаковые, извини, учитель, и твоя тоже, хотя, может, и лучше других.

Профессор вздохнул.

— Она теперь не моя.

Свежая рана кровоточила, бывший муж страдал, в глазах стояли слезы. Он не мог даже выговорить плохое слово о Наташке.

И не мог слышать его от других, даже от друга.

— Ты не равняй ее с другими. Она замечательная, редкая женщина, только феноменально доверчива. Ее легко обмануть. Давай выпьем за Наташку.

Друзья выпили и поклялись, что не дадут ее в обиду и набьют морду мяснику Криворылову, который обманул бедную Наташку.

Загрязцы облюбовали старинную слободку Бирючий Кут и строили там дачи бог знает с каких времен. Сохранились несколько двухэтажных домов восемнадцатого века. В советские времена строить дома здесь было как-то не принято,

отдавало буржуазным душком. Строили летние хатки. Мода на дачи пошла в наши времена. Слободку быстро застроили коттеджами. Подвели асфальт, газ, воду, местечко обнесли забором, поставили шлагбаум и охранника. В струю попал и директор селекционной станции Грибоедов. Его теремок выскочил посередине пойменного леса быстро и празднично, как подберезовик после дождя.

Слободка Бирючий Кут была диким живописным уголком на высоком глинистом берегу Дона. Со стороны Загрязска на местечко круто надвигались меловые горы. Внизу сочились, пробивались ручьями множество родников. У каждого на дачном участке протекал ручей. Люди пили эту сладкую серебряную воду, дышали целебным воздухом и как-то не задумывались, за что им дадена такая благодать.

Митрофан Витаминович был благодетелем и отцом родным для обитателей Бирючьего Кута. Он и жил здесь в маленькой кирпичной сторожке, построенной для него богатым дачником. Митрофан Витаминович умел все: поймать хорошую рыбу, разделать кабанчика или барана для пикника, поменять краны, замки, вставить стекло. Потопить котят, если просят, или прикопать мертвую собачку. Он мог без помощников построить легкую рыбацкую лодку, починить мотоцикл, велосипед, электронасос или мясорубку. Одним словом, все, или почти все умел по хозяйству.

Но главный талант Митрофана имел свойства душевного характера. Он умел так доходчиво объяснить человеку его состояние, что человек после митрофановской терапии долго скреб в затылке, плевался и погонял благодетеля матерными словами.

— Сволочь!

— Живодер!

— Архаровец!

Но при этом, странное дело, у человека заметно убавлялось дури и плохого настроения. И когда через некоторое время человек все же здоровался с Митрофаном за руку и благодарил его, то непременно и упрекал:

— Ты, Витаминович, корявый, а так ничего, терпимо.

Мироточивая усмешка пряталась в густой бороде.

Несколько дней назад по просьбе знакомого врача Митрофан заглянул на край улицы, где два местных шибая строили гараж. Дело было к вечеру, оба специалиста были крепко навеселе, но еще в состоянии ковырять раствор и продолжать кладку. Митрофан подошел к краю стенки и, зажмурив глаз, оценил качество. Не здороваясь с мастерами, ткнул пальцем в стену, свежая кладка с грохотом обвалилась.

— Вы, ребята, не туда рулите...

Разгоряченные ребята хотели объяснить, что он неправ и стали на изготовку спереди и сзади. Митрофан сделал шаг назад, крепко дал в ухо одному, потом другому. Один, задрав ноги, полетел налево, другой покатился направо.

— Витаминович, это ты, что ли? — обиженно спросил один, которого звали Коляном.

— Что ж мы, не понимаем? — отозвался второй, которого звали Толяном. — Ну, косяк вышел... Спасибо, что подсказал...

Из-за соседнего забора за сценой наблюдал дедок, и когда Митрофан возвращался назад, он вышел из калитки, восхищенно пожал руку:

— Доброго здоровья, Витаминыч! Правильное у тебя воспитание, дураков только так учить надо! По мордам! По соплям!

К слову сказать, гараж Колян с Толяном выложили грамотно, и швы расшили как по линейке.

Митрофан Витаминович решительно нажал кнопку у ворот. Звонил долго. Потом обнаружил, что калитка не заперта, вошел во двор. На деревянном крыльце валялся разодранный котами мешок с мусором, из другого мешка на ступеньки выкатились пустые бутылки. Дверь на веранду была открыта настежь. Митрофан вошел в дом и поморщился отсивушного духа. Профессор и доцент, сидели за столом и, уронив головы, крепко спали. Рядом валялись останки вареных кур, опрокинутая тарелка с капустой и огурцами. Великое похмелье сгустилось и повисло на профессорской даче. Митрофан молча походил по комнате, покачал головой и вышел на улицу.

Вернулся он через несколько часов, когда друзья проснулись и тяжело, угрюмо смотрели друг на друга, соображая, как быть дальше. Доцент трезво посмотрел на бородача в дверях.

— Кто этот крестьянин?

Никто ему не ответил. Доцент встал и погрозил кулаком Митрофану:

— Я тебе морду набью!

И замахнулся, дурак, всерьез! Митрофан большим пальцем ткнул его под ребра, в печенку. Доцент хрюкнул и молча сел на пол. Позевал, поймал дыхание, слабо выговорил:

— Все равно в морду дам. Дай пива.

Митрофан присел на корточки рядом, пристально посмотрел доценту в глаза и ласково попросил:

— Иди, голуба, домой.

Доцент послушно встал и пошел восвояси.

Митрофан сел за стол напротив Германа Ильича, достал из кармана бутылку пива, отколупнул ногтем крышку. Профессор, запрокинув голову, долго булькал, двигая худым кадыком.

— Чем обязан? — спросил он, шумно дыша.

— Да вот, шел мимо, дай, думаю, зайду проведаю, может помочь какая требуется...

— Не темни. Что хочешь?

Митрофан поглаживал бороду, улыбался ласково и ехидно.

— Сопли тебе подтереть. Слабак ты, профессор!

— Я не нуждаюсь в твоей помощи, Митрофан Вениаминович. А за пиво спасибо.

— На здоровьице. Отдыхай, я завтра зайду.

Всю ночь ему снилась Наташка. Молодая, толстоморденькая, счастливая. Она щекотала ему ухо горячими сухими губами и шептала насмешливо:

— Слабак ты, профессор!

В другой раз она долго и мучительно наслаждалась его близостью, изнемогала от чувственного восторга, от слез и благодарности. А он воспарил, поднялся над купами вязов и тополей, над Доном, над Загрязском... Останавливалось сердце, перехватывало дыхание, гремящий воздух обжигал тело холодом... Он проснулся с чувством беды, катастрофы, чувством огромной невозвратимой потери. И заплакал, обливаясь теплыми обильными слезами. Он вдруг ясно и трезво подумал о смерти. И почувствовал облегчение. Это выход! Это самое простое, самое разумное решение. Это поступок! И он не слабак. Он знает, что делать....

Профессор уснул измученный и счастливый.

Митрофан появился в самый последний момент. Герман Ильич, стоя на табурете, двумя руками держался за натянутый под потолком ремень, как бы пытаясь подтянуться. Непослушные деревянные ноги судорожно скребли, толкали носками табурет. Он со стуком отлетел в угол, тело огрузило до пола и резко сложилось пополам так, что коленки достали до подбородка...

Митрофан чикнул по ремню ножиком и подхватил профессора на руки. Бережно поставил его на пол, держа за плечи. Несколько раз с силой тряхнул вялое тело. Герман Ильич был в сознании, он затравленно и виновато улыбался, смотрел на своего спасителя мутными глазами.

Бородатый Митрофан казался профессору пророком Илиёй, упавшим с утреннего розового облака. Суровый лик был исполнен величия и гнева, чело сияло вдохновением. Старец поставил профессора спиной к стенке, отступил шаг назад. Под мощным кулаком Митрофана кланула челюсть профессора, изо рта цевкой стрелнула кровь. Герман Ильич полулежал на полу, жег бородача дымящимися от злобы и ненависти глазами.

— Вот такой ты будешь мне долго жить! — весело сказал Митрофан. —

А должок отдашь, когда выздоровеешь!

Прошел год.

Мало что изменилось в Загряжске. На брехаловке по-прежнему собирались любознательные граждане. И не было удобного средства информации нигде, как в этом богоспасаемом городке, на деревянных скамейках под старинными липами. Боже, какая речь, какие глаголы произносятся здесь! Какие характеры и портреты слышит ухо. Новости так богаты, красочны, подробны. Мармелад, а не новости!

На майской брехаловке торжественно объявили о восстановлении в должности начальника селекционной станции, профессора Германа Ильича Грибоедова. С выплатой заработной платы в полном объеме за прошедший год. По слухам, академики сельхозакадемии вступились за своего коллегу, и правительство уважило просьбу академиков. Герман Ильич триумфально сел в свое кресло и продолжил многолетний труд по выведению сорта самого крупного в мире кабака, то есть, тыквы.

— Каким же весом будет овощ? — спросили на брехаловке.

Ответил бывший председатель колхоза, ученый-агроном Макар Горохов, друг Германа Ильича.

— Это, товарищи, революция в продовольственном деле! Нам по силам будет прокормить грибоедовской тыквой многие нации, включая румын и китайцев...

— А почему румын? — спросил кто-то из любознательных.

— Они мастера варить из тыквы мамалыгу.

— Сколько весит один экземпляр?

— Вес колебается, — неуверенно отвечал Макар. — Тридцать кило, как минимум. А если селитрой подкормить, то все сто. Наш Грибоедов по всей земной коре прославится!

Но главная новость для Загряжска была другая: к профессору вернулась Наташка! Она зашла в дом, как будто на минуту отлучалась к соседке. Обняла сзади за шею Германа Ильича и грудным голосом промурлыкала:

— Бегемотик, я умираю с голоду! Сообрази что-нибудь...

Чудес не бывает? Тогда откуда через минуту появилась белая скатерть, розы, хрусталь, шампанское, копчености, семга, корнюшоны и сало с прорезью? И почти молодой сияющий профессор в шелковой белой рубашке с красной бабочкой под кадыком! Вообрази эту встречу сам, читатель! У меня ком в горле. Я могу только молча выпить бокал шампанского.

Конечно, счастливый Герман Ильич не мог не навестить Митрофана. Купил по дороге коньяк, батон хорошей колбасы, пару лимонов и направил стопы к своему благодетелю. Хозяин был дома и как раз собрался ужинать.

— Вот! — сказал профессор, выставляя коньяк на стол. — Сухая ложка рот дерет.

Митрофан был в курсе всех новостей, он был искренне рад гостю.

— За такие дела и выпить на грех!

Профессор загадочно поманил пальцем:

— А еще я хотел сказать...

Митрофан подвинулся поближе и... получил сильный бойцовский удар в зубы.

Профессор нахально улыбался и вытирал кулак носовым платком.

— Возвращаю должок, Митрофан Вениаминович!

Митрофан не сразу пришел в себя, он впервые не дал сдачи обидчику.

— Зуб, кажется, выбил... — он улыбнулся разбитыми губами. — Золотой вставишь.

— Весь рот вставлю! — радостно завопил профессор.

Первый тост выпили за Наташку, второй за профессора, третий за Митрофана. Незаметно выпили весь коньяк.

— Я тогда не сразу догадался, почему ты мне в морду дал, — признался профессор. — Возненавидел тебя, мог ведь и пришибить из-за угла.

Митрофан старательно прятал в бороду задумчивую и грустную улыбку. Герман Ильич вошел в раж и не мог остановиться. Говорил о Наташке, о доценте Огуречном, о селекции кормовых культур, о своей грибоедовской тыкве, которой отдал — страшно подумать! — двадцать лет жизни. Говорил, как хорошо жить на белом свете и сколько хороших людей живет в Загряжске...

В Бирючьем Куту зацвела черемуха и робко, нестройно начинали шелкать, пускать гремучую дробь соловьи.

Хорошо в мае на Дону.

Станица Старочеркасская Ростовской обл.

ТЕЛЕФОН ВРЕМЕНИ

РАССКАЗ

Непонятное напряжение звенело в воздухе. Что-то должно было произойти, хотя утро начиналось вроде бы вполне обычно.

За окном разливался сладкий весенний воздух. В небе над деревьями крикливые птицы водили хороводы. Захар Савельевич вышел на лоджию и решительно открыл створку окна. Через несколько минут он понял, что сегодня ему дома не усидеть. Кликнул жену:

— Оля! Может, прогуляемся? Смотри, какая красота на улице!

Женщина не ответила. Шагнув обратно в квартиру, Захар увидел, как жена перебирает на диване летние платья. Второй раз он не решился повторить приглашение, понял, что жена не в духе. Только сказал:

— Пойду прогуляюсь.

Долго подбирал к костюму рубашку, будто не на прогулку собирался, а, по крайней мере, на деловой приём. Жена не обращала на него внимания, увлечённая своим занятием. Много времени ушло на выбор галстука. Хотя в конце кон-

ПРОЗА

цов решил от него отказаться. Взглянул напоследок в зеркало и подмигнул своему отражению: хорош! Умное лицо, лёгкий прищур карих глаз, горделивый чуб, зачёсанный набок. Щетина на щеках отливала серебром и как бы даже молодила его. По привычке брызнул одеколоном.

Причину своих столь тщательных и долгих сборов на обыкновенную прогулку Захар Савельевич мог бы объяснить. В нём росло странное ощущение, что там, на улице, его ждало что-то такое важное, от чего изменится жизнь. И чем ближе к выходу — тем сильнее.

Захар Савельевич вспомнил, что подобное ему пришлось пережить давно, ещё когда родился внук, а потом и позже, когда того крестили. В те дни стояла осень, и было видно, как по блестящим листьям струился серебряный свет. А с неба звучал высокий торжественный звон. В храме было празднично от золотых икон, и дети в белоснежных крестильных рубашечках казались ангелами. Новоиспечённый дед, немало проживший на свете, с волнением вдыхал запах ладана и смотрел, как батюшка высоко приподнял его внука, будто вручая самому Христу...

Несмотря на свой возраст, Захар Савельевич молодецкато сбежал по лестнице и открыл парадную дверь. В грудь холодно и сыро ударил плотный весенний воздух. Просторный двор пока был безлюден. В углу трепыхалось на ветру бельё. Захар Савельевич глубоко вздохнул, натянул поглубже кепку и бодро зашагал вперёд.

Эта зима показалась ему непривычно долгой. Может быть, потому, что она была первой в его пенсионной жизни. С утра никуда не надо торопиться, если только мусор вынести. Дел по дому никаких, один телевизор да разговоры с женой. Да и разговоров-то стало немного. Бывали вечера, когда вообще молчали. Вроде бы поводов для обид и ссор не было, и сами не знали, на что злились. Будто бес какой в них вселился или кто-то сглазил, позавидовав их дружной семейной жизни..

Раньше Захар Савельевич всегда первым уходил на работу, и жена, стоя у окна, прощально махала ему рукой. Днём не раз переговаривались по телефону, а вечером вместе возвращались домой. Куда всё это делось?

Ноги как-то сами собой вынесли на окраину города. Здесь Захар Савельевич родился, здесь прошло его детство... Дом продали после смерти родителей и перебрались в городскую квартиру. Давно не бывал Захар в этих местах, хотя тянуло его сюда, и он не раз собирался прийти.

До стекольного завода он дошёл быстро, а затем зашагал не спеша, рассматривая сады и дома. Строения тут стояли

разные: и дома, и домища. Но в основном — развалюшки, покривившиеся, остывшие, осевшие в землю. Нерадостны были и наличники, почерневшие от осенних дождей. По тротуарам ребята отчаянно гоняла на велосипедах и скейтбордах. Захар Савельевич уворачивался, как мог. В конце концов сошёл с тротуара на газон. Около одного дома заметил скамейку. Направился к ней, вытер вспотевший лоб и, опершись рукой, тяжело сел. Только сейчас мужчина почувствовал, что чертовски устал. А мальчишки продолжали носиться, объезжая своих «скакунов».

Немного отдохнув, Захар Савельевич встал, запрокинул руки за голову, потянулся. На другой стороне улицы, под деревом, у покосившегося дома, неожиданно увидел... старую телефонную будку! Им овладело любопытство. Откуда она тут? Когда жил здесь, её точно не было. Имелся в их районе телефон-автомат, но он стоял около магазина. А магазин — совсем в другом конце посёлка...

Захар Савельевич подошёл к «антиквариату». Вид у будки был, конечно, не первой свежести. Краска обшелушилась, дверные стёкла разбиты, стены исписаны. В основном, пылкими признаниями: «Любаша! Я тебя люблю!», «Катя + Рома = любовь», «Длинный! Ещё раз увижу с Надькой, ноги вырву!» В общем, теми словами, которые адресат не отваживался сказать вслух. Были нацарапаны и номера телефонов. Пятизначные — тех еще лет.

Телефон в будке оказался цел. Захар Савельевич с любопытством поднял трубку. Она отозвалась непрерывным гудком. Однако дальше дело не пошло — требовались старые двухкопеечные монеты. Мужчина разочарованно вышел из будки, плотно прикрыв за собой дверцу.

Вечером дома он вдруг вспомнил, что у него где-то должен храниться школьный пенал с советскими монетами. На его счастье, пенал отыскался, было цело и содержимое. Захар Савельевич обрадовался этому привету из детства, но жене ничего не сказал.

Он еле дождался следующего дня. Быстренько позавтракав, выскочил из дома. Его словно подталкивала какая-то сила. Почти бежал, будто опасаясь опоздать. А куда? На свидание со старой телефонной будкой? И что ждёт впереди — тоже не знал. Ну, войдёт сейчас в эту будку, бросит старую монетку, а где гарантия, что телефон сработает? Да и какая в том надобность? Позвонить он может в любое время, хоть с домашнего телефона, хоть с сотового, который всегда в кармане. И всё-таки Захар торопился.

Будка стояла на месте, никуда не делась. Мужчина потянул дверцу на себя, и она со скрипом отворилась. Краешком

глаза Захар заметил, что в эту же минуту на противоположной стороне улицы открылась калитка, и из неё вышла дряхлая старушка. Она никуда не пошла, села на лавку. Показалось, что она во все глаза смотрит на Захара. Это смущало, но он забыл о старушке, как только прикоснулся к телефону. Снял трубку, погладил её. Бросил «двушку». Внутри автомата что-то троекратно щёлкнуло, и раздался гудок. Захар оторопел. Ему даже показалось, что и в нём что-то сработало, как в этом старом телефоне, и на какой-то миг перенесло в давний мир детства. Дрожащими пальцами он набрал номер родительского телефона.

На том конце провода отозвался женский голос:

— Да, я вас слушаю...

Захар Савельевич чуть не выронил трубку. Он узнал голос матери.

Какая-то зыбь пошла вокруг: то ли от волнения в глазах помутилось, то ли действительно изменилось пространство.

— Говорите, пожалуйста, — сказала мать.

Захар, еле сдерживаясь, произнёс тихо:

— Мама, это я...

От своих слов он чуть не сошёл с ума.

Будто не было временного расстояния! Будто бы только утром расстались.

— Захарушка, у вас что, занятия уже закончились? Может, ты пораньше домой придёшь?

— Не совсем, — с трудом выговорил он. — У нас ещё физра будет.

Мать назвала его, как в детстве, и он снова почувствовал себя прежним мальчишкой. В груди всё клокотало и пело.

А невероятный диалог продолжался.

— А я затеяла на сегодня беляши, — говорила мама. — Ты только не опаздывай. Приходи к горячим. Может, с Олюшкой придёшь?

— Наверно, нет, — испугался Захар Савельевич, перепутав прошлое с настоящим. Сообразив, что речь идёт о той Олюшке, которой ещё семнадцать, а не о взрослой женщине, прожившей с ним жизнь, он поправился: — Придём, если она захочет.

— Скажи, что это я её пригласила. А вы, случаем, с ней не поссорились? — насторожилась мать.

— С чего ты взяла? Просто она после занятий ходит на репетиции КВН.

— Ну хорошо. Жду вас в любое время.

В трубке раздалась гудки. «Похоже, я совсем спятил, — оторопело размышлял Захар Савельевич. — Ну как это мож-

но разговаривать с человеком, которого давно нет на свете?! Или я понемногу схожу с ума, или действительно существует «параллельное пространство». Если это так, то ведь можно пусть не вернуться на землю умерших людей, но хотя бы разговаривать с ними». У него было ощущение, что он оказался причастен к великой и непостижимой тайне мира.

Захар тряхнул головой, стараясь отогнать наваждение, но всё осталось по-прежнему: и яркий солнечный день, подёрнутый почти незаметной зыбью, и эта древняя будка без стёкол со смешными надписями по стенкам и ровно гудящей в руке чёрной трубкой.

— Надо проверить, — пробормотал Захар и дрогнувшими пальцами достал ещё одну «двушку».

Он позвонил другу, который давно погиб, ещё в Афгане.

Трубку подняли не сразу. Захар Савельевич было подумал, что на этом и закончились его открытия, но вдруг в трубке зазвучал знакомый, чуть хрипловатый голос:

— Алло, говорите...

Это был он, Виталик Ходасевич. Захар ответил ему не сразу:

— Привет, дружище... Рад тебя слышать.

— Ты чего такой взволнованный? Что-нибудь случилось?

— Да нет, всё в порядке...

Хотелось задать столько вопросов! Но язык словно онемел.

— Ну так заходи в гости. А то меня ведь скоро в армию загребут. Мама тебя недавно вспоминала. Приходи!

— Обязательно приду! — крикнул в трубку Захар Савельевич. — Ты только без меня в армию не уходи!

В голове у него всё окончательно перепуталось. Мысли, одна смелее другой, теснились и обгоняли друг друга. Он решил навестить родительский дом, хотя точно знал, что его снесли лет пять назад.

Захар вышел из будки. В тот же миг поднялась со скамейки и бабушка, открыла калитку и будто рассеялась в пространстве своего двора. Когда он пересёк улицу, калитка оказалась запертой намертво. Как он ни стучался, никто не вышел.

...Захар Савельевич не спеша шёл по старой аллее, которая должна была вывести к родительскому крову. Но чуда не случилось. Множеством окон светилась девятиэтажка с шестью подъездами. По центру двора, как раз там, где стоял их дом, заасфальтировали большую площадку под автостоянку.

Захар почувствовал опустошение. Шагал по знакомым улицам, будто совершенно чужой человек. Люди проходили мимо незнакомые, а было время, когда его здесь знали, и каж-

дый считал за честь поздороваться с ним. Да что люди! Каждый камешек был родным, каждая трещинка на тротуаре! А сейчас одна тень бредёт за ним, и то как чужая.

Захар вернулся домой. Жена удивлённо взглянула на него:

— Ты чего, Савельич? Случилось что? На тебе лица нет!

— Не обращай внимания... Просто устал...

Уединился в своей комнате и, вытащив на стол кляссер, стал перелистывать тяжёлые страницы со старыми марками. Марки были всего лишь маскировкой. Он попытался отгородиться от жены. Боялся, что разговорится с ней и выболтает свою Тайну. Поверит ли она ему? Нет. Только посмеётся, приняв рассказ за сумасшедший бред. Да и как в такое можно поверить? А может, он от пенсионного безделья и впрямь сходит с ума? Но откуда тогда ощущение, что его жизнь обрела какой-то другой смысл? Появился лучик света, который выхватывал иную реальность! Укладываясь спать, Захар хотел только одного — чтобы скорее наступило утро. Что-бы снова поговорить с матерью.

Он часто видел её во сне. Этот сон являлся много раз.

Стоит жёлтая осень, тревожно кричат журавли, летящие длинной стаей. Воздух уже настолько прохладный, что хватает за уши. Небо закуталось в тучи, точно в тёплую шаль. Захар бредёт по незнакомой аллее. Она такая узкая, что он то и дело натывается на ветки деревьев. И вдруг в конце аллеи видит женский силуэт, который машет ему рукой. Он подходит ближе и узнаёт мать. А вокруг плотным слоем ложатся влажные листья — красные и жёлтые. Он прибавляет шаг. Мокрая трава бьётся о колени. Захар бежит на зов её руки, а расстояние никак не сокращается, будто он стоит на одном месте. И когда до матери остаётся совсем немного, он поскальзывается и падает, ушибая колени и руки. Пытается встать, но тело не подчиняется...

Сон повторился и сегодня. Захар проснулся от того, что его трясла за плечо жена.

— Проснись! Что за сон тебе снится? Кричишь во сне, машешь руками. С тобой спать страшно: того гляди, по лицу ударишь... Насмотрелся на ночь телевизора...

Захар встал, пошёл на кухню, выпил большую кружку холодной воды. Часы уже показывали раннее утро. До разговора с матерью осталось не так много времени.

Объяснять жене, куда отправился, не пришлось. Когда Захар проснулся, её уже не было. Вот и хорошо. Он вспомнил, что Ольга собиралась к дочери, посидеть с внуками. На столе, прикрытый полотенцем, ждал завтрак. Захар Савельевич обожал такие минуты одиночества. Но сегодня он по-

завтракал торопливо, не перечитывая вчерашних газет, на-
скоро помыл за собой посуду.

Перед уходом залез в своё потаённое место, извлёк очеред-
ную волшебную монету. Подбросил на ладони потускневший
кругляшок и направился к выходу.

Весна совсем разгулялась. От сугробов остались крохот-
ные островки почерневшего льда. В некоторых местах нача-
ла пробиваться трава.

По дороге никто не встретился. Неудивительно — время
рабочее. Захар Савельевич едва сдерживался, чтобы не сме-
нить шаг на бег. Так он делал иногда в студенческую пору,
возвращаясь домой. Хоть приходил иногда поздно вечером
или совсем за полночь, мать всегда выходила встречать в
прихожую, помогала раздеваться, на ходу расспрашивая, как
прошёл день. Это было каким-то ритуалом. И только когда
Захар допивал чай, к нему выходил отец. Начинались те же
расспросы, но в иной, так сказать, тональности. Отец умел
как-то сразу всё проанализировать и решить проблемы сына,
не откладывая на завтра. Тем не менее Захар не любил эти
разговоры — это были расспросы, похожие на экзекуции. И
вот только сейчас, через долгие годы, всё решительно поме-
нялось местами. Теперь сын боялся, что никогда не услышит
материнского голоса. И торопился, торопился...

Он успокоился, когда увидел впереди себя знакомый объект,
ставший за минувшие два дня необходимым, как воздух.

Захар Савельевич вошёл в будку, не забыв оглянуться че-
рез дорогу. Там отворилась калитка и показалась бабушка.
Она села на скамеечку и начала грызть семечки. «Вредная
старуха, — подумал про неё Захар. — Ну чего ей не сидится
дома? И надо же: выходит всегда именно тогда, когда появ-
ляюсь я».

Он вытащил из кармана «двушку», опустил её в щель ав-
томата. Внутри раздался какой-то двойной перестук, види-
мо, соединивший его с прошлым миром. Он с тяжёлым вздо-
хом набрал знакомый номер.

— Я слушаю, — торопливо отозвался материнский голос
изнутри. Будто она долго ждала этого звонка.

— Мама, это снова я, — отдельно, с расстановкой произ-
нёс Захар Савельевич.

— А ты почему звонишь? — испугалась мать. — Снова
поздно придёшь? Что-то ты, Захарка, загулял. Перестал со-
всем к занятиям готовиться. Я давно уж тебя не видела с
книжкой в руках. Смотри, отчислят из института, тогда пря-
мая дорога в армию. А время сейчас, видишь, какое? Вой-
на... Всю молодёжь в Афган гонят.

— Да нет, мама, — попытался успокоить сын, — у меня всё в порядке. Просто мне нравится с тобой разговаривать по телефону. Это так романтично! Ты совсем другая...

— Это какая же? — перебила она его.

— Ну, как ровесница, — открыл душу Захар.

— Отец то же самое говорит, — согласилась мать, — что мы с тобой, как подружки. Считает, что мне с тобой надо быть поостроже.

— Да, наш папка — настоящий фельдфебель, — засмеялся Захар Савельевич.

— Никакой он не фельдфебель! — защитила мужа Евгения Васильевна. — Просто он хочет, чтобы ты вырос настоящим мужчиной, чтобы у тебя всё в жизни сложилось благополучно...

— Извини, мама, — смутился Захар. — Я не то хотел сказать. Папка у нас молодец. Я его очень люблю... и тебя тоже.

— А как у тебя с Олечкой дела? — В голосе матери слышались тревожные нотки. — Ты её любишь?

— Мы оба любим друг друга. Она у меня одна...

— Не морочь девчонке голову, — встревожилась мать за будущую невестку. — Она хорошая. И любит тебя, дурака, по-настоящему. Недавно была у нас в гостях, пока ты где-то болтался по городу.

— Жаловалась, что ли, на меня? — настороженно спросил Захар Савельевич.

— Про тебя вообще ни одного слова не было. Простые женские разговоры. Я заметила, что Оле приятно бывать у нас. Ей не хватает нашего дома. Почаще приходите вдвоём! Постарайся не потерять её. Понимаешь, в молодости можно наделать таких ошибок, что потом и жизни не хватит их исправить.

— Мама, у нас всё хорошо, — Захар почувствовал, как что-то защемило внутри. — Лучше пеки пирожки, после занятий мы заявимся вдвоём. Что-нибудь по дороге купить?

— Да ничего не надо. Если только кефира отцу на вечер.

Всё в жизни Захара так и сложилось, как мечтали родители. Он окончил институт, женился на Оле. Захар Савельевич вспомнил про жену, и ему за многие годы стало вдруг стыдно перед ней. Как-то неправильно они жили последние годы, будто что-то надломилось в их отношениях, исчезло, и стали они похожи на чужих людей. «Постарайся не потерять её», — вспомнил он слова матери. И ударил себя кулаком в грудь. «Дурак, какой я дурак! Ведь мы были счастливы и любили друг друга! Куда всё это делось? Вот, наверно, для чего оказался на моём пути этот старый телефон, чтобы помочь исправить жизнь».

Домой он не пошёл, а направился сразу на квартиру к дочери. По дороге зашёл в цветочный киоск, купил большой букет алых роз. Он уже не помнил, когда дарил жене цветы, и потому сейчас ему неловко было нести их, он застенчиво прятал букет за спину, стесняясь прохожих.

У него были ключи от квартиры, но захотелось, чтобы жена сама открыла дверь. Захар долго звонил. И наконец услышал, а вернее, угадал шаги Ольги. Она стояла на пороге с внуком на руках. Захар Савельевич почувствовал, как сердце зашлось от нахлынувшей нежности.

— Ты?! — удивилась жена, стараясь разглядеть, что он там прячет за спиной.

— Вот, пришёл, — неопределённо пробормотал Захар Савельевич. — Знаешь, давай вместе ходить к внукам! А то вырастут и знать меня не будут. Вроде был дед, а вроде бы его и нет. — И протянул жене букет: — Это тебе!

— Захар! Не верю! — совсем по Станиславскому воскликнула Ольга. — Наверно, что-то дома натворил. Судя по обилию флоры, ты, по меньшей мере, разбил наш свадебный сервиз. Впрочем, спасибо!

Она отступила, пропустив мужа в квартиру.

Пили чай на кухне. Жена протянула руку, двумя пальцами дотронулась до щеки Захара.

— Совсем ты зарос. Лицо колючее, как кактус.

— У молодых это сейчас называется «трёхдневка», — нашёлся он.

— Совсем перестал за собой следить... Неужели не стыдно?

— Для пенсионера сойдёт, — попытался отшутиться Захар Савельевич.

— Ты не пенсионер. Ты инженер Захар Воронин. — И добавила: — Вспомни своего отца. Он каждое утро брился... А было ему тогда под девяносто...

Вечером домой возвращались вдвоём. Шли под ручку, словно молодые. Ольга подумала вслух, что в этом виновата весна. В голове у Захара всё спуталось, и он чуть было не зашёл в гастроном за кефиром для отца.

Телефонные разговоры с матерью продолжались. «Двушки» понемногу иссякали, и наконец наступил тот день, когда в пенале осталась одна-единственная.

Захар Савельевич решил не беречь её.

На дворе уже стояло лето. Над городом неслышно летал тополиный пух. Кругом было белым-бело, как в зимнюю стужу. Трамваи носились в этом пушистом снегу, словно лыжники.

Захар Савельевич шёл размеренным, неторопливым шагом, крепко сжимая в кулаке старую монетку — пропуск на

последний разговор. Вот уже дошёл до рынка и свернул направо к стекольному заводу. Прошёл под его бетонным забором и снова свернул направо. Около проходной стояла одинокая фура. По тротуару навстречу промчались два велосипедиста, лихо задрвав передние колёса вверх. За ними прошла ветхая старушка, похожая на его незнакомку.

Захару стало жарко. Он расстегнул две верхние пуговицы на рубашке. Теперь ещё раз свернуть направо, и он увидит дом с деревом, под которым ютится его поржавевшая телефонная будка...

Но ничего больше не было.

Спиленное дерево лежало на земле, а на месте, где стоял телефон, рабочие в оранжевых куртках рыли котлован. Впереди зияла пустота.

Захар подошёл к рабочим. Упавшим голосом спросил:

— Что здесь такое?

— Магазин здесь скоро будет! — воткнув лопату в отвал, весело ответил один.

— А здесь телефонная будка стояла... Где она? — поинтересовался Захар Савельевич.

— Где и положено быть: на свалке.

— Как же так? — разочарованно произнёс Захар Савельевич. — Телефон же цел был... По нему звонили...

— Ну и шутник ты, дед! Как это можно было по такой рухляди звонить? Ты бы шёл отсюда, не морочил голову людям, — отмахнулся рабочий.

Захар Савельевич послушно отошёл, сел на спиленное дерево. Хотелось заплакать. Было такое чувство, точно он похоронил свою мать вторично. Будто не только тело, а сама душа её ушла в пустоту, а он остался один. Хотя, конечно, не один. С ним — его жена, дети, внуки... Но всё равно чувство одиночества стиснуло его железной хваткой.

И тут он вспомнил про давешнюю старуху. Она была свидетельницей! Она могла подтвердить, что всё это ему не придалось!

Лавочка у калитки была пуста.

Захар тяжело встал и направился к таинственному дому. Стучал долго, пока наконец не услышал, как входная дверь открылась и кто-то начал спускаться к калитке. Отворила молодая женщина. Захар Савельевич смутился и через минуту с волнением спросил:

— Можно мне поговорить с бабушкой, которая здесь живёт?

— Так она давно умерла. А вы что, её знали? — с интересом спросила симпатичная хозяйка.

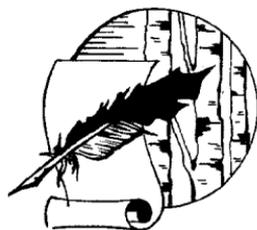
— Да нет... просто иногда видел, как она сидела здесь, на скамейке. Приметная была старушка, — ответил ей Захар Савельевич.

— Так когда это было! — воскликнула женщина. — Целая вечность уже прошла. А насчёт приметности вы правы... Под старость она чудить начала, появились у неё такие, как бы это сказать... видения, что ли. Мы по первости думали, что она в детство впадает, а потом заметили, что её предсказания сбываются. Маленькие такие предсказания, в пределах нашей улицы, но всё равно занятно было... Говорила она, что место у нас тут какое-то особенное; да кто же сейчас проверит? Умерла давно бабушка... Ну, прощайте.

И, не дождавшись ответа, закрыла калитку.

Захар Савельевич сел на ту самую скамейку. Таким утомлённым он никогда себя не чувствовал. Потом эта усталость отозвалась болью в сердце. Он достал из кармана таблетку валидола и положил под язык. «Зачем я сюда пришёл? — подумал он. — Был же какой-то смысл в том, что я здесь оказался? Конечно же, был! Я себя потерял, без боя сдался пошлой рутине и скуке, а прошлое вернуло меня самому себе! Но теперь... Теперь надо подниматься! Семья ждёт. Будущее ждёт!»

Он встал и пошёл. И чем дальше он отходил от этого дома, тем легче становилось на сердце.

Николай КОНОВСКОЙ

ЛЕДЕНЯЩАЯ ВЕЧНОСТЬ

ВЕЧЕРНИМ ПРОСЁЛКОМ

Пламя закатное не обжигает селенья.
Сладостный запах жасминовый нежен и густ.
Тихо и чисто так, словно бы камень сомненья
Сброшен с души твоей, как тяготеющий груз.

Сумрак прохладнее; дышит повеявший ветер
Тайной отрадою, влажною грустью лесной...
Кроме просёлка под огненным небом — на свете,
Может, и нету и не было правды иной?..

СВЕТ ПРОЩАЛЬНЫЙ (Над «Откровением» Иоанна)

Дней августовских дивен свет прощальный!..
Светящуюся нарушая тишь,
Сорвавшийся осенний лист начальный —
Сон золотой! — ужель и ты сгоришь
В том океане огненной стихии,
Когда уста возопиют камней,
А вся земля и все дела людские,
Как и предречено, — сгорят на ней?..

ВОТ И БЛАЖЕННОЕ ЛЕТО ПРОШЛО

Жаром студило и холодом жгло —
Вот и блаженное лето прошло.

Вот и короткое лето прошло,
Стало вокруг перевозданно голо:

Смотрится в душу сквозь сетку ветвей
Мир, обнажённый до сути своей.

В волглой бездонности стынет ветла —
Красное лето сгорело дотла.

Перетирается в пепел и прах
Прошлое — на леденящих ветрах.

В сонной реке замерзает вода.
Красное солнце плывёт в никуда.

Эхом оборванным дрогнула нить —
Сердце, которое не возвратить.

С лихом дружилось, и с горем везло...
Красное лето, сгорая, ушло.

СВЕТ ОГНЕННЫЙ

Свет огненный!.. Стоять, дивиться,
Взираючи из-под руки,
Как дерзновенны эти птицы,
Как эти сосны высоки —

Неумолкаючи, певучи.
Лишь в кронах зашумят ветра!..
Как раскалённа и пахуча
Шероховатая кора!

О, длящееся без истленья
Из вечности, из глубины
Разлитое изнеможенье
Цветения и тишины!..

Бор, дремлющий в дали сожженной,
Текучей бронзою слепя,
Вдруг вскинется, самозабвенный,
Не зрящий самого себя!

Восходит до небес — и дале! —
Клонящаяся долу рожь —
Дух несказанного!.. Не так ли,
Всё, чем и дышишь и живёшь,

Как молнии на небосклоне
Блеснувший и угасший глас, —
Не только от чужих, сторонних, —
От собственных сокрыто глаз?

ГОЛОС РАВНИНЫ ПРОДРОГШЕЙ

Белый покров первопутя,
Санний — по наледи — след, —
Словно бы в мраке безлюдья
Вспыхнул неведомый свет.

Необозримой рекою
Медленно, издалека
К вечному словно покою
В небе плывут облака.

Что же, что жизнь скоротечна,
Даль холодна и пуста, —
Но леденящая вечность
Светом целует в уста!..

Слышишь ли во поле, в роще,
Заиндевелой уже,
Голос равнины продрогшей,
Равновеликий душе?..

ОДИНОЧЕСТВО

...Лишь тлеет под золой и гнётом пыли
Белая жизнь, видению сродни.
Промозглой мглой недвижной обступили
Угрюмые безвыходные дни.

Былого ль счастья век? родные лица? —
На миг проступят за стеной дождя...
Тревожный сон ночной, и мысль, и птица,
И в поле зверь — всё, всё! — бежит тебя!..

МИЛЫЕ КАРИЕ ОЧИ

Милые карие очи,
Летнему небу сродни;
Ночи, безумные ночи
И беззакатные дни,

Замкнутые в мирозданье —
Боль и отрада моя —
За исчезающей гранью
Снящегося бытия;
Липы, пропахшие зноем,
Пальцам послушная прядь, -
Неизъяснимо родное,
То, что и не передать;
Заиндевелые реки, —
Где мы бродили вдвоём.

... Думал: забылось навеки, —
Нет же! — вернулось огнём...

НОЧИ. ВЕТРА И СНЕГА...

Вороном память кружит, —
Что мне с ней делать, скажи,
В жизни, сгоревшей дотла,
Где ты стояла, светла,
Въявь над бедою-водой
Неугасимой звездой?

Всем я грехи отпустил,
Всё я по миру пустил,
Только тебя — видит Бог! —
Вырвать из сердца не смог.

Нет этой боли конца.
Душу твою, как птенца,
В лютой безлюдности зим
Грею дыханьем своим.

Дай хоть какую-то весть!
Где же ты ныне? — Бог весть...

Горькая память долга.
Ночи. Ветра и снега.
Облик неверный — в окне!..
Вот и явилась ты мне.

СВЕТ НАРОЖДАЕТСЯ...

Свет нарождается, брезжит едва на востоке.
В горнице убранной — тишь, забытьё и потёмки.

Не шелохнётся к окну подступившее поле.
Сухо-старательно мышь заскребётся в подполье...

Превозмогало когда-то, горело и пело —
Дрогнуло, глухо распалось на душу и тело.

Ветром поднявшимся клонит деревья и злаки.
Сердце сжимается, ищет дорогу во мраке, —

Счастье забытое, что за горами-лесами;
Молит, безумное, плачет живыми слезами.

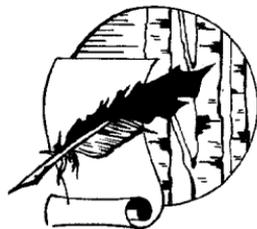
...Оборони этот мир — роковой и блаженный,
Свете таинственный, сладостный, неизреченный...

ЗЕМНОЙ ШУМ

Тяжёлый в гору путь... Песок да глина —
Приют последний грешного раба...
О чём поёт безмерная равнина?
Куда ведёт заросшая тропа?

Весь день-деньской, всю жизнь внимая шуму,
Объемлющему безначальный сад,
Дай, Господи, мне думу недодумать,
Речь недослышать, боль недосказать...

г. Москва

Наталья РОЖКОВА

ЗАВТРА БУДЕТ МОРЕ...

ПРИЗНАНИЕ

Люблю тебя, Петра творенье...

А.С. Пушкин

Я тебя не люблю, Петербург — Петроград — Ленинград,
Потому что сидит на игле золотой, непогоде по-прежнему рад,
Серый грозный орёл; он за каждым движеньем следит,
Здесь Есенин вошёл в «Англетер», здесь был Пушкин убит.
Перья влажны от сырости вечной, и клёкот пугает людей,
Убежать бы от страшных квадратов твоих ледяных площадей!
Чутко дремлет корабль, что бабахнул тогда холостым,
Столько судеб сгубил, превратив их в две строчки и дым!
Отчего-то носил имя древней прекрасной зари,
Хоть на Запад смотрели стеклянные очи твои.
Плотник-царь, усмехаясь жестоко, здесь пот утирал,
Здесь монархов взлетали куски, караул караулить устал,
Если что-то осталось в душе моей и в голове,
Я щекой припадаю к любимой растрёпе-Москве.

В ПАРКЕ БОРОВСКА

Юный ослик
Мягким носом
Ткнулся мне в ладонь,
И скудный
Он пучок травы жевал.
Так Божественный младенец
Ощущал щекою нежной
Это тёплое дыханье
Под звездой Вифлеема.

НЕЗНАКОМОЙ МОСКОВСКОЙ СТАРУШКЕ

Дождь наискосок, промозглый ветер,
У погоды — дел невпроворот,
Бабушка в поношенном берете
Тихо мимо митинга бредёт.
Отчего её встречаю снова?
И хотя в глазах упрёка нет,
Бабушка, тебе отдать готова
Вместе с Крымом — новый свой берет.
И пусть капли падают за ворот,
Улыбнись! Ещё нам хватит сил,
Севастополь, вечный русский город,
Словно никуда не уходил.
Вспомним мы в неспешном разговоре
Светляков, магнолии и штиль...

Там, где ходим, — завтра будет море,
Послезавтра — солнечная пыль.

* * *

Пустая квартира, и рамки пустые
На стенах обшарпанных молча висят,
Вот так и живёт — посредине России
Мой милый художник, товарищ и брат.
Пустые бутылки стоят, как солдаты,
Из рук от усталости падает кисть.
Дыши и рисуй! И сосед твой хрипчатый
За стенкой споёт: «Я люблю тебя, жисть!»

СНЕГ В МАЕ

Редко бывает, когда,
Не спросясь, он приходит,
С вишней цветущею,
С белой черешней поспорит.
И ощущаешь спиною космический холод,
Воздух дрожащий весеннею розой исколот.
И отчего-то становится больно на вздохе,
Светлой весною
На чёрных обломках эпохи.

ПОЭТ

Последний день Помпеи.
В плащ закутан,
Стоит спасённый отрок, и глядит
На зарево, руины, мёртвых лица...
Он вырастет. В своих стихах бессмертных
Поведаёт об этом и сгорит
Через века — в последний день Одессы.

* * *

Май. Безумной зелени облом,
Обречённость всюду и во всём,
Жизнь в свои вгрызается права
И на крыше — новая трава,
Только смерти чёрная игла
Целится в меня из-за угла,
В мае бы остаться насовсем...
Ты, поэт, как кошка, — год за семь.

ОТЪЕЗД

Сказал: «Я сюда не вернусь,
Скучать по берёзкам — старо!»
Исчезла минутная грусть,
Летит молоткастый в ведро.
О боли, что будет потом,
Не ведаёт сердце пока.
О Русь, ты уже за холмом!
О жизнь, ты как воздух, легка...

СНЕГИРЬ

Покруглее всякой птички
Он бубнит простой мотив,
И смущаются синички,
Глазки в землю опустив.
Он сидит, в бордовой блузе,
Фраком стянуты бока,
Словно роза на картузе
Гармониста-остряка.

Пусть он Африки не знает,
Не страшна ему пурга,
Здесь от ветра укрывают
Высоченные снега.

ПЕТИЦИЯ

Время суровое. Тяжек твой труд.
Подпись поставлю: «Своих — не сдают».
Время — прекрасное. Радостный труд.
Что же я снова: «Своих — не сдают»?
Время окончено. Даром твой труд.
Только по-прежнему: наших — сдают...

г. Москва

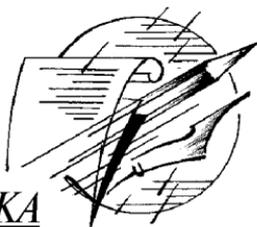
ОДИНОКАЯ БРОДИТ ГАРМОНЬ...

*Памяти славного сибирского гармониста
Юрия Григорьевича Зенётова*

Аполинарий Серафимыч

Сочно синело рукотворное осеннее море, цветастыми зарницами польхали рябины и черёмухи, пряча в чаше старые двухэтажки-деревашки, где я блуждал, отыскивая дом гармониста Ухова. В глухом дворике, устланном палой листвой, словно домоткаными кругами и дорожками, где плескались на ветру высохшие простыни, наволочки и пододеяльники, выглядел старушек... Тихо судачили меж собой божию одуванчики... Спросил о гармонисте, и древние указали на отпахнутое окошко второго этажа: «Да вон... играет на гармошке. Выпил, поди... гармонист молодой...» И верно, из окошка вначале плыли «амурские волны», тая в багровой черёмуховой листве, потом светло, безгорестно заплакала «одинокая гармонь», и душа моя запела:

*Снова замерло все до рассвета,
Дверь не скрипнет, не вспыхнет огонь.*

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

*Только слышно — на улице где-то
Одинокая бродит гармонь.*

*Веет с поля ночная прохлада,
С яблонь цвет облетает густой...
Ты признайся, кого тебе надо,
Ты скажи, гармонист молодой...*

Напевая, нырнул в тёмный подъезд, полез по лестнице, узенькой, крутой, певучей, старчески скрипучей, пахнувшей котами и кошурками; а вот и дверь, странно, что деревянная... горожане по лихим временам давно уже, словно в тюрьмах, обитают за решётками и железными дверями... Да мало, что деревянная, ромашками раскрашена, и апельсиновое солнышко светит на ромашковый луг. «Детский сад...» — весело подумал я и пуще повеселел, когда увидел хозяина, похожего на расписную дверь.

В узеньких сенях красовался приземистый, ершистый мужичок: щекастое, румяное лицо, задорно вздёрнутый нос, полыхающие васильковые глаза, сивый чуб, нависающий над бровью, долгополое, светло-серое, русское рубище, перепоясанное цветастым кушаком; по вороту, рукавам и подолу — рябиновые обережные кресты. Подждал, видно, нарядился...

И узрелось дальше, деревенское, гаснущее в сумерках... Коль семейство наше, щедрое чадами, жило хмельно и бедно, то мне, отроку, чтобы не ходить босым и не сверкать заплатами, приходилось зашибать копейку: мёрзнуть и мокнуть на зоревых рыбалках, потеть на лесопосадках, на комбайне «Сталинец» глотать пыль, сластящую и першащую горло. Гранит науки бы грызть, но жизнь... Все сельские заделья, кои в охотку и азартно исполнял, теперь не упомнишь, но, глядя на гармониста, петушинно наряженного, вдруг выглядел из отрочества, как со сверстным цыганёнком калымил в магазинах и складах «Райпотребсоюза»: запрягши матерого, но тихого мерина в телегу-одноколку с коробом, возил мусор на степную свалку. Шуко (по-русски — красивый) по-птичьи лёгкий и вертлявый, парнишонка из оседлой цыганской семьи, бойко играл на гармонии, пел и плясал, даже на брюхе; и, случалось, красовался на клубной сцене в атласной алой рубашке с кушаком, в синих шароварах с напуском на сморщенные яловые сапожки рыжего цвета. И в сём концертном наряде цыганёнок и явился на калым... Загрузив на телегу с кузовом битые банки, бутылки, мятые коробки, ломаные ящики, упаковочную стружку, гнилую хозяйственную бумагу, укрыв хлам брезентом, уселись мы сверху

и тихо колесили по трактовой улице, что выгнулась вдоль озера на восемь вёрст. Я ивовым прутом погонял сонного мерина, а Шуко горланил во всю лужёную глотку, хлеща по пузу, словно по гитарным струнам:

*Замурдынэ дрэ большбэн о чергэня,
Амари яг брышынд баро зачингирдя.
Со ж гилы тыри мэ на шунава?
Кай, кай, мэ тут дужакирава, кай, кай гилы тыри?..**

И вдруг из поперечной улицы на тракт вывернул завклубом, дебелый мужик в светлом пиджаке, с портфелем и при галстукe; вгляделся завклубом в мусорную повозку и, когда та уже миновала, вдруг узрел, что цыганёнок сидит на мусоре в клубном костюме... Мужик схватился за голову и понёс Шуко по кочкам, а потом... и откуда прыть взялась... бодро порысил за повозкой. Я с перепугу ожёг мерина прутом, и конь лениво затрусил по тракту, но завклубом уже догонял; и тогда цыганёнок, соскочив с телеги, поскакал впереди мерина, которого и завклубом обогнал. Так они бежали по деревне, пока мужик не запыхался; но долго ещё грозил цыганскому отродью кулаком. Рубаху, шаровары, рыжие сапожонки у Шуко он отобрал и выдавал лишь на концерты.

— Ухов... Аполинарий Серафимыч, — гармонист подал руку. Корявая, ржавая лопата... И работяга так нарочито и железно тиснул, что я поморщился: силишша!.. Эдакого пенсионера лишь в соху запрягать да пахать.

— Как вас?.. не понял...

— Аполинарий Серафимыч, — улыбнувшись, Ухов сверкнул позолотой вставных зубов. — А вас?

— А нас проще: Анатолий... Байбородин.

— Слыхал, слыхал... Кажись, читал... — прищуристом вгляделся в меня. — А-а-а, вспомнил: мужик прилетел на метле... ну, кривой, как турецкая сабля. — Ухов шелкнул пальцем по глотке. — А баба хлесть его сковородкой по лбу...

— И у мужика в голове сворохнулось: бросил пить, курить, поёт в церковном хоре...

— Во, во, во!.. в церковном хоре.

— Нет, это не я писал, Апо...

— Аполинарий Серафимыч... — весело подсказал гармонист, а я невольно ухмыльнулся: кругленький, махонький,

* Забились в небе звезды, / Наш костёр потушил большой дождь. / Что же песню твою я не слышу? / Где, где, я тебя жду, где, где песня твоя?

эдакий колобок с голубыми глазками и пуговкой вместо носа, а имя высокое и величавое: Аполина-арий... Серафимыч... Хотя с фамилией не подфартило, короткая: Ухов, но, опять же, по росту. — Дед учудил... Кержак, по святам вычитал... А батя против деда хвост не задирает, подчинялся... Короче, вышел я Аполинарий Серафимыч. Вот и кличут по бабьи: кто Полиной, кто Линой... Да по мне, Анатолий, хоть горшком обзови, да в печь не сажай...

Я тут же нашарил в кармане записную книжку, ручку и записал имя и отчество.

— Аполинарий: с одним «л»?

— В паспорте с одним... А вас как по отчеству?

— Григорич...

— Ну, Григорич, милости просим... Баушка убежала... Как вы с ней разминулись?.. Стол сгношила и в церковь уметелила — божественная бабка...

— А вы?

— Не-е, — вздохнул гармонист, — хожу в церковь по великим праздникам... Я и крестился под старость. Но в Бога верю. А как же, без Бога ни до порога. Да...

«Снится мне гармонь...»

Из прихожей свернули в горницу, красную углами и пирогами, где — искушение чревоугодников — поджидал гостя щедро накрытый овальный стол; вокруг пузатенького графина — хоровод закусок: исходящая паром рассыпчатая картошка, омуль сухого посола, квашеная капуста с клюквой, солёные огурчики и, нежданно-негаданно, подслащённая талая брусника. К столу мнутся гнутые венские стулья, светятся бурым лаком, на сиденьях круги, сплетенные из цветастых лент.

— Ну, Григорич, присаживайся. И не взыщи: чем богаты, тем и рады. — Аполинарий Серафимович, чинно поклонившись, широким жестом указал на закуски.

Помолившись, перекрестившись (в красном углу я узрел иконы), уселись за стол; крикнули, пригубив рябиновки — шибко забориста, — и гармонист оценивающе взгляделся в меня.

— Из газеты, Григорич?

— Из журнала.

— А-а-а... — гармонист почтительно покачал головой, услужливо плеснул в рюмку. — Про меня писали, и в телевизоре казали. Да... Помню, первый раз сняли — спрашиваю журналиста: а можете передачу на диск записать? «Легко, — говорит, завтра приходите на студию, оставлю диск на ваше имя... Внизу, у охранника спросите...» Прихожу, взял диск,

вечером пошли с баушкой к сватам — у них можно диски глядеть. Родня подвалила, стол накрыли, сели, как путние, врубили диск... Я гляжу, ёкарный бабай, ничо не понимаю: где я-то?... кажут девок полуголых, а меня нету... Галя, баушка моя, психанула: «Вот ты где снимаешься со своей голяшкой!..» и убежала... От, Григорич, опозорился. Этот журналист, холера его побери, диски перепутал... Но потом меня и в Иркутске, и в Москве казали... рядом с Заволокиным, с Геннадием. Их же двое, Геннадий и Александр... на балалайке-то играет... Видел «Играй, гармонь!»?..

— Кого видел? Участвовал! На заборе с дочкой сидел, когда в «Тальцах» «Играй, гармонь!» писали... Были в «Тальцах»?.. музей под открытым небом... Ну, как едешь на Байкал...

— Да я, Григорич, в «Тальцах» на Масленицах играл...

— Да?... А я о ту пору дворничал в музее... и значит, прикатили Заволокины «Играй, гармонь!» писать... Лето, поляны в цветах, а я познакомился с Александром — брат Геннадия; и вот сидим мы в березнячке и, грешным делом, выпиваем, а тут Геннадий прибежал, такой шум поднял... он уж весь избегался, искричался, Александра искал... ну и, короче, разогнал нашу бражку...

Аполинарий Серафимович с почтением оглядел меня и сочувственно спросил:

— А допить-то дал?

— Ага, дал, догнал, да ещё поддал... Так что могу воспоминания писать. Помню, на Шукшинских чтениях... на Алтае было дело... мужик вышел на сцену и говорит: «Я с Василием Макарычем встречался с глазу на глаз...» «Ой, расскажите...» — всполошились люди. «Я, — говорит, — сижу в приёмной у второго секретаря Алтайского крайкома партии, и вдруг Шукшин выходит — в кожанке, в кирзачах и кепке, сердитый такой. Ну, я к нему: «Здравствуйте, Василий Макарыч...» А Шукшин мне: «Да пошёл-ка ты...» С тех пор, — мужик говорит, — не одобряю я творчество Шукшина...»

— Ладно, Григорич, соловья баснями не кормят, давай-ка еще по рюмочке. Своя, натуральная, на рябине выстоял...

Я поднял здравицу за русскую гармонь, и Аполинарий Серафимыч от умиления прослезился — в отуманенных глазах блеснули слезы.

— Веришь, Григорич, ничо не снится — ни водка, ни курево, одна гармонь. Снится мне гармонь и снится... И такие во сне переборы выдаю, сам диву даюсь, откуда чо берётся! И что интересно, вспоминаю днём, и начинаю играть, как во сне играл... Так капитально вжариваю!.. Счас покажу...

Аполинарий Серафимович взял с комода гармонь, петушинно распisanную... Листочки, цветочки, лепесточки и

певчие птахи... Присел, и-и-и!.. горница вздрогнула, зашаталась, пошла в пляс, где цветочным венком сплелись «Подгорная» с «Камаринским мужиком» и «Цыганочкой». А гармонист играет, припевает:

*Мине милка изменила —
Хохотал так хохотал:
Я такую-то медведицу
В малиннике, в осиннике,
В березнике видал!*

*Самовары закипели,
Девки замуж захотели,
А ребята не берут —
Девки рёвушком ревут!*

*Избу милкину закрою,
Баню запечатаю.
Никого не допущу —
Сам её засватаю!*

Пока Аполинарий Серафимович «вжаривал» на гармошке, я вспоминал. Помянулся мне именитый, мастеровитый живописец, праздно и тоскливо доживающий век, смоля трескучую «Приму», попивая горькую... В одиночестве либо с приятелями, коих случайным ветром заносило в мастерскую. «Анатолий, беру краски, кисти, а писать не могу, — плакался живописец. — Хоча есть, а мочи нету.. А во сне пишу, как молодой... И такие пленэрные пейзажи, такие натюрморты рождаются!.. Просыпаюсь — пусто, не могу писать...» Аполинарию Серафимовичу повезло: просыпается, играет, как во сне.

«Увяданья золотом охваченный...»

Я оглядываю опрятную, старомодную горницу: над кожаным диваном, облачённые в резные рамы, подмалёванные карточки гармониста и жены: Аполинарий Серафимович — снежная сорочка, чёрный пиджак и удавка на мужике, что седелка на корове; подле лунолика я супруга — в берете и чёрном платье, с белым кружевным воротничком, похожим на изморозь; а над комодом картина, вышитая крестиком: Иван-царевич, обняв деву-красу, летит на сером волке, а за окном зорево и смущённо рдеют гроздья рябины.

Аполинарий Серафимыч запыхался, выворачивая из гармоны затейливые переборы, и, склонив голову, томно укрыв

глаза, стал тихо играть мелодию за мелодией, а потом... гармошка навзрыд, и — песнь:

*Не жалею, не зову, не плачу,
Все пройдёт, как с белых яблонь дым.
Увядания золотом охваченный,
Я не буду больше молодым...*

Похоже, Аполинарий Серафимович вдруг томительно ощутил увядание... Седьмой десяток потёк... И в изнеможении сринул на мехи сивый чуб, потом рукавом рубахи смахнул слезу.

— Ну, давай, Григорич, помянем Сергея. Наш брат, гармонист, любил по деревне хаживать с тальянкой...

Выпил рябиновки, тряхнул плечами, отпугивая кручину, и опять заиграл, сперва тихо, потом лихо, и горница набухла игривыми переборами. Потом еще и, закатывая глаза к потолку, пошёл частушить:

*Гармонист у нас чудак,
Залез с гармошкой на чердак.
Гармониста-чудака
Тащили девки с чердака...*

Аполинарий Серафимович вначале, сидя, притопывал под частушечные переборы, потом вскочил, заиграл «Яблочко» и, выделывая ногами замысловатые коленца, закружил кокетом по горнице.

*Эх, яблочко,
Куда ты котишься?
К басурманам попадёшь,
Не воротишься...*

Наяривая «Яблочко», Аполинарий Серафимыч подплясал к распахнутому окну, где после шальных переборов резко осадил гармонь.

— Григорич, иди посмотри...

Мы высунулись в окошко, посмеялись: на лавочке посживали уже не две — четыре старушки, и два старичка подпирали дородный тополь.

— Ну, чо, старичье, билеты взяли?.. — крикнул гармонист божиим одуванчикам. — А то привыкли на халяву.. — И уже мне пояснил: — Старушонки мне то пирогов, то шанег напекут, а моя ругается: «Куски собираешь?! Побирушка...» Огрызаюсь: «Они же от души, раз любят гармошку...»

— А «Камаринского» можешь? — спросил дед со двора.
— Кого, кого? — гармонист выпучил глаза.
— «Камаринского мужика», вот кого.
— А плясать будешь, Пётр Фомич? С выходом из-за печки...
— Можно и с выходом... из-за печки.
— А на запчасти не посыплешься, Пётр Фомич? Потом собирай тебя...
— А ты не переживай, не переживай, ты играй... играй.
— И сыграю. Ну, держись, худая жись...
Аполинарий Серафимыч рванул мехи, гармошка рывкнула, потом чуть стихла и пошла выкидывать коленца, а гармонист куражливо зачастил:

*Ой, комар ты, наш камаринский мужик,
Собрался в лес, по дорожке бежит.
Он бежит, бежит, пошучивает,
Свои усики покручивает...*

Похоже, слегка выпивший Пётр Фомич, «увяданья золотом охваченный», под умилённые старушечьи взгляды стал приплясывать, одной рукой покручивая, другой опираясь на тополь, чтоб не пасть лицом в грязь.

«Дайте в руки мне гармонь...»

Увижу опечаленным взором родное село, пылающее в багровом, пыльном закате, и слышу гармонь — плачет, родимая, плачет сиротливо на ветхом, заросшем лебедой да крапивой, зеленовато-мшистом подворье, а то вдруг взъярится и, как в бражном застолье, захлебнётся лихим перебором; вижу, вижу отчую избу, слышу свадебное застолье, запечатлённое в сказе про позднего сына...

...В избе уже пошёл стукоток каблуков, крики «и-и-их!», где сразу же по клочкам растерялась начатая было «Рябиношка», зато теперь чаще слышалась гармошка, набравшая удали, как-то незаметно заигравшая «Цыганочку».

*Я в Америке бывал.
Кое-что я там видал —
Там и русский, и бурят,
Все по-русски говорят!.. —*

чуть не рёвом проревел Хитрый Митрий, развалив мехи своей индюшья раскрашенной переводными картинками, старенькой, но ещё ладной хромки. Когда приспели баяны и

даже гитары, редко вынимал Митрий на Божий свет свою распотеху, задвинув её в тёмный, обросший седыми тенетами угол кладовки, но коль уж собралось немало людей пожилых, и гармошка пришлась впору.

*Я с матаней пел на бане,
Журавли летели,
Мне матаня подмигнула —
Башмаки слетели!..*

Тут уж гармошка — это вам не тренди-бреньди-балалайка — закатилась от смеха; захлебнулась, родимая, сплошным и радостным перебором, из которого, казалось, ей сроду не выбраться, но вот Хитрый Митрий, жарко светясь красным, похожим на переспелый помидор круглым лицом, отрывисто, с подскоком вывел хлёсткую частушку, похоже, своеручно переделанную из старой, поменяв Подгорную на улицу Озёрную, где застольники и обитали:

*Ты Озёрна, ты Озёрна,
Широкая улица,
По тебе никто не ходит,
Ни петух, ни курица!
Девки юбками взметнут —
Парни все с ума сойдут.*

Про юбки и слуревших парней Хитрый Митрий пропел не шибко внятно, да ещё и приглушил слова лихими переборами, но все учуяли соромщину, кто хохотнул, кто кисло сморщился; кто шутивно погрозил вилкой, но короткие, землистые пальцы Хитрого Митрия уже бросились вдоль пуговок, гармошка по-медвежьи рявкнула, рванула, словно забила в родимчике, и гулко застучали каблук:

*Эй, товарка, дробь бей,
Под ногами воробей!..*

Ох, сколь под гармошечьи страдания девьих слёз лито: «Если забудет, если разлюбит, если другую мил приголубит, я отомстить ему поклянуся, в речке глубокой я утоплюся...» А сколь парни набедовались от любви безответной, сколь гармошек изорвали: «Зиму лютую не спал, по матанечке страдал. Я бы замуж её взял, говорит, что ростом мал...» А сколь про голосистую гармонь, отраду и отраву, песен свито, сколь виршей сплетено!

Вообразилось, словно явилось из вещего сна, как восходит луна из ночного, речного омута, увиделось в желтоватом и синеватом покойничьем свете, будто сельское моё семейство слетелось в гнездовище, на отчее пепелище и уселось в горнице за круглым столом. По случаю гостей мать смела пыль с розового абажура, подвешенного на потолочную матицу, вишнёвой скатертью с кистями утаила столешню, залитую чернилами, истерзанную, изрезанную. Но недолго горница красовалась вишнёвой скатертью; мать одумалась, смахнула скатерть и, несмотря на уговоры дочерей, спрятала в комод. На столешню привычно легла линиялая клеёнка, где ромашки спрятались, завяли лютики; впрочем, некогда цветастая, ныне угасшая клеёнка вскоре спряталась под закусками и напитками: окупёвая жарёха, сало, холодец, капуста и картошка, а на сельскую снедь нетерпеливо, свысока косились белоголовые бутылки. За круглый стол лишь мужики вошли — отец, довоенные братья Гриша, Ваня, Коля, Саша, зять Коля и я, в лето семейного свидания ввинтивший в лацкан пиджака «поплавок», говорящий, что я окончил университет. За наращённый узенький столик уселись мать, сестры Валя, Анна, Вика и две молодухи.

Когда мужики, степенно чокнувшись пожелтевшими от старости гранёными рюмками, выпили, а женщины пригубили, смочили губы в красном вине, братья, посмеиваясь, наперебой стали вспоминать, как облапошились на рыбалке. Особо зубоскалил зять, родовой фартовый рыбак. А вышла потеха так... Поутру на двух легковушках, кинув в багажник бродничок и сети, упылили на Красную Горку — дальний берег озера Большая Еравна, что скатилось с таёжного хребта в степь и калтусы голубым, диковинным яйцом, улеглось, вёрст на пятнадцать укрыв забайкальскую степь. Затаборились мужики, развели костерок и, пока варился, прел чай, кинули сети, пару раз завели бродник, но заудили на скудную варю пару окуней, пару чебаков да мелкую щучку-травянку. Вся надежда на сети, а поставили конца три, которые отец плел и насаживал долгими выюжными вечерами. И вот посидели возле шающего костерка, выпили и уж собрались было проверять сети, как из-за каменного быка вынырнула моторная лодка, осадилась подле сетей; и рыбадзор, веслом задрал сеть, крикнул:

— Эй, земляки!.. ваши сети?..

Братья замешкались, и отец, ведая, какой тяжкий штраф и позор их ожидает, скрепя сердце, со слезами в голосе отозвался:

— Нет, не наши...

Рыбнадзор с пособником стал выуживать сети прямо в лодку, а братья и отец тихо матюгались, зарились, глядя, как плещутся краснопёрые окуни с лопату, как могуче бьют плёсом по воде матерые шуки, как взблёскивают на солнце серебристые чебаки...

И вот сейчас за семейным столом мужики с горя выпили, брат Коля, утешая отца, посулился привезти сети из города, а Иван — ветфельдшер, или, как он себя величал, конский врач по женским болезням, — заиграл на отцовской гармошке. Застолье умолкло, и отец, с высокой колокольни плюнув на горемычные сети, на пустопорожнюю рыбалку, отмахнув сивые крылья с засиневших глаз, раздвинул плечи, горделиво встопорщил петушиную грудь, повёл сипловатым, прокурренным, остаревшим голосом:

*Дайте в руки мне гармонь,
Золотые планки,
Парень девушку домой,
Провожал с гулянки...*

Мать и сестры подтянули, а потом — братья, и отцово пение утонуло в молодых сыновних голосах, и слышался на osobицу сильный и верный голос брата Коли, первого поселника на селе. Помню, раньше меня и сестру Вику за стол не сажали — малы, и мы полёживали на печи, жевали калачи... мать, бывало, исподтишка сунет... и, раздвинув васильковую занавеску, дивились певучему застолью; а когда брат Коля заводил «Враги сожгли родную хату...», чудилось нам, малым, радио поёт — чёрная воронка, висящая над комодом. Обычно застолье, слушая солдатский плач, стихало, словно в минуты горестного молчания, и когда брат печально молвил: «Не осуждай меня, Прасковья, что я пришёл к тебе такой: хотел я выпить за здоровье, а пить пришлось за упокой...», после обречённых слов, мать беззвучно плакала, из глаз Аннушки слезы текли на столешню, и лишь сестра Валя, степенная воспитательница детского сада, удерживала плач.

Нынче горестных песен не пели... Стеснительно и умиленно вслушиваясь в русские песни, сам я даже не подтягивал: медведь ухо оттоптал... Вспоминая слова, я подивился: уйма же песен про гармонь!.. Вот слышу: Исаковский, грустный, но беспечальный, возлюбленный селом:

*За рекой гармонь играет —
То зальётся, то замрёт...
Лучше нету того цвету,
Когда яблоня цветёт...*

А вот Фатьянов, молодой, озорной:

*На солнечной поляночке,
Дугою выгнув бровь,
Парнишка на тальяночке
Играет про любовь...*

И опять Фатьянов, нежный и закатный

*Если б гармошка умела
Всё говорить не тая,
Русая девушка в кофточке белой,
Где ж ты, ромашка моя?*

А вот Есенин, плачущий по древлесельскому отрочеству:

*Дальний плач тальянки, голос одинокий, —
И такой родимый, и такой далёкий...*

«Под кроватью прятался с гармошкой...»

...Гармонь, тальянка, воспетая, оплаканная русской душой. Пока еще она не смокла, не вывелись на Руси гармонисты, вроде Ухова, мужика сибирского. Потешил, подивил земля Россия-матушку лихой игрой, хотя музыке сроду не учился. Самородок, слухач, самоучка. Всю трудовую жизнь трезво и мастеровито отпахал монтажником и сварщиком. Года три варил за границей; и хотя курица — не птица, Монголия — не заграница, но и в пустыню Гоби балбеса не пошлют. И в Монголии мужик гармонию спасался, чтоб не остыла душа посреди выюжной степи, не спеклась на палящем солнце, да и легче под гармошку укрощать тоску по родине.

Я гощу в покойной горнице, напоминающей родную, деревенскую, и закатное солнце, сочась сквозь листву, задумчиво плавает по вышивкам, где царевич с девой скачет на сером волке, по старым карточкам, где, подкрашенные, красуются гармонист с женой. Аполинарый Серафимович назойливо потчует рябиновкой и хвастливо живописует свою судьбу сварщика и гармониста, а я привычно чиркаю в записную книжку.

— ...А родился я, Григорич, на Алтае... Слышал, Солоновка?.. Кержаки там... Но я на белый свет народился — месяц стукнул, семья наша укочевала в Мишелёвку. Слышал, поди?.. Под Иркутском... А потом отец завербовался в Якутию, на Лену-реку. Отец был простой работяга — печник,

каменщик. Ещё при царе окончил четыре класса церковно-приходской, и его, как грамотного, серьёзного мужика, выбрали десятником, а потом — мастером на кирпичный завод. Все его в посёлке уважали — работяга был добрый, справедливый, и такой здоровый, за пятерых чертомелил. Силища была... Помню, бык разбушевался, народ гонял; одну девку на рога поймал и в речку кинул. И веришь, Григорич, батя мой дал быку в лоб, тот на колени упал и больше не бушевал. О как... А сколь, Григорич, у бати наград было — море; одних медалей — уйма, пиджака не хватало. У меня тоже грамот полкомода, можно стены заклеить вместо обоев. Да...

И вот началась война, батя трижды сушил сухари, на фронт собирался, и трижды его, как незаменимого мастера, оставляли на брони — мастер незаменимый, дескать, мы без тебя, Серафим, как без рук. А завод же работал для фронта... Вот так отец всю войну на заводе и пахал.

Ну, кончилась клятая война, стали мужики с войны возвращаться. Кто целый, а кто раненый, контуженый, кривой, слепой... Приходят, в каждом доме светлый праздничек: поют и плачут... Гуля-ает народ. Но гуляли не по-нынешни... Ныне же как? Напьются, аж из ушей хлещет, и пошли куролесить... А раньше за столами сидели чинно, выпивали, конечно, но не до упаду же. А уж напоятся, напляшутся от души... И приносили мужики с войны трофейные аккордеоны, немецкие баяны, а иные и гармошки... русские. И вот, значит, гуляют на встречинах, играют кто на чем горазд, а потом, ясно дело, подпьют и спать. А мне тогда уже девять лет было... И вот как мужики стихнут, возьму я гармошку и пробую играть. Пошто-то именно гармошку полюбил. Вот не баян же, не аккордеон. И так мне понравилось играть, что, бывало, гармошку не могли отобрать. Веришь, Григорич... Плачу, дескать не отдам, мол. Под кроватью прятался с гармошкой, веришь? Ключкой выгребали. Вот до чего меня гармошка завлекла!

Ну, стал брать у мужиков гармошку, песни разучивать. Мама моя — певня, бывало, посуду моет и поёт, а я следом играю. Вроде, подыгрываю. В школе всё больше пионерские песни разучивали, а я велел маме петь взаправдашние — русские, народные. Она поёт, я за ней мелодию на слух подбираю. Я же слухач...

Потом отца послали в Красноярск, повышался на прораба. А мать без него пошла проверять облигации и посулила: «Ну, если ты, сыночек, счастливый, и я выиграю двести рублей — купим тебе гармонь. Будешь играть...» И выиграла... Видно, судьба моя такая... смалу с гармошкой жить. А потом это... У меня были брюки коричневые, суконные — отцовс-

кий подарок. Да мы купили у цыган гармошку и отдали за гармошку двести рублей и брюки в придачу. Гармошка старая была, деревянная вообще, не играла, а ворчала. Но что делать, на цыганской стал играть. А скоро и отец приехал с повышения; ну, я как врезал, отец аж глаза вытаращил: уезжал ещё ничем ничо, а тут махом, моментально стал играть. Он цыганскую гармошку убирает и покупает мне другую, получше. А тот цыган, который нам гармошку продал, тоже был гармонист, и вот послушал-послушал меня и говорит маме: «Тётя Валя, у вас сын капитально будет играть...»

И как в воду глядел... И что интересно, никто же не учил — у нас в родне никто сроду не играл, а у меня с ходу пошло, как будто так и надо. Стали меня, парнишку, на вечера, на танцы приглашать, чтоб на гармошке играл... А тогда строго было. Учителя давай ругаться: дескать, сам пионер и отец коммунист, а ты на танцах играешь. Пришлось убавить прыть.

Правда, я не всё же на танцах играл, и в постановках... «Алеко» Пушкина знаешь? Про цыган?.. Я в «Алеко» с гармонью выходил. Да... И на концертах играл... Помню, одна девушка меня шибко любила, я ей в клубе играл, она пела... Эх, «прощай, Антонина Петровна, неспетая песня моя...» Девушку Тоня звали...

«Играл я для зеков, матросов и солдат...»

— Когда мы кочевали из Якутии, друзья плакали, со слезами провожали, жалко было терять такого гармониста. А я уж большенький был, пятнадцатый год шёл. Ну-у, и я им, Григорич, такую отвальную, такую прощальную сыграл, что и мужики слезы утирали. Да-а... Сперва на берегу Лены, потом в лодке. Пароход далеко от берега закорился — пристани не было, а ближе к берегу мелководье; и вот плывём мы с семьёй на лодке, и я играю. Кругом белая ночь — светлынь, красота... Потом уж на палубе как врезал «Саратовские переборы» — все попадали. А дружки на берегу из ружей палят, прощаются со мной. А у меня там осталась первая любовь, такая, Григорич, сильнейшая девчонка. На берегу стоит, плачет... У меня у самого слезы бегут. Но играю для девчонки, терзаю гармонь. Тут вышел капитан и говорит: «Прекратите играть на гармошке, люди отдыхают...» Всё, отец мой завязал гармошку в узел, и пошли мы в корму ночлег искать. А там — крыша, чтоб дождь не капал, а стенок нету; река кругом — холодно, сыро, ветер. Но плывём...

А на пароходе ээки возвращались с отсидки, целая банда, Григорич. А ихний главарь, пахан вроде... ночью-то слышал,

как я на палубе «Саратовские переборы» выдавал, а он сам из Саратова. И утром давай искать: «Кто же играл так здорово?» Все его боятся, никто на меня не жает, мало ли что у того на уме, варнак же. Но один мужик продал, указал на меня: «Вот этот пацан играл». И этот главарь так, Григорич, культурненько обошёлся с папой, с мамой — нашёл нам в общей каюте двухъярусное место, хоть и третий класс, а всё не палуба. А потом маме — шоколадку, бате — бутылку. «Вот за вашего сына. И я его заберу на время. А вы не волнуйтесь, не волнуйтесь, ни один волос у парнишки с головы не упадёт. Он будет мне играть на пароходе. Будет ходить со мной. Всё будет в порядке. И вас никто не тронет. А сына я у вас забираю... на время». Они поверили, мать и отец... Ну что, беру я гармонь и пошёл. И веришь, Григорич, восемь суток плыли мы с Якутии до Усть-Кута, восемь суток я играл для зэков. Чётко!.. И стал я с этими бывшими зэками ходить в ресторан, а ресторан, Григорич, сильнейший. А в ресторане — пианино, а я его сроду в глаза не видел, а тут даже маленько пробовал играть. Да-а... И вот сидят они, ухари, у них выпивка, закусь — всё, как у путних людей. И мне дают поесть, а выпить не давали — парнишка же. Я поем и ка-ак врежу!.. Они аж слезами умываются... Тоже люди, хоть и накуролесили... И поют: и блатные, и народные песни, и деньги мне суют... Случай был: один зэк шибко приревновал, что главарь меня уважает и привечает, и так нахально себя повёл, что я пожаловался главарю. Не слышал, что он сказал наглому, но после тот мне кушанья подавал. О как...

Ладно, плывём... А мою музыку любили слушать и матросы. И что интересно, так они полюбили музыку, что на какой-то пристани три матроса купили себе гармошки. Григорич, хошь верь, хошь не верь, крест тебе даю, купили гармошки. И давай пиликать. Они же думали, у них сразу и пойдёт. Я уж учил их кнопки нажимать, а что толку?! Клопа дают. Если тяму нет, хошь лопни, ничо не сыграешь, кроме «собачьего вальса» ...

А в трюме ехали ещё и солдаты. Самый низкий класс — трюм. Когда солдаты узнали, что я играю, позвали меня в трюм: «Парень, иди и нам поиграй, для солдат». Поиграл я, и, веришь, Григорич, красненькие мне суют. Я им: «Не, не надо. У меня же мама есть, папа, и денег у меня море...» Мне же зэки-то насовали. «Солдат даёт, — один там сказал, — бери. Никогда не отказывайся. Дай и нам отблагодарить тебя...» Так их моя музыка разобрала... Вот моя гармошка и семью выручила, после войны жили голодно, а тут столь денег привалило... И всю дорогу, пока плыли по Лене, играл я для зэков, матросов и солдат...

В пятьдесят четвёртом приехали мы с семьёй на строительство Иркутской гидростанции. Отцу — он работага сильнейший, к тому же мастер — сразу же квартиру дали. Где я поныне и живу.. Я тогда учился в «вечёрке», работал на стройке монтажником. Высоко над Ангарой монтировали, даже страшновато бывало. А всё свободное время на гармошке играл. Таскали меня по гулянкам, по концертам... Франц Таурин... знаешь, Григорич, такого писателя?.. в Иркутске жил... книгу написал, как строили гидростанцию, и меня прописал, как я играю на гармонии. Да...

Пришло время, забрали меня в солдаты и послали аж в самую Москву, в противовоздушную оборону. Вон аж куда меня закинуло... А пошёл я по своей специальности — сварным. Ладно, служу... А тут в части ищут музыкантов, но чтоб грамотные, чтоб ноты знали, а я же — слухач. Но как-то взял гармошку, да ка-ак врезал: меня и засекли — капитан подле оказался. Послушал, послушал и удивился: «Как так, — говорит, — баянистов у нас море разлитое, гитаристов пруд пруди, а гармониста впервые вижу...» Капитан меня и засек, говорит: «Поедешь на конкурс музыкантов в Балашиху...» Это под Москвой, там у нас был штаб армии. Ладно, поехал... Там сплошь баянисты, а я один с гармошкой. Зал такой здоровый-здоровый, красивый, весь лепной, с люстрами. Комиссия на сцене сидит, а мы все в зале. Вызывают меня, иду по ковру, вышел на сцену и ка-ак врезал «Саратовские переборы!» — все попадали. Ну, говорят, хватит. Думаю, не глянулось, раз не дали доиграть; спускаюсь по лесенке, а весь зал кричит: «Доигрывай!.. Доигрывай!..» Вышел в коридор, и там меня капитан нашёл. «Отлично!» — говорит. Так я в первый раз стал лауреатом конкурса, как гармонист, и попал в армейский ансамбль. Колесили мы с концертами по частям, по деревням. И служба пошла повеселей, хотя сварным и отслужил.

А с армии-то, Григорич, пришёл, в Иркутске поработал, и меня, как сварщика и классного специалиста, пригласили за границу, в Монголию. А там — клубы для советских специалистов. Один раз захожу, гляжу — мамочка родны! — гармошка... Взял её, родимую, и ка-ак!.. врезал... и опять меня засекли... Где я потом только не играл! Весь Улан-Батор с концертами изъездил, вдоль и поперёк. И у русских играл, и у венгров, и у чехов. Они же любят русскую музыку, иные поют по-русски. Да...

Вернулся с Монголии, опять сварщиком пошёл пахать... Веришь, Григорич, мне гармонь жениться подсобила. Без гармошки, однако б, не женился, долго бы холостой ходил... Это еще до армии глянулась мне одна... Галя звать, на стройке малярила... Но Галя меня не видит, смотрит скрозь. Я к ней с того бока, с другого, толку нету... Оно, конечно, ростом повыше, покрасивше, а я пень корявый: девка пройдёт, не обернётся, а обернётся, так и плюнет вслед... А к ней инженер клинья бил, на танцах так и вьётся хмелем, так и кружит шмелём, и умные речи говорит, образованный же... А у меня чего? Три класса да два коридора... А я сохну на корню, хлеб в рот не идёт и сплю плохо; похудел, кожа да кости, штаны спадали, веришь, Григорич. И как ещё пахал, не пойму... Вот, Григорич, до чего любовь довела... Не видать бы мне Галю, как своих ушей, а тут смотр народной самодельности. В театре... Она туда с инженером пришла... Я как на сцену вышел... в русской рубаше, да ка-ак врзал на гармошке — по-пурри играл... по мотивам русских песен... Я люблю играть вариации... И веришь, Григорич, полчаса люди хлопали, со сцены не пускали, ещё пришлось играть... В антракте с Галей встретился, она инженера бросила, с меня глаз не сводит. А потом меня на стройке «доской почёта» наградили... Я же ударник труда пожизненный... Так она и вовсе зауважала. Да... Ждала меня с армии... и вот уж сорок лет живём душа в душу...

Долго я с гармошкой не расставался, а потом дружок меня стыдит и стыдит. «Ты, — говорит, — Аполинарый, давай с голяшкой-то завязывай, бери баян. Бросай голяшку, не позорься. А то как дурак деревенский...» Прикинул я хвост к носу, бросил гармозею, взялся за баян. Обидел гармошку...

«Я и Геннадий Заволокин...»

...Играл я на разных вечерах, но уже на баяне. И вот однажды приезжает ко мне Миша, старинный друг, тоже сварной, и газету под нос сует: «Вот читай: в Иркутск приезжают братья Заволокины. Будут праздник проводить телевизионный... на всю Россию. Слышал, «Играй, гармонь!»?.. Отбор будет. Давай-ка, Аполинарый, тряхни стариной...» Да у меня же, Миша, и гармони нету... «Найдём...»

И ведь нашёл же мне гармошку, правда, чуть живую, старую... Старе поповой собаки. Но попёрли мы на телевидение. Там Геннадий Заволокин гармонистов отбирал. Ладно, приходим, народу — море. И все волнуются — кому первому. А

мне чо, взял да и пошёл первым. Ка-ак врезал!.. У Заволокина аж глаза на лоб. Спрашивает: «Ноты знаешь?» Не-а, говорю, я — слухач. «Ну, давай, давай, играй...» И столь я, Григорич, играл!.. аж упарился. А Заволокин велит: «Ты играй, играй... А песни поешь?..» Пою... для себя, ежели выпимши... «А что ещё можешь?..» А могу играть и сразу же плясать... «О-о-о!.. Ну-ка, врежь...»

Ну, я сыграл и сплясал с гармошкой на руках. Все попадали. Хлопали-и... «Здорово даёшь, — похвалил Геннадий. — Будешь «Подгорную» играть на Подгорной улице...» Старинная такая улица в Иркутске, на избах деревянная резьба... «Там, — говорит, — «Играй, гармонь!» запишем, и ты будешь играть и плясать. А потом на корабле пойдём по Ангаре, по Байкалу, и там сыграешь...» Они же кино снимали...

И вот, значит, прихожу я на Подгорную. Сижу в уголочке — я не люблю рисоваться. А он всё же издалека меня усёк. «Иди-ка сюда, — говорит, — вот будешь у меня в центре стоять. И никуда от меня. Будешь играть и плясать».

И всё, Григорич, так красиво вышло в передаче: улица Подгорная, старинные дома, и я с гармошкой, и Заволокин с гармошкой. Как в деревне... Потом по Ангаре плыли и в Байкал вышли. Геннадий — на баяне, я — на гармошке, а девушки поют «По Ангаре...». Красота! Не видел, Григорич? Несколькo раз по телевизеру казали, по-нашему, и по Центральному. Там я и Геннадий Заволокин...

Аполинарий Серафимыч не утерпел, взял гармонь, кургузые пальцы рыскнули по ладам и басам, поскакали, и мне послышались дальние голоса, эхом долетевшие из деревенского детства, — голосили сестры мои, старшеклассницы, когда я катал их на лодочке по закатному озеру:

*...Верят девочки в трудное счастье,
Не спугнёт их ни дождь, ни пурга,
Ведь не зря звёзды под ноги падают,
И любитесь ими тайга!
А река бежит, зовёт куда-то,
Плывут сибирские девчата
Навстречу утренней заре
По Ангаре,
По Ангаре.*

—Прошла «Играй, гармонь», и вроде про меня и забыли. Обидно, я даже с обиды в рюмку стал заглядывать, а Галя ругается... А через год — открыточка: Аполинарий Серафимыч, приходите на конкурс, чтобы потом ехать на Всерос-

сийский в город Иваново. О как! Но пишут: если подфартит... Прибежал я в народный дом, там слушали, а отбор был, Григорич, ой-ё-ё-ё!.. сильнейший — тридцать гармонистов состязались. Я уж думал, мне ничо не светит... Но ка-ак!.. врзал!.. поппури на темы русских песен... Я люблю играть вариации... Да как пошёл плясать с гармошкой — всё, с ходу победил. В первом туре шестерых отобрали, во втором — двоих: мне подфартило да пожилому гармонисту... Коренев, слышал?..

В Иваново, помню, собрались на репетицию; гармонисты разнаряженные, а Заволокин им: «Это что за маскарад?! Вы куда вырядились?! Что это за кисточки на сапогах?! Вы зачем цветочки в кепки навтыкали?! Снимите, будьте простыми, как в жизни, вы же не ансамбль песни и пляски. Выходи, в чём ходишь, хоть в свитере...»

Я покосился на ряженого гармониста: ишь, бранит мужиков на пару с Заволокиным — вырядились, а сам вечно в русской рубахе...

— А жили мы шикарно, в гостинице, кормились в ресторане, там можно и выпить. Геннадий... умный мужик... так и говорит: «Что вы все как замороженные?! Ну, выпейте, как в деревне на Маслянице. Может, повеселеете...» Все дрожат, а я пошто-то, Григорич, не такой был, отчаянный, бедовый. Эх, мне бы грамотёшки, я бы не железо варил, я бы на гармошке в Кремле играл... в Кремлёвском зале. А что?! Не боги горшки обжигают...

— Ишь куда занесло... Ты бы играл, а Ельцин плясал... — ёрничал я.

— А что, Ельцин бы вжарил стакан водяры и сплясал... Ну, я в Иваново ка-ак врзал поппури на темы сибирских плясок, так, веришь, Григорич, ивановские ткачихи на руках носили...

Пытался я вообразить: дородные ткачихи носят на руках Аполинария Серафимыча, но воображения не хватило, даже писательского.

— Потом и Коренев сыграл... И вот, Григорич, запиши... Стали мы с ним дипломанты Всероссийского конкурса «Играй, гармонь!»... Короче, дали мы жару в Иваново, сибиряки же. В телевизоре гляжу: сплошь я и Геннадий Заволокин...

«Сыпь, тальянка, звонко, сыпь, тальянка, смело...»

— Люблю играть... и даже для себя. Да... Летом окошки распахну и завожу свою шарманку. Гармошка у меня звонкая, далеко слышать, по заказу сделали в Шуе, а я расписал... Соседи во дворе сидят, просят ещё сыграть. Я смеюсь, дес-

кать, билеты покупайте. А в молодости любил на реке играть. На Лене, бывало, возьмём лодку с другом, он гребет, а я играю; звук голосисто, широко, далеко плывет по воде. В Иркутске на Ангаре любил играть либо на море. Да...

И вот, Григорич, снится мне гармошка и снится. Замотали меня эти сны. И такие я во сне вариации даю, что и сам потом не пойму: откуда что берётся?! Талант, видно; мне бы в артисты податься, а не железо варить... Раньше я так не играл, как сейчас... Проснусь, хватя за гармонь, и, веришь, Григорич, то же играю, что во сне. Помню, Есенина во сне сыграл и спел, а утром, ещё ничем ничо, ещё не чаевал, взял гармонь и...

Аполинарий сгрёб гармонь, печально заиграл, запел осипшим голосом:

*...Дальний плач тальянки, голос одинокий —
И такой родимый, и такой далёкий...
Я и сам когда-то в праздник спозаранку
Выходил к любимой, развернув тальянку.
А теперь я милой ничего не значу.
Под чужую песню и смеюсь и плачу.*

Пропел гармонист, и в глазах слёзно засветилась кручина...

— Всё играю, что душе угодно, а стильную музыку не люблю — молот в кузне наяривает. Мелодии нету, души нету, дурь одна прёт... А народ-то любит русскую музыку — живая, народная... Вот я бывал на свадьбах, на юбилеях, на проводинах, именинах, и только заиграю — всё, колотовку вырубают, и все, старые и малые, поют и пляшут под гармонь. У меня же музыка живая, и слова чистые, не то что в телевизоре помой... Случай был... Я дочь замуж отдавал. Взял гармошку на свадьбу. А дочь мне: «Там же, папа, молодые. Пусть аппаратура играет. Ты, — говорит, — папа, гармошку не бери. Вместе с мамой будете возле меня сидеть, как положено...» Но я свою гармозею всё же взял, не задавит... И веришь, Григорич, во время свадьбы аппаратура накалилась... от рёвато... и замкнула, и задымилась. Всё, хана, без музыки остались... Вот тут моя гармонь-то и сгодилась. Взял, ка-ак врезал, все аж рты раскрыли. Так и отыграл на дочкиной свадьбе, и все напелись, наплясались, и довольны остались...

Слушаю я заносчивую похвальбу... Дитя дитём... Посмеиваюсь про себя, но пишу в книжку: в Иваново ткачичи до упаду хлопали, губернатору руку жал, хмельной мужик на колени пал перед гармошкой, частушечницы всего исцеловали... Потом гармонист поплакался:

— Играть зовут, а не платят — всё на дармовщинку нороят или за рюмку водки, а у меня пенсия грошовая, мать и жена... Да, Григорич, не будь гармошки — тоска, а не жизнь, когда нищета кругом, а барыги наживаются... Я же, Григорич, по-первости был демократ от кудрей до пят, Ельцина защищал...

— Ну-у... Аполинарий Серафимыч, тоже живая душа...

— Живая не живая... Угробил страну со своими причиндалами, а за Россию сколь народу головы сложили?! Миллионы... Мужики и бабы горбатились в холоде, голоде, строили Россию, а эти... крысы!.. махом страну разворовали... Верись, Григорич, на всю Россию прославился, трижды в телевизоре казали... «Играй, гармонь!» видал?.. На пару с Заволокиным играл... — Глаза гармониста вспыхнули хвастливым голубоватым светом и погасли, словно затянул небо сырой и стылый морок. — А эти... — безнадежно махнул рукой, и я догадался: в сторону здешнего начальства. — Эти не ценят: сколь пороги обивал, рубаху русскую выхаживал, зря ноги исшоркал... Калымил... я же сварщик классный... и на калым гармошку взял, рубаху сшил... Не ценят самородков... И на концерты перестали звать...

Позже я смекнул, почему на сборных концертах Ухова боются, как огня: одеяло на себя тянет и власти обличает... Режиссёр театра, старинный приятель, затеял губернский концерт народного творчества, и я слёзно просил, умолял и Ухова на сцену выпустить.

— Эту тигру?! — вздыбился режиссёр. — Ни в жизнь!.. Начнёт чудить, его же со сцены палкой не сгонишь...

— Да не бойся, я же поговорю с ним....

— Ой, боюсь я, как бы чего не утварил... Мне потом башку снесут, если что...

— Да он же самородок, у Заволокина играл. Не бойся...

— Но смотри, Толя, если что, всё на тебя свалю.

— Вали, однава живём...

И вот концерт в разгаре; губернатор, словно на троне, чинно восседает на лепном балконе, рядом пышная жена, потом чиновники; а самородки поют и пляшут, лихо бренчат на балалайках. Приспело время Ухова... Выкатился колобом в подпоясанной кушаком долгополой рубахе с красными обережными крестами, в рыжих, фасонисто сморщенных хромовых сапогах, над которыми нависали шаровары. «Как ещё лапти не напялил либо ичиги? — подумал я с улыбкой. — С Аполинария бы сталось...» Поясно поклонившись, Аполинарий Серафимыч, прежде чем развернуть гармонь, похвастался, что у него за сварку и гармонь полкомода грамот, что

вместе с Заволокиным играл в Иркутске и в Иваново, где снимались передачи «Играй, гармонь!» Потом гармонист посетовал, что губернские и столичные власти не ценят русскую музыку: год просил гармошку и концертную рубаху, не выпросил, на свои кровные купил.

— Это что же в России деется?! — Голос Аполинария Серафимыча обличительно зазвенел. — Радио как врубишь либо телевизор — песенки дешёвые, а то сплошь нерусские... Это что, в России уже русского народа нету?! Да ещё тюремные песенки на всех углах: в автобус сядешь — хрипатые орут, в поезде едешь — орут; на дачу убежишь, думаешь, там тихо, нет, и там хрипатые орут... Воля хрипатым, у которых голоса нету... И куда власти глядят?! Это кого же мы вырастим на блатных куплетах?.. Каторжан?.. При народной власти, помню, хоть изредка, но крутили же в телевизоре русскую музыку — народные хоры, баянисты, гармонисты. А нынче русскую музыку к телевизору даже близко не подпускают. Это кто же в России правит, ежели русскую музыку бояться, как черт ладана?!

Слушал я пламенную речь Аполинария Серафимыча, вспоминал, что и я печалился о том же лет десять назад, и даже запечатлел кручину в очерке «Что посеешь, то пожнёшь»: «В связи со сверхмощными, рвущими перепонки ушей, магнитофонными усилителями вся нынешняя бульварная и уголовно-блатная музыка стала воистину казнь Господня, превратилась в орудие наказания отцов чадами, в орудие насилия, истязания, от коего даже на лесной даче не утаишься. Вошёл в трамвай или автобус, там уже врубили «музыку», и хочешь, не хочешь, вынужден слушать «лязг и грохот железа» да сладострастные вопли, словно розовые сопли; вынужден мучиться, страдать, лютой ненавистью ненавидеть любителя лязга и кошачьих воплей; слушать и слушать до отупения, до отчаянья мусорный поток звуков, подвывание, повизгивание, скрежет, похожий на скрежет медного таза, когда им елозят по песку, отчего у тебя противно холодеет внизу живота. Потный, измочаленный, оглушённый машинным и «музыкальным» грохотом, отравленный бензиновым угаром, издёрганый и до отказа набитый злобой очередей и давок, ступаешь в своё предместье в надежде хоть в тени вековых тополей утаиться от воздуха, раскалённого музыкальным рёвом, но тут же на твою больную и без того гудящую голову каменным градом рушится из окон девятиэтажной вавилонской башни «тяжёлый» или «чугунно-литейный» рок, или, словно «пером урки в кожаной тужурке», буравит сердце куражливо-блатной, с хрипотцой под Высоцкого, нахальный

голос, внушающий тебе: «Кто не курит и не пьёт, тот здоровенький умрёт. Водочка, ах, водочка...» Или пугающий сценами из уголовного жизни «малины»: «За ненадобностью вам я отрежу уши...» А во дворе пасётся детвора, не ведая, куда себя сунуть. И кого мы вырастим под эдакую музыку?.. Пьяниц?.. наркоманов?.. варнаков и жуликов?.. Злой, как цепной пёс, бежишь в свою конуру, чтобы хоть в норе спрятаться от «музыкального разбоя», но и там тебя настигают вопли — где-то в квартире ниже или выше, слева или справа обезумевший «меломан» врубает сверхмощную аппаратуру и... хоть заживо в гроб ложись или, как матушка говорила, глаза завяжи да в омут бежи. С горя махнёшь на дачу, и в садоводстве та же песня, дикая, угнетающая душу...»

Жаркая речь Аполинария Серафимыча сморила публику; в зале зашумели, зашаркали ногами, чтоб заглушить краснопевца; и тогда гармонист голосисто зачитал из Есенина:

*Сыть, тальянка, звонко, сыть, тальянка, смело
Вспомнить, что ли, юность, ту, что пролетела?
Не шуми, осина, не пыли, дорога.
Пусть несётся песня к милой до порога...*

А уж после стиха гармонист, ка-ак врезал попури по мотивам русских песен, да ка-ак пошёл плясать с гармошкой, пускаясь впрысядку, что и народ завеселел, зашумел... Похоже, иные мужики плясали сидя, топоча и шаркая башмаками... И разыгрался, расплясался Аполинарий Серафимыч без угомона и укорота.

Я слышал, как режиссёр скрипел зубами, злобно шептал мне на ухо:

— Что творит, а!.. что творит!.. Без ножа режет... Одеядо же тянет на себя... Ну, Толя, удружи-ил... — Режиссёр покосился на лепной балкон и в ужасе узрел: губернатор и свита на ногах, вроде, отчалить собрались, утомлённые гармонистом.

Мне бы, словно козе пакостливой, покаянно опустить глаза долу, а я разлыбился, как сайка на прилавке: мне дед привиделся, Царствие ему Небесное...

Лазарь Ананьевич Андриевский, дед по материнскому крылу, прожил сто шесть лет — и я, народившись в половине прошлого века, до шести лет вертелся подле деда Лазаря, когда мать с оказией посылала меня в село Погромна на откорм; там древний старик обитал у материной сестры Валентины Лазаревны. В былые лета я поведал о том, что я запомнил деда сказочным ощущением, словно подслушал дремучую бывальщину, освещую на донышке памяти. И в ощущения вплелись

поминания родичей, и ныне, продираясь сквозь туманную наволочь века, с тоской и любовью вижу, как дед Лазарь, облысевший и обмелевший, словно речка Погромка в сушь, суетится возле старика тихим сиянием, и дедово лицо, опущенное реденькой, изжелта-белой, сухой бородой, купается в задумчивом предзакатном свете, тает, и лишь оттопыренные уши по-младенчески нежно розовеют. Лет до ста дед Лазарь подсоблял вдовым молодухам, вдовым дочерям — возил дрова из леса, но ближе к ста шести годам впал в детство, и мы стали годками, что старый, то и малый; бранились за столом до слёз, не поделив картоху, варённую в мундире, которую тётя Валя высыпала из парящей чугушки на некрашеную, но дожелта выскобленную столешницу. «Один задериха, другой неспустиха», — умилённо посмеиваясь, качала головой тетя Валя.

Братья-большаки поминали: на Троицу родня гуляла в ограде, озеленённой троицкими кумушками-берёзками, и когда в застолье оживала гармошка, хохотала и рыдала над «камаринским мужиком», дед Лазарь пускался в пляс: постукивал ичижонками* в задеревенелую землю, помахивал сухими крылами. А гармонист дразнил, задорил деда:

*Деревенский старичок
Помирал во вторничок,
Ему стали гроб тесать,
Он вскочил, давай плясать...*

И вот, бывало, мужики и бабы запыхаются, опадут на лавки, гармонист истомится по рюмке, а дед пляшет и пляшет, словно заведённый до скончания века, да ручонками помахивает, припеваает:

*Ох, топну ногой,
Да притопну другой.
Сколько я ни топочу,
Всё равно плясать хочу!*

Чуя неладное — старик бы вусмерть не заплясался — мужики, бывало, ухватят деда под крылья и несут в избу, а старик, повисший на мужичьих руках, весело дрыгает ногами, пляшет на весу..

Вот и Аполинарний Серафимыч, вроде деда Лазаря, играл на гармошке и плясал, хотя уже явился ведущий с микрофо-

* Ичиги — мягкие сапоги из сыромятной кожи.

ном — холёный малый в чёрном костюме с бабочкой, а за добрым молодцем уже и девицы в светлых сарафанах поплыли, словно лебёдушки на пруду. Холёный с микрофоном, сладко улыбаясь, досадливо покосился на гармониста, исподтишка сладил ему страшное лицо, бранно прошипел, и Аполинарий Серафимыч с горем пополам угомонился. А режиссёр облегчённо вздохнул, углядев, что губернатор, а за ним и свита поднялись, но, похоже, не от возмущения, от восхищения... Так лихо губернатор хлопал в ладони... И когда Аполинария Серафимыча согнали со сцены, вельможи вновь уселись в кресла. А спустя месяц гармониста осчастливили Губернаторской премией, и народ судачил, что губернатор, слободской парень, и сам в отрочестве терзал гармошку, что самолично хлебом-солью встречал Геннадия Заволокина и его конкурс «Играй, гармонь!», где, может, и высмотрел дивогармониста.

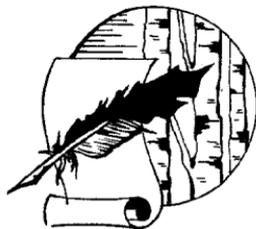
«Золотых огней гидростанции...»

Ликовали колокола Харлампиевского храма, сзывая крещёных к воскресной заутрене, и молитвенной душе слышалось в колокольном звоне: «Помилуй мя, Боже, помилуй мя...» А в храме, ещё малолюдном, по-зимнему сумеречном, клирошане читали молитвы, и богомольцы возжигали свечи возле аналая, поясно кланялись и, осенив душу троекратным крестным знамением, целовали на престольную икону. Затем, падая ниц, приникали губами к изножью Христова Распятия, к образам архангела Михаила, святых угодников и страстотерпцев. Пожилая мирянка, облачённая в чёрное, скорбное, почудилась мне знакомой; в лице ее, ныне иконном, зарнищами плавали отцветы былой смуглой красы; и вглядевшись, признал я в мирянке жену гармониста Ухова, с которым давным-давно не виделся. Галина шептала заупокойную молитву, а коль я молился рядом с благочестивой богомолицей, то и услышал в заупокойной мольбе имя раба Божия Аполинария... После службы, поцеловав крест, выискал Галину, и мы присели на лавочку возле серебристой крещальной купели, и вдова поведала:

— ...Преображение было... Яблочный Спас... Под вечер с Мишей... старинный друг, они напарники были, когда строили ГЭС... И вот, значит, Аполинарий с Мишей спустились к морю возле ГЭС, ну, сразу за плотиной... Аполинарий, Царствие ему Небесное, любил возле моря на гармошке поиграть, народ повеселить... И браво так сидели: Аполинарий на гармошке играл, Миша пел... Миша голосистый, на сцене

пел, когда гидростанцию строили... Сидели, никому не мешали; нет, блатные подошли — за кустами гулялки, и один велит: ты, говорит, дед, заглохни со своей голяшкой... Аполинарию бы стихнуть, не лезть на рожон, не искушать, а он пуше разыгрался, а Миша запел... про гидростанцию — строили же... Ну и... напели на свою шею... — вдова заплакала, потом спохватилась, перекрестилась. — Миша-то помоложе, поздоровей, моего и привёл. Я глянула... Страсть Господня, краше в гроб кладут... С месяц помаялся... — Вдова тяжко поднялась, побожилась на иконостас Харлампиевского придела. — Упокой, Господи, душу усопшего раба Твоего Аполинария, и прости ему вся согрешения вольная и невольная, и даруй ему Царствие Небесное... Слава Богу, батюшка исповедал, причастил Святых Даров, потом соборовал... Аполинарий всё скорбел: не грех, поди, что на гармошке-то играл? Поди, не грех... а чтоб народ не унывал: унынье же — грех...

Вдова поведала лихо и тихо ушла из храма, а я вообразил, как Аполинарий Серафимыч без надрыва, нежно и плавно играет, а голосистый Миша поёт; и стелется песнь предсмерчным туманом над родной Ангарой, обращённой в рукотворное море: «...Ты навеки нам стала близкою, величавая Ангара... В золотых огнях гидростанции... вера юности горяча...» Помянулась первая встреча с гармонистом: в игри-вом, певучем застолье, поплакавшись на лихую судьбинушку — на концерты не зовут, на гулянках не платят... Аполинарий Серафимыч опять заиграл; и я слушал гармонь, подобно душе русской, то вечернюю нежную, то буйную, разухабистую, то куражливо перебористую; слушал — и душа купалась в усладе, словно приехал в родовое село, и под розовым абажуром, за круглым столом, укрытым вишнёвой скатертью с кистями, вся моя родова; сели чаевать, выпить винца с хлебцем, поразмыслить: выживем ли нынче, или заживо в домовины падать?.. И вроде мама жива, и отец играет на гармони — шевелюра крыльями, глаза светятся, что две победные медали на груди, и четыре брата, и две сестры в силе и здравии... И вроде не уходит в землю наша стемневшая, изрытая морщинами, подслеповатая изба, и вечер синий тихо кутает село...

СТИХИ
ПОЭТОВ ДОНБАССА

Виктор МОСТОВОЙ

* * *

Сторонясь суеты городской,
Я черёмуху снова увижу,
Что струится фонтаном ожившим,
Ослепляя меня белизной.

Не пойму: это явь или сон?
Мне в толпе не запомнились лица,
А черёмуха песней струится,
И я светом её озарён.

* * *

Хорошо стоять и слушать
Бой часов у стен Кремля,
Но изводит болью душу
Мне шахтёрская земля.

Ветер утренний и свежий
Знобко трогает меня,
А в Донбассе так зловеще
Смотрит смерть из-под огня.

И уже не бой курантов
Полнит площадь торжеством —
Слышится разрыв снарядов
Вдалеке, в краю родном.

* * *

Мой Донбасс, где я вырос,
Где судьба с корнем вырвана,
Вновь под пулями Кировск,
И Стаханов, и Ирмино.

Пусть затишье в Алчевске,
Но в Алмазной грохочет.
Жить бы всем честь по чести,
Но стрельба дни и ночи.

Мы найдём в себе силы —
С сердца груз этот снимем.
Украина — Россия,
И Донбасс между ними.

г. Стаханов, ЛНР

Андрей МЕДВЕДЕНКО

* * *

Опять с уродливым лицом
эпоха новой ищет правды.
И, как когда-то над отцом,
так надо мной свистят снаряды.

И где погуще толчея,
там люди падают, как злаки.
И по убитым плачу я,
как мой отец когда-то плакал.

И фронтовых хватив сто грамм,
он вспоминал бои в Карпатах.
Казался воином я сам,
надев пиджак в его наградах.

Ничто не ново под луной.
Опять бои — стена на стену.
И ордена отца со мной.
Но им теперь я знаю цену.

* * *

От осколков на ясене срезы.
Сквер шумит, о костыль опершись.
Возвращаются снова протезы
в нашу скудную, скорбную жизнь.

И волнует меня до утробы
мир, который позиции сдал.
Век двадцатый войну не угробил —
ещё пуще её разнуздал.

Гарь и копоть в дыханье рассвета.
Всюду распрей воинственный прах.
Чувство родины с бизнес-проектом
перепуталось в наших сердцах.

* * *

У нас идут бои не на экране.
Я от разрывов дальних ёжусь весь.
На скифском развороченном кургане
цветной ковёр подснежников исчез.

Черна земля от огненного града.
И я не знаю, как мне дальше быть.
О, человек, как мало тебе надо,
чтобы решиться ближнего убить!

Клешни у мины цепкие, что крабы:
такая к нам наведалась беда,
что даже скифов каменная баба
подорвалась в низине у пруда.

г. Луганск, ЛНР

Владимир ПРЕДАТЬКО

* * *

Есть горечь разворованного дома,
Усталость беззащитного гнезда,
Больших надежд сгоревшая солома
И обещаний мутная вода.

Растерянность разбитого кувшина,
Утерянной невинности цена,
Предательство единственного сына,
Измены незабытая вина.

Но целится в разогнутые спины
Завёрнутый в обиду острый нож...
Печаль моя — родная Украина,
Куда ты, моя бедная, бредёшь?!

* * *

Медово липа зацвела,
И птичий гам, как на базаре.
Погода майская светла,
А за Донцом война в разгаре.

Там злость цепляется за злость.
Там нет покоя для пернатых.
Там смысла сдвинутая ось
И жизнь терзают автоматы.

В траву попадали птенцы —
Шальною пулей сбиты ветки.
В слепом безумии бойцы
Бездумно давят на гашетки.

Горят и воздух, и земля,
И от пожаров больно глазу,
И леденеет кровь моя,
И ложь мне разрывает разум.

Здесь речь звучит не по любви.
Закат краснеет от позора.
Здесь свой сценарий на крови
Чужие пишут режиссёры.

На рубеже мой равный брат.
Я с ним всегда делился хлебом.
Ни он, ни я не виноват
Что нас одно роднило небо.

Забыв про радость и покой,
Стреляя в лозунг «Я — едина»,
Сама себя, своей рукой
Уничтожает Украина.

* * *

Накануне жатвы под Луганском в пос. Metallist, на полях были выжжены созревшие элитные хлеба Институтаэкспериментального земледелия (180 га).

У них своя холопская закалка —
Хозяина не выйдет из раба.
Им труд чужой в безумии не жалко.
Им здесь не жить, с того и жгут хлеба.

И горше нет страдания на свете.
Берёт за душу гневная тоска.
Горит зерно. И дым разносит ветер.
В бессилии сжимается рука.

Ты с чем пришел на эту землю, «воин»?
Не отмолить опальные грехи.
Ты званья человека не достоин.
Страшишься, укроп, проклятья от сохи.

* * *

Мишень. Прицел. Курок. Адреналин.
Окопы. Грязь. Бинты. Чужая боль.
И жизнь не в жизнь, и сын уже не сын,
Но есть заложник, стриженный под ноль.

Беспамятство. Уродливость. Война.
Слеза. Вдова. Кровинушка. Песок.
Часовенка. Лампадка. Тишина.
Отчаянья досадный уголок.

Призывы. Лозунг. Тучный генерал.
Отечество. Салют. Словесный блуд.
И смерть возведена на пьедестал
Под смех обогатившихся иуд.

Стране опять забит раздоров клин.
Всё те же грабли. Тот же узкий лоб.
И падает в песок планеты сын.
И генофонд ложится в тесный гроб...

г. Северодонецк Луганской обл.

Виталий СВИРИДОВ

* * *

Ну разве скажешь небу «подожди?!»...
Никто на это не давал нам права.
На город тучи сбросили дожди,
С дорог смывая грязь налево и направо.

Бурлит по-над бордюрами вода...
Обочины напоминают реки;
И знают все, что так не навсегда,
А кажется, — уже навеки.

На хмурых лицах, даже у детей,
Отражена почти что катастрофа...
Должно быть, в генной памяти людей
Еще не высох след Всемирного Потопа...

* * *

Горельеф обнаженного берега —
Слой ракушечника из триаса.
После шторма, как после набега, —
Опрокинутые баркасы...
Дует утренний ветер с востока
К волнорезам наискосок:
Есть у ветра такая работа —
Гнать волну на прибрежный песок...
Где на узкой полоске песчаной,
В белом кружеве пены морской,
Растворяются мысли печальные,
И химеры надежды людской.

РОССИЯ

Умом Россию не понять...
Ф.И. Тютчев

Россия — это не территория,
Не государство, не нация...
Россия — это вершинный дух,
Восходящей к небу цивилизации.
Это — домотканые алые паруса,

Наполняемые ветром с Востока...
Это — планетарная взлётная полоса,
И потребность взлететь высоко и далеко.
Это — вечный раздор
Между чувством тончайшим и плотским...
Это — бунт и раскол
Между девственно-чистым и скотским;
Это — страх, это — кровь, это — боль...
До искусанных губ, до отчаянья...
И бескровных семей перекатная голь,
И смиренных пророков изгнание!..
Это — матерность слова и мерзость плевков
От хулителей злобных, ушедших в бесславие;
И святая печаль, что в глазах стариков,
За поруганное Православие!..
Это — Промыслом Божьим начертанный путь...
Через тернии к звездам — широко не шагнуть!

ПРОРОЧЕСКОЕ

Вдали от храмов и монастырей
Из пропасти рутины повседневной
Плывут армады мыльных пузырей,
Преображаясь в пыль на сквозняках Вселенной.
Раздут технократический прогресс
В безудержно-надменном эпатаже,
Как будто весь его духовный недовес
Вдруг стал предметом купли и продажи.
Похуже, Старый мир сошел с ума
Гораздо ранее пророческого срока...
Но вертится Земля: предгрозовая мгла
Не перекроет зарево Востока!

г. Алчевск, ЛНР

ЯДОВИТАЯ ЯГОДКА РЕВОЛЮЦИИ

Ордер на арест моего деду я видел собственными глазами в его деле. На нём стоит яркая, крупная, размашистая подпись красным карандашом: «Ягода». Что это за фрукт такой и какое отношение он имел к моему деду и его гибели?

Дело происходило в 1931 году, когда ОГПУ, после Ф.Э. Дзержинского, умершего в 1926-м, формально возглавлял В.Р. Менжинский — тяжелобольной человек, почти никогда не покидавший своего кабинета. На самом деле всё давно было в руках его всеильного зама Генриха Ягоды, который и осуществил, в отпущенный ему срок, беспрецедентное по обдуманной, целенаправленной жестокости и систематичности массовое уничтожение русской национальной элиты, не добитой при Ленине. В том числе офицерства дореволюционной чеканки, относившегося к категории «цвет нации» и составлявшего едва ли не наиболее численно значительную ее часть. Это был такой же геноцид, как тот, что позже немцы устроили евреям, только гораздо более страшный, ибо у евреев наиболее генетически ценные слои населения уцелели, а у русских, наоборот, были уничтожены все подряд. На «русской грядке», вмес-

УРОКИ ИСТОРИИ

то сорняков, были сознательно выполоты все именно самые культурные растения, вместо сухих веток были срезаны самые цветущие и плодоносные. Бывший первый мэром Москвы, «грек» Гавриил Попов остроумно и точно назвал все это «Русским Холокостом», результат которого сказывается до сих пор самым плачевным образом.

Руководимое с 1926 года Ягодой ОГПУ превратилось, таким образом, не в «карающий меч Революции», как любят говорить о себе чекисты, а в топор палача, коим орудовала захватившая власть банда русофобов, куда изначально, помимо Ленина, входили Свердлов, Дзержинский, Урицкий, Троцкий, Каменев, Зиновьев, Луначарский, примкнувший к ним Бухарин и мн. др.¹

20 ноября 1891 года в городе Рыбинске Ярославской губернии в еврейской семье ремесленника родился мальчик Енох Гершенович Иегуда, будущий нарком внутренних дел СССР (1934—1936) Генрих Григорьевич Ягода.

Его отец, Гершен Фишелевич Иегуда (он же Григорий Филиппович Ягода), был печатником-гравером. В семье было восемь детей: три сына и пять дочерей.

Двоюродный брат Гершена Иегуды — Моше Израилевич Свердлов, отец Янкеля, будущего крупного партийного и государственного деятеля Якова Свердлова, держал в Нижнем Новгороде граверную мастерскую. Таким образом, Генрих Ягода — троюродный брат Якова Свердлова.

Клан Свердлова в большевистской иерархии, еврейской в целом, стоял высоко, пожалуй, даже выше всех. Вернувшись из Туруханской ссылки, Яков сделал ослепительную карьеру, став вторым лицом в Советской России, сосредоточив в своих руках непомерную власть. Во время болезни Ленина он выполнял его функции, явно метил на смену Ильичу, работая в ленинском кабинете, подписывая за него документы, проводя заседания Совета Народных Комиссаров.

Ягода дорожил этим родством, и недаром. Вступив в партию большевиков лишь в 1917 году, он с 1918 года уже устроился работать в Петроградскую ЧК, а затем всемогущий тогда Яков Свердлов, фактический властитель России, перевел в 1919 году родственника из Петербурга в Москву и сделал членом коллегии Народного комиссариата внешней торговли. А главное — написал «старому другу» Феликсу Дзержинскому рекомендательную записку с просьбой дать Ягоде работу в ВЧК, что тот и сделал². Свердлов умер в том же году, но дальнейший карьерный взлет Ягоды был уже неоспорим. Однако по торговой части он, уже вкусивший че-

кистской власти, не пошел. С 1920 г. он член Президиума, затем член коллегии и управляющий делами ВЧК³. С сентября 1923 года — уже 2-й зам. председателя ОГПУ, а после смерти Дзержинского — фактический глава организации (наркомом станет в 1934 году).

Оказавшись в Москве, Ягода закрепил свою принадлежность к клану, женившись на племяннице Свердлова (и своей тем самым) Иде Леонидовне Авербах, дочери Софьи Михайловны — родной сестры Якова⁴. У них был сын Гарик (Генрих), 1929 г.р.

Набрав силу, Ягода — похвальное семейное рвение — перетащил в Москву всю свою родню: отца и мать, сестер Розалию Шохор-Ягodu, Фриду Фридлянд-Ягodu, Таису, Эсфирь, Лилию с мужьями и детьми. Покровительствовал шурина — Леопольду Авербаху, ставшему во главе Российской ассоциации пролетарских писателей. Все они хорошо снабжались за счет НКВД.

Со временем он отдал долг и Якову Свердлову: устроил в органы его сына — А.Я. Свердлова⁵, отблагодарив покойника за заботу.

Чтобы хорошо понимать, кто творил историю России и русского народа после захвата большевиками власти, нужно сказать несколько слов о главе клана Свердловых — Якове Михайловиче.

Значение Якова Свердлова в нашей истории, несмотря на краткий срок деятельности, было колоссальным. Ленин, открывая VIII съезд партии, охарактеризовал его так: «Для всей партии в целом и для всей Советской республики Яков Михайлович Свердлов был главнейшим организатором... Я не в состоянии даже на сотую долю заменить его, потому что в этой работе мы были вынуждены всецело полагаться и имели полное основание полагаться на тов. Свердлова, который сплошь и рядом единолично выносил решения».

Именно Свердлов был отцом красного террора, две самые кровавые вехи которого — убийство царской семьи и расказачивание. Оба эти беспрецедентные преступления — дело рук Свердлова лично. И даже — единолично, ибо политические решения он принимал за Президиум ВЦИК и за ЦК РКП(б), а проводниками этих решений были близкие ему исполнители. Так, Шая Голощекин и Яков Юровский, выполняя приказ патрона, скоро и беспощадно свершили уничтожение Николая Романова. Также лично Свердловым была подготовлена и подписана зловещая Директива Оргбюро ЦК РКП (б) от 24 января 1919 года о поголовном истреблении

казаков (основные исполнители — командарм Иона Якир и руководитель Донбюро А.Френкель).

Трудно сказать, сколько зла еще сотворил бы Свердлов, оседлавший русский трон, какие бы реки русской крови пролил. Метил он высоко, на самый верх. Однако человек, как известно, бывает внезапно смертен. «Мы опустили в могилу, — скорбел Ильич, — пролетарского вождя, который больше всего сделал для организации рабочего класса, для его победы».

Поскорбели и забыли. И даже вещички, после него оставшиеся, не досмотрели. И вспомнили об этом почти через двадцать лет, как свидетельствует поразительный документ:

«Секретарю ЦК ВКП(б) тов. Сталину

На инвентарных складах коменданта Московского Кремля хранился в запортом виде несгораемый шкаф покойного Якова Михайловича Свердлова. Ключи от шкафа были утеряны.

Шкаф был нами вскрыт, и в нем оказалось:

1. Золотых монет царской чеканки на сумму сто восемь тысяч пятьсот двадцать пять (108 525) рублей.

2. Золотых изделий, многие из которых с драгоценными камнями, — семьсот пять (705) предметов.

Семь чистых бланков паспортов царского образца.

Семь паспортов, заполненных на следующие имена:

А) Свердлова Якова Михайловича,

Б) Гуревич Цецилии-Ольги,

В) Григорьевой Екатерины Сергеевны,

Г) княгини Барятинской Елены Михайловны,

Д) Ползикова Сергея Константиновича,

Е) Романюк Анны Павловны,

Ж) Кленочкина Ивана Григорьевича.

Годичный паспорт на имя Горена Адама Антоновича.

3. Немецкий паспорт на имя Сталь Елены.

4. Кроме того обнаружено кредитных царских билетов всего на семьсот пятьдесят тысяч (750 000) рублей.

Подробная опись золотым изделиям производится со специалистами.

Народный комиссар внутренних дел Союза ССР (Ягода)
27 июля 1935 г.

№ 56568»⁶.

Комментировать эту подлинную опись (возможность подлога совершенно исключена по обстоятельствам времени) пиратского сундука нет особой необходимости.

Итак, мы видим, что время, проведенное на вершине власти, Яков Свердлов использовал двойко. Во-первых, он приложил все усилия, чтобы ввергнуть Россию в пучину Граж-

данской войны, перебив при этом цвет русской нации, залив страну невинной кровью. Во-вторых, этот министр-администратор Советской власти, лютуя над нашей Родиной, истребяля цвет русского народа, каждую минуту помнил о фантастической случайности своего взлета и о возможности заслуженного возмездия. Как разбойник, авантюрой прорвавшийся к трону, Свердлов награбил сокровища, с которыми планировал бежать за рубеж для дальнейшей безбедной жизни, но не успел. Пролетарский вождь и главный бюрократ, а на деле — обер-руссофоб, палач-маньяк, авантюрист и временщик, пламенными речами и цитатами из Маркса маскировал свою сущность пирата.

Я не стану утверждать, что Свердлов — идеальный прототип революционера, дорвавшегося до административной власти. Наверное, были и другие, более идейные, чистые люди. Но и назвать случайностью, что именно такой человек оказался на самой вершине большевистской пирамиды, было бы антинаучно, неисторично и необедительно.

А главное, эта история показывает, какие возможности открывались перед участниками массового еврейского похода во власть, начавшегося в 1917 году. Она помогает объективнее вскрыть их мотивы.

Генрих Ягода не случайно был родней и ставленником именно Свердлова — с юности входил в его клан. Это были ягодки одного поля, птицы одного пера, их моральные облики неотличимы. Об их родстве — не только кровном, но и духовном, и типологическом — со всей очевидностью говорит следующий факт.

Когда весной 1937 года Ягода оказался арестован, то в его квартире в Кремле, по Милютинскому переулку, дом 9, на его даче в Озерках, в кабинете и кладовой Наркомсвязи СССР был проведен тщательный обыск. О чем составленный акт гласит:

«В результате произведенных обысков обнаружено:

1. Денег советских 22997 руб. 59 коп., в том числе сберегательная книжка на 6180 руб. 59 коп.
2. Вин разных 1229 бут., большинство из них заграничные и изготовления 1897, 1900 и 1902 гг.
3. Коллекция порнографических снимков 3904 шт.
4. Порнографических фильмов 11 шт.
5. Сигарет заграничных разных, египетских и турецких 11075 шт.
6. Табак заграничный 9 короб.
7. Пальто мужск. разных, большинство из них заграничных 21 шт.

-
8. Шуб и бекеш на беличем меху 4 шт.
 9. Пальто дамских разных заграничных 9 шт.
 10. Манто беличьего меха 1 шт.
 11. Котиковых манто 2 шт.
 12. Каракулевых дамских пальто 2 шт.
 13. Кожаных пальто 4 шт.
 14. Кожаных и замшевых курток заграничных 11 шт.
 15. Костюмов мужских разных заграничных 22 шт.
 16. Брюк разных 29 пар
 17. Пиджаков заграничных 5 шт.
 18. Гимнастерок коверкотовых из заграничного материала, защитного цвета и др. 32 шт.
 19. Шинелей драповых 5 шт.
 20. Сапог шевровых, хромовых и др. 19 пар
 21. Обuvi мужской разной (ботинки и полуботинки), преимущественно заграничной 23 пары
 22. Обuvi дамской заграничной 31 пара
 23. Бот заграничных 5 пар
 24. Пьекс⁷ 11 пар
 25. Шапок меховых 10 штук
 26. Кепи (заграничных) 19 шт.
 27. Дамских беретов заграничных 91 шт.
 28. Шляп дамских заграничных 22 шт.
 29. Чулок шелковых и фильдеперсовых заграничных 130 пар
 30. Носков заграничных, преимущественно шелковых 112 пар
 31. Разного заграничного материала, шелковой и др. тканей 24 отрезов
 32. Материала советского производства 27 отрезов
 33. Полотна и разных тканей 35 кусков
 34. Заграничного сукна 23 куска
 35. Отрезов сукна 4 куска
 36. Коверкот 4 куска
 37. Шерстяного заграничного материала 17 кусков
 38. Подкладочного материала 58 кусков
 39. Кож разных цветов 23
 40. Кож замшевых 14
 41. Беличьих шкурок 50
 42. Больших наборных куска беличьих шкурок 4
 43. Каракулевых шкурок 43
 44. Мех — выдра 5 шкурок
 45. Черно-бурых лис 2
 46. Мехов лисьих 3
 47. Мехов разных 5 кусков

-
48. Горжеток и меховых муфт 3
 49. Лебединых шкурок 3
 50. Мех — песец 2
 51. Ковров больших 17
 52. Ковров средних 7
 53. Ковров разных — шкуры леопарда, белого медведя, волчьи 5
 54. Рубах мужских шелковых заграничных 50
 55. Мужских кальсон шелковых заграничных 43
 56. Мужских верхних рубах шелкового полотна заграничных 29
 57. Рубах заграничных»Егер» 23
 58. Кальсон заграничных»Егер» 26
 59. Патефонов (заграничных) 2
 60. Радиол заграничных 3
 61. Пластинок заграничных 399 шт.
 62. Четыре коробки заграничных пластинок ненаигранных
 63. Поясов заграничных 42
 64. Поясов дамских для подвязок заграничных 10
 65. Поясов кавказских 3
 66. Носовых платков заграничных 46
 67. Перчаток заграничных 37 пар
 68. Сумок дамских заграничных 16
 69. Юбок 13
 70. Костюмов дамских заграничных 11
 71. Пижам разных заграничных 17
 72. Шарфов разных, кашне и шарфиков заграничных 53
 73. Блузок шелковых дамских заграничных 57
 74. Галстуков заграничных 34
 75. Платьев заграничных 27
 76. Сорочек дамских шелковых, преимущественно заграничных 68
 77. Кофточек шерстяных вязанных, преимущественно заграничных 31
 78. Трико дамских шелковых заграничных 70
 79. Несессеров заграничных в кожаных чемоданах 6
 80. Игрушек детских заграничных 101 компл.
 81. Больших платков дамских шелковых 4
 82. Халатов заграничных шелковых, мохнатых и др. 16
 83. Скатертей ковровых, японской вышивки заграничных, 22 столовых — больших
 84. Свитеров шерстяных, купальных костюмов шерстяных 10 заграничных
 85. Пуговиц и кнопок заграничных 74 дюж.
 86. Пряжек и брошек заграничных 21
-

-
87. Рыболовных принадлежностей заграничных 73 пред.
 88. Биноклей полевых 7
 89. Фотоаппаратов заграничных 9
 90. Подзорных труб 1
 91. Увеличительных заграничных аппаратов 2
 92. Револьверов разных 19
 93. Охотничьих ружей и мелкокалиберных винтовок 12
 94. Винтовок боевых 2
 95. Кинжалов старинных 10
 96. Шашек 3
 97. Часов золотых 5
 98. Часов разных 9
 99. Автомобиль 1
 100. Мотоцикл с коляской 1
 101. Велосипедов 3
 102. Коллекция трубок курительных и мундштуков (слоновой кости, янтарь и др.), большая часть из них порнографических 165
 103. Коллекция музейных монет
 104. Монет иностранных желтого и белого металла 26
 105. Резиновый искусственный половой член 1
 106. Фотообъективы 7
 107. Чемодан кино «Цейс» 1
 108. Фонари для туманных картин 2
 109. Киноаппарат 1
 110. Приборов для фото 3
 111. Складной заграничный экран 1
 112. Пленок с кассетами 120
 113. Химических принадлежностей 30
 114. Фотобумаги заграничной — больших коробок 7
 115. Ложки, ножи и вилки 200
 116. Посуда антикварная разная 1008 пред.
 117. Шахматы слоновой кости 8
 118. Чемодан с разными патронами для револьверов 1
 119. Патрон 360
 120. Спортивных принадлежностей (коньки, лыжи, ракеты) 28
 121. Антикварных изделий разных 270
 122. Художественных покрывал и сюзане 11
 123. Разных заграничных предметов (печи, ледники, пылесосы, лампы) 71
 124. Изделия Палех 21
 125. Заграничная парфюмерия 95 пред.
 126. Заграничные предметы санитарии и гигиены (лекарства, презервативы) 115
-

127. Рояль, пианино 3

128. Пишущая машинка 1

129. К.-р. троцкистская, фашистская литература 542

130. Чемоданов заграничных и сундуков 24

Примечание: Помимо перечисленных вещей, в настоящий акт не вошли разные предметы домашнего обихода, как то: туалетные приборы, зеркала, мебель, подушки, одеяла, перочинные заграничные ножи, чернильные приборы и др.

Комбриг Ульмер Капитан ГБ Деноткин Капитан ГБ Бриль Ст. лейтенант ГБ Березовский Ст. лейтенант ГБ Петров»⁸.

Можно уверенно предполагать, что среди вещей, найденных у Ягоды, было немало такого, что еще недавно принадлежало различным людям, либо арестованным, уничтоженным ОГПУ, либо находящимся от него в страшной зависимости, лично от Ягоды в частности. Во всяком случае, это относится к коллекции порнографических карточек и фильмов, которые были Ягодой и его подручными изъяты у знаменитого коллекционера эротики Н.В. Скородумова, замдиректора библиотеки Первого МГУ. Скородумова запугивали арестом и одновременно снабжали за деньги любопытными материалами, не прошедшими цензуру или изъятыми при обысках и арестах, а он предоставлял Ягоде доступ к своим сокровищам и вынужден был делиться тем, что пожелает нарком. Об этом мне лично рассказал Л.В. Бессмертных, описывавший коллекцию Скородумова (которая сегодня находится в РГБ) и собравший материалы к его биографии. Здесь важен сам факт отношения к собственности зависимых от ОГПУ людей.

К этому стоит добавить, что согласно «Рапорту о хозяйственных расходах 2 отделения АХУ НКВД СССР» от 4 апреля 1937 года, в минувшем 1936 году имели место такие расходы (в рублях):

«По линии Ягоды

а) содержание дома отдыха «Озеро», дач: «Лиза» и Гильтишево и квартир: в Кремле, в Милютинском переулке, 9 и на Тверской, 29, как то: разные ремонты, благоустройство парков и посадка цветов, отопление, освещение, очистка пруда, ремонт и смена мебели, с 1.01. по 1.10.36 г. — 605000

б) штат по всем точкам за 9 месяцев с 1.01. по 1.10 — 94500

в) питание для дач и квартир по 50000 руб. в месяц, а за 9 месяцев — 450000

Итого руб. 1149500

Регулярно снабжались продовольствием сестры Ягоды: Эсфирь, Таиса и Роза. Кроме того, посылались периодические посылки Григорию Филипповичу <отцу Ягоды>, Лео-

польду Авербах, Леониду Авербах и Фридлянду за счет 1-го отделения АХУ. Содержались и обставлялись дачи Розе и Эсфирь в Краскове, Тасе в Жуковке и Григорию Филипповичу в Жуковке. Бывали пошивки обуви и одежды.

Все эти расходы с января по 1 октября примерно составляют руб. 145000.

Леонид Авербах имел дачу на Зубаловском шоссе вместе с Киришоном. Эксплуатация дачи полностью происходила за счет 1-го отделения АХУ, и за 9 месяцев расход составляет около руб. 20000.

По линии Горки 10

По данному объекту обслуживалось три точки: дом отдыха Горки 10, мал. Никитская <там проживала Н.А. Пешкова с дочерьми> и дом в Крыму «Тессели» <дача в Форосе, подаренная Горькому>. Каждый год в этих домах производились большие ремонты, тратилось много денег на благоустройство парков и посадку цветов, был большой штат обслуживающего персонала, менялась и добавлялась мебель и посуда. Что касается снабжения продуктами, то все давалось без ограничений.

Примерный расход за 9 месяцев 1936 г. следующий:

а) продовольствие — 560000

б) ремонтные расходы и парковые расходы 210000

в) содержание штата — 180000

г) разные хоз. расходы — 60000

Итого: 1010000

Кроме того, в 1936 году куплена, капитально отремонтирована и обставлена мебелью дача в деревне Жуковка № 75 для Надежды Алексеевны <Пешковой> (Горки 10). В общей сложности это стоило 160000 руб.».

Упомянутая Надежда Алексеевна Пешкова, жена, а потом вдова сына А.М. Горького (урожденная Введенская, прозвище «Тимоша»), знаменитая красавица, в которую Ягода был влюблен, которую сделал своей любовницей и из-за которой по его приказу был доведен до тяжелого алкоголизма и безвременной кончины ее муж, сын великого писателя. Это для нее «обслуживалось три точки» и «все давалось без ограничений»⁹.

Перед нами нравственный портрет всесильного наркома внутренних дел во всей красе. «Предводитель команчей жил, однако, в пошлой роскоши», — заметил бы в данной связи Остап Бендер. Я привел списки полностью, ибо именно эта полнота, эти подробности подавляют впечатлением исключительного стяжательства и мещанства, низости духа 46-летнего «слуги народа». И поражают убедительностью метамор-

фозы. Перед нами — обиход буржуа и парвеню временщика, а не революционера, тем более анархо-коммуниста, подпольщика, каким Ягода был в юности. Просто куколка стала бабочкой, развернула крылья. Превращение, преображение свершилось.

Становится кристально ясно, зачем и почему такие «аскеты», как троюродные братья Янкель Свердлов и Енох Иегуда со товарищи, шли в революцию, стремились к власти, подминая под себя миллионы людей, проливая кровь без меры и сея страдания, муки и сломанные жизни без счета.

Среди них — жизнь моего деда, Бориса Севастьянова. Которого Ягода убил.

В связи с происхождением, родственными связями, политическим прошлым и миссией Ягоды крайне важно с самого начала определиться в двух вопросах.

Во-первых. Кому принадлежит авторство, инициатива «Русского Холокоста»? Может, Сталину, как частенько полагают и уверяют нас? Чтобы ответить, надо понять: был ли, соответственно, Ягода «человеком Сталина», бездумным, бездушным и послушным исполнителем его верховной воли, механически делавшим для него грязную работу, как впоследствии Ежов, Берия, Абакумов¹⁰?

Во-вторых. Что, вообще, двигало Ягодой? Какими соображениями руководствовался он на своем посту, облеченный чрезвычайными полномочиями и могуществом, верша судьбы сотен тысяч людей?

Итак, Ягода — подручный Сталина, его верный человек во главе политической полиции, орудие «сталинского террора»?

Нет, отнюдь. Ягода был человеком совсем другого партийного клана, других корней и вообще другого сорта, вполне самостоятельным и по-своему сознательным, «творческим», вершившим в том числе собственные планы переустройства страны проживания. Не Сталину был он обязан своим призывом, своей карьерой, не со Сталиным был связан по жизни и партийной работе, не сталинские установки служили для него первоочередным внутренним руководством, а свои собственные — но также и клановые представления еврейских революционеров о должном и о враге. Любителям во всех репрессиях советского режима видеть «руку Сталина» очень точно ответил один из наиболее глубоких знатоков и интерпретаторов вождя В.Д. Кузнецевский, указавший, что Сталин лишь «не возражал против *сфабрикованных чекистами* в 1920-х годах судебных процессов (выделено мной. — А.С.)»¹¹. А что он тогда мог еще сделать? Хотя порой и возражал-таки, но безуспешно.

Ягода упорно и до конца не считал Сталина «хозяином» страны и своим лично, хотя и не выступал против него открыто. Втайне он ненавидел Сталина и желал его гибели.

В 1927 году, когда еврейские вожди Троцкий, Зиновьев и Каменев, приурочив свое выступление к 10-летию Октября, попытались осуществить переворот, чтобы свергнуть и уничтожить сталинскую группировку, отобравшую у них реальную власть, Ягода занял двурушническую позицию. О сути выступления «оппозиции» (заговорщиков) красноречиво говорит такой эпизод: когда Троцкий понял, что затея проваливается, он бросился за поддержкой не к кому-нибудь, а к съезду еврейского студенчества, проходившему в тот день в здании Московского университета на Охотном ряду. Там Троцкий с трибуны открыто призвал всех присутствующих выступить в защиту идеалов Октябрьской революции, так много давшей евреям, против антисемитски настроенных членов ЦК во главе со Сталиным. После чего распаленные еврейские студенты, слившись с участниками антиправительственной манифестации, попытались прорваться на Красную площадь. Но и тут дело у Троцкого сорвалось, ибо русская молодежь, приведенная на площадь Маленковым, встала у них на пути и в жестокой рукопашной потасовке одержала верх.

Как в этих обстоятельствах повел себя Ягода? На словах он накануне путча заверил партактив: «Дезактивацией «красной гвардии» заговорщиков займется специальный отряд ОГПУ. Невидимому натиску Троцкого мы противопоставим невидимую оборону». На деле он ничем не помешал заговорщикам, собиравшимся, во главе с Троцким и Зиновьевым, прорваться на мавзолей во время парада и перехватить власть. В тот момент, когда всё внимание было приковано к маневрам Ворошилова на Красной площади, на трибуну мавзолея без особого труда проникли трое слушателей Военной академии им. Фрунзе, среди которых был Яков Охотников, еврей родом из Бессарабии, адъютант и протеже Ионы Якира, близкий к нему лично. Их туда направил начальник академии Роберт Эйдеман. Оказавшись на трибуне, Охотников нанес удар Сталину в затылок, и охрана, выставленная Ягодой, не помешала этому. Сталин серьезно не пострадал, провокация сорвалась, да и прорыв Троцкого не удался. Характерно, однако, что после такого инцидента Эйдеман не только не отправил Охотникова под трибунал, но и сумел замять дело. Ягода тогда ни в чем не обвиняли, но...

Через пять лет, в 1932 году, когда вопрос «кто — кого» в партийном руководстве в целом временно решился в пользу

Сталина, Ягода счел за благо продемонстрировать сугубую лояльность генсеку, принеся ему запись разговора между старыми большевиками (Н.Б. Эйсмонт и др.), из которой следовало, что на Сталина может быть совершено покушение. Незадолго до того Ягода был понижен в должности и переведен из первых заместителей председателя ОГПУ во вторые; это было знаком недоверия¹². Зато после такого поступка он вскоре получил пост наркома НКВД. В ноябре 1935 г. Ягоде было присвоено звание генерального комиссара государственной безопасности, что соответствовало маршальскому воинскому званию. Он сумел укрепить свое положение.

Но означало ли это, что между ним и «хозяином» установились доверительные отношения, что Ягода с чистым сердцем искренне вошел, наконец, в сталинский клан? Нет, как раз наоборот. К тому времени, тайно стакнувшись со старым большевиком, бывшим секретарем ЦИК СССР Авелем Енукидзе, он уже и сам стал готовить комплот (настоящий дворцовый переворот) против Сталина, вошедший в историю под кодовым названием «Клубок» или «Кремлевский заговор». Как пишет исследовавший вопрос историк Ю. Жуков: «Заговор как реальность, вероятно, следует отнести к концу 1933 — началу 1934 года, как своеобразный отклик на дошедший до Советского Союза призыв Троцкого «убрать Сталина, совершить новую, политическую революцию, ликвидировав «термидорианскую сталинистскую бюрократию». Были разработаны «четыре варианта ареста узкого руководства, все детали такой акции вплоть до указания расположения комнат и кабинетов, существующей там охраны». Как станет ясно из дальнейшего, такими возможностями Ягода реально располагал. Но не сумел их реализовать, о чем впоследствии горько жалел¹³. Жуков однозначно утверждает: заговор был¹⁴.

Характерная деталь: следователь ОГПУ—НКВД Андрей Свердлов, ставленник Ягоды, бывшего ставленником, в свою очередь, его отца Якова Свердлова, дважды — в 1935 и 1937 годах — арестовывался органами НКВД за антисоветские речи в кругу молодежи. В частности — что очень важно! — неоднократно и прямо высказывался за то, что Сталина нужно убить. Он был выпущен только благодаря заступничеству своей матери — чтимой вдовы Якова Свердлова.

Это яркое свидетельство о роли кланов в советском и партийном руководстве тех лет. Ягода, напомню и подчеркну, к клану Сталина никогда не принадлежал.

Итак, недооценивать самостоятельность Ягоды как фактического руководителя ОГПУ нельзя. Он не просто вершил

некую «большевицкую» или «сталинскую» репрессивную политику, возглавляя тайную полицию Советской России. Нет, он вершил ее, несомненно, со своих клановых позиций, старшего офицера на этнической войне, некогда возглавленной Яковом Свердловым¹⁵.

Ягода недаром свою советскую карьеру начинал под руководством Моисея Урицкого, работая с 1918 года в Петроградской ЧК, как раз когда там шло повальное уничтожение русской интеллигенции, дворянства, офицерства, купечества, массовое взятие и расстрел заложников из этих групп населения и прочее в том же духе. Ему было у кого учиться приемам, принципам и установкам. Высокопоставленный родственник, Яков Свердлов, дал тогда Ягоде запоминающийся урок, уже через 30 минут после ареста стрелявшей в Ленина Каплан разослав по всей красной России секретную телеграмму: «Все лица, прикосновенные к белогвардейским организациям, должны быть задержаны в качестве заложников. Все, известные местным советам правые эсеры должны быть немедленно арестованы. Из буржуазии и офицеров также должны быть взяты значительные количества заложников. При малейшем движении в белогвардейской среде должно применять массовые расстрелы». Что позволило, как пишет Кузнецhevский, «приступить к планомерному уничтожению цвета нации от Москвы до самых до окраин. По всей стране прокатилась волна массовых казней. Расстреливали, естественно, образованных людей. Только в Петрограде и Москве было немедленно расстреляно по 500 заложников». Всего же до конца 1918 года было казнено более 50 тысяч человек¹⁶.

Этот эпизод этнической войны наверняка врезался в память 27-летнего начинающего чекиста Генриха Ягоды и послужил ему образцом на всю жизнь.

Ягода не случайно занял, после смерти Свердлова и Дзержинского, место главнокомандующего на указанной войне. Почему? Чтобы вернее, лучше разгадать личные мотивы деятельности, следует обратить внимание, как складывалась его дореволюционная политическая карьера.

Нельзя забывать о том, прежде всего, что оба брата Ягоды погибли из-за своей антироссийской революционной активности: Михаил — в революцию 1905 года был зарублен казаками на баррикадах в Сормово¹⁷, а Лев в 1916 году был расстрелян на фронте за подрывную деятельность (организацию восстания в полку, чтобы не воевать) по постановлению полевого суда. Мотив личной мести за братьев у Генриха (как и у Владимира Ульянова-Ленина), таким образом, налицо. Но этого мало.

Еще в 1907 году пятнадцатилетним подростком Ягода примкнул к нижегородским анархистам-коммунистам, в 1909 г. ездил в Н. -Новгород за целым пудом «гремячего студня» и несколькими оболочками для бомб, а в 1911 году должен был участвовать в «экспроприации» (ограблении) банка и был направлен в Москву для связи с местной группой анархистов, к которой примыкала его сестра Роза, помощница аптекаря. Там, в Москве, Генриха (клички по наблюдению: «Сыч», «Одинокий») задержали: будучи евреем, он не имел права жить в столице и подделал паспорт. Пойманный в Москве, он еще в 1912 году заявил в полиции о намерении перейти в православную веру. И суд приговорил его всего к двум годам ссылки в Симбирск, где у деда был свой дом. Амнистия по случаю 300-летия дома Романовых сократила срок ссылки на год. Это позволило Ягоде уже летом 1913 года не только вернуться из ссылки, но и поселиться в Санкт-Петербурге, где он стал работать в подпольных организациях революционеров. Однако для этого ему пришлось формально отказаться от иудаизма и принять православие.

Таким образом, национальные чувства Ягоды были многократно и чувствительно задеты, оскорблены, унижены. Ущемленное достоинство, комплекс неполноправия и тому подобные впечатления остались, конечно, на всю жизнь. Революция для него была, в первую очередь, не столько социальной (он не из бедной семьи), а национальной, была возможностью свести счеты не только со «старой», царской, но и с русской Россией, в убиении которой он принял столь активное и инициативное участие.

Биограф Ягоды недаром счел нужным указать на обстоятельство, которое бросилось ему в глаза: «Во всех документах Г.Г. Ягода отмечал и всегда подчеркивал, что он по национальности еврей»¹⁸.

Снова и снова подчеркну и я: Ягода никогда не имел отношения ни к ленинской (хотя партийный стаж он обманом приписал себе с 1907 года в связи с работой на анархо-коммунистов, но реально в РСДРП(б) он вступил только летом 1917 года), ни, тем более, к сталинской «гвардии».

А вот к еврейскому крылу в партии он, безусловно, всегда имел прямое отношение, и не только к Свердлову или Урицкому или к своим ставленникам в ОГПУ—НКВД. Он, на свою беду, был близок также к Зиновьеву (Апфельбауму) и Каменеву (Розенфельду), тормозил по мере сил их процесс, чем вызвал ярость Сталина. Исследователи признают: «Ягода не оправдал доверия Сталина на посту наркома. В 1934 — 1936 гг. он лишь под давлением Сталина и Ежова повернул

следствие по убийству Кирова в сторону «зиновьевцев», его чекисты без особого энтузиазма готовили процесс по делу «Троцкистско-зиновьевского объединенного центра», стоивший жизни старым большевикам Г.Е. Зиновьеву и Л.Б. Каменеву»¹⁹. Но это мягко сказано. На пленуме ЦК Николай Ежов дал яркое свидетельство: вспомнил, что аппарат Ягоды не допускал его к материалам следствия об убийстве Кирова (оно было вменено в вину Зиновьеву и Каменеву) и что эти материалы ему дали только после того, как Сталин пригрозил по телефону Ягоде: «Смотрите, морду набьем»²⁰.

Ягода не случайно не хотел выпускать контроль над этим делом из своих рук, ведь это было опасно для него самого. М.П. Томский, покончивший с собой 22 августа 1936 г., направил Сталину предсмертные строки: «Если ты хочешь знать, кто те люди, которые толкали меня на путь правой оппозиции в мае 1928 г. — спроси мою жену лично, только тогда она их назовет». Встретиться с нею было поручено Ежову, который узнал, что Томский имел в виду Ягоду.

Однако на самом деле всё было, по-видимому, куда сложнее.

Оппозиция Сталину включала в себя две политические группировки: Каменева и Зиновьева, с одной стороны, и т.н. «правых» (Бухарин, Рыков, Томский) — с другой. Связующим звеном, близким к обеим группам, были Енукидзе и Петерсон, в распоряжении которых тогда был кремлевский гарнизон. Ставку заговорщики делали на Тухачевского, который всегда смотрел на Сталина свысока и не скрывал этого. Насколько маршал был в курсе этих видов на него, судить трудно, но знаменитый чекист П.А. Судоплатов однозначно указал в своих мемуарах, что Тухачевский мог «рассчитывать на свержение Сталина, лишь опираясь на Ягоду — наркома внутренних дел СССР»²¹. Поэтому Ягоду «прощупывали» и вербовали в свой стан многие оппозиционеры: Томский²², Рыков и Енукидзе, в первую очередь. Ягода как прожженный карьерист внимательно следил, чья возьмет, чтобы вовремя примкнуть к сильнейшему. Но он ошибся в расчетах; его по-человечески тянуло к «своим», и он дал оппозиционерам заверения в поддержке.

Однако верх взял Сталин, начался процесс над оппозицией и разгром высшего командного звена в Красной Армии, антисталински настроенного. Ягоде пришлось, спасая свою шкуру, вести бывших товарищей к бесславному концу. Он при этом саботировал процесс, как только мог. Но не только ради собственной безопасности.

Не будучи на деле участником именно троцкистско-зиновьевской группировки, Ягода был, однако, преисполнен уча-

ствия к Зиновьеву и Каменеву, до невозможной сентиментальности. Вдова Бухарина Анна Ларина вспоминает, что жена заместителя Ягоды Г.Е. Прокофьева рассказывала ей в лагере, как Сталин позвонил Ягоде и заявил: «Плохо работаете, Генрих Григорьевич, мне уже достоверно известно, что Киров был убит по заданию Зиновьева и Каменева, а вы до сих пор этого не можете доказать! Пытать их надо, чтобы они, наконец, правду сказали и раскрыли все свои связи». Передавая эти слова Прокофьеву, Ягода разрыдался²³. Почему? Иного мотива, кроме национального, я тут усмотреть не в силах.

Преодолеть эту свою сентиментальность на национальной еврейской почве Ягода так и не смог; со временем при обыске у него нашли завернутые в бумажки с надписями две смятые пули, извлеченные из черепов расстрелянных в подвале Лубянки Зиновьева и Каменева. Ягоде пришлось присутствовать при их казни, и он не удержался: взял пули на память о погибших товарищах, как «пепел Клааса»...

Ну а пока эти еще вчера весьма высокопоставленные юдокрыты были живы, Ягода делал все, чтобы вначале прикрыть их, а после ареста если не спасти (это стало уже невозможно), то хотя бы облегчить им существование. Национальные мотивы при этом привычно маскировались.

Поначалу Ягода всячески тормозил показания, данные против заговорщиков, саботировал процесс²⁴. В частности, арест Зиновьева и Каменева, по его распоряжению, не сопровождался обысками, как положено²⁵. Будучи арестован в 1937 году и давая показания по поводу своего участия в оппозиции, Ягода откровенно признавался, что «если бы не наша предательская работа в НКВД, центры зиновьевцев, троцкистов и правых были бы вскрыты в период их зарождения — в 1931—1932 гг. Агентурные материалы об их контрреволюционной деятельности поступали со всех концов Советского Союза во все годы. Мы шли на удары по этим организациям только тогда, когда дальнейшее их покровительство грозило провалом нас самих...

Надо признать, что даже в таких случаях, когда мы шли на вынужденную ликвидацию отдельных провалившихся групп организаций, как Правых, так и троцкистов и зиновьевцев, я и Молчанов, по моему указанию, принимали все меры к тому, чтобы изобразить эти группы организациями локальными, и в особенности старались скрыть действующие центры организаций»²⁶.

Характерные показания дал против Ягоды его бывший приближенный помощник П.П. Буланов, первый секретарь коллегии ОГПУ СССР, потом секретарь НКВД СССР: «Об-

ший курс Ягоды в те годы (1932—1935 гг.) был направлен на сохранение кадров правых, троцкистов и зиновьевцев. Кипы агентурных сообщений, прямые данные об их активной контрреволюционной деятельности разными канцелярско-следственными способами консервировались, не реализовывались, смазывались. И только когда данные о контрреволюционной борьбе выпирали наружу, когда поступали прямые и не могущие быть скрытыми от партийных и контрольных органов сведения, Ягода и Молчанов принимали меры оперативного порядка. Но и в этих случаях следствие Молчановым направлялось так, чтобы максимально ограничить круг избличенных».

Более того: уже попавшим в политизоляторы троцкистам Ягода создавал льготные условия содержания. Буланов продолжает: «Я лично, осуществляя линию Ягоды на сохранение кадров правых и троцкистов через Особое Совещание, руководство которым Ягода мне полностью передоверил, назначал такие меры наказания, которые сохраняли контрреволюционные кадры, с одной стороны, и не лишали их возможностей к продолжению их работы»²⁷.

Помимо всего прочего, Ягода, конечно же, должен был отвести все подозрения в заговоре от себя лично. «Поэтому я стал практиковать обход некоторых камер арестованных во внутренней тюрьме. Почти во все камеры я заходил вместе с начальником тюрьмы Поповым. К Зиновьеву и Каменеву (в отдельности к каждому) я тоже зашел, предупредив Попова, чтобы он остался за дверью. За время 5—10 минут я успел предупредить Зиновьева и Каменева о том, кто арестован, какие имеются показания. Заявил им, что никаких данных о других центрах, принимавших участие в заговоре, тем более об общем центре, следствие не знает. «Не все еще потеряно, ничего не выдавайте сами. Центр заговора действует. Вне зависимости от приговора суда вы вернетесь ко мне», — говорил я им. И Зиновьев, и Каменев на следствии и на суде, как вы знаете, выполнили мои указания. А после приговора они были расстреляны»²⁸.

Интересно и показательно, что одновременно Ягода интриговал против коменданта Кремля Рудольфа Петерсона, на которого делали ставку заговорщики, поскольку он сам, согласно его показаниям, хотел «захватить охрану Кремля в свои руки, а это был удобный предлог. И мне это полностью удалось... Петерсон был после этого снят, вместе с ним из Кремля была выведена школа ЦИК. В Кремль были введены войска НКВД». Латыш Петерсон не был для Ягоды «своим», так что с ним обошлись без всяких сантиментов.

В свете всего сказанного становится окончательно ясно, что досужие разговоры о Ягоде как «подручном Сталина», его исполнительном «палаче» и проч. — пустые выдумки малосведущих людей. Он был на своем поле вполне самостоятельным игроком — и палачествовал тоже вполне самостоятельно. Руководствуясь исключительно мотивами национальной вражды и ненависти, заставлявшими его уничтожать цвет русского народа. Об этом, помимо всего прочего, ярко свидетельствует его кадровая политика.

Сын своего народа, Ягода был и оставался еврейским националистом в большевистской оболочке. Неудивительно, что именно при Ягоде репрессивный аппарат Советской власти как никогда оказался насыщен и перенасыщен еврейскими кадрами. Так, в 1935 г. в НКВД Украины лица еврейской национальности составляли 66,7% среди офицеров в звании от капитана и выше. Клановость, землячество, семейственность, как мы помним, вообще были фирменным стилем Ягоды.

Вот некоторые иллюстрации к сказанному о евреях в высшем эшелоне спецслужб при Ягоде.

Своим первым заместителем в Главном Управлении Государственной Безопасности ОГПУ—НКВД Ягода назначил небезызвестного Я.С. Агранова (Сорензона).

Под конец карьеры Ягода имел звание Генерального комиссара ГБ СССР. На ступень ниже было звание «Комиссар ГБ 1-го ранга» (по-теперешнему генерал армии). Из 5 лиц, которым по представлению Г.Г. Ягоды было присвоено это звание, — Я.С. Агранов, Т.Д. Дерibas, В.А. Балицкий, Л.М. Заковский-Штубис и С.Ф. Реденс — ни одного русского!

Среди близких Ягоде еврейских чекистских кадров высшего эшелона мы встречаем комиссара госбезопасности 2-го ранга К.В. Паукера, корпусного комиссара А.Х. Артузова-Фраучи...

Примерно так же комплектовались и кадры Иностранного отдела ОГПУ (внешняя международная разведка). Его последовательно возглавляли (с подачи Г.Г. Ягоды) евреи Трилиссер, Артузов, Слуцкий и Шпигельглас, Пассов и грузин Деканозов. Когда в 1935 г. Ягода вместо А.Х. Артузова назначил на важнейшую должность начальника отдела А.А. Слуцкого, то его первым заместителем сделал Б.Д. Бермана, вторым — В.М. Горожанина (оба евреи).

Разветвленная сеть из функционеров высшего звена с Ягодой во главе, связанная не только партийной, но и национальной солидарностью, была мощной силой. Это в особенности так, поскольку почти вся силовая структура массовых репрессий — ГУЛАГ — была также в части руководства укомплектована Ягодой по национальному признаку:

— Начальником Главного Управления лагерей и поселений был в то время М.Д. Берман. Его заместителем — С.Г. Рапопорт;

— Начальником Беломорских лагерей — Л.И. Коган;

— Начальником Беломорско-Балтийского лагеря (строительство канала) — С.Г. Фирин;

— Начальником Главного Управления тюрем НКВД СССР — Х.Аперт;

— Начальником лагерей на территории Украинской ССР — С.Б. Кацнельсон;

— Начальником лагерей Северных областей — Финкельштейн;

— Начальником лагерей Свердловской области — Шкляр;

— Начальником лагерей на территории Казахской ССР — Полин;

— Начальником лагерей в Западной Сибири — сначала Шабо, затем Гогель;

— Начальником лагерей Азово-Черноморского района — Фридберг;

— Начальником лагерей Саратовской области — Пиляр;

— В Сталинградской области лагерями ведал Райский, в Горьковской области — Абрампольский, на Северном Кавказе — Файвилович, в Башкирии — Залигман, в Дальневосточном регионе — Дерibas, в Белоруссии — Леплевский.

В целом единоплеменники Г.Г. Ягоды командовали и практически осуществляли репрессии в 95% лагерей ГУЛАГа.

Ягода предусмотрел и особые способы устранения опасных, в том числе для него лично, людей. Он специально завел «химическую лабораторию ОГПУ» (занималась составлением смертельных ядов и токсических составов длительного действия). Формально она предназначалась для диверсий за границей и состояла при Спецгруппе особого назначения Иностранного отдела НКВД СССР, руководимого с 1929 года Яковом Исааковичем Серебрянским (Бергманом). Но фактически она использовалась Ягодой по своему произволу. На должность начальника этой специально заведенной им «лаборатории смерти» был назначен еще один еврейский специалист — полковник Григорий Моисеевич Майрановский. В будущем, на уголовном суде по его делу (1954 год) он прямо показал: «Какие судебные приговоры, мне указывали пальцем кого надо изъять, я и изымал, то есть отравлял разработанными лабораторией средствами».

Это была тайная и страшная сила. Кто знает, на кого мог указать палец Ягоды в иной раз, и уже не по личным, а по политическим мотивам?

Показателен и факт вторичного приема Ягодой в кадры ОГПУ на ответственную должность легендарного эсера-террориста Я. Блюмкина²⁹. Хорош подручный...

Автор интересного и убедительного исследования резюмирует: «Так, цепляясь друг за друга и тщательно сохраняя свою монополию, заполняли органы ЧК—ГПУ—НКВД и другие «руководящие высоты» все новые и новые соплеменники всесильного Г.Г. Ягоды. Беда была бы меньше, если бы речь шла о проверенных подпольем идейно убежденных евреях — коммунистах. Однако «кадровая политика» Г.Г. Ягоды была направлена на укомплектование ОГПУ людьми типа Блюмкина, Флекснера, Мехлиса, Биргера и т.п., был бы еврей, а остальное приложится»³⁰.

Даже начальником фотолаборатории ОГПУ был назначен Гессельберг, а главбухом ведомства — Берензон. Ягода должен был быть полностью уверен в «своих людях».

Надо признать в свете сказанного, что все возможности для эффективного участия в заговоре, для сотворения переворота у Генриха Ягоды были, и связано это было в первую очередь с тем, что он всегда мог опереться на многих очень сильных людей своей национальности, солидарных и обязанных ему всем.

Занятный эпизод. После «передачи дел» Г.Г. Ягодой Н.И. Ежову, последним был арестован чекист-полковник Шварцман из следственной части НКВД. Этот офицер был обвинен в создании непосредственно в генеральном аппарате НКВД (г. Москва) террористической сионистской организации. Будучи допрошен, полковник Шварцман с ходу, навскиду назвал тут же тридцать (в генеральном аппарате!) фамилий чекистов-евреев, которые якобы состояли в его организации. Какова же была плотность евреев в высших эшелонах ГБ! Впоследствии, с приходом Ежова к руководству НКВД, в данном ведомстве репрессировали 2273 сотрудника — такова была, как минимум, кадровая база лично преданных Ягоде людей в центре³¹. Однако сам Ежов во время суда над ним хвалился, что вычистил из органов более 14 тысяч чекистов — а это, в основном, естественно, были кадры Ягоды³². А современный биограф Ягоды констатирует: «Почти полностью всё его ближайшее окружение новый нарком Николай Иванович Ежов «выкосил косой». На 90 процентов руководители НКВД 30-х годов были евреи (почти все они ныне посмертно реабилитированы, как просто жертвы и будто бы зла не совершали)»³³.

Гешефтмахерство было одной из неистребимых личных черт Ягоды, как и его брата Якова Свердлова³⁴, в свое время

пристроившего его управделами в Наркомат внешней торговли. И в этом Ягода тоже, конечно же, опирался на своих по крови людей. Приказом от 1935 г. он организовал в НКВД специальное «Центральное управление торговлей, производственно-бытовыми предприятиями и общественным питанием контингентов НКВД». Руководителем этой обильной и совершенно бесконтрольной кормушки НКВД был назначен М.Б. Шнеерсон. А с начала 1936 г. Ягода организовал «Инженерно-строительный отдел НКВД СССР», в форме кооператива, для строительства зданий, жилья, тюрем и лагерей для своего ведомства. Начальником нового прибыльного ведомства был назначен А.Я. Лурье.

Характерный факт: расследование против Ягоды началось с этого самого отдела и с этого Лурье (ему была поручена реализация за рубежом советских казенных бриллиантов, но он часто действовал в свою пользу).

Ягода, используя свои полномочия и вес в обществе, не ограничивался руководством госбезопасностью, но и пытался контролировать духовную атмосферу страны. Так, он водил тесную дружбу с братом жены Леопольдом Авербахом (племянником Якова Свердлова³⁵), ставшим с 1925 года большим литературным начальником, главой Российской ассоциации пролетарских писателей (РАПП) и главредом журнала «На литературном посту» — фабрики политического доноса в литературной среде. Генрих Ягода протезировал шурина и способствовал укреплению его неограниченной власти над писателями; их симбиоз был плодотворен до 1937 года, когда оба были арестованы один за другим.

Но и этого ему было мало. Своих людей из соплеменников Ягода старался расставлять повсюду, проникая даже в самые высшие сферы руководства партии и правительства. Так, в начале 20-х годов он рекомендовал кадровой службе ЦК ВКП(б) на должность личного секретаря-референта к «одному из членов Политбюро» двоих своих кадров: некоего Г.Каннера и широко известного в дальнейшем Л.З. Мехлиса. Оба были оформлены непосредственно в секретариат И.В. Сталина. Попросту говоря, Ягода приставил к всесильному генсеку двух своих человечков-соглядатаев и был отныне в курсе самых важных секретов. А далее: один из них — Л.Мехлис — тут же принимает к себе «помощниками секретаря» некоего Маховеера и некоего Южакка. А второй — Г.Каннер — берет к себе «помощником» некоего Бомбина (он же Шмуль Зомберг). Этно-клановая пирамида власти всё росла, и Политбюро, по сути, оказалось «под колпаком» у Ягоды.

На допросе от 13 мая 1937 года Ягода показал: «Паукеру я дал задание ежедневно мне докладывать не только передвижения членов правительства, но и доносить мне абсолютно всё, что станет ему известно из личной жизни членов ПБ, кто к кому ходит, долго ли засиживаются, о чем говорят и т.п. Паукер всё это мог выполнить через работников охраны членов правительства... Не удовлетворившись этим, я окружил людей, близких членам ПБ и правительства, сетью своих информаторов». Кроме того, Ягода организовал подслушивание правительственных разговоров, приобретя специальный аппарат для этого в Германии в 1933 г. и установив его в своем кабинете³⁶.

Наконец 28 января 1936 года Г.Г. Ягода обрел давно желанное им преимущество: Приказом № 0033 НКВД СССР было объявлено о передаче в ведение НКВД из НКО СССР важнейшего органа — Управления коменданта Московского Кремля. Теперь Г.Г. Ягода мог провести в Кремль любую террористическую группу, в принципе мог легко устранить Сталина и его команду, устроить переворот. Интересные показания насчет этого дал как сам Ягода, так и Енукидзе. Последний свидетельствовал: «Как известно, я и Петерсон были с работы сняты. Полного провала организации удалось избежать, охрана Кремля перешла в руки Ягоды, который мог продолжать дело подготовки переворота в Кремле»³⁷. 2 июня 1936 года Ягода письменно обратился к Сталину и Молотову с предложением отремонтировать Большой Кремлевский дворец силами НКВД — возможно, это был шаг в данном направлении. Не успел.

Сам Ягода на вопрос, как конкретно он мыслил осуществление переворота, показал: «Было несколько вариантов. Один из них заключался в том, что когда организация правых совместно с блоком троцкистов и зиновьевцев будет готова к захвату власти, они должны были дать мне об этом знать, и я осуществил бы это технически. Для этого имелся в виду арест моими силами членов советского правительства и руководителей партии и создание нового правительства из состава заговорщиков, преимущественно из правых. В 1935 году это было вполне реально, охрана Кремля, его гарнизон были в моих руках и я мог бы это совершить. В этом направлении мною были приняты и соответствующие меры.

Вопрос: В чем они заключались?

Ответ: Я дал указания Паукеру приближать к себе командный состав Кремлевского гарнизона. Я сам вызывал к себе ряд командиров... Кроме указанных мероприятий в отношении Кремлевского гарнизона, я приказал Паукеру отобрать

20—30 человек из особо преданных ему и мне людей из Оперотдела, тренировать их в ловкости и в силе, не вводя их в курс дела, держать про запас³⁸.

Вопрос: Для каких целей?

Ответ: Я имел в виду использовать их в момент выполнения нами переворота, для непосредственного ареста членов правительства. Паукер докладывал мне, что людей таких он частично отобрал и с ними работает³⁹.

Уже на рубеже 1934—1935 гг. Сталин про всё это узнал из доноса родственника его жены А. Сванидзе. И осознал. Судьба Ягоды решилась, он был обречен, хотя и не сразу. В сентябре 1936 года его освободили от должности наркома внутренних дел, он в один момент потерял все свои уникальные возможности, а вскоре потеряет и жизнь...

Итак, вновь и вновь подчеркну: Ягода никогда не был ни человеком Сталина, ни механическим исполнителем его воли⁴⁰. У него была своя мотивация поступков, он по-своему властвовал Россией. Именно Ягода, в самой высокой степени, есть, после Ленина и Дзержинского, творец и центральная фигура того «Русского Холокоста», который аукается нам до сих пор отсутствием русской элиты, уничтоженной в те годы. Хотя, конечно же, не Ягода один в этом виноват, но он — в эпицентре процесса. И если принять гипотезу историков о том, что в рамках революционной борьбы и Гражданской войны в России протекала также этническая (национальная) русско-еврейская война, продолжавшаяся и после 1920 года, то нельзя не задуматься о том, что «отряд Ягоды» был ударной силой одной из сторон.

Когда я думаю о роли евреев в Октябрьской революции и последующем кошмарном убийстве дорогой мне старой России, я всегда вспоминаю строки Лермонтова:

*Не мог щадить он нашей славы,
Не мог понять в сей миг кровавый,
На что он руку поднимал!*

Эти строки можно отнести и персонально к Генриху Ягоде, на котором лично, как и на его подручных, лежит вина за уничтожение культурного слоя и лучшего генофонда русского народа.

Хотя, впрочем: точно ли «не понимал» этот чекист, на что поднимал руку? Не наоборот ли? Я уверен, что Ягода занимался этим вполне сознательно, последовательно и целенаправленно осуществляя геноцид русского народа, начиная с

тех дней, когда работал в петроградской ЧК под водительством Моисея Урицкого.

И далее:

— подпись Ягоды стоит под постановлениями о высылке из страны в 1922 году Н.А. Бердяева, П.А. Сорокина, других наиболее известных представителей русской интеллигенции (знаменитый «философский пароход», на деле два парохода). Не он инициировал мероприятие, но он довел его исполнение до конца;

— советские трудовые концлагеря были созданы еще Троцким⁴¹ и Дзержинским, но знаменитый ГУЛАГ был придуман и организован именно под руководством Ягоды (1930), увеличилась сеть советских исправительно-трудовых лагерей, началось строительство Беломоро-Балтийского канала силами заключенных. Ягода недаром официально носил титул «первого инициатора, организатора и идейного руководителя социалистической индустрии тайги и Севера»;

— Ягода, в 1918—1919 гг. проводивший демобилизацию старой русской армии в качестве зампреда Высшей военной инспекции Красной Армии, хорошо представлял себе военную среду царской России. В конце 1920-х — начале 1930-х годов он умело и жестко руководил или принимал непосредственное участие в проведении мероприятий по репрессированию белогвардейцев и вообще бывших офицеров и генералов старой армии, в том числе в рамках операции «Весна», преодолевая сопротивление своих русских сотрудников, пытавшихся защитить от избиения офицерские кадры;

— особо прославился фабрикацией материалов «Академического дела» (1929—1931), «Шахтинского дела» (1928) и «Промпартии (Инженерного центра)» (1930) — эти процессы дали старт новому массовому уничтожению и травле старой русской интеллигенции — как гуманитарной, так и технической;

— то же насчет процессов «Трудовой крестьянской партии» (1930), «Союзного бюро ЦК РСДРП меньшевиков» (1931) и др.;

— в начале 1933 года принял участие в фальсификации дела «о вредительстве в системе Наркомата земледелия и Наркомата совхозов». По «делу вредителей» было арестовано около 100 специалистов-аграрников, 40 человек были приговорены к расстрелу, остальные получили различные сроки заключения;

— в марте 1935 года по «остроумному» указанию Ягоды ОГПУ провело в Ленинграде масштабную операцию с говорящим названием «Бывшие люди»;

— Ягода один из главных организаторов раскулачивания, поскольку руководил подавлением восстаний недовольных раскулачиванием крестьян в Поволжье, Украине, Средней Азии, Казахстане, Кавказе. При этом использовал самые жестокие методы (массовые расстрелы, депортации в концлагеря целых селений и т.д.), однозначно нацеленные на физическое уничтожение кулаков и спецпереселенцев, а это сотни тысяч человек, особенно детей. Показательно, что когда замнаркома юстиции и прокурор РСФСР А.Я. Вышинский добился постановления Политбюро о введении прокурорского надзора над деятельностью органов ОГПУ по управлению над ссылкой и спецпереселенцами, Ягода пытался оказать этому сильнейшее сопротивление;

— организация судебных процессов над «убийцами» С.М. Кирова и «Кремлёвского дела» это тоже дело рук Ягоды. Именно в ходе следствия по делу Кирова самое широкое применение получили методы физического воздействия на подозреваемых, пытка была практически узаконена, стала затем применяться широко и повсеместно...

«Славный» послужной список, не правда ли?

Характерен иллюстрирующий этот рассказ документ: «спецсообщение» начальника управления НКВД по Ленинградской области Л.М. Заковского от 31 марта 1935 года № 139628 из Ленинграда «Об итоге операции по выселению «бывших людей», из которого следует, что «за 28 дней операции изъято бывших людей из г. Ленинграда и осуждено Особым Совещанием НКВД — 11702 человека, их них глав семей — 4833, членов семей — 6239 человек. Социальное прошлое изъятых бывших людей (только глав семей) характеризуется следующими данными: быв. знать и дворянство — 1434 чел. Из них: быв. князей — 67 чел.; быв. графов — 44 чел.; быв. баронов — 106 чел.; быв. фабриканты — 208 чел.; быв. крупные помещики — 370 чел.; быв. крупные торговцы — 276 чел.; быв. крупные домовладельцы — 246 чел.; быв. чиновники министерств — 393 чел.; быв. царское и белое офицерство — 1177 чел.; быв. жандармы и охранники — 511 чел.; служители культа — 218 чел. В числе изъятых: ранее репрессированных органами НКВД от 1 до 5 раз — 994 чел.; бывших белых офицеров — 936 чел.; работавших у белых в контрразведке и принимавших участие в карательных отрядах — 119 чел.»⁴².

Первый адресат спецсообщения — Ягода, но копии получили также еще пятеро руководителей НКВД, два секретаря Ленинградского обкома и секретарь ленинградского горкома. Из документа следует, что преследование вообще «быв-

ших» людей (уникальный термин!) и офицеров в особенности по-прежнему оставалось для Ягоды и его подручных приоритетным занятием даже после того, как генеральная операция по их зачистке уже прошла. Они неутомимо и целенаправленно «подбирали» остатки русской элиты.

Между тем, непосредственное отношение к истории моего деда имеет именно упомянутая операция «Весна», начавшаяся в 1930 году. Ее суть — репрессии в отношении офицеров Красной армии, служивших ранее в русской императорской армии, а также гражданских лиц, преимущественно дворян и «бывших людей», в том числе бывших белых офицеров.

Операция «Весна»

Операция «Весна» была задумана и осуществлена после довольно длительной полосы «мирного» времени, когда миновала пора бессудных казней эпохи Гражданской войны, сносивших с лица земли целые классы и сословия русского общества. До начала 1930-х годов «недобитые», хотя и были лишены многих элементарных прав, обретая статус «лиценцев», всё же имели, тем не менее, возможность как-то жить и работать. Но к концу 1920-х у новых хозяев России созрела идея покончить с этим «безобразием» и окончательно избавиться от «бывших».

Новый «красный террор» берет свое начало в 1927 году. Именно тогда в отношении «бывших» сложились все основные стандарты обвинения⁴³. Тогда же, кстати, прошла серия массовых арестов морских офицеров, повторившаяся затем в 1930 г. Но «Весна» — это было уже нечто качественно новое.

Имя главного организатора дела «Весна», его локомотива, сегодня известно: это был крупный деятель ОГПУ Израиль Моисеевич Леплевский, еврейский националист, четырнадцати лет от роду вступивший в Бунд⁴⁴. Считается, что именно он — при всемерной поддержке зампреда ОГПУ Ягоды — раздул масштабы «Весны» до масштабов «дела Промпартии». Но не стоял ли на самом деле за Леплевским — сам Ягода?⁴⁵ Уж очень близко к сердцу принял он операцию «Весна», употребив всё свое влияние и связи, чтобы она состоялась в максимальном масштабе.

Дело в том, что «руководители важнейших подразделений ОГПУ Е.Г. Евдокимов, Я.К. Ольский, С.А. Мессинг, И.А. Воронцов и другие считали дела на военспецов искусственно созданными и выражали сомнения в объективности следствия. Тогда Г.Ягода обратился за поддержкой к известному приверженцу силовых действий Л.М. Кагановичу. После-

дний убедил Сталина, и 6 августа 1931 года вопрос о «дезорганизаторской группе» был вынесен на заседание Политбюро. В итоге состоялось решение об изменениях в руководящем составе ОГПУ и перемещениях некоторых членов коллегии на другую работу. За обтекаемой формулировкой скрывалось увольнение из органов безопасности наиболее жестких критиков оперативной практики, насаждаемой Г.Ягодой.

В тот же день Сталин подписал директивное письмо, адресованное секретарям ЦК национальных компартий, обкомов, райкомов партии, где отмечалось, что указанные выше чекисты «распространяли среди работников ОГПУ совершенно несоответствующие действительности разлагающие слухи о том, что дело о вредительстве в военном ведомстве является «дутым делом». Таким образом, можно говорить о том, что Сталин поддержал курс Ягоды...»⁴⁶.

Вот ключевое, характерное признание! Сталин не инициировал, а всего лишь «поддержал» уже набравшую обороты кампанию — и поддержал лишь потому, что его на это искусно навел Каганович по просьбе Ягоды. А поначалу Сталин был не в курсе творимого Ягодой, он не был автором «Весны»: ими были Леплевский и Ягода. И последний задействовал свою связь с могущественным соплеменником на самом верху, чтобы убрать со своей дороги русских, в основном, высших кадров ОГПУ, вставших было на защиту русского офицерства. Каганович просто умело «развел» Сталина, тот не удосужился разбираться подробно и в один день подмахнул решение Политбюро и циркулярное письмо, понятно кем подготовленное. Так это нередко делалось в те годы.

Ягода не зря полагался на силу еврейского лобби, ведь он и сам был его частью, сам его создавал и подпитывал... Его поведение позволяет видеть сильную заинтересованность могущественного зампреда ОГПУ в систематическом изведении русской элиты (расправа с внутренней чекистской оппозицией прошла попутно, но не она, конечно же, мотивировала изначальную инициативу).

Перед нами — один из завершающих эпизодов русско-еврейской войны, не закончившейся в 1920 году. Ягода с молодых ногтей являлся ее участником, служа управделами Особого отдела ВЧК и будучи среди тех, кто проводил демобилизацию старой русской армии в 1918—1919 гг.⁴⁷. Сохранилось весьма красноречивое письмо от 18 февраля 1920 г., подписанное Менжинским и Ягодой в адрес секретаря ЦК РКП Н.Н. Крестинского: «Особый отдел ВЧК считает массовый прием офицеров Колчака на командные должности

недопустимым, особенно в тех местах, где Советская власть еще не успела прочно окрепнуть. Особый отдел полагал бы: 1. Заключить всех офицеров в концентрационные лагеря; 2. В отношении каждого персонально выяснить: а) является ли он уроженцем Сибири или переехал за время революции; б) степень его активного участия в борьбе с Советской властью; и т.д.»⁴⁸.

Сказанное позволяет сделать вывод: свое отношение к русскому офицерству Ягода, несомненно, выработал еще в годы Гражданской войны, если не ранее. Со временем оно окрепло.

Но вернемся к нашей истории.

Временные рамки операции «Весна» открываются в 1930 году.

Свидетельствует эксперт С.В. Волков:

«Волна арестов белых офицеров прокатилась в конце 1930 — начале 1931 г., когда еще более сильная волна захлестнула бывших офицеров, служивших в Красной армии (дело «Весна», не менее масштабное, чем дело Тухачевского и других, но почти совершенно неизвестное; ... всего было арестовано более 3 тыс. офицеров)...

Массовые репрессии против офицеров 1930—1931 гг. касались всех категорий офицеров и носили тотальный характер. В Петрограде, в частности по данным дореволюционного издания «Весь Петербург» и другим справочникам были поголовно арестованы все оставшиеся в городе офицеры частей, стоявших в свое время в городе и его окрестностях. Большинство из них (в т.ч. почти полностью офицеры гвардейских полков по специально созданному «делу гвардейских офицеров») были расстреляны, а остальные сосланы. В обязательном порядке расстреливались заподозренные в стремлении к объединению и сохранении реликвий полков — в частности, офицеры Константиновского училища за товарищеский завтрак в 1923 г., директор и офицеры Александровского кадетского корпуса — за хранение знамени (знамена были найдены также у офицеров л-гв. Преображенского и 148-го пехотного полков)».

Конечно, репрессии против военнослужащих шли, не прерываясь, все послереволюционные годы, как до, так и после «Весны». Возьмем статистику. После смерти Дзержинского (1926) органы ОГПУ, руководимые Ягодой, арестовывали военнослужащих в таком количестве:

1926 год — 3 848 человек (в том числе комсостав — 1 714 чел., рядовых 2 134 чел.)

1927 год — 3 759 человек (в том числе комсостав — 1 307 чел., рядовых 2 452 чел.)

1928 год — 3 848 человек (в том числе комсостав — 1 296 чел., рядовых 3 284 чел.)

1929 год — нет подробных данных

1930 год — 3 647 человек

1931 год — 2 840 человек

1932 год — 6 081 человек

1933 год — нет данных

1934 год — 2 923 человека (в том числе комсостав 523 чел., рядовых — 2400 чел.)⁴⁹.

Среди этих людей были офицеры и старой, и новой выучки, статистика тут не делает различий. И те, кто воевал с Советской властью не за страх, а за совесть, и те, кто служил ей верой и правдой.

Как видим, в 1930—1931 гг. (в ходе «Весны») аресты не превысили статистическую «норму». Дело тут в другом. Эти годы послужили для «зачистки», выражаясь современным языком, не только армии, но вообще советского общества, от остатков дворянства и офицерства бывших, царских времен. Поэтому аресты коснулись не только действующих военнослужащих, но и отставников, воинов запаса, даже стариков-пенсионеров — всех просто «бывших» (как мой дед). И реальные цифры репрессированных намного превышают приведенные. Так, в одном только Ленинграде и только в мае 1931 года по этому делу было расстреляно свыше тысячи человек.

Это была не обычная сословная репрессия, как в прошлые и последующие годы, не превентивная мера против реального или фантазийного заговора военных и тому подобного. Это была классово-генетическая чистка, целенаправленное уничтожение биосоциальной элиты русского народа, которая должна рассматриваться как элемент геноцида, элемент «Русского Холокоста».

Как пишет в книге «Голгофа русского офицерства» исследовавший вопрос заместитель директора Национального военно-исторического музея Украины Ярослав Тинченко, следователи «в первую очередь старались выбить из арестантов показания о связях с бывшими офицерами из других городов», и те гепеушники, которым это удавалось, «сразу же пошли наверх» в смысле карьеры⁵⁰. Задача была — как можно шире раскинуть сети, чтобы никто не ускользнул, изъятие подлежало всё сословие в целом. «Пора», — решили Ягода и его подручные. И взяли в руки кровавый серп...

Известные нам цифры касаются лишь тех, кто был на действительной службе. Но и они впечатляют.

В период с 1930 по 1931 год были арестованы свыше трех тысяч военспецов, среди которых оказались не только быв-

шие генералы и офицеры, с самого начала служившие в Красной армии, но и белогвардейские военачальники, добровольно вернувшиеся в СССР. Наиболее знаменитыми из них были генералы: герой обороны Крыма Слащёв, командир 4-го Донского корпуса Секретев, начальник элитной — «цветной» — Марковской дивизии Гравицкий. Добавим к этому списку генерала Морозова, командовавшего на исходе Гражданской войны Кубанской армией и подписавшего ее капитуляцию в 1920 году.

После повальных арестов бывших белых офицеров в Москве в августе-сентябре 1930 года директива об уничтожении белогвардейцев была спущена и в Киев. Среди арестованных было немало славных имен, известных людей (подробности в источниках).

Как сообщает Тинченко: «Маховик арестов бывшего генералитета и офицерства, раскрученный в 1930 году, работал уже без останков. Чем больше ОГПУ хватало кадровых военных, тем больше расширялся круг еще не арестованных «заговорщиков». Как известно, начальник ОГПУ Генрих Ягода всегда призывал своих подчиненных уничтожить «гидру контрреволюции» вместе со всеми «корешками». Нити к этим «корешкам» всё тянулись и тянулись: из Москвы, Ленинграда и Украины они повели в Белоруссию, Центральную Россию и Сибирь.

В мае 1931 года в Москве было принято решение закончить дело «Весна», ограничившись произведенными арестами. Все сведения о «заговорах» бывших офицеров, собранные в других регионах, должны были раскручиваться по собственным сценариям.

На протяжении мая—июля 1931 года были приговорены к расстрелу и различным срокам заключения почти все лица, фигурировавшие по делу «Весна». Но точка на этом в погроме бывшего офицерства поставлена не была. Из дела «Весна» выросло как минимум еще три «заговора», подробности которых нам, к сожалению, неизвестны.

Во-первых, на основе показаний бывших офицеров, проходивших по делу «Весна», начались повальные аресты в Белорусском военном округе. «Паровозами» нового дела здесь стали военуки местных вузов и сотрудники штаба округа.

Во-вторых, по материалам дела «Весна» начались аресты в центральных регионах. В частности, имеются сведения о том, что ОГПУ накрыло крупную «контрреволюционную организацию» в Воронеже. Уже по состоянию на февраль 1931 года здесь было арестовано 17 человек.

Также известно, что аресты проходили в штабе Приволжского военного округа, Сталинграде, Крыму и ряде других городов.

Повальная волна арестов прокатилась и по Сибири. Здесь будто бы был выявлен так называемый «Белогвардейский заговор» с центром в Новосибирске, охвативший 44 населенных пункта Западно-Сибирского края.

Тинченко дает общую цифру жертв: всего «в результате массовых арестов бывшего офицерства в 1930—1931 гг. было репрессировано не менее 10 тысяч человек»⁵¹.

Зернышком в этих безжалостных жерновах, колоском в огромном снопе сжатых жизней оказалась и судьба моего деда, нашей семьи.

Вновь подчеркну, что репрессии, конечно же, не могли быть вызваны надуманными опасениями «белогвардейского» переворота, для которого в реальной жизни не было ни малейшей возможности («бывшие» составляли к концу 1920-х уже ничтожный процент в Красной Армии и не имели там опоры, а вне ее вообще не располагали никакими силами). Нет, просто ленинская властная группировка, еще не разгромленная Сталиным, «зачищала» элитные слои русского народа, слой за слоем, проводя самый чудовищный Холокост XX века.

Верно указывает Игорь Ходаков в статье «Дело «Весна»: «Военспецы порой собирались вместе для того, чтобы вспомнить былое, например отметить полковой праздник. Да, на подобных мероприятиях, вероятно, звучали песни бывшей Императорской армии, нелестные разговоры о большевистской власти, но они были сродни полудиссидентским кухонным посиделкам 70-х»⁵². Никакой опасности для Советской власти эти сборища не представляли. Пример фальсифицированной следствием «контрреволюционной офицерско-монархической организации», за мнимое создание которой платился жизнью мой дед, ярко подтверждает сказанное.

Выполняя свой долг перед памятью моего деда Бориса Александровича Севастьянова, я хотел бы закончить разговор о его убийцах. Убийцах — потому что под личиной правосудия (пародии суда) было на деле циничное и умышленное убийство ни в чем не повинного человека, вернее — повинного лишь в том, что по рождению своему он относился к биосоциальной элите русского племени, и в том, что не мог умом и душой принять власть юдократии в своей родной стране России, не мог не сразиться с губителями Родины в годы Гражданской войны. Дед не мог быть совместим с царившей в стране властью, и она убила его, как сотни тысяч таких же, как он, представителей русской биосоциальной элиты.

Тот факт, что верхушка «ленинской гвардии» в скором времени сама пошла под нож революционной гильотины, напоминает нам о Божьем правосудии, но мало утешает. Убитых наших родных и близких не вернуть. Но преступления такого рода не имеют срока давности. И счеты наши к убийцам далеко не сведены. Если этого не сделаем мы, это должны сделать наши дети, внуки, правнуки...

Да, Ягоду расстреляли⁵³, как и всех почти, кто был причастен к операции «Весна» и конкретно к делу моего деда: И.Леплевского, С.Мессинга, Шептицкого (Евгеньева), Журюда (Николаева). Сталин расправился и с семьей Ягоды. Всех судили как его соучастников. Жену Иду Леонидовну расстреляли, а теща Софья Михайловна (родная сестра Якова Свердлова), престарелые родители, сестры Генриха Ягоды с семьями, всего пятнадцать человек — все отправились в ГУЛАГ, созданный их незабвенным Енохом-Генрихом. Там и сгинули.

Однако сыну Генриха Ягоды — Генриху (Гарику) — удалось выжить. Во время ареста ему было семь лет, он воспитывался в детских домах Оренбургской и Куйбышевской (т.е. Самарской) областей. В детдоме Бугуруслана сменил фамилию на материнскую: Авербах. В 1949 году был осужден на пять лет решением особого совещания при МГБ СССР. В дальнейшем получил образование инженера. В Ангарске у него родились сын Виктор Авербах и дочь Виктория (носит фамилию Авербах-Комарницкая), позже в Северодонецке во втором браке родился сын Станислав Авербах. Впоследствии Генрих Авербах со второй семьей эмигрировал в Израиль, где благополучно скончался в 2003 году. Но семья рода Ягоды еще где-то живет в России, имеет потомство...

Примечания

¹ Этот геноцид следует рассматривать как финальную часть русско-еврейской этнической войны, начавшейся еще в 1870-е гг. и продолжившейся, в том числе, в русле войны Гражданской (1917—1921), но с нею не закончившейся. Во всех перечисленных участниках властной группировки ленинцев текла еврейская кровь. Участие же в ней известного своей русофобией русского Н.И. Бухарина во многом объясняется тем, что он был женат трижды, но оба последних раза — на еврейках.

² Ильинский М.М. Нарком Ягода. — М., Вече, 2002. — С. 6, 40. В целом книга Ильинского поверхностна и апологетична, но есть и ценные сведения.

³ О том, какими тридцатилетний Ягода обладал возможнос-

тиями и привилегиями уже в то время, говорит распоряжение Председателя ВЧК от 27 июля 1921 г., гласящее, что «ни один арест по преступлению по должности сотрудников Наркомвнешторга не может быть произведен без ведома тов. Ягоды» (ЦА ФСБ, д. 37). Внешняя торговля всегда сохраняла для него интерес, он любил всё заграничное, о чем ниже. Но дело, главным образом, было в том, что под контроль Наркомвнешторга поступало всё имущество, конфискованное у арестованных и эмигрантов.

⁴ Шрейдер М.П. НКВД изнутри: Записки чекиста. — М., Возвращение, 1995. Ида Авербах работала следователем прокуратуры, дослужившись до должности помощника прокурора Москвы; она автор книги «От преступления к труду» (1936), посвященной деятельности ГУЛАГа, который характеризуется ею как идеальное средство «превращения наиболее скверного людского материала в полноценных активных сознательных строителей социализма».

⁵ Андрей Яковлевич Свердлов (1911—1969) — полковник, следователь МГБ. Согласно данным Википедии, участвовал в проведении репрессий, активно применял пытки и издевательства над подсудимыми. В октябре 1951 г. был арестован и обвинен в том, что «вынашивал антисоветские убеждения, находился в преступной связи с особо опасными преступниками и как их сообщник проводил подрывную деятельность, направленную против ВКП(б) и Советского государства» (так называемое дело о сионистском заговоре в МГБ СССР). После смерти Сталина в 1953 году был выпущен, а само дело было закрыто.

⁶ Записки Ягоды Сталину о содержании сейфа Я.М.Свердлова. 27 июля 1935 г. // Источник 1994, № 1.

⁷ Пьексы — специальная финская лыжная обувь с загнутыми носами.

⁸ ЦА ФСБ, ф. Н-13614, т. 2, л. 15-20.

⁹ ЦА ФСБ, ф. Н-13614, т. 78, л. 8-13.

¹⁰ На том стоит, например, автор монографии о Ягоде М.М. Ильинский, который все валит на Сталина, обеляя своего героя. Такая точка зрения с легкой руки Д.Волкогонова сегодня вообще господствует: «В современной российской историографии Ягода представлен личным палачом Сталина» (Генрих Ягода. Нарком внутренних дел СССР, Генеральный комиссар государственной безопасности. Сборник документов. // Науч. ред.: проф. А.Л. Литвин. — Казань, 1997. — С. 32). Ниже она будет полностью опровергнута.

¹¹ Кузнецhevский В.Д. Сталин. «Посредственность», изменившая мир. — М., ОЛМА 2010 — С. 136. Характерный момент: «В мае-июне 1928 года в Москве шел процесс по так называемому Шахтинскому делу, по которому группа инженеров и техников обвинялась в саботаже и диверсиях, вопрос рассматривался на Политбюро ВКП(б). Сталин выступил за смягчение наказания, но вынесен был смертный приговор» (там же, с. 38). Шахтинс-

кое дело было своего рода разминкой перед «процессом Промпартии» (ноябрь—декабрь 1930), все это — части большой кампании по избиению кадров русской технической интеллигенции (гуманитарная была уже разгромлена в ходе «дела историков», «Академического дела»). Следует подчеркнуть, что дело вел Ягода, а решение было принято большинством голосов Политбюро вопреки воле Сталина. Это свидетельствует о высокой степени независимости Ягоды от Сталина. Не Сталиным вдохновлены и другие главные процессы 1920-х — начала 1930-х, направленные на уничтожение русской элиты и порожденные режимом юдократии, установившимся в 1920 году. Ягода был отнюдь не единственной, но одной из центральных фигур этого режима, его опорой. Он сознательно и целенаправленно продолжал русофобскую политику Ленина, Дзержинского и иже с ними.

¹² В книге «КГБ (История внешнеполитических операций от Ленина до Горбачева)», написанной бывшим сотрудником КГБ, перебежчиком Олегом Гордиевским совместно с английским историком К.Эндрю, утверждается, что Сталин никогда не доверял Ягоде.

¹³ Характерно, что на февральско-мартовском пленуме ЦК 1937 г., когда Ежов жестко раскритиковал Ягоду за либерализм в отношении Каменева и Зиновьева, Ягода воскликнул: «Как жаль, что я не арестовал Вас, когда еще мог!» (Социалистический вестник, 1938, № 6, с. 6). А в 1937 году на суде между обвиняемым Ягодой и обвинителем А.Я. Вышинским состоялся такой откровенный и примечательный диалог: Вышинский: «Скажите, предатель и изменник Ягода, неужели во всей вашей гнусной и предательской деятельности вы не испытывали никогда ни малейшего сожаления, ни малейшего раскаяния? И сейчас, когда вы отвечаете, наконец, перед пролетарским судом за все ваши подлые преступления, вы не испытываете ни малейшего сожаления о сделанном вами?» — Ягода: «Да, сожалею, очень сожалею...» — Вышинский: «Внимание, товарищи судьи. Предатель и изменник Ягода сожалеет. О чем вы сожалеете, шпион и преступник Ягода?» — Ягода: «Очень сожалею... Очень сожалею, что когда я мог это сделать, я всех вас не расстрелял».

¹⁴ Жуков Ю.Н. «Кремлевский заговор» (<https://history.wikireading.ru/35358>).

¹⁵ Об этом см.: Севастьянов А.Н. На русско-еврейской этнической войне. — Вопросы национализма, № 28, 2016.

¹⁶ Кто есть кто в России: новейший справочник школьника. М.: ЭКСМО, 2006. — С. 466.

¹⁷ Ильинский М.М. Нарком Ягода... — С. 50. Автор ссылается на полицейские сводки.

¹⁸ Там же, с. 44.

¹⁹ Михаил Тумшис, Александр Папчинский. Большая чистка. НКВД против ЧК. — http://www.e-reading.mobi/chapter.php/1002352/4/Tumshis_Mikhail_-_1937_Bolshaya_chistka_NKVD_protiv_ChK.html#n_307.

На своем собственном процессе Ягода признал себя виновным в том, что, будучи заместителем председателя ОГПУ, прикрывал участников заговора.

²⁰ Генрих Ягода. Нарком... Сборник документов... — С. 26.

²¹ Судоплатов П.А. Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. М., 1996. С.105.

²² На допросе 19 мая 1937 года Ягода показал: «На совещании в Болшево Томский сообщил мне о готовящемся правительственном перевороте с арестом всех членов правительства и Политбюро в Кремле и об участии в этом Енукидзе... На мой вопрос, какими реальными возможностями правые располагают для осуществления своего плана, Томский сообщил мне, что Енукидзе с нами, что он имеет все возможности для ареста руководства партии и советской власти, когда это будет признано необходимым» (ЦА ФСБ, ф. Н-13614, т. 2, л. 146-167).

²³ Генрих Ягода. Нарком... Сборник документов... — С. 33.

²⁴ Генрих Ягода. Нарком... Сборник документов... — С. 6-7.

²⁵ Ильинский М.М. Нарком Ягода... — С. 81.

²⁶ Протокол допроса Г.Г. Ягоды от 26 апреля 1937 г. ЦА ФСБ, ф. Н-13614, т. 2, л. 57-88.

²⁷ Генрих Ягода. Нарком... Сборник документов... — С. 501.

²⁸ Протокол допроса Г.Г. Ягоды от 26 мая 1937 года (ЦА ФСБ, ф. Н-13614, т. 2, л. 168-185).

²⁹ Между прочим, Блюмкину Ягода поручил следить... за секретарем Сталина Б. Бажановым (Матонин Е.В. Яков Блюмкин. Ошибка резидента. — М., Молодая гвардия, 2016. — С. 280).

³⁰ Беспалов В.В. Национальный состав кадров органов ВЧК-ОГПУ—НКВД—МГБ СССР в 1917—1938 г. (Краткая историческая справка). — г. Ленинград, октябрь 1998 г. — <http://www.pandia.ru/text/77/390/95216.php>

³¹ Рыбаковский Л.Л. Политический террор 1937—1938 гг. (К 75-летию сталинских репрессий в СССР). — М., Экон-информ, 2013. — С. 81.

³² Генрих Ягода. Нарком... Сборник документов... — С. 5. И, однако, в 1951 году началось следствие по делу «сионистского заговора в МГБ»: насколько же сильным, устойчивым было там еврейское ядро!

³³ Ильинский М.М. Нарком Ягода... — С. 7.

³⁴ Вспоминает П.Е. Мельгунова, жена историка: «Рядом со мною дверь «Кабинет Ягоды». Один раз следователь принимал меня в этом розовом, дамском кабинете с мягкой атласной мебелью, мехами и коврами». — Красный террор в Москве. Свидетельства очевидцев. — М., Айрис-пресс, 2010. — С. 22.

³⁵ Родная сестра Свердлова — Софья Михайловна — была матерью Авербаха, как и жены Ягоды — Иды. Авербаху также покровительствовали Лев Троцкий и зять Троцкого — Лев Каменев (Розенфельд) — всемогущий поначалу председатель Моссовета и член Политбюро ЦК ВКП(б). Ближайший сотрудник Авербаха по РАППу и журналу «На литературном посту» и один

из наиболее известных доносчиков эпохи (именно за это его исключили из Союза писателей после XX съезда КПСС) — Яков Эльсберг (Шапирштейн) приходился Каменеву родней. И т.д. После ареста Авербах в письме на имя Ежова отмежевался от Ягоды, облил его всевозможной грязью и обвинил в своем политическом «совращении».

³⁶ ЦА ФСБ, ф. Н-13614, т. 2, л. 117-145.

³⁷ Показания А.С. Енукидзе от 30 мая 1937 г. (ЦА ФСБ, ф. 13614, т. 2, л. 308-310, 314-322).

³⁸ Беспалов В.В.: «Некоторые старые чекисты, служившие при Г.Г. Ягоде, считают что у него были далеко идущие планы «вхождения во власть» в стране и что для этой цели он создал даже некое «элитное подразделение» из 2000 бойцов, проходивших особую военно-спортивную подготовку» (Беспалов В.В. Национальный состав кадров органов ВЧК—ОГПУ—НКВД—МГБ СССР в 1917—1938 гг. (Краткая историческая справка) — Ленинград, октябрь 1998 (<http://mrk-kprf-spb.narod.ru/bespal.htm>).

³⁹ Протокол допроса Г.Г. Ягоды от 26 апреля 1937 г. ЦА ФСБ, ф. Н-13614, т. 2, л. 57-88.

⁴⁰ «Будучи после смерти Ф.Дзержинского фактическим, а с 1934 года и официальным главой ОГПУ-НКВД, Г.Ягода тем не менее не определял стратегический курс ведомства щита и меча революции... Сфера стратегии всегда была прерогативой ЦК, Политбюро и непосредственно Сталина... Г.Ягода лишь проводил политику Сталина, маскируемую под политику всей партии», — пишут составители В.К. Виноградов и А.А. Зданович в книге: Генрих Ягода. Нарком внутренних дел СССР, Генеральный комиссар государственной безопасности. Сборник документов. // Науч. ред.: проф. А.Л. Литвин (Казань, 1997. — С. 11). Как видим, эта точка зрения несостоятельна, расходится с фактами.

⁴¹ Троцкий, будучи в американской эмиграции, перед отъездом в Россию попал на два месяца в концлагерь и мог вполне оценить это остроумное изобретение англосаксов, чтобы рекомендовать его советской власти.

⁴² ЦА ФСБ, ф. 3, оп. 2, д. 697, л. 277-287.

⁴³ Тинченко Я.Ю. Голгофа русского офицерства в СССР. 1930—1931 годы. — С. 18, 22.

⁴⁴ «В 1931 году Г.Ягода однозначно поддержал любителя масштабных разоблачений И.М. Леплевского, развернувшего охоту на бывших офицеров и генералов в рядах Красной Армии и флота» (Генрих Ягода. Нарком... Сборник документов... — С. 12). Израиль Моисеевич Леплевский (1896—1938) — деятель ВЧК, ГПУ, ОГПУ, НКВД, комиссар государственной безопасности 2 ранга. Родился в Брест-Литовске в еврейской рабочей семье. С 1910 (!) член Бунда. С 1917 член РСДРП(б). С января 1918 — сотрудник Самарской ЧК. В 1918—1919 зам. председателя Екатеринославской ЧК. Начальник Одесского Особотдела (1925—1929), зам. начальника ОГПУ СССР. Входил в груп-

пу руководителей НКВД, организовавших процесс над Г.Е. Зиновьевым и Л.Б. Каменевым. Один из главных организаторов процесса над М.Н. Рютиным и Второго Московского процесса над К.Радеком и др. Организатор массовых чисток в РККА. Один из главных организаторов Третьего Московского процесса. В апреле 1938 уволен из НКВД и 28 апреля арестован как «участник фашистского заговора в НКВД». 28 июля расстрелян на полигоне «Коммунарка» по приговору ВКВС. Реабилитирован не был. (Его старший брат Григорий Леплевский [1.5.1889 — 29.07.1938] также участвовал в революционном движении и тоже вначале как член Бунда, а позже — большевик. На момент ареста занимал пост заместителя Генерального прокурора СССР.)

⁴⁵ Леплевский недаром стал любимцем Ягоды: содержание его дачи в подмосковном Томилино осуществлялось за счет ОГПУ; в 1936 году она была отремонтирована на 4000 руб.

⁴⁶ Генрих Ягода. Нарком... Сборник документов... — С. 12—13.

⁴⁷ Генрих Ягода. Нарком... Сборник документов... — С. 17.

⁴⁸ ЦА ФСБ, ф. 1, оп. 5, д. 469, л. 304.

⁴⁹ См.: Мозохин О.Б. Право на репрессии. Внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918—1953 гг.). — М., Кучково поле, 2006.

⁵⁰ Тинченко Я.Ю. Голгофа русского офицерства в СССР. 1930—1931 годы. — С. 28.

⁵¹ Тинченко Я.Ю. Голгофа русского офицерства в СССР. 1930—1931 годы. — М.: Московский общественный научный фонд, 2000. — С. 30.

⁵² <http://vpk-news.ru/articles/5722>

⁵³ 15 марта 1938 года.

ЭТАПЫ СОЦИАЛИЗМА В РОССИИ

В обиходе мы, не задумываясь, весь исторический период с ноября 1917 года (Октябрьского переворота) до декабря 1991 года (Беловежского сговора) называем советским: «При советской власти...», «После советской власти...» и т.д.

Но, во-первых, власти Советов у нас реально не было, если не считать короткий период двоевластия летом 1917 г., когда Петроградский эсеро-меньшевистский совет пользовался не меньшим влиянием, чем Временное правительство. Все последующие годы реальная власть принадлежала Политбюро ЦК РКП(б)—ВКП(б)—КПСС и его аппарату, который диктовал свою волю Советам депутатов трудящихся, во главе Советов назначал своих проверенных людей, ставил перед ними конкретные хозяйственные и социальные задачи. Сами же Советы представляли собой декорацию, изображавшую выборность органов власти.

Во-вторых, социалистический строй, именуемый Советской властью, о котором люди хорошо помнят по 1970—1980-м годам (а некоторые и по 1950—1960-м), в действительности прошёл несколько этапов за время своего существования.

УРОКИ ИСТОРИИ

Перед захватом власти большевики во главе с Лениным бросили в народ привлекательные лозунги: «Земля — крестьянам, фабрики — рабочим, мир — народам, власть — Советам!». Это был заведомый обман, о чём Ленин и его «гвардия» хорошо знали. Крестьян сразу же начали «раскулачивать», сгонять в коммуну и обкладывать продразвёрсткой (выметая подчистую даже семенное зерно и обрекая людей на голодную смерть), фабрики сделали государственной собственностью, а вместо мира превратили, как и планировал Ленин, «войну империалистическую в войну гражданскую» с большим на порядок числом жертв. Это был первый Русский холокост.

Зачем это было нужно Ленину? А затем, что это и есть путь к настоящему, рафинированному социализму, к царству справедливости, в разных вариантах изложенному в учёных трудах древнего грека Платона, затем англичанина Т.Мора, затем итальянца Т.Кампанеллы, затем социалистов-утопистов, затем Маркса—Энгельса и много-много ещё кого. Суть его — в нескольких незатейливых постулатах. Первое — никакой частной собственности, всё должно быть общим, ибо частная собственность есть источник несправедливости и всех людских пороков. Во многих «учениях» обобществлялись даже жёны и дети (наиболее видным проповедником этого постулата была большевичка Коллонтай). Второе — население превращается в армию (часть в военную, большинство в трудовую), живущую в казармах под присмотром «доверенных». Подразделения трудармии по решению «избранных» могут перебрасываться на разные участки трудового фронта — от полевых работ достроек. Третье — никто не должен выделяться ни своими талантами, ни своим умением. Все равны и все, независимо от ума и способностей, получают равную пищу и одинаковые вещи для личного пользования, кроме, конечно, «доверенных» и «избранных». Четвертое — вместо денег, которые есть зло по определению, в силу вступает натуральный товарообмен. Пятое — со временем, когда все люди станут одинаково хорошими, государство с его полицейскими функциями само отомрёт. Во всех поздних «учениях» был и шестой постулат: уничтожение религии и христианской церкви, ибо христианство поощряет развитие личности, что противоречит третьему постулату.

Подобный социализм имел в истории и практическое воплощение. Он был в Древнем Египте и Древней Месопотамии, где трудармии выращивали хлеб, строили ирригационные системы, дворцы и пирамиды, а «трудармейцы», не имея ничего своего, получали довольствие из казённых складов (сво-

его рода фондов общественного потребления). Был он в Древнем Китае, где трудармии возводили Великую Китайскую стену и выращивали рис. Был он и в более поздней Империи инков в Южной Америке.

Однако в построении *такого* социализма Ленин и его соратники потерпели поражение от народа. В стране запылали восстания, и не только крестьянские. Восстал даже пролетариат, «передовой отряд революции» (Петроград, Тула, Воткинск, Ижевск, Сормово, Астрахань, Тверь, Брянск и т.д.). Кульминацией стали Тамбовское и Кронштадтское восстания (1921 г.), после чего Ленин своим гибким умом первым понял, что надо отступать, иначе не сносить головы, и ввёл НЭП — «всерьёз и надолго, но не навсегда» (а только до новой революционной ситуации в Европе, которая, к счастью, так и не возникла).

Второе наступление на народ большевики предприняли в 1929 году, начав коллективизацию, приведшую к голодомору 1932—1933 годов, и новую волну репрессий против всех, кто не вписывался в социализм, — старой интеллигенции, офицерства и духовенства. Это был второй Русский холокост. Жертв было поменьше, но счёт всё равно шёл на миллионы. Однако на сей раз наступавшие ставили перед собой намного более скромные задачи (потому и жертв было меньше) — лишь убрать с дороги носителей старой культуры и идеологии да обобрать крестьян для столь необходимой стране индустриализации (правда, многие историки считают, что коллективизация этой задачи не решила).

От прочих догматов социализма мудрый Сталин во второй половине 1930-х годов отказался, даже разрешил частную собственность в виде крестьянских подворий и мелких производственных кооперативов, а к началу войны (третьему Русскому холокосту) стал проявлять и терпимость к Православию. Правда, трудармию в форме Гулага он всё же оставил, направляя её на стратегически наиболее важные объекты экономики, но эта армия составляла лишь несколько процентов трудоспособного населения, да и подавляющая её часть состояла из людей, наказанных за уголовные преступления.

Достижениями той эпохи были высокая общественная нравственность, межнациональный мир, ничтожная степень социального расслоения (владения и привилегии представителей власти не были наследственными), всеобщее обязательное образование, равные стартовые возможности для всех социальных слоёв, отсутствие безработицы и т.д., и т.п. И абсолютно не важно, что не было западной демократии, важно, что власть работала в интересах народа.

В таком виде, да ещё с высокоразвитой наукой и экономикой, с самой сильной в мире армией, с огромными фондами общественного потребления социализм и дожил до 1986 года, меняясь лишь в деталях, в зависимости от объективных условий и субъективных прихотей Хрущева и Брежнева, пока к власти не пришёл могильщик социализма Горбачев. Такой социализм и остался в народной памяти, и с именем Ленина он фактически никак не связан. Ленин был разрушителем, строителем стал Сталин.

Между тем имя Ленина в массовом сознании ассоциируется именно с этим, а не с казарменным социализмом («военным коммунизмом»). Его имя оказалось на удивление удобным. Под знаменем Ленина Троцкий воевал против Сталина и под этим же знаменем Сталин разгромил троцкистов, под знаменем Ленина трусливый Хрущев расправлялся с мёртвым Сталиным, под знаменем Ленина Брежнев убрал «волюнтариста» Хрущёва. (Теперь под знаменем Ленина стелет о почившем социализме КПРФ — видимо, так жить комфортнее. Если встать под знамя Сталина, то в обстановке царящей в государстве сталинофобии можно и хлебных депутатских мест лишиться.) Всё это не случайно, как не случайно и то, что Бога большевики «отменили». Нужен был новый бог — коммунистический, которому должно молиться всё население, и для новой божнички лучше всего подошёл Ленин.

Были ли у сталинского социализма недостатки? Были! Были и очевидные пороки. Перечислять их и анализировать не будем — это большая отдельная тема. Они стали отчётливо проявляться через несколько лет после войны, т.е. в самом конце жизни Сталина, когда разрушенная войной экономика была уже восстановлена и нужда в мобилизации всего народа отпала. Но холерический Хрущёв многие недостатки усугубил, а любитель спокойствия флегматичный Брежнев исправлять их не только не захотел, но и добавил свои. В итоге, недостатков накопилось так много, а между властью и народом образовалась такая громадная пропасть, что подрывной работы «пятой колонны» социализм уже не выдержал.

И всё же, если человечество не погибнет от рук глобалистов, к социализму как к самому справедливому общественному строю оно обязательно вернётся. Вернётся, используя бесценный опыт многострадальной России.

ОБРЕТЕНИЕ РУССКОЙ СУДЬБЫ

Наше время, когда в истории России происходят чрезвычайно важные и безусловно переломные события, как веками, обрамлено двумя девяностолетними юбилеями великих русских писателей-историков.

В ноябре 2017 года мы отметили девяностолетний юбилей Дмитрия Михайловича Балашова. В июле 2018 года отметим девяностолетний юбилей его погодка, Валентина Саввича Пикуля. В последние десятилетия советской эпохи мало кто из писателей пользовался такой популярностью, как эти романисты.

Их книги продолжают читать и сейчас, когда книжный рынок заполнен бесчисленными трудами, связанными с русской историей, но тогда за книгами Пикуля и Балашова гонялись, их книг ждали, потому что оба они говорили об истории нашей страны то, что невозможно было прочитать ни в учебниках, ни в исторических исследованиях. И только непрекращающейся прижизненной травлей этих русских писателей, только полудобровольной-полувынужденной самоизоляции их в отда-

ДОРОГИ И СУДЬБЫ

лении от литературных центров и можно объяснить, почему эти, пожалуй, самые популярные прозаики восьмидесятых годов оказались разведены в общественном сознании.

Между тем, сравнивая биографии этих, безусловно, самых значительных исторических романистов второй половины двадцатого века, мы обнаружим воистину поразительные совпадения в их биографиях. И Дмитрий Балашов, и Валентин Пикуль — погодки. Оба они родились и выросли в Ленинграде. Оба мальчишками попали в блокаду и именно здесь пережили то, о чём писал их сверстник поэт Юрий Воронов:

*В блокадных днях
Мы так и не узнали:
Меж юностью и детством
Где черта?..
Нам в сорок третьем
Выдали медали
И только в сорок пятом —
Паспорта.
И в этом нет беды,
Но взрослым людям,
Уже прожившим многие года,
Вдруг страшно оттого,
Что мы не будем
Ни старше, ни взрослее,
Чем тогда.*

Слова о том, что «мы не будем ни старше, ни взрослее, чем тогда», с полным правом можно отнести и к Валентину Саввичу Пикуль, и к Дмитрию Михайловичу Балашову. Оба они весной 1942 года едва живыми были эвакуированы на Большую землю. У обоих в 1942 году погибли отцы. Оба прошли свои главные университеты на Севере. Если мы прибавим, что оба они и умерли в один день с разницей в десять лет — накануне убийства Царской семьи, то остаётся только подивиться Замыслу Божию об этих наших великих современниках-соотечественниках.

Обратим внимание, что, будучи современниками, и Дмитрий Балашов и Валентин Пикуль не только в жизни, но и в своих многочисленных романах нигде не пересекались друг с другом. Между ними как бы существовал договор о разделе поля русской истории. Валентин Саввич писал о послепетровской России и не уходил глубже семнадцатого века. Дмитрий Михайлович Балашов не поднимался дальше шестнадцатого века, рассказывая о временах рождения и расцвета Московской Руси.

Писатели не пересекались и в манере письма. Пикуль выстраивал свое повествование по законам сказовой прозы, превращая в сказ эпические события, Балашов фольклорные и летописные предания разворачивал в эпические повествования. Это был воистину писательский подвиг. Исполнить его писателям позволяла необыкновенная сила таланта, которым столь щедро были наделены они, их необыкновенное трудолюбие, но при этом каждый из этих писателей, прежде чем приблизиться к своему пониманию русской истории, должен был обрести в себе ту русскую духовность, которая и создала нашу страну.

Поразительно, как это происходило с Дмитрием Михайловичем Балашовым... Ведь когда мы говорим, что Дмитрий Балашов родился 8 ноября 1927 года в Ленинграде, это не совсем так, вернее, совсем не так. Дело в том, что восемьдесят лет назад не было никакого Дмитрия Балашова. Тогда, в семье актера ленинградского ТЮЗа Михаила Гипси родился сын, которого родители назвали Эдвардом. Природная фамилия самого Михаила Михайловича была Кузнецов, а Гипси-Хипсеем он стал, когда многим казалось, что только за таптывая в себе русскость и можно осуществиться в после-революционной России.

Сыну Гипси-Хипсея в пятидесятые годы пришлось поменять отцовскую фамилию, чтобы начать поиск своей настоящей русской судьбы. Всю жизнь этот коренной петербургский интеллигент носил русскую косоворотку и сапоги, изумляя ученых коллег. Всю свою жизнь он прожил как русский крестьянин, строя дома, вспахивая землю, держа коров и лошадей, чтобы постигнуть корневую суть русской жизни...

Валентину Саввичу Пикулью в обретении русскости не пришлось преодолевать такие препятствия, но, право же, его путь оказался не намного легче, чем у Балашова. Мы знаем, что Валентин Пикуль не имел даже и среднего образования, он был самоучкой, и русскую историю открыл для себя сам. Причем открыл ту историю, о которой не знали и даже не догадывались не только писатели-романисты, но и многие профессиональные историки, ибо эта история была выведена за рамки официальной истории нашей страны.

Валентин Пикуль с головой ушел в открытую им историю, потому что она была не просто интереснее засушенных схем, которые предлагали учебники, но еще и потому, что в этой русской истории писатель Пикуль находил ответы на самые главные вопросы, что ставила перед ним и его читателями жизнь.

Дмитрий Михайлович Балашов и институт закончил, и работал в научном институте Академии наук, но его отноше-

ние к истории в главном сродни отношению к истории Пикуля. Романы из цикла «Государи Московские» он пишет в продолжение своей работы фольклориста, как бы пытаясь создать утраченный героический эпос нашего народа.

С разных сторон, совершенно по-разному, но одновременно оба писателя шли к постижению народной правды русской истории, той правды, сказать которую своему народу они и были призваны. И, может быть, в этом и скрыто самое главное, что открывают нам эти удивительные русские судьбы... Только сохранив свою духовность, свой язык, свою культуру, свою историю, то, что и называется русскостью, обретали писатели, а вместе с ними и читатели, возможность выстоять перед новыми испытаниями.

Вдумаемся еще раз в тот простой факт, что в одном городе с разницею в полгода рождаются два писателя, которые, не сговариваясь, по сути, делят пополам оболганную русскую историю, чтобы сказать русским людям ту самую главную правду о великой России, которую пытались спрятать русофобы всех мастей. И вопреки всему — не зря ведь в отрочестве прошли они через горнило блокадного голода! — они говорят ее как раз накануне новых страшных испытаний, которые обрушатся на нашу страну.

Западные идеологи в девяностые годы порою рассуждали: дескать, они — победители, они выиграла холодную войну, и те унижения и притеснения, которым они подвергают Россию, — следствия этой победы. Разумеется, говорить о победе над Россией они поспешили.

Более того... Уже сейчас очевидно, что хотя тех страшных ударов, которые обрушились на нашу страну, ни одна другая страна не выдержала бы, мы все-таки устояли, как некогда устояли на Волге в Сталинграде... И кто знает, если бы миллионы русских людей не успели вовремя прочесть книги Дмитрия Балашова и Валентина Пикуля, устояли бы сама наша страна перед грязным потоком лжи, захлестнувшим ее в конце восьмидесятых и начале девяностых годов? И может быть, в этом и скрыто самое главное, что открывают нам жизни и книги Балашова и Пикуля... Только сохранив свою духовность, свой язык, свою культуру, свою историю, то, что и называется русскостью, обретаем мы возможность выстоять перед новыми испытаниями.

УБИЙСТВО В КОЗЫНЕВЕ

17 июля 2000 года в квартире Дмитрия Михайловича Балашова на улице Суворова сработала сигнализация. Прибывший наряд милиции никаких следов взлома не обнару-

жил, но все-таки решено было позвонить в Козынево, где находился деревенский дом писателя.

Дозвонились до главы ильменской сельской администрации Андрея Кузьмина, работавшего раньше участковым. Он отправился к Балашову. На стук никто не откликнулся, но ворота усадьбы были не заперты. Когда Кузьмин вошел внутрь, он увидел завернутое в одеяло тело Дмитрия Михайловича... На голове темнела — она была хорошо видна на седых волосах писателя — запекавшаяся кровь... На шее болтался кусок веревки. В доме всё было перевернуто...

Вызванные на место трагедии эксперты-криминалисты установили, что убийство совершено сутки назад — в ночь с 16 на 17 июля 2000 года... Странно, но произошло оно ровно — день в день! — десять лет спустя после смерти другого великого русского писателя Валентина Саввича Пикуля.

16 июля — печальный день в календаре русской исторической беллетристики. Если же вспомнить, что оба писателя ушли от нас как раз накануне убийства в 1918 году Царской семьи, мистическая окрашенность этой даты приобретает особо зловещий смысл...

НОВГОРОД ВЕЛИКИЙ

«...В истории, как и в жизни, ошибаются очень часто!.. И за ошибки платят головой иногда целые народы, и уже нет пути назад, нельзя повторить прошедшее, потому и помнить надо, что всегда могло бы быть иначе — хуже, лучше? От нас, живых, зависит судьба наших детей и нашего племени, от нас и наших решений. Да не скажем никогда, что история идет по путям, ей одной ведомым! История — это наша жизнь, и делаем ее мы. Все скопом, соборно. Всем народом творим, и каждый в особинку тоже, всюю жизнью своею, постоянно и незаметно. Но бывает также у каждого и свой час выбора пути, от коего потом будут зависеть и его судьба малая и большая судьба России. Не пропустите час тот!..» (Д.М. Балашов).

«Когда меня бросила жена, а дом сгорел, я, наконец-то, убрался из Карелии, — пишет Д.М. Балашов в своей «Автобиографии». — В Новгороде мне дали квартиру, и с 1984-го года я живу тут, продолжая писать и периодически конфликтуя с начальством. Это уже, видимо, мне суждено делать до самой смерти». Тут Дмитрий Михайлович, как это он часто делает, чуть-чуть спрямляет свою биографию.

Савва Ямщиков вспоминает, что однажды, когда он жил в Ленинграде в гостинице, ему позвонил Лев Николаевич Гумилев и попросил принять Балашова.

— Лев Николаевич, — удивился Ямщиков. — Это что за новые эскапады «Нестора»? Мы же с ним накоротке. К чему этот придворный этикет?

— Дорогой Савва Васильевич, за что купил, за то и продаю, — ответил Гумилев. — Балашов просил позвонить.

«Через час, — пишет С.В. Ямщиков в своих воспоминаниях, — конечно же, без предварительного звонка, в дверях возник милый, необычайно радушный проситель.

— Знаете, Савва Васильевич, я решительно расстаюсь с Карелией и прошу вас подсказать, как мне осесть на Псковщине или Новгородчине. Вы же прекрасно знаете эти земли.

У меня на примете был один продающийся хуторок неподалёку от Псково-Печерского монастыря. Туда-то и отправился балашовский обоз с детьми, лошадьми, коровами и, как пошутил Лев Николаевич, с «женским гаремом».

Но на хуторе Рогозина гора в Псковской области, хотя Балашов и приобрел его, он задержался недолго, вскоре перебрался в Новгород.

Новгород уже не раз возникал в жизни Дмитрия Михайловича. В 1947 году он впервые побывал здесь, когда город еще лежал в руинах. Дмитрий Михайлович приехал тогда в Новгород с краюхой хлеба и луковицей в кармане и сразу отправился в церковь Спаса-на-Ильине, чтобы попробовать зарисовать поразившие его фрески Феофана Грека.

Разумеется, нелепо приписывать этой поездке какое-то определяющее судьбу будущего писателя значение, но кажется, что грозно проникающий прямо в душу взор Вседержителя с фрески Спаса-на-Ильине Дмитрий Михайлович Балашов пронес через всю жизнь. И десять лет спустя на Терском берегу, в Варзуге, сохранившей древнюю культуру Великого Новгорода, наверняка вспоминал Дмитрий Михайлович о своей студенческой поездке. А еще десятилетие спустя, когда уже и обыск прошел в квартире Балашова, когда пришлось оставить работу в Институте языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР, кто, если не «Господин Великий Новгород» помог Дмитрию Михайловичу?

Весь гонорар за эту повесть Балашов вложил тогда в приобретение дома в деревне Чеболакше, на берегу Онежского озера, и во многом благодаря этому и сумел написать свой главный «новгородский» роман — «Марфу-посадницу», принесшую ему заслуженную славу. И вот теперь, на новом витке в жизни Балашова снова возникает Новгород. Теперь уже навсегда...

Рассказывают, что когда Балашов впервые приехал в Великий Новгород, милиция прямо на перроне задержала его и

препроводила в отделение — для выяснения личности... «Готовый эпизод для художественного фильма о Балашове, — говорил по этому поводу С.А. Панкратов. — В старинном русском городе советскому милиционеру показался странным и опасным человек в старинной русской одежде...

Возможно, что и в Новгороде, как и в Пскове не задержался бы Балашов, но тут помог случай.

«В 1984 году Дмитрий переезжает в Новгород, ищет новое пристанище, — пишет Г.М. Балашов. — В этот момент режиссер Салтыков пригласил его сниматься в кинофильме «Господин Великий Новгород» — о Великой Отечественной войне. Киношники и телевизионщики тогда имели большой вес. И по окончании съемок на банкете Салтыков попросил местных начальников помочь писателю Балашову с приобретением жилья. И в скором времени подходящую квартиру нашли на ул. Никольской 21 и поселили туда Дмитрия Михайловича».

Понятно, что к середине восьмидесятых писательская слава Дмитрия Михайловича уже набрала силу, и ничего удивительного в том, что ему — известному на всю страну писателю! — дали квартиру в Новгороде, нет. Но с другой стороны, в Пскове такого с ним не случилось, и как ни крути, а получается, что это именно Новгород признал своего певца и приветил. Поэтому-то и любопытно то, в каких драматических тонах описывает свой переезд в Новгород сам Балашов.

«Попал я сюда по соединившемуся почину несчастья и удачи. Там, на севере, где я жил до того, лопнула (с треском и безобразиями, как водится) моя прежняя семья, и я оказался буквально сидящим, точнее, «парящим» на чемоданах. А тут известный, ныне покойный, кинорежиссер (уж не помню, как мы с ним и познакомились!) возжаждал запечатлеть мой лик в одном из героев его фильма, посвященного событиям Отечественной войны (подошел типаж!), прельстивши меня обещанием познакомить с городским начальством, а начальство — с книгою, написанною мною о прошлом города, на предмет предоставления автору (то есть мне) жилья в этом самом городе. Обещание свое режиссер сдержал, и жилье, спустя полгода, мне действительно дали...»

Приведенная цитата заимствована из рассказа Д.М. Балашова «Лаура», написанном незадолго до смерти писателя... И хотя, конечно, художественное повествование — не мемуары, но в последние годы Дмитрий Михайлович, кажется, и не рассказы писал, а исповедовался...

Так что сомнений в точности изложения фактов тут нет. Как и в описании съемок фильма Алексея Александровича

Салтыкова... Роль, которую пришлось сыграть Балашову в этом фильме, оказалась не то чтобы трудной, а какой-то зловещей и в общем-то пророческой, если заглянуть на полтора десятилетия вперед...

«С этого фильма всё и началось. Пока меня многократно «мучали», а затем «убивали» («Дубль, еще дубль, еще... Нет, повторите проход! Так лучше, но теперь лишние люди вошли в кадр... Отойдите там! Мальчики, отойдите дальше! Съемка идет!») Пока меня мучили и гоняли, собиралась толпа и не только из одних мальчишек».

С.А. Панкратов писал, что эпизод с задержанием Балашова милицией по приезду в Новгород мог бы войти готовым эпизодом в художественный фильм о Балашове... Может быть... Хотя, конечно, гораздо интереснее то, что первым делом по приезду в Новгород Дмитрий Михайлович снимается в фильме, где его убивают.

Пророческую интонацию этой сцены в фильме усиливало то, что Балашов и не играл в этом фильме. Старик-хранитель, которого убивают немцы, это не совсем роль, это сам Балашов и был...

А с квартирой Дмитрия Михайловича в Новгороде, действительно, не обманули. В 1984 году для него в тихом уголке Новгорода не очень далеко от церкви Спаса на Ильине в двухэтажном небольшом домике сделали из двух одну большую квартиру. Сюда, в эту просторную новгородскую квартиру, на углу Славны и Суворовской, и пришла в конце сентября 1985 года двадцатичетырехлетняя Ольга Николаевна Качанова.

«Я тогда училась на пятом курсе факультета иностранных языков и, как многие студенты, подрабатывала репетиторством, — рассказывает она, вспоминая историю своего знакомства с Балашовым. — Наш куратор, Леонора Кузьминична Чистоногова позвонила мне в общежитие и предложила позаниматься с детьми «известного исторического романиста Балашова Дмитрия Михайловича, только что переехавшего в Новгород». Кто такой Балашов, я не знала. Выгодным для меня было то, что заниматься надо было с двумя ребятами сразу: девочка училась в Карелии в школе с финским языком, а мальчик только начал изучать английский. Мне было сказано, что Балашова много издают, и человек он богатый, так что взять за уроки можно и побольше...»

Подумав немного, Ольга Николаевна согласилась. В назначенное время она пришла на Суворовскую, позвонила в дверь и...

«Я увидела сначала глаза, не всего человека, а именно глаза. Светло-голубые, глубокие, умные, с лукавинкой, улыбающие-

ся и при этом с каким-то вопросом. Глаза, в которых я утонула сразу. Это потом мама скажет, что Дмитрий меня заговорил. Это всё будет потом, а сейчас сердце как-то дёрнулось, забыла вдохнуть в очередной раз, в голове забилось... Вдохнув побольше воздуха, сказала что-то, пришла в прихожую.

Дмитрий Михайлович с интересом оглядывал меня, задавал какие-то вопросы, я что-то отвечала, даже улыбалась, кажется.

Выскочили ребятишки, моё спасение, мой спасательный круг, ухватившись за который, я стала понемногу выплывать. Девочку звали Дуняша. Папа иногда называл её Авдотьей или Дусей. Евдокия, знакомясь с мальчиками, говорила, что её зовут Таней. Очень стеснялась своего имени, иногда даже плакала...

Мальчика звали Ярослав, Слава. Мы прошли в комнату Дуняши, потом я позанималась со Славой».

— Ну, как? — спросил Дмитрий Михайлович после урока.

Ольга Николаевна объяснила, что Евдокии будет, конечно, трудно догонять одноклассников: они уже второй год изучают язык. Но у девочки есть способности и настойчивость.

— Когда опять придёте?

«Отвечая, старалась не смотреть в глаза. Договорились обо всём. Расставаясь, Балашов пожал руку и опять зацепил глазами. Барахтаясь в них, как котёнок в воде, пыталась хоть как-то разглядеть хозяина. Белые, не седые, а именно белые пушистые длинные волосы. Роста вроде бы невысокого. Спустя года два, выяснили с ним, что я выше на четыре сантиметра. Я всегда ощущала, что рядом со мной большой человечине, спокойно носила каблуки (правда, и Дмитрий ходил в сапогах с каблукками) и никогда не замечала, что он ниже ростом. Он был одет в красную косоворотку, ворот расстегнут».

В уже процитированном выше рассказе «Лаура» Дмитрий Михайлович описывает свою первую новгородскую влюбленность в женщину, с которой так и не было ни романа, ни просто знакомства...

«Разговаривали. О чем — не помню. Странно, но не помню даже ее имени и, боюсь, нынче могу не узнать, встретив в толпе. Ибо запомнилось и помнилось с мучительной болью не это, не внешние приметы, а скорее строй души; ее ясная, веселая кипучесть, во всей этой киношной кутерьме звеневшая сквозь и надо всем, как серебряный колокольчик. Да нет, словами опять не сказать, не определить... Но, разумеется, два эти рубежа: разница возрастов (в дочери она мне годилась, так-то сказать!) и счастливое замужество — исключали для меня всякую возможность более близкого с нею зна-

комства. И так только тихо радовался, когда она выделяла меня, не забывая в толпе хохочущих подруг, хотя особой близости не было меж нами. Помню только, что во мне проснулось то мучительное, как жар болезни, чувство обостренного ощущения ее присутствия и желания близости, не той грубой, от которой пересыхает рот и рождаются зверские инстинкты, а какой-то иной, духовной, что ли... Да и попросту нравилась она мне нешуточно! Короче — влюбился, с удивлением и горечью чуя в себе наступление тех самых чувств, которые считал похороненными для себя уже лет тридцать тому назад... И, конечно, совсем, совсем не думал, не гадал, что и она ко мне, старику, может испытывать что-либо, кроме естественного уважения...»

С Ольгой Качановой всё оказалось проще... Недели через три Дмитрий Михайлович попросил ее пожить с детьми — ему нужно было ехать по делам в Ленинград и Москву.

«Так уж сложилось, что четверо детей, которые приехали с ним из Петрозаводска (Алексей, Евдокия, Ярослав и Арсений), долгое время не жили вместе, да и возраст: от 8 до 14 лет — всё это стало причиной того, что Балашов решил в качестве «няньки» оставить меня, — говорила Ольга Николаевна. — Вернувшись из командировки, он упросил меня остаться пожить ещё: «Дети стали тише, да и он боится, что не справится по дому без женщины».

А в бездонных глазах — мольба о помощи. Не рассчитал мужских сил Дмитрий Михайлович, привезя ребятешек и хозяйство в Новгород. И, поняв это, растерялся. Не знаю, бабья ли жалость или мамино «не искать в жизни лёгких путей» сыграло роль, но я согласилась. Да так и осталась».

Мольба о помощи в глазах Балашова — это не преувеличение Ольги Николаевны. В середине восьмидесятых Балашову порою казалось, что всё идет под откос. Даже победы и те, казалось, оборачиваются поражениями...

«Мы живем, если можно так выразиться, при последнем блеске вечерней зари древней устной культуры русского народа, — не уставал повторять Дмитрий Михайлович и став известным и преуспевающим писателем. — От нас зависит, будет ли и насколько сохранена народная культура прошедших веков. По-моему, перед величием одного этого факта все мы должны чем-то поступиться, что-то отодвинуть, какие-то мелкие, скажем, карьерные соображения попросту забыть, дабы выполнить главное: уходящее устное творчество России перевести в письменный вид».

Сам он готов был поступиться ради этого многим. Даже собственным материальным благополучием.

Так произошло с изданием фундаментального труда Балашова-фольклориста «Русская свадьба». Издавал этот свод с нотами и грампластинками Дмитрий Михайлович, по сути, за свой счет, хотя тогда еще — в середине восьмидесятых — и не существовало частных издательств.

«Выход книги с оплатой в пятнадцать тысяч тогдашних рублей обеспечил сам Балашов, — свидетельствовал В.И. Поветкин. — Однако издатели и тут, как говорится, нашлись: они направили основной тираж не в крупные магазины страны... а завалили книгой, например, склады в вологодских окраинах. Местным жителям, конечно, приятно прочитать о себе, но книжную гору им не выкупить».

Досадной тут была не просто потеря собственных денег, а еще и унижительная уценка труда, который Балашов считал главным в своей жизни. Прямо на его глазах затаптывался равнодушными, глухими к живому слову людьми последний блеск вечерней зари древней устной культуры русского народа...

Алексей Маркович Любомудров, аспирант Пушкинского дома, побывавший тогда у Балашова, вспоминает, что Дмитрий Михайлович встретил его в коридоре. Из комнат выглядывали дети — из одной молодой человек лет семнадцати, из другой — подростки, из третьей — трехлетний малыш...

«Балашов встретил меня без особой радости, не предложив чашки чаю, хмуро-серьезный, провел в небольшой кабинет, показавшийся мне почти пустым. Были там резной буфет с разложенными столярными инструментами, сундук, коробка с письмами. Небольшой, обшарпанный письменный стол. Рядом книжная полка, на которой книг было немного, среди них — Даль, молитвослов, церковный календарь. На стенах — три иконы древнего письма. Сразу бросились в глаза огромные кипы бумаги: Балашов писал свои знаменитые романы карандашом, огромными угловатыми буквами, на обеих сторонах небольших листков, так что на странице умещалось дюжины две строк. Как в этих ворохах он потом разбирался — загадка.

Балашов уселся на стул, покрытый овчиной, поджал под себя ноги и начал беседу. Но спокойно сидеть он не мог: ерзал, вставал, ходил по комнате. Одет он был в коричневую косоворотку, рабочие брюки. Ходил без обуви, в толстых носках. Я разглядывал знаменитого писателя: малого роста, коренастый, чуть сутулый. Голова седая, с большими залысинами. Борода, усы. Голубые, даже синие, глаза. Голос у него был высокий и звонкий».

Беседу Алексей Любомудров записал полностью, и записанный им рассказ Балашова интересен не столько как ис-

точник биографических сведений, сколько как свидетель-ство состояния писателя в эти дни.

«Не дают писать! — говорил Балашов. — Из Петрозаводска выжили, дом сожгли. Некто из высокопоставленных чинов распорядился сжечь весь тираж «Младшего сына» — чудом отстояли. Здесь, в Новгороде, квартиру дали, правда, тех, кто дал, самих тут же сняли с должности. Такое впечатление, что какие-то «этнические удары» сопровождают каждый мой роман. Меня дважды убивали... Из Петрозаводска выселила бывшая жена, которая туда вернулась с юга. Сейчас другая меня тащит на суд — глупо, противно. Эта женщина, с которой мы вместе фольклорный сборник делали, родила ребенка. Да, мы с ней жили, я ее содержал, но ребенок не мой! Просто нужны алименты... Здесь — сына хотят оставить на второй год в школе. Перевел в другую школу — такая же история, ставят двойки, учителя сговорились!

Не знаю, допишу ли роман, честно говорю...»

Роман «Отречение» Дмитрий Михайлович дописал. И дописал во многом благодаря Ольге Николаевне Качановой.

Осенью 1986 года у Ольги Николаевны родился двенадцатый ребенок Балашова — сын Иван, а через десять месяцев, 17 июля 1987 года, она расписались с Балашовым.

«Расписывались не торжественно, — рассказывает Ольга Николаевна. — Увидев такую неординарную пару, дама из загса занервничала. После слов: «Молодые, обменяйтесь кольцами» заметила, что кольцо одно. Дмитрий Михайлович колец вообще не носил, пальцы отекали, потому и не стал покупать себе. От растерянности он стал надевать мне кольцо на левую руку... Я руку отнимаю, и он принялся кольцо снимать... Но тут оно, как в замедленной съемке, выскользнуло из его рук и покатилося под стол. Я гляжу, паркет весь в щелях... Ну, думаю, всё. Вижу, как Дмитрий Михайлович с одной стороны стола на четвереньки плюхается, загсовая дама — с другой. Мне же остается только наблюдать, как они по полу ползают. Наконец Балашов и дама поднимаются, и он победно надевает мне на правый палец кольцо. Дама же, видимо, от всех этих неловкостей совсем растерялась, схватила первый попавшийся паспорт и, не глядя чей, начала заполнять страницу «Семейное положение», затем поставила печать для обмена и взяла другой паспорт. Только тут и выяснилось, что она расписала Балашова Дмитрия Михайловича с Балашовым Дмитрием Михайловичем».

Сейчас, спустя десятилетия, Ольга Николаевна с улыбкой вспоминает подробности своей свадьбы, но тогда, наверное, сохранить самообладание было труднее — Балашов был старше ее отца, и через полгода ему исполнялось шестьдесят...

Ольге Николаевне Качановой было тогда двадцать пять лет... Но была любовь, и любовь помогла справиться с трудностями.

А трудностей хватало и у Дмитрия Михайловича Балашова в эти черные для нашей страны годы...

— Издают мои книги, но мне за это деньги не платят, — жаловался он. — Целый ряд издательств просто на меня плюют — из года в год зарабатывают на переиздании моих романов, а я ничего не получаю. Живу как церковная мышь. Мне иногда стыдно: сижу — пишу, жена что-то стряпает на кухне, работает телевизор — мне мешает, я рывкаю, а потом думаю: чего ты рывкаешь, чего ты стоишь — дожив до семидесяти лет, не можешь нормально обеспечить семью? Что делать, если у меня пенсия — 360 рублей, да жена зарабатывает 400—600, а только счета на междугородные переговоры с теми же московскими редакциями приносят на полтысячи ежемесячно. А я тут еще машину купил — по старым ценам, до инфляции, но ее же надо чинить. А без транспорта мне уже нельзя — тяжело, годы не те. Значительная часть гонораров, которые нет-нет да выплачивают, уходит на ремонт машины».

А еще кроме машины была семья. Тринадцать детей... Старшему перевалило за сорок. Младшему — и пяти не исполнилось. Родился он, когда отец уже перевалил на седьмой десяток...

Но куда существенней было то, что в эти годы, когда в очередной раз рушилось государство, которое так трудно и так долго собирали государи московские, Балашов не находил и не мог найти себе места в новой перестроечной России...

*...Может быть, это «завтра»,
Которое нам создают?
Может, надобно жить,
Потихоньку к такому готовясь?
Повелите ж! Но мне,
Заблудясь в перепутьях седых,
Недостанет на то
Ни смиренья души, ни терпенья.
Я Россию хочу, словно Китеж,
Поднять из воды!
Мне великое прошлое
Застит иные свершенья! —*

писал он в эти годы.

В 1989 году Балашов попал в ДТП. На повороте шоссе в деревне Черкасы разлилась солярка из проходившего здесь бензовоза. Машина Д.М. Балашова, попав в солярную лужу,

потеряла управления и сбила мальчика-велосипедиста. Кстати сказать, несколько минут спустя в этой же соляной луже потерял управление мотоцикл. И хотя вины Д.М. Балашова не было, но следствие поначалу грозило обернуться для писателя большой бедой.

В Государственном архиве новейшей политической истории Новгородской области хранится повестка с грозным требованием Балашову явиться в суд. Но все-таки разобрались.

28 ноября 1989 года следователь УВД Калининского облисполкома уведомил Балашова, что «уголовное дело, возбужденное по факту дорожно-транспортного происшествия, имевшего место 4 сентября 1989 года в деревне Черкассы, прекращено производством за отсутствием в Ваших действиях состава преступления по ст. 5 п.2 УПК РСФСР».

Ну а в 1993-м году сын писателя Алексей, отбиваясь — по его версии! — от грабителей, смертельно ранил одного ножем. Ему грозила тюрьма, и он сбежал на Украину.

Об отношениях Дмитрия Михайловича с выросшими, ставшими взрослыми сыновьями рассказывать еще не пришло время и, видимо, надо было бы упустить эту тему, но тут приходит на помощь сам Дмитрий Михайлович. За несколько лет до своей гибели он написал рассказ «Сын»...

«Там, где больничный коридор расширяется, образуя двухсветный полузал с фикусом, водруженным на столик в центре, и с потертыми, обтянутыми красной тканью креслами для посетителей по бокам сидят рядом двое — отец и сын.

Отец маленький, «тиндитный», в обтерханном пиджачке, с мозолистыми, коричневыми еще от летнего загара руками, седенький, с жидкими остатками волос, когда-то (он уже и не помнит того сам) густых и пышных, а ныне едва прикрывающих лысину. Сын — рослый, на полторы головы выше отца, в клетчатой рубашке с закатанными рукавами; он свободно положил мускулистые руки на плоские ручки кресла и вытянул длинные, тоже мускулистые ноги в сторону фикуса. Сын находится здесь на обследовании, у него что-то с печенью, да и с нервами (слегка заикается), но печень, пока не подошел набор в армию, не мешала ему пить, а заикание не мешало учиться в школе (пока учился), и только теперь, доведя до озверения военкома, парень лег в больницу, где и навещает его нынче приехавший из-за города отец.

Отец мнет корявыми пальцами у себя на коленях целлофановый пакет, в котором помимо дюжины сладких булочек, испеченных мачехою сына Галиной Петровной, лежат уворованные из новогодних гостинцев младших детей апельсин, два яблока и три шоколадных конфетки...»

Так начинается этот рассказ... Надо сказать, что и написав столько романов, беллетристической свободе в обращении с исходным материалом Дмитрий Михайлович так и не научился. Сознательно или подсознательно, но по мере возможности он старался не отступать от реальной первоосновы.

«В изложении событий, даже мелких, я старался держаться со всей строгостью документальной, летописной канвы, памятуя, что читатель наших дней прежде всего хочет знать, как это было в действительности, то есть требует от исторического романа абсолютной фактологической достоверности, — писал Балашов в послесловии к роману «Младший сын». — Поэтому я разрешал себе лишь те дорисовки к летописному рассказу, которые позволительны в жанре художественного воспроизведения эпохи, например, в воссоздании второстепенных персонажей, людей из народа, живых картин тогдашней жизни, которые, однако, тоже строились мною по археологическим и этнографическим источникам».

Вот и в рассказе «Сын», Дмитрий Михайлович только чуть-чуть меняя имена, слегка поправив свой возраст и положение, — отстраняется от реальной жизни, но устройство семьи и отношения в семье он не трогает, переносит их в рассказ один к одному из жизни.

«Венька на встрече неуклюже ткнулся губами ему в висок, пробормотал что-то о том, что вот у всех тут были свои на Рождество, а к нему одному никто доселева не приезжал... И тем согрел сердце: все-таки любит! Ну, не станешь же объяснять, что мачеха заявила давеча, мол, не поедет, что и глядеть не может на этого оболтуса, что у всех дети как дети, а Венька, раз ученые бросил, так мог бы на работу поступить, а не грабить старого отца... Что верно, то верно! Ведь и школу оставил, а оставался всего-то одиннадцатый класс, и учителя хвалили, мог бы и в институт поступить... И на работу не пошел: «Я буду зарабатывать сам! Сто долларов в месяц стану приносить!». Знаем мы эти заработки! В первый месяц принес отцу кожаную куртку турецкую, а мачехе какую-то электромаслобойку, которая скоро испортилась, во второй — кажись, набор столовых ножей, а там и заработки, видать, кончились... Куда едет, так всё к отцу: «Дай, батя, на дорогу!». А недавно — простить себе не может Геннадий Васильич — выпросил: «Пусти, батя, за руль!» Водить-то вроде умеет, батька научил, права только ленится получить. А тут гололед... Поспешил да и въехал на «козле» в чужую машину, которая к тому же шла по основной. Те вылезли, черные какие-то. Венька долго толковал с ними, сам Геннадий Васильич сидел в машине, облитый

стыдом, потом вылез. «Они требуют пятьсот долларов!» — сказал Венька сумрачно. — «Может, сбавят?» — неуверенно пробормотал Геннадий Васильич, оглушенный непомерною суммою (это сколько же будет миллионов-то, Господи!). Но Венька отверг: «Меньше никак! Иномарка! Тут одна дверца стоит за двести долларов!» — «Как же быть-то, Венюшка?» Но сын развернулся на сей раз быстро: поймал левака, съездил куда-то к какому-то своему дружку, деньги достал, но сказал, что надо вскоре отдать доллары Антону...»

При желании можно было бы попытаться соотнести описанного в этом рассказе сына с кем-либо из сыновей Дмитрия Михайловича Балашова, тем более что многие подробности, приведенные в рассказе, явно заимствованы писателем из его отношений с Евгенией Ивановной Влазневой (в рассказе она названа Верой), а некоторые — это как-то совсем жутковато! — мы еще встретим в милицейских протоколах и показаниях на суде, но всё же я не стал бы персонально прототиповать с реальным прототипом героя рассказа.

Хотя тут и много жизненной первоосновы, но всё же это не очерк, не мемуары, а рассказ, даже и вбирая в себя документальный материал, оказывается шире исходного материала.

Разумеется, Геннадий Васильевич чрезвычайно похож на Дмитрия Михайловича, и все равно это — не автопортрет. В рассказе перед нами возникает образ человека, который прожил всю жизнь настоящим мужиком, который кормил свою семью, а теперь, на склоне лет, лишился возможности соответствовать званию кормильца и хозяина.

«Эх! Чтобы достать эти клятые доллары, пришлось ликвидировать вклад в сберкассе. Никак не удавалось Геннадию Васильичу собрать себе на похороны, чтобы своих не вводить в расход! Прежние сбережения съела инфляция... Пришлось, что жалче всего, корову продать, и новый выходной синий костюм. Да еще Антон этот, которого все боятся, потребовал с него, с отца, вместо пятиста пятьсот пятьдесят долларов, проценты, вишь, за месяц набежали! (Вот тогда-то и пришлось расстаться с костюмом.)

— Ты ему всё вернул? — спрашивает сын.

— Всё, Венюшка! Да еще и лихву пришлось дать пятьдесят долларов.

— Собака! — ворчит сын и спрашивает, помедлив: — Деньги займы достали?

— Корову продали, Венюшка, — с тихим упреком отвечает отец».

И Венюшка, хотя многие черты его, несомненно, и списаны с родных сыновей, это тоже собирательный образ моло-

дого человека, вступающего в жизнь новой перестроенной России, к которой его не готовили ни в школе, ни в семье.

— Ну ладно, я выйду отсюда, деньги эти тебе отдам! — говорит герой рассказа. — В Киев съезжу, там должен товар прийти из Германии. Расплачусь с тобой и за машину, и за все разом!

«Сын говорит уверенно, а у отца на душе тоскливое ожидание новых бед. Он знает про себя, что никаких денег сын ему не вернет, что «товар» этот (что за товар?) в лучшем случае получит не Венька, а тот самый Антон, а ему, отцу, придется еще давать Веньке деньги на поездку в Киев, о чем он думает с тихим ужасом — денег нет совсем и уже взять не у кого!

Помедлив, отец заговаривает о самом больном, ради чего он сегодня прежде, чем заглянуть в палату, ходил беседовать с врачом. Сын явно бежит от набора в армию, и это отцу тяжелее всего. Вести, что рослый парень, сидящий рядом с ним в красном больничном кресле, еще и симулянт, вовсе непереносно».

Мы уже говорили, что последние рассказы Дмитрия Михайловича Балашова, независимо от какого лица они написаны, следует отнести к жанру исповедальной прозы. Не важно, что интеллектуальный уровень Геннадия Васильевича, конечно же, гораздо ниже уровня писателя и ученого Д. М. Балашова. Исповедь-то писателя не об этом, и в том покаянном настроении, которое охватывало его, образовательный уровень не играет никакой роли.

Просто не сумел герой рассказа, как и сам Дмитрий Михайлович, объяснить что-то важное сыновьям, не хватило сил, времени воспитать их такими, чтобы они могли, не сгибаясь, пройти через любые испытания жизни. И какие бы объяснения ни подыскивал тут Геннадий Васильевич или сам Дмитрий Михайлович, они не снимают с него — это и автор, и герой рассказа понимают совершенно определенно! — ответственности.

«Зарабатывал когда-то Геннадий Васильич! Было! До перестройки этой самой. А теперь рубить углы да бревна ворочать уже и невмочь! И с Галиной почто ты разругался, сын! Яить и женился, почитай, тебя ради! Чтобы не был в забросе, в грязи да во вшах... Эх, Венька, Венька! Ласковый ты был и чуткий ко всякому ремеслу. Вспомнить, как мы с тобою фундамент клали, — сердце радуется! Хотелось выучить тебя, чтобы стал большим человеком...

Когда упустил? Когда, в чем не досмотрел? Может, надо было временем и не жалеть сына (всё ведь боялся оторвать от

ученья, летами давал отдыхать!), а брать с собою на шабашки, где все работают, себя не щадя, по четырнадцать часов кряду, и где не с кем было бы Веньке гулять и бражничать! Пока силы имел, пока ездил... Всё бы ты был под присмотром отцовым! И мастерством овладел, плотницкое дело, оно всегда потребное! Не узнал ты, сын, вкуса настоящего труда! Всё через веревочку прыгал, вот и допрыгался! А думает, поди, что старик-отец глуп. Все они мечтают без труда в рай заскочить, всякие енти иномарки у их только и на языке...

И что ему делать с Венькой теперь? Иные советуют из дому выгнать: пусть, мол, на своем коште поживет! А как выгонишь! И права того у меня нет, прописан дак! Да и сам не могу — родная кровь!..

А заставить работать как? Крёстный нудит: «Балуешь ты его!» Балую, конечно! Ныне и сам вижу, куда пошло! Тем-то, приятелям Венькиным, что! Председателев сын на даровом бензине цельными днями по деревне на мотоцикле гоняет, и уёму ему нет, а и городские дружки под стать. А мой-то несмышлениш всё ладит не хуже других быть, ну и тянет с отца! Добро у соседей воровать не начал! А и начнет — как узнать? Узнаешь, когда в наручниках поведут! И что сделать с тобою, Венюшка, и как помочь? Просвети, Господи, старую голову мою! Максим Лексеич говорит, что взял бы его к себе, на автобазу, да только права надобно прежде получить!»

Рассказ «Сын» весь состоит из невеселых мыслей Геннадия Васильевича, которыми никак не может он достучаться до сына. И больно сознавать герою рассказа, что он уже потерял своего Веньку. Страшно думать, что будет с сыном, когда он все-таки уедет от него, а еще страшнее думать, что будет с ним, если он останется дома...

«Отец слушает его и почти верит. Так хочется верить ему, прямее-то сказать! — что все беды пройдут, что Венька остепенится, поступит на работу, начнет приносить деньги в дом, после чего и Галя потишеет, не станет на него сердце нести... И будет у них вновь дружная семья и мир в доме. И так не хочется думать, что ничего этого не произойдет и что кончатся все мечты сына о роскошной жизни, которую показывают им каждый день по «ящику», обыкновенной тюрьмой, а там — сын станет являться домой раз в три-четыре года, зверски пить, водить своих лагерных дружков, а те учнут таскать из дому что попадая, на любой упрек замахаясь в ответ ножами, а там и Галина, не выдержав, уедет с детьми к матери, в Старую Руссу, и останется он, сивый дурень, один, и, возможно, тоже начнет пить, и когда-нибудь, как в нынешние морозы, найдут его замерзшим где ни то за коровниками, у

бревенчатой стены кормокухни, а сын... Сына к тому времени прирежут в лагере, поспорив за карточной игрой, и будет то лучшим выходом для него, как и смерть для его бесталанного родителя, который ни Берлина не брал, ни целины не подымал...»

Мы уже говорили, что Дмитрий Михайлович многое мог... Мог быть заботливым и добрым, а мог — вспыльчивым и грубым. Иногда — чаще всего в своих книгах! — он был мудрым, а порою — это уже в реальной жизни — казался близоруким и недалеким.

Вспоминают, как в девяностом году Дмитрий Михайлович восторгался Борисом Николаевичем Ельциным, тем самым, про которого, два года спустя, скажет, что никогда бы не подумал, что можно так быстро и так бездарно промотать все богатства России...

Дмитрий Михайлович Балашов не мог не писать романы. Он, рожденный в России, не мог не быть русским, не мог не прийти к православию, хотя этот путь и был мучительно трудным для него, куда труднее, чем путь к фольклорным истокам...

— По романам отца многие пришли к православной вере... — рассказывает его сын Василий Дмитриевич Балашов, — но сам он долго не был церковным человеком... Он декларировал, что русский человек должен быть православным, но церковь и молитву оставлял старушкам. В его романах, если внимательно перечитать их, прослеживается эта борьба ума и сердца... И тем не менее процесс духовного созревания шел в нем... А человек, который вооружается познанием Бога, становится опасным для сил зла и поэтому вокруг него и сгущались тучи. Много раз отец попадал в автомобильные катастрофы, случались с ним и другие неприятности... Но Бог берег его, давая время постигнуть самое главное. Последний год отец почти физически ощущал это... Он лихорадочно торопился доделать то, что не успел... Он объехал всех своих внуков... Дописал последний роман... Доделал дом в Козыневе... Но меня, как православного человека, больше всего радует, что в самом конце жизни, буквально за неделю до трагической кончины он успел исповедаться и причаститься. И сейчас мы можем говорить, что умер он православным человеком, церковным человеком...

Продолжая эту мысль, скажем, что Дмитрий Михайлович *многое мог*. Но, забегая вперед, скажем, что он *не мог* не успеть исповедаться и причаститься... Разве не об этом он писал за десятилетие до своей кончины...

*Возле елок и осинок
Оседает грязный снег.
Исполать тебе, Россия,
Исполать тебе вовек!*

*Серый цвет твоих развалин,
Косогоры да вода,
Да над сказочною далью
Зависают провода.*

*Словно тем вон косогором
Шли в лаптях, за ратью рать,
Не рифмованным укором
В порубежье умирать.*

*А над речкою-калейкой,
Где осока да пустырь,
В незапамятные лета
Сергий ставил монастырь.*

*И за синими холмами
Ото всех лихих времен
Бородатыми волхвами
Город Китеж потаен.*

*Вот теперь уже взаправду
Увлажнились глаза,
Вот теперь уже в награду
Даже эти небеса.*

*Даже серость, даже сырость,
Даже облачная хмарь.
Исполать тебе, Россия,
Принимай меня, как встарь.*

*Никуда-то мне не скрыться,
Сколь ни стану колесить —
Надо Сергию молиться,
Надо Богу послужить!*

Через одиннадцать лет совместной жизни Балашов обвенчался со своей женой Ольгой Николаевной.

«Я, наконец-то, «дозрела», — рассказывает она. — Роспись росписью, а венчание — это очень серьёзный шаг для меня. Всё думала, могу ли взять на себя такую ответствен-

ность — ведь теперь мы отвечали друг за друга перед Богом. За Дмитрия я не волновалась, а за себя боялась: вдруг подведу, что-то сделаю не так».

Не подвела... Она была рядом с Балашовым, может быть, в самые его трудные годы, до последних дней...

«К НЕОТМЕНИМОМУ КОНЦУ»

«Дай, Господи, обрести силы для задуманного днесь труда! Это не предисловие, это молитва. Дай, Боже Господи, мне, человеку неверующей эпохи, описать человека верующего! Дай, Господи, мне, грешному и земному, описать человека неземного и безгрешного. Дай, Боже, совершиться чуду! Ибо это подлинное чудо: суметь описать человека, столь и во всем и по всему высшего, чем я сам, человека, на такой высоте стоящего, что и поглядеть на него раз — уже закружится голова. Дай мне, Господи, поверить, а ведь я не верю, ничему не верю, что было с ним чудесного и чем был он сам. Не верю, но знаю, что был он, и был такой, и даже лучший, чем тот, что описан в «Житиях», ибо даже и в житиях не видно его дел духовных, его непрестанных дум, не видно света, исходящего от него, а лишь то, что освещал он светом своим. Видны плоды произросшие, и не видно, не дано увидеть творения плодов.

Дай, Боже Господи, свершить невозможное! Дай прикоснуться благодати, дай прикоснуться хотя бы края одежды его! Ибо в нем — Свет, в нем — Вера, в нем и из него — моя Родина» (Дмитрий Балашов).

«Государи Московские» — незаурядный пример в современной отечественной исторической романистики... — писал Лев Николаевич Гумилев. — И хотя каждый из этих шести романов можно прочесть в качестве самостоятельного произведения, все вместе они представляют собой целостное, неразрывное историко-художественное полотно, охватывающее огромный и крайне значимый в отечественной истории промежуток времени — с 1263 г. (смерть кн. Александра Ярославича Невского) до середины XIV в. (создание Московской Руси и Великого княжества Литовского). И эта столетняя историческая картина со многими десятками исторических и созданных воображением писателя лиц воссоздана Д. М. Балашовым *погодно*».

Действительно... Выстроенное Дмитрием Михайловичем Балашовым здание эпического повествования, рассказывающего о рождении государства Российского, поражает своей красотой и гармонией. Сюжетные линии, пронизываю-

шие все романы цикла, создают целостную картину жизни русского общества XIII—XIV веков... И приходится только сожалеть, что и этот самый главный труд Балашова остался незавершенным...

«Силы уходят, время уходит, но этот отрезок русской истории я завершил — уже вышел седьмой роман «Государей...» — «Святая Русь», завершающий рассказ о XIV веке, — говорил сам Дмитрий Михайлович Балашов незадолго до своей кончины. — Часть своей работы я выполнил, но лишь часть. Таким образом, если рассматривать мою жизнь последовательно, то можно констатировать, что ни в одном звене она не состоялась. Я не закончил «Государей Московских» — «карамзинский» цикл, как планировал, у меня не получился; не получился и мой свадебный цикл. Как журналиста меня быстро «прикрыли», хотя я мог писать критические статьи, рецензии об архитектуре и живописи — это мне понятно и близко, но и это тоже не состоялось.

При том, что я — автор девяти романов, нескольких серьезных работ по фольклористике, сборника баллад, сборника сказок, двух сборников свадебных обрядов, при всём этом у меня внутреннее ощущение, что я — *неполучившийся человек*, который не выполнил ни одной из задач, которые мог выполнить...»

Эта самооценка собственных свершений могла бы восприниматься как преувеличенная скромность, даже как некое кокетство крупного ученого и большого писателя, но слова эти были произнесены почти накануне завершения жизненного пути, и отнестись к ним нужно со всей серьезностью.

Почему в конце жизни у Балашова возникло ощущение о себе как о *неполучившемся человеке*, объяснить не трудно... Это, собственно, и не балашовское ощущение, это ощущение практически всех русских людей, подошедших в те годы к пенсионному рубежу.

Облепившие полуспившегося Ельцина молодые реформаторы жадно и торопливо спешили сколотить состояния, обворовывая в первую очередь как раз пенсионеров. Разумеется, Дмитрий Михайлович пенсионером никогда не ощущал себя. В перевалившем шестидесятилетний рубеж Балашове по-прежнему бродили немеренные силы. Но теперь эти силы были направлены не на завершение грандиозной эпопеи, а прежде всего на поиск какого-то *своего* места в новой России.

В девяностые годы Дмитрий Михайлович из приверженцев Ельцина превратился в сторонника Зюганова, он писал письма и статьи, агитируя за КПРФ, но внутренне осознавал, что и это не его место.

Очень много в эти годы Балашов ездит по свету. Помимо частных заграничных поездок он дважды совершает плавание на паруснике «Седов» вокруг Европы, ездит в славянский ход, колесит — это в его-то возрасте! — на автобусе по восточной Европе... Из каждой поездки он привозит очерки. «На «Седове» вокруг Европы», «Любовь», «Приднестровский дневник»... Очерки эти сразу же публикуются, но как это было в девяностые годы со всей отечественной литературой, уже не рожают никакого отклика среди читателей, забывших в заботах и беспросветной нужде о том, что еще десятилетие назад казалось главным... И, разумеется, не приносят эти публикации никаких ощутимых гонораров. Но Балашов не сдаётся, он продолжает искать свое место в новой России с таким же упорством, с каким искал его после завершения «театраловедческого» факультета.

Повесть «Деметрий из Херсонеса» не вписывается в устойчивый круг интересов Д.М. Балашова (с Херсоном, кроме родительской квартиры Е.И. Влазновой и ее эпопеи, связанной с «обменом» этой квартиры, ничто и не связывало Дмитрия Михайловича), но повесть и писалась, кажется, не из стремления сказать что-то необходимое, а как попытка более успешного осуществления себя в новой литературной реальности...

«Съездить в Турцию удалось на деньги спонсоров — директор ликероводочного завода сделал широкий жест: купил мне путевку, — рассказывал Дмитрий Михайлович. — А потом, когда я сказал, что этого мало, второй раз меня туда отправил. Правда, после этого не стремится со мной встречаться, видимо, считает — хватит...»

Не очень-то успешной оказалась и написанная по результатам поездки повесть. Ее напечатали. Но и она ни успеха, ни денег не принесла Балашову.

Отмечен был Дмитрий Михайлович в эти годы и литературными премиями, но и они — достаточно скромным было материальное наполнение их! — существенно улучшить его жизнь не смогли. Кроме того, и победы, и торжества тут же заносило самым отвратительным мусором нищенской жизни...

«25 мая 1998 года. Начальник УВД Новгорода Г.В. Крылов сообщает, что по заявлению Балашова проведена проверка. Факты, изложенные в Вашем заявлении, подтвердились. В возбуждении уголовного дела в отношении Вашего сына Балашова А.Д. отказано по ст. 113 и 5 п.2 УПК РФ. Сувенирный нож, взятый им без Вашего разрешения, он обещает вернуть в ближайшее время. По поводу возврата им

Ваших денег вы в праве обратиться в Новгородский городской суд».

Тут не так уж и важно, насколько неправ был Арсений Дмитриевич Балашов в своем проступке, и насколько прав был Дмитрий Михайлович, прибегнув для разрешения проблемы, возникшей в отношениях с сыном, к правоохранительным органам... Важнее то, что шаг, на который вынужден был пойти Дмитрий Михайлович, ранил его все-таки сильнее, чем Арсения.

И то, что Дмитрий Михайлович все-таки сумел подняться над засасывающей его пучиной отчаяния нищеты, сумел в последние месяцы жизни перешагнуть **через бездну** (так он назвал одну из лучших своих статей), можно назвать настоящим подвигом писателя.

«Я, приближаясь к неотменимому концу жизненного пути, всё больше тревожусь о судьбе России и все меньше о своей собственной, и к тому же, по своему несносному всегдашнему обыкновению, оказываюсь в вечной оппозиции к существующему режиму... — написал он незадолго до своей смерти. — И мне, в предвидении собственного конца и в опасении конца России, хочется именно теперь собрать воедино «передняя и задняя», «оба полы сего времени» и высказаться, возможно, в последний раз! Помогут ли чему-нибудь слова, даже напечатанные, — Бог весть! Но внутренняя потребность высказаться властно толкает меня к бумаге...»

Народ вымирает. Живые силы страны — как опоенные. В страшном сне не приснилось бы еще лет пятнадцать назад то, что делается, по сути, с благословения руководства России!»

В последние годы жизни, Дмитрий Михайлович торопился сказать самое главное, что должен был сказать... «Надо делать, надо совершать поступки. Этого требует от нас Господь Бог...» Эти слова Дмитрия Михайловича Балашова прозвучали на Соборной встрече «Духовно-историческая и православная темы в современной художественной литературе», посвященной исторической литературе», проходившей в Москве в феврале 1998 года.

Задумавшись, Дмитрий Михайлович пояснил тогда свою мысль.

«Я скажу, что мне приходилось жить в деревне, держать скотину и так далее, и я заметил такую вещь, что когда ты все до предела силы напрягаешь, каким-то образом тебе оказывается помощь, — сказал он. — У тебя раскидано сено, тучи волочатся на такой вот высоте, а дождя нет, пока ты не собрал, но ты должен работать, как сволочь, потому что малейшая ослаба, которую ты себе даешь, она видна сверху, это

касается и личности, и народов в целом. Не надо давать себе этой ослабы».

Совершать поступки... Не давать себе ослабы...

Дмитрий Михайлович не просто произносил эти советы, насущно необходимые каждому русскому человеку, попавшему в жернова уходящего тысячелетия, он воплощал их в себе, он излучал их даже, когда молчал...

Про Балашова нельзя сказать, что он жил в гуще народной жизни. Он жил этой народной жизнью. Не изменил он своему обыкновению и в Новгороде. Здесь, в деревне Козынево, в краю, где обитало древнее племя словен, подобно своему герою ратнику Федору, поднял Балашов свой последний светлый и просторный дом, с кружевными оконными наличниками и балконом, подпираемым мощными резными колоннами, который «высоким своим челом смотрел на стихию слияния священного Ильмень-озера с небесами».

Этот дом Дмитрий Михайлович продолжал строить практически до последнего дня своей жизни... Дом, в котором и оборвалась его жизнь...

Финал жизни Дмитрия Михайловича в каком-то смысле закономерен... Он говорил: «Мы должны вновь стать нацией, возлюбить братию свою во Христе, отважиться на соборные деяния по спасению страны, а не грабить Россию и друг друга да вывозить капиталы за рубеж». С такими взглядами трудно было ужиться с новыми хозяевами России. Русскость, которую воплощал в себе Дмитрий Михайлович Балашов, подлежала уничтожению...

Говоря так, я отнюдь не собираюсь утверждать, что существовал некий заговор каких-то сил, направленный на уничтожение писателя Балашова. На рубеже тысячелетий это уже и не нужно стало. Мы все свидетели, как в эти годы сама русскость разрывала жизни русских людей, оказавшихся в пространстве тоталитарной русофобии.

«Сейчас передо мной стоит фотография Дмитрия, последнего дня, снятая накануне его июньского отъезда из Петрозаводска, глаза у него грустные, и в лице какое-то печальное ожидание. Словно предчувствие близкой беды, — писал С.А. Панкратов. — В нем была какая-то окончательная печальная усталость. Его попросил об интервью сотрудник литературной редакции карельского радио. Разговор состоялся и продолжался около четырех часов. Балашов выглядел утомленным, хотя ни разу не терял нить беседы. Ведущий предложил прерваться, закончить интервью, но Дмитрий Михайлович ответил: «Ничего-ничего, спрашивайте, когда теперь удастся встретиться, да и удастся ли...»

Дмитрий Михайлович приехал тогда, за месяц до гибели, в Петрозаводск, чтобы поучаствовать в 60-летнем юбилее журнала «Север». В Петрозаводске в эти дни жара стояла под сорок градусов. В цивильном костюме, который он надел вместо привычной косоворотки, Балашов выглядел подавленным и усталым. Друзьям он рассказывал, что в июле собирается поехать на машине по древнерусским городам, чтобы затем завершить работу над романом «Юрий»...

«В пятницу, перед его отъездом, мы пробыли вместе с часу дня до девяти вечера, говорили, делились планами, вслух думали о близком будущем, — вспоминал С.А. Панкратов. — У Михалыча был усталый вид, он сетовал на стенокардию, и я посоветовал ему отложить возвращение в Новгород хотя бы еще на сутки: отдохни, не садись за руль в нездоровье. Он вроде обещал именно так и поступить. Но ночью встал и уехал».

Через несколько часов пути машина Балашова перевернулась и легла в кювет. Но сам Балашов остался жив. Проезжавшие мимо автомобилисты помогли ему выбраться из машины и отвезли в больницу Лодейного Поля... В ГАИ потом решили, что Балашов заснул за рулем. Сам он ничего не помнил — очнулся в машине, которая везла его в больницу. Сотрясение мозга, скальпированная рана головы, множественные ушибы. От машины остались только колёса.

Это случилось ночью на 26 июня 2000 года. Балашову оставалось еще двадцать дней жизни.

«Я с мальчишками была в деревне, — вспоминает Ольга Николаевна Балашова. — Что-то подняло меня в пять, ворочалась, уснуть не могла, встала и начала красить окна. Мы как раз затеяли ремонт в доме. Вечером, приехав в город, узнаю, что Дмитрий в больнице в Лодейном Поле. Звоню, врач сказал, что недели через две выпишут... На следующее утро сроки лечения сократились до недели, вечером — до трёх дней, а на утро: «Забирайте, он всё равно не лежит, а на стоянку к машине бегают!»

Вечером старший сын Балашова, Василий, живущий в Петербурге, привёз отца домой, в Новгород.

«Открываю дверь, — рассказывает Ольга Николаевна, — стоит с забинтованной головой, в окровавленном пиджаке, глаза несчастные (но это больше от лежания в больнице: не любил больниц, всё что угодно, только не это!). Спрашиваю, что его в ночь понесло ехать из Петрозаводска?»

Толя Доспехов, когда звонил, сказал, что умолял его остаться до утра. В ответ: «Оля с детьми в деревне одна. Поеду».

Последние два-три месяца Дмитрий боялся за нас с ребятами. Чувствовал, что-то должно случится, и именно в Ко-

зынево. Считал, что с ним, мужиком, всё будет в порядке, а вот мы... «Если с вами что-то случится, я не знаю, как буду жить». С весны не настаивал на частых поездках в деревню, хотя раньше старался как можно чаще и надолго убегать из шумного города».

После этой аварии Ольга Николаевна настояла, чтобы Балашов проверился в областной больнице: всё-таки травмы были серьёзные. Несколько дней вместе с Ириной Семёновой, заместителем главврача, Ольга Николаевна таскала Балашова из одного кабинета в другой.

— Девки, — сказал им врач, проверявший сосуды головного мозга. — Что вы издеваетесь над мужиком? Да если мы доживём до его возраста, и у нас будут такие сосуды, то считайте, мы здоровы!..

Нельзя без волнения перечитывать воспоминания Ольги Николаевны Балашовой о последних днях жизни Дмитрия Михайловича...

В субботу 9 июля ходили на службу в недавно выстроенную деревенскую часовенку. Туда Ольга Николаевна вела Дмитрия Михайловича за руку, несколько раз по пути — часовня находилась в ста метрах от дома! — останавливались, отдыхали. В часовне Ольга Николаевна оставила Дмитрия Михайловича с ребятами, а сама вернулась домой, надо было приготовить обед.

«Вдруг бежит сам (именно бежит!): «Дай банку. Святой воды принесу. Причастился». И всё — хвори, усталости как не бывало».

10 июля Ольга Николаевна уезжала с детьми к родителям под Выборг. Словно предчувствуя беду, она попыталась отменить поездку.

— Может, не поедет мы... — сказала она. — Ты плохо себя чувствуешь, только швы сняли, ну, съездим зимой, ну...

— Поезжайте, — жёстко оборвал ее Балашов. — Сготовь что ни то. Справлюсь, не волнуйся. Буду сидеть в деревне.

«Ребята первыми выбегают из дома. Нетерпеливый Никита уже у калитки приплясывает. Ваня обнимается с отцом, договаривают, что будут ещё ремонтировать и как. Шепчутся, отец целует Ивана. Тот буквально приклеивается к отцу. Папа для него всё. За отца и в огонь, и в воду.

Возвращаю мелкого от калитки: «С папой забыл попрощаться». Тот подбегает, обнимает, чмокает и бегом на улицу. «Мам, автобус. Мам».

Подхожу к Дмитрию. «А может, всё же не ехать?» «Поезжай», — уже спокойно, умиротворенно. Он в этот день был

какой-то просветлённый. Обнялись, поцеловал. Защищало почему-то у меня в глазах.

Не было такого никогда раньше при расставаниях, хотя Дмитрий уезжал и на недели, и на месяцы в поездки, а тут на тебе! Слёзы наворачиваются, сентиментальной становишься, матушка!

Пошла к калитке за ребятами. Выходя, оглянулась. Мой Дмитрий, Дюка, как я его называла, смотрел на нас, улыбался с какой-то грустью.

И опять, в очередной раз я утонула в глазах мужа. Появилось чувство, что вот он стоит на том берегу реки, а мы как бы по другую сторону. И почудилось (почему?), что мы никогда не увидимся, что прощаемся навсегда. Гнала от себя плохие мысли, идя к автобусу. Передо мной были его глаза.

И потом, у родителей...

Не было обычной радости от поездки, я была как замороженная».

В Козыневе, в последние дни жизни, Дмитрий Михайлович работал над своим последним романом «Юрий», где «холод шел из далеких пространств, пересекал великую Русскую равнину и, вырвавшись из объятий северных лесов, зрел, набирая силу. Холод нес колючую снежную крупу, взъерошивал конскую шерсть, а кони тихо недовольно ржали, отворачивая морды от ветра, а овцы сбивались в плотную неразличимо-единую массу тел, спин, голов — массу, что текла, переливаясь по ярам и долам, текла безостановочно, как серые осенние облака»...

В этом романе о Руси, перенимающей у Великой Орды государственную силу и примеривающей принимаемый на себя простор, князь прячет лицо от жгучего ветра и думает, глядя на бесчисленные отары, что да, действительно, тут, в степи, некуда спешить и только ежегодные перекочевки с несметным перегонном скота разнообразят эту жизнь, повторяемую и вечную, как само время. Жизнь, лишённую ярости, надежд, потоков весенней влаги, пахоты, влажной, испаряемой сохой земли, чуда весеннего обновления и оранжевой грусти осенних рош.

С поразительным мастерством удалось передать Дмитрию Михайловичу Балашову сам ход рождающейся в князе державной мысли, которая изменит историю и выведет Русь в пространство, где «волнообразное кольхание травы, да орлы по курганам, да каменные бабы там и тут, оставленные утонувшими во времени давно исчезнувшими народами, да медленный ход караванов, бредущих от рубежей Китая к городам далекого отселе, вечно беспокойного и предприимчивого Запада»...

Об этом был задуман последний роман Дмитрия Балашова. Дмитрий Михайлович не дописал его. Повествование оборвалось на двадцать первой главе, где хан Улу-Мухаммед пытается осмыслить пройденный Великой Ордою исторический путь, когда «в невозвратном прошлом остались суровые ханские суды, непреклонная власть Чингизидов и верность нукеров, готовых выполнить любой приказ повелителя. Где-то на дорогах истории были потеряны законы Ясы, верность и честь степных богатуров, обеспечивающая единство степной державы и ее власть над миром. Ну пусть не над всем миром! Но над тремя четвертями мира, пока не был в спорах и сваргах потерян Китай, пока не погибла династия Хулагу в Иране, пока когда-то раздавленная Польша не начала грозно надвигаться на земли восточных славян...»

Улу-Мухаммед напряженно думает о том, что ему «надобен союзник и друг на Руси. Паче всего — друг!» и, перебирая возможные варианты, он привстает, вслушиваясь в какой-то чужой шум за войлочными стенами юрты...

Возможно, такой же непонятный чужой шум за стенами козыневского дома различил и Дмитрий Михайлович Балашов, записывая на кухне дома в Козыневе последние слова о нукерах у входа в юрту, о молодой рабыне, что проходя мимо с ворохом одежды, жадно и ласково заглянула ему в глаза...

«Улу-Мухаммед знал, что он красив... — успел еще записать Дмитрий Михайлович. — В Киеве и в Троках молодые паненки и литвинки знатного рода заглядывались на него...»

ОТЦЕУБИЙСТВО

«Мы должны вновь стать нацией, возлюбить братию свою во Христе, отважиться на соборные деяния по спасению страны, а не грабить Россию и друг друга, да вывозить капиталы за рубеж» (Д.М. Балашов).

Что случилось в деревне Козыневе в ночь с 16 на 17 июля 2000 года, так до сих пор и осталось невыясненным до конца... Соседка Н.Н. Тарасова видела, что в шесть часов вечера Дмитрий Михайлович приехал на своей «Ниве». Поставил машину во дворе и ушел в дом. Ночью Тарасова обратила внимание на свет в окнах балашовского дома, а утром, когда проснулась, в доме никого не было видно. Не было и машины во дворе...

В ту же ночь ограбили городскую квартиру Дмитрия Михайловича Балашова. «Обе входные двери были открыты ключом, из квартиры были похищены деньги, золотые украшения, были приготовлены к выносу ценные старинные кни-

ги, иконы, компьютер, видеомаягнитофон, телевизир. Все эти вещи были сложены возле входной двери, но что-то помешало вораи, и они не довели свой преступный умысел до конца». Впрочем, это заявление Ольга Николаевна Балашова сделала, когда вернулась из Выборга, а тогда только сработала сигнализация, но прибывший милицейский наряд никаких следов проникновения в квартиру не обнаружил.

Тем не менее решили известить хозяина и дали знать о происшествии в Козынево. Глава сельсовета Андрей Кузьмин отправился разыскивать Дмитрия Михайловича, и обнаружили, что дом открыт. На кухне, на столе, стояла бутылка водки и лежала рукопись романа «Юрий», оборванная на недописанной строчке... Самого писателя нашли в мастерской... Труп, прикрытый байковым одеялом бежевого цвета, лежал на спине и был заброшен сверху досками и мусором. Видно было, что Дмитрий Михайлович пытался вырваться, но убийца снова настигал его — в разных местах мастерской темнели лужи крови, потеки ее остались и на сложенных возле верстака досках, хватаясь за которые, Дмитрий Михайлович пытался удержаться на ногах.

Сразу же выяснилось, что убийство было совершено с необыкновенной жестокостью. Вначале Балашова били тяжелым брусом, схваченным с верстака мастерской. У Дмитрия Михайловича оказались переломанными ребра. Руки, которыми он прикрывал голову, были покрыты ссадинами и царапинами... Переломлены оказались кости свода и основания черепа «с ушибом вещества мозга и кровоизлиянием под оболочки, чем был причинен тяжкий вред здоровью, который мог закончиться смертельным исходом». Однако и после всего этого ужаса писатель был еще жив. И тогда ему накиннули на шею веревку и начали закручивать ее, пользуясь для этого слесарным молотком... Смерть Дмитрия Михайловича Балашова «наступила от механической асфиксии в результате сдавливания органов шеи петлей при удушении». Смерть эта (удушение происходило медленно) должно быть, была особенно мучительной для жертвы.

Угнанную «Ниву» оперативная группа УВД обнаружила в парке у Новгородского кремля.

Под подозрение сразу попал 22-летний Арсений Дмитриевич Балашов, ранее судимый за незаконное хранение оружия и остро нуждавшийся в деньгах. Отношения с отцом, как мы уже говорилось выше, у него были напряженные. Арсений судился из-за квартиры в Новгороде, где был прописан. И где жил теперь отец с мачехой...

18 июля в интервью корреспонденту газеты «Сегодня» начальник УВД Новгородской области Александр Богданов заявил, что он не может пока сказать, будет ли предъявлено обвинение Арсению Балашову. «Мы отработываем не только версию Арсения, но и ряд других, проверяем всех людей, с кем в последнее время контактировал Дмитрий Балашов, — сказал он. — То, что имя Арсения было названо в связи с убийством, тоже не случайно: его поведение, образ жизни, постоянные ссоры с отцом, судимость свидетельствуют не в пользу подозреваемого. Кроме того, всем известны имущественные притязания Арсения, по поводу чего в прошлом году отец с сыном даже судились. Но, повторю, версия отцеубийства не единственная».

Арсения искали, но 19 июля в сопровождении адвоката Московской коллегии адвокатов он сам пришел в прокуратуру, чтобы предъявить свое алиби. Он утверждал, что накануне убийства уехал в Санкт-Петербург, где и пробыл всё это время, и о самом преступлении узнал из телевизионных новостей. Еще он сказал, что не знает, кто мог совершить убийство.

Арсений был задержан и помещен в изолятор временного содержания. 20 июля, когда Дмитрия Михайловича хоронили, Арсения на траурных церемониях не было. Впрочем, как сказал тогда корреспонденту газеты начальник УВД Александр Богданов, сам задержанный (Арсений был заключен под стражу только 21 июля!) и не хлопотал, чтобы присутствовать на похоронах отца.

С самого начала стало ясно, что раскрыть это преступление будет нелегко. Не было никаких свидетелей, не осталось в доме никаких отпечатков. Не обнаружили их и в угнанной «Ниве». Правда, как уже было сказано, Ольга Николаевна Балашова подала заявление о краже из городской квартиры денег и золотых украшений, но объединять эти дела не стали. В принципе, свои резоны для этого были.

Если преступники собирались ограбить квартиру в Новгороде, то непонятно, зачем им потребовалось ехать в Козынево и убивать там хозяина квартиры. Чтобы завладеть ключами? Но, право же — не такие уж мудреные запоры стояли у Балашовых на дверях новгородской квартиры — можно было найти и более простой способ проникновения в квартиру. Да и «Нива», брошенная просто так, тоже не свидетельствовала о том, что преступники были обыкновенными грабителями. Поэтому, наверное, и не стал следователь связываться с ограбленной квартирой. Ну а кроме как за Арсения, явившегося 19 июля в прокуратуру, чтобы предъявить свое алиби, следствию не за что было уцепиться. Немало времени ушло

на то, чтобы разбить алиби Арсения, но спустя пять месяцев Арсений все-таки признался, что в ночь убийства находился на месте преступления.

Согласно его показаниям, вечером 16 июля 2000 года он приехал в Козынево вместе со своим товарищем по бару «Русский бильярд» Евгением Михайловым, чтобы покупаться, помыться в бане, попить пива... До Козынево приятели добрались на попутке. Была уже поздняя ночь, когда они подошли к отцовскому дому. Дмитрий Михайлович, как утверждал Арсений, был предупрежден и ждал их. Показав Михайлову дом, все троем устроились на кухне и выпили несколько рюмок водки «Новгородское вече»...

Отметим тут, что экспертиза не обнаружила следов алкоголя в крови Дмитрия Михайловича Балашова, и это позволяет сразу опровергнуть показания Арсения... Однако одной только откровенной ложью содержание этого рассказа не исчерпывается. Бутылка водки «Новгородское вече», поставленная на стол рядом с листьями оборвавшегося на полувздохе повествования о трагедии, которая снова должна обрушиться на Русь, чтобы задержать почти на столетие ее победное расширение в отведенное Богом пространство, — это не просто совпадение. Это некий символ того, что на самом деле совершалось в ту ночь в Козыново...

Впрочем, дослушаем рассказ Арсения до конца. За рюмкой водки, которую Дмитрий Михайлович не пил, якобы завязался разговор. Говорили о жизни вообще и молодежи в частности, и Дмитрий Михайлович якобы начал учить сына и его приятеля жизни. Заскучав, Арсений поднялся на балкон покурить. Он слышал, как Дмитрий Михайлович повел Михайлова в мастерскую показывать свои поделки из дерева. Спустя несколько минут, оттуда послышалась какая-то возня, затем звон разбитого стекла. Когда Арсений спустился в мастерскую, то обнаружил в дверях Михайлова с «потерянным бледным лицом», а на полу лицом вверх лежал отец. Лицо его было в крови. Михайлов объяснил, что они с Дмитрием Михайловичем поругались, и тот хотел ударить его стамеской по голове.

Арсений, как следует из его слов, сказанных в ходе следствия и судебного разбирательства, убедился, что отец мертв и, накрыв труп одеялом, «из-за боязни мести со стороны Михайлова и неверия в правосудие, сообщать в милицию о происшедшем не стал». Забрав ключи от отцовской «Нивы», которые были в одной связке с ключами от квартиры, он покинул вместе с Михайловым место убийства. Позже в городе они договорились никому ни о чем не рассказывать...

Концы не сходились с концами в рассказе Арсения... Евгению Михайлову было двадцать пять лет, окончил всего пять классов, зато уже успел провести пять с лишним лет в местах лишения свободы за разбой с причинением тяжких телесных повреждений. Трудно предположить, что Дмитрий Михайлович Балашов стал бы пить с таким компаньоном, и уж совсем невероятно, чтобы он позволил затеять пьянку, даже не убрав со стола рукопись незавершенного романа!

Невероятно и поведение Михайлова. Всего за пять месяцев до этого вечера он был условно-досрочно освобожден из мест заключения. То есть получается, что если он и совершил убийство Дмитрия Михайловича Балашова, то сделал это на неотбытом сроке... Какие же мотивы были у него, чтобы пойти на новое преступление? Вспышка ярости, вызванная поучениями Дмитрия Михайловича?

С некоторыми натяжками — Михайлов ведь не особенно пьян был! — можно допустить, что Дмитрий Михайлович, действительно, «достал» его. Но, даже допуская, что Михайлов позабыл о своем УДО, что он мог сделать? Ну, обматерить Дмитрия Михайловича, ну, ударить... Но он ведь совершает убийство! И не просто по неосторожности, а очень целенаправленно, закручивая на горле своей жертвы веревку. Невероятно! Невероятно и поведение самого Арсения. Какими бы неприязненными ни были у него отношения с отцом, но отдать его в руки ненормального садиста и не заметить этого — это явный перебор.

Тем не менее у следователя по особо важным делам В. Т. Шайнога рассказ Арсения Балашова вопросов не вызвал. Почему? Да, наверное, по той простой причине, что уголовник Михайлов стал настоящей находкой для следствия. Более подходящего кандидата на роль убийцы трудно было и подобрать.

20 декабря 2000 года Евгения Михайлова задержали, и 22 декабря 2000 года состоялся первый допрос. Допрашивали Михайлова без адвоката, и какие меры убеждения применил к последственному следователь по особо важным делам В. Т. Шайнога, можно только предполагать, но очевидно, что «надавить» на Михайлова было нетрудно.

В судебном заседании 13 ноября 2001 года Е. С. Михайлов расскажет, что «во время предварительного следствия он оговорил себя, так как следователь Шайнога и оперативный работник милиции Ершов С. А. запугали его, заставили отказать от адвоката Пакина и вынудили давать показания не соответствующие действительности».

Еще более откровенно описал Михайлов методы давления в кассационной жалобе. Там он прямо сказал, что после за-

держания ему было предложено «взять всё на себя». В обмен на это ему было обещано, что он «не пойдет по статье 105, часть 2». В противном случае его обещали «закрыть» по другому уголовному делу. Кроме того, в обмен на признание Михайлову были обещаны поблажки. И поблажки эти (ему носили в Новгородский следственный изолятор пиво и сигареты, даже свозили его на встречу с сожительницей) касались не только режима содержания под стражей, но и самого характера обвинения.

«Следователь Новгородской областной прокуратуры мне обещал, что меня будет судить его хороший друг, который за признание в убийстве, которого я не совершал, даст мне восемь лет, и я уеду в Валдайскую колонию, где общий режим, и через год-два выйду по условно-досрочному освобождению».

Как бы то ни было, результатом первого допроса стала явка с повинной, где Михайлов собственноручно признался в совершении преступления, а заодно отказался от услуг адвоката. На допросе Михайлов практически подтвердил изложенную Арсением Балашовым версию убийства...

Он рассказал, что сначала «Балашовы показали ему дом, а затем втроем они сидели на кухне и разговаривали. С отцом Арсения выпили по несколько рюмок водки. Затем тот начал «учить его и Арсения жизни». Арсений куда-то вышел, а Балашов Д.М. повел его в мастерскую и стал показывать какие-то изделия из дерева. Балашов Д.М. продолжал хвастаться, сказал, что «мы, молодые, ничего не умеем делать, а он и дом сам построил, и романы пишет». У него не было желания слушать Балашова Д.М., и он предложил ему пойти допить водку. Тот обозвал его алкоголиком, а Арсения бездельником, стали ругаться. Балашов Д. человек нервный, вспыльчивый, схватил с верстака «какую-то железяку» и пытался ударить его, но не успел, так как он (Евгений. — **Н.К.**) в свою очередь, стал избивать его (Дмитрия Михайловича. — **Н.К.**) попавшимся ему под руку деревянным брусом. Балашов схватил его за одежду, и они вместе упали на пол. Сопротивляясь, Балашов Д. хватал его за шею. Тогда он разозлился, обмотал шею Балашова Д. подобранной на полу веревкой, которую закрутил ручкой молотка и крутил до тех пор, пока тот не перестал сопротивляться. Разбил окно в мастерской и хотел убежать через него, но пришел Арсений. Был возбужден и что именно сказал ему Арсений, не помнит. Арсений, убедившись, что отец мертв, накрыл труп каким-то одеялом и предложил ему быстрее уходить из дома. Поскольку было уже около двух часов ночи и ехать в город было не на чем,

Арсений решил взять автомашину отца марки «Нива». Нашел ключи, сел за руль, и они уехали. Автомашину бросили в Великом Новгороде у памятника Победы. Пошли к нему (Евгению. — **Н.К.**) домой на ул. Чудовскую, дом 4-а, где Арсений забрал свою сумку с одеждой, которая хранилась несколько дней в его (Евгения. — **Н.К.**) квартире. Затем пошли на автовокзал и на первом рейсовом автобусе Арсений уехал в Санкт-Петербург. Одежду, в которую он был одет во время совершения преступления, он выбросил в мусорный бак около своего дома. Через недели две после происшедшего рассказал своей сожительнице Макаровой Елене о совершенном в дер. Козыново убийстве писателя. Не хотел ее расстраивать и сказал, что убийство совершил Арсений».

Конечно же, малограмотный рецидивист Евгений Махайлов подходил на роль убийцы гораздо больше, чем сын убитого. Это не так шокировало общественное мнение и позволяло приглушить резонанс, который вызвало в обществе преступление. Возможно, имелись и более веские основания списать преступление на Михайлова, но это можно только предполагать.

Ну а Арсений Балашов при образовавшемся раскладе оказывался виновным лишь «*в заранее не обещанном укрывательстве совершения Михайловым Е.С. убийства его отца Балашова Д.М. и неправомерном завладении без цели хищения автомобилем*»... 12 января 2001 года мера пресечения ему была изменена на подписку о невыезде.

Однако, если следствие было удовлетворено признанием Михайлова, то потерпевшую сторону — вдову писателя Ольгу Николаевну — такой ход расследования удовлетворить не мог. Следствие откровенно игнорировало важные факты, очевидными были и нестыковки в воссозданной следствием картине преступления. Прежде всего это касалось отсутствия в крови Дмитрия Михайловича Балашова алкоголя и чрезвычайно странного поведения Арсения. Действительно, из мастерской на балконе в ночной тишине всё было отлично слышно, и Арсений просто не мог не понимать, что происходит внизу. Трудно было представить и то, как Евгений Михайлов в одиночку, медленно скручивая молотком веревку, задушил Балашова. Кто-то ведь должен был помогать ему, удерживая жертву.

Тем не менее в удовлетворении ходатайства Ольге Николаевне Балашовой отказали, и 12 апреля 2001 года обвинительное заключение по уголовному делу № 149268 было утверждено, а дело передано в Новгородский районный суд. Но в суде многочисленные нестыковки следствия вскрылись,

и судья А.Е. Соколов «ввиду неправильной квалификации действий обвиняемых, неполноты проведенного предварительного расследования» вернул дело для производства дополнительного расследования...

«Мы посчитали, что у суда есть основания для обвинения Михайлова, совершившего убийство писателя, в более тяжком преступлении, — пояснил тогда судья А.Е. Соколов корреспонденту ИА «Росбалт». — Михайлов обвиняется по ст.105, ч.1 УК РФ, а мы считаем, что преступление совершено с особой жестокостью: писатель задушен жгутом, который затачивали на шее вставленным в петлю молотком, а, кроме того, на теле убитого следствие обнаружило больше двадцати повреждений. У суда были все основания к тому, чтобы применять часть 2 статьи 105. Это один момент. Второй — машину с места преступления угнал сын писателя Арсений Балашов, в чем его и обвиняет следствие. Михайлову обвинение в угоне не предъявлено, хотя от загородного дома писателя, где и произошло убийство, они уехали вдвоем. Суд считает, что в действиях Михайлова в связи с этим тоже есть состав преступления. И предъявить его должно следствие. И, наконец, следствие сочло потерпевшим в угоне автомобиля самого писателя Дмитрия Балашова, ему принадлежит автомобиль. Но на момент совершения преступления автомашина принадлежала уже другому человеку. А собственник машины, он же потерпевший, в следственных материалах вообще не фигурирует. И, самое главное, суд считает, что Арсений Балашов тоже виноват в убийстве, а ему вменяется всего лишь угон автомашины и укрытие особо тяжкого преступления».

Прокуратура не пропустила этот удар. Спустя всего неделю, заместитель прокурора Новгородского района опротестовал судебное решение. Поскольку аргументация прокурора П.Ю. Мамкина выражает, как представляется, саму направленность следствия, приведу ее полностью:

«В своем определении суд указал, что не могло быть личных неприязненных отношений между Балашовым Д.М. и Михайловым Е.С., так как они ранее были незнакомы. Действительно, раньше не могло, но они возникли в ходе начала распития спиртных напитков с Михайловым, когда Балашов обозвал его «алкоголиком», а его друга Арсения «бездельником». Этого было достаточно, чтобы между ними, с учетом их личностей, могла возникнуть ссора, перешедшая в драку.

Суд указал, что согласно заключению судебно-медицинской экспертизы у потерпевшего Балашова не обнаружен эта-

нол в крови, что опровергает показания обвиняемого Михайлова о совместном распитии спиртных напитков, и времени наступления смерти Балашова прошло очень непродолжительное время и алкоголь еще не усвоился в кровь, поэтому судебно-медицинская экспертиза ничего не показала.

Михайлов показал, что они выпили по одной рюмке, по грамм 50, незадолго до конфликта. Вместе с тем, сам суд признает, что в этом помещении обнаружены бутылка и посуда.

Что на них нет отпечатков пальцев, ничего не объясняет, так как Балашов Арсений, как и Михайлов, испугавшись содеянного, могли их стереть, что, однако, не указывает на участие Арсения в убийстве...»

Замечательна тут сама логика рассуждений. Требовалось немалое время, чтобы нанести Дмитрию Михайловичу те побои, следы которых были отмечены на его трупe. Требовалось время и для удушения его. И если выпитая водка не успела даже всосаться в кровь, то когда же пил ее Балашов? И как «в ход начала распития спиртных напитков» можно вменить еще возникновение «личных неприязненных отношений»? Но П. Ю. Мамкин не замечает этих несуразностей.

Стремясь оградить Михайлова от обвинения в убийстве, совершенном из хулиганских побуждений и с особой жестокостью, П. Ю. Мамкин употребляет выражения, которые не могут не привести читателя в изумление. Оказывается, «стремление убить» Балашова возникло у Михайлова, только когда Балашов «стал оказывать активное сопротивление», а «избиение потерпевшего длительное время обусловлено было только тем, что Михайлов в это время выполнял только действия, направленные на лишение жизни Балашова Д. и другой цели при этом не преследовал. А когда Балашов Д. перестал сопротивляться, т.е. подавать признаки жизни, Михайлов свои действия прекратил».

Понятно, что язык юридических формулировок не предназначен для выражения эмоций, но все же и за пределы нравственности он тоже выходить не должен.

И остается только подивиться, почему Судебная коллегия по уголовным делам Новгородского областного суда вняла приведенным нами аргументам Ю. Мамкина, и отменила 19 июля 2001 года Определение Новгородского районного суда о направлении дела на следствие и вернула его в тот же суд «для рассмотрения по существу со стадии судебного разбирательства».

13 ноября 2001 года Новгородский районный суд приступил «к рассмотрению дела по существу», и вот тут-то подсудимый Михайлов, сообразив, что никаких поблажек больше

не будет, преподнес следствию сюрприз, полностью отказавшись от данных им в ходе следствия показаний.

«В судебном заседании подсудимый Михайлов Е.С. вину не признал и показал, что 16 июля 2000 года около 22 часов вместе с Балашовым Арсением по его просьбе и для его безопасности, как он (Арсений. — **Н.К.**) объяснял, поехали в дер. Козынево Новгородского района. Оказалось, что в этой деревне живет отец Балашова, который в доме находился один. Он (Михайлов. — **Н.К.**) познакомился с отцом. Затем на кухне разговаривали втроем, он (Михайлов. — **Н.К.**) и Балашов Арсений пили водку, а отец не пил. Через некоторое время Балашов Арсений с отцом спустились в мастерскую. Когда Михайлов по прошествии некоторого времени тоже зашел в мастерскую, то увидел лежащего на полу всего в крови с закрученной на шее веревкой, отца Балашова Арсения. Он понял, что отец Арсения мертв и его убил Балашов Арсений, который стоял над своим отцом, при этом переворачивал его и шарил у него по карманам. Отец признаков жизни не подавал. Затем Балашов Арсений нашел ключи, как он (Михайлов. — **Н.К.**) понял, от автомашины. После этого Арсений накрыл труп отца каким-то одеялом и предложил ему быстрее уходить из дома. До города Новгорода доехали на автомашине «Нива», которая стояла во дворе дома. За рулем был Балашов Арсений. Автомашину бросили в городе у памятника Победы. Вдвоем пошли к нему домой на ул. Чудовскую, дом 4-а, где Арсений забрал свою сумку с одеждой, которая хранилась несколько дней в его квартире. Затем он проводил Балашова Арсения на автовокзал, откуда на первом рейсовом автобусе Арсений уехал в Санкт-Петербург».

Под впечатлением михайловского сюрприза, суд определил направить уголовное дело на дополнительное расследование уже во второй раз. Мера пресечения обвиняемым (Е.С. Михайлову содержание под стражей, А.Д. Балашову подписка о невыезде) была оставлена без изменения. Однако и в этом случае прокуратура не допустила никакого дополнительного расследования.

Заместитель прокурора П.Ю. Мамкин отверг заявление Михайлова о якобы оказанном на него со стороны следствия давлении. Он заявил, что хотя допрос Михайлова в качестве подозреваемого и был 22 декабря 2000 года проведен без адвоката, но, во-первых, производство предварительного следствия по делам об убийствах без отягчающих обстоятельств и не требуют обязательного присутствия адвоката, а, во-вторых, явка с повинной, где Михайлов признался в совершении преступления, написана им собственноручно.

Но на этот раз подобная аргументация не убедила судебную коллегию по уголовным делам Новгородского областного суда, и дело №1-241-22-64 снова было отправлено 17 января 2002 года на доследование.

И снова прокуратура не пропустила удар по своей репутации. Уже 31 января в порядке надзора в Президиум Новгородского областного суда прокурор Новгородской области А.С. Чугунов заявил протест на определение судебной коллегии.

15 февраля 2002 года Президиум Новгородского областного суда отменил определение судебной коллегии и передал дело в Новгородский районный суд на новое судебное рассмотрение.

Весной 2002 года, когда в Новгородском районном суде началось рассмотрение дела №1-1/2002, казалось, что партия в юридический пинг-понг между судебными и следственными органами завершилась полной победой прокуратуры. Теперь судья С.Н. Клубин уже не искал противоречий и неточностей в подготовленных следствием материалах, а последовательно вел дело в указанном следствием русле.

Для Евгения Михайлова прокурор запросил 14 лет лишения свободы в колонии особого режима. В отношении Арсения Балашова (по совокупности преступлений) — три года в колонии общего режима. И хотя в своем последнем слове Евгений Михайлов еще раз подтвердил отказ от показаний, данных в ходе следствия, и заявил: «Я не убивал Дмитрия Михайловича, на моих руках крови нет», суд все-таки вынес наконец-то приговор по делу об убийстве Дмитрия Михайловича Балашова.

22 апреля 2002 года Евгения Михайлова, как и просил прокурор, признали виновным в убийстве по статье 105, часть 1, УК РФ и приговорили к 14 годам лишения свободы в колонии строгого режима. Со своей стороны, к назначенному за убийство наказанию Новгородский районный суд присоединил неотбытое наказание по предыдущему приговору, и в общей сложности теперь Евгению Михайлову предстояло отбывать в колонии особого режима 14 лет 8 месяцев.

Арсений Балашов, который по статьям 166, часть 1, и 316 УК РФ обвинялся в укрывательстве убийства и в «неправомерном завладении» его автомашиной, получил четыре года лишения свободы.

Однако оказалось, что точку ставить еще рано. Адвокат К.В. Пакин, используя многочисленные натяжки и нестыковки, подал жалобу в Верховный Суд РФ. Через год жалоба была рассмотрена. Верховный Суд РФ признал, что Новго-

родский суд не исследовал ряд доказательств и, таким образом, в суде были нарушены статьи 240 и 297 УПК РФ. На этом основании Верховный Суд РФ направил дело об убийстве писателя Балашова в Новгородский областной суд на новое рассмотрение в порядке надзорного производства.

22 сентября под председательством судьи Л.С. Львовой процесс в Новгородском районном суде возобновился. В ходе его подсудимый Е.С. Михайлов дал показания, существенно дополнившие картину преступления... Он рассказал, что, работая в баре «Русский бильярд», он познакомился с Арсением Балашовым, который предложил ему подзаработать, и 16 июля 2000 года позвал за город. Возле Кремлевского парка их ждали белые «Жигули» первой модели. Как понял Михайлов, водитель машины был знакомым Арсения. Он и повез их. Доехали они до окраины Козыново и дальше пошли через поле к дому Балашовых. «У водителя машины был с собою молоток. С задней стороны двора перелезли через забор. Арсений один сходил к дому, что-то посмотрел, затем вернулся и позвал их.

В доме горел свет. Втроем подошли к воротам, где стояла машина. Арсений подергал дверь, она была закрыта, постучал, но никто не открыл. Затем подошли с другой стороны дома. Арсений постучался в другую дверь. Дверь никто не открыл. Арсений стал сильно нервничать, сказал ему (Михайлову. — **Н.К.**), чтобы он пошел к другой двери и стоял «на шухере». Когда он (Михайлов) шел к этой двери, то услышал звон разбиваемого стекла. Он оглянулся и увидел, что Арсений влезает в окно. Он подошел к двери. Из дома раздавались шум, голоса. Через 15—20 минут Арсений открыл дверь, у которой он (Михайлов. — **Н.К.**) стоял, и спросил, всё ли было тихо. Он ответил, что да.

Арсений сказал, что убил отца, который раньше был ему близким человеком, а теперь стал врагом. Предложил пойти выпить водки. Когда они вошли на кухню, то там уже находился водитель, который сидел и курил. На столе стояла бутылка водки «Вече». Арсений предложил выпить, разбросать вещи и уехать. Он (Михайлов. — **Н.К.**) испугался за свою безопасность, не понимал происходящего. Арсений искал ключи, разбрасывал вещи. Затем Арсений обтер бутылку, спросил, трогал ли он (Михайлов) еще что-нибудь? Он ответил, что нет. Затем они втроем стали спускаться вниз.

Когда проходили мимо мастерской, Арсений спросил его, хочет ли он увидеть то, что запомнит на всю жизнь. Он отказался, но Арсений открыл дверь в мастерскую, и он увидел, что на полу лежит тело человека, накрытое одеялом. Арсений

откинул одеяло, проверил пульс, наверное, хотел убедиться, что человек мертв. Затем вынул из кармана (Д.М.Балашова. — **Н.К.**) ключи с брелком, которые забрал с собой. Водитель выбросил за баню гвоздодер, сказал, что доедет своим транспортом, и ушел в ту сторону, откуда они пришли. При этом ничего из предметов в его руках он (Михайлов. — **Н.К.**) не заметил.

Они с Арсением сели в машину, которая стояла во дворе, и на ней доехали до памятника Победы в Новгороде. Арсений управлял машиной в строительных рукавицах, которые впоследствии выбросил в реку. Затем по предложению Арсения они пошли к какому-то дому за вещами, где, как сказал Арсений, он прописан, но не живет. У обувного магазина Арсений кому-то позвонил из телефонной будки. О чем они разговаривали, слышно не было.

Затем пошли дворами. Арсений предложил ему посидеть на скамейке, а сам ушел в соседний дом. Через 15—20 минут Арсений вышел, они дошли до универмага «Феникс» и на попутной машине доехали до дома на ул. Чудовской, где он (Михайлов) проживал с сожительницей. По дороге в машине Арсений передал ему какую-то книгу и попросил сохранить ее.

У него дома Арсений переоделся, снял черные брюки и красную рубашку, пояснил, что специально оделся так, чтобы не было видно крови. Одел песочные джинсы и светлую рубашку. Вещи, которые снял, выбросил возле универмага «Русь», когда они вместе поехали на вокзал для того, чтобы Арсений уехал в Санкт-Петербург.

Арсений настаивал, чтобы он, Михайлов, тоже выбросил свои вещи, чтобы не обнаружили никаких следов. Он пообещал это и впоследствии через одну-две недели отвез свою одежду на дачу.

Когда они были у него в квартире, то вышла его сожительница Макарова, удивленно посмотрела, но он ей сказал, что они уходят, и она легла спать. Когда приехали на вокзал, Арсений купил билет, дал ему около трех тысяч рублей, сказал, чтобы он никому ничего не говорил. Также сказал, что у него есть еще дела, что там должно было быть еще два трупа. Кроме того, надо убрать Новоселова, которому Арсений много чего рассказывал. После того, как Арсений уехал, он (Михайлов. — **Н.К.**) больше его не видел.

В ходе предварительного следствия он признал себя виновным в убийстве Балашова Д.М., однако сделал это под давлением, в силу вынужденной договоренности, которая была у него со следователем, оперативными работниками и

Арсением. Никаких подробностей он не рассказывал, говорил только то, что говорили ему оперативно-следственные работники. За то, что он признавал себя виновным в убийстве, ему привозили сожительницу Макарова в следственные кабинеты, оставляли наедине, привозили его к ней домой, обещали поблажки в СИЗО и мягкий приговор суда».

Трудно настаивать на безусловной правдивости этих показаний, но, безусловно, тут впервые за три с половиной года появилась некая связная, более или менее убедительная версия происшедшего в Козынево. И если бы следствие с упорством, заслуживающим лучшего применения, не проталкивало три с половиной года подряд свою версию о случайном убийстве писателя пьяным уголовником, то, возможно, и удалось бы, проведя дополнительные следственные действия, установить истину. Теперь же (Арсений Балашов повторил свои прежние показания!) суду оставалось руководствоваться лишь субъективными ощущениями правоты или неправоты подсудимых.

4 декабря 2003 года был оглашен приговор: «Михайлова Евгения Сергеевича по ч. 1 ст. 105 УК РФ оправдать в связи с непричастностью к совершению преступления на основании п. 2 ч. 2 ст. 302 УПК РФ. Мера пресечения — заключение под стражу — отменить. Освободить из-под стражи в зале суда».

Помимо приговора суд вынес 4 декабря 2003 года Определение, согласно которому уголовное дело № 1-131/03 направлялось прокурору Новгородской области «для производства предварительного расследования и установления лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого».

Но на свободе Евгению Михайлову погулять не удалось. Оправдательный приговор ему был обжалован представителями государственного обвинения и потерпевшей стороной в коллегии по уголовным делам Новгородского областного суда. 15 января 2004 года коллегия удовлетворила представление прокуратуры и кассационную жалобу потерпевшей стороны. Дело об убийстве Балашова снова направили в Новгородский районный суд.

Процесс возобновился 11 мая, и 2 июня суд признал Михайлова виновным в убийстве и по статье 105, часть 1, УК РФ приговорил его к 14 годам лишения свободы в колонии строгого режима.

После оглашения приговора ранее оправданный подсудимый был взят под стражу непосредственно в зале суда. Поместили его в спецкамеру для туберкулезников Новгородского следственного изолятора.

«У нас нет милиции, — говорил в одном из своих последних интервью незадолго до смерти Дмитрий Михайлович

Балашов. — Наши судебные органы охраняют бандитов. То есть они якобы их не охраняют, но... попробуйте убить бандита. Вам придется, по крайней мере, бежать за границу. Поэтому что у себя на Родине вас посадят, а в лагере добьют дружки того бандита. И всё будет шито-крыто. А милиция скажет: у нас нет доказательств, нет свидетелей...» Произнося эти слова, Дмитрий Михайлович и не догадывался, как точно сойдутся они с расследованием его собственного убийства.

Разумеется, я далек от мысли каким-то образом обелять Евгения Михайлова, но с другой стороны, невозможно ведь и одобрить то, как органы государственного обвинения, не делая никаких усилий для дополнительного расследования, «законопачивают» человека, вина которого в инкриминируемом ему преступлении то признается судебными органами, то опровергается.

Адвокат Евгения Михайлова, К.В. Пакин, указав на многократные нарушения прав своего подзащитного, допущенные в ходе расследования уголовного дела об убийстве Балашова и рассмотрения этого дела в российских судах, обратился в Европейский суд по правам человека в Страсбург. Никакой информации о дате рассмотрения его жалобы в ЕСПЧ нет, но из сообщений стало известно, что какую-то роль в судьбе «законопаченного» Михайлова эта жалоба все-таки сыграла.

24 июня 2011 года РИА Новости сообщило, что «Новгородский районный суд Новгородской области удовлетворил ходатайство Михайлова о смягчении наказания. Суд заменил неотбытые им четыре года семь месяцев и 25 дней колонии исправительными работами на срок в два года с удержанием 25% заработка в доход государству.

Ходатайство поддержали представители ФСИН, отметившие, что за десять лет пребывания в местах лишения свободы Михайлов имел 16 поощрений и ни одного серьезного взыскания. В представлении, поступившем из колонии, говорилось, что Михайлов, отбывший две трети срока наказания, «вину признал и раскаялся», хотя ранее в судебных процессах Михайлов вину отрицал. Рассматривали это ходатайство, на всякий случай, без участия осужденного...

И тут, в общем-то, можно было бы и поставить точку в этом невеселом повествовании, посвященном отважной борьбе новгородской прокуратуры за свою профессиональную репутацию, только вот в результате мы так и не знаем, раскрыто ли убийство великого русского писателя Дмитрия Михайловича Балашова...

Смерть человека — это не просто завершение его жизни. Это часть ее... Дмитрий Михайлович Балашов не стал тут исключением.

Духовная составляющая его жизни была выражена так явственно и так значимо, что он не мог не притягивать к себе враждебные человеку черные силы и постоянно оказывался в эпицентре их действия и в ходе своей жизни, и после того, как жизнь его оборвалась...

— Что произошло с Балашовым? — выступая на вечере памяти писателя в Санкт-Петербургской духовной академии и семинарии, сказал священник Алексей Мороз. — Во время фольклорной экспедиции прикасается он к остаткам живой народной культуры, и с ним происходит преображение. А что содержалось в народной культуре? Отблеск того духовного света, которым жил русский человек и источником которого являлось православие... Это не было само православие, сам свет, но и отблеска его для Балашова оказалось достаточно, чтобы решительно отказаться от прежнего пути и пойти по другому, где он различил этот духовный свет.

По-другому, но примерно об этом же говорил в те дни и Станислав Александрович Панкратов:

— Из многосерийности сегодняшних российских трагедий складывается и общая избыточно-драматическая картина нашей жизни, — сказал он. — Хочу сравнить ее с горным, шахтным явлением, с которым мне когда-то пришлось столкнуться на Кольском полуострове, называется это явление — стреляние породы. То есть, ты идешь по штреку или работаешь в забое — и вдруг из стены со страшной силой вылетает (выстреливает) камень. Слепой бездумный выстрел природы в никуда, если только на пути этого камня не попадется твоя голова. Это результат страшного давления горных пород, давления, которое ищет выхода и производит внезапный слепой выброс... Стреляние породы. В человеческой жизни подобное стреляние производят, как правило, вовсе беспородные особи-исполнители. Не забудем только, что за всяким умелым стрелятелем стоит заказчик со своим молчаливым прицелом... Но причины схожи: давление. В глубине горы — это давление камня, в жизненной глубине — это давление обстоятельств и общей и личностной безысходности. И чьей-то чересчур глубокой, с дальним заглядом, заинтересованности. И вот теперь мы свидетели, как на пути летящего осколка оказался висок замечательного писателя...

Наверное, это самое правильное объяснение произошедшего. Темные силы не могли простить писателю пренебре-

жения ими. Они затягивали его в черный водоворот, но одолеть — перечитайте последние романы писателя: «Ветер времени», «Отречение», «Святая Русь» — не могли, и тем страшнее была их бессильная и яростная месть...

И месть эта обрушилась не столько даже на самого Дмитрия Михайловича... Все-таки он прожил 72 года, это, в общем-то, не такой и малый жизненный срок, а тринадцать детей и десяток объемистых, полюбившихся сотням тысяч читателей романов — вполне приличный итог жизни. Яростная месть темных сил обрушилась на то исконно русское, *незамутненное*, что Балашов считал главным для себя и что утверждал всей жизнью — на его дом...

Вспомним еще раз слова писателя: «Дом — когда семья, земля. Когда *своя* земля, когда *своя* семья и уж знаешь, веришь, что *своя* и навек». Ведь и «само слово Родина, за которое идут на смерть, начинается здесь, в избе... Всё из этого корня, от дома. Своего. Сработанного своими руками. В своей (и только тогда и своей!) стране...»

И вот чужие люди входят в этот дом, где рядом с чужой бутылкой водки лежит рукопись романа, который так и не успел завершить писатель...

Примерно об этом и думал я 20 июля 2000 года, когда, сбежав из больницы из-под капельницы, сидел вместе с бывшим руководителем нашей писательской организации Иваном Ивановичем Сабилу у ворот Зеленогорского кладбища. Вообще-то почетного гражданина Великого Новгорода Д.М. Балашова поначалу собирались провожать в последний путь по высшему разряду. Для гражданской панихиды была определена Областная филармония, для захоронения — Хутынский монастырь, где похоронен Г.Р. Державин...

Но приехала с детьми из Выборга вдова писателя Ольга Николаевна, и выяснилось, что Дмитрий Михайлович просил похоронить его рядом с матерью Анной Николаевной Гипси, в Зеленогорске. И все пришлось на ходу менять...

В результате, на Зеленогорское кладбище фургончик с телом Дмитрия Михайловича прибыл только к семи часам вечера... Провожали писателя только родные да несколько Санкт-петербургских писателей...

Не скрою, была на Зеленогорском кладбище (не принято на Руси хоронить в такое позднее время!) поначалу и тягость... Было (все-таки не последнего человека в России хоронили!) и недоумение, что даже присутствием самого маленького чиновника не засвидетельствовали власти своего уважения к великому патриоту...

И еще во время долгого ожидания на Зеленогорском кладбище возникало ощущение, что клубятся вокруг темные силы, пытаясь в отместку за свое бессилие омрачить неразберихой похороны писателя... Но такой умиротворяюще-спокойной была сень кладбищенских деревьев, так проникновенно звучали слова священника отца Александра, что стихала смута и ясно сознавалось, что Господь явил Свою милость, даровав Дмитрию Михайловичу такое прощание...

Все регалии писателя Балашова остались в Новгородской областной филармонии, а здесь, перед разверстой могилой предстал раб Божий Дмитрий. И какие другие звания нужны человеку кроме этого?.. Какие еще требуются почести, кроме молитвы, звучащей над его гробом?..

Хоронили Дмитрия Балашова на Зеленогорском городском кладбище рядом с могилой матери, деревянный крест которой он вырезал в течение трех лет. Священник о. Александр на заупокойной панихиде в Зеленогорске сказал: «Наша культура понесла невосполнимую утрату, как и каждый из тех, кто лично знал и любил этого замечательного сына земли русской».

На похоронах Дмитрия Михайловича Балашова я в очередной раз утвердился в убеждении, что все происки и мнимые победы темных сил всё равно оборачиваются полным и безусловным их поражением... И еще думалось о том, что и завершающая земной путь русского писателя Дмитрия Балашова дорога из Новгорода тоже не случайно возникла в церемониале похорон. По этой дороге ходил со своей дружиной Александр Невский, чтобы отразить от Руси нашествие крестоносцев. Эта дорога святого благоверного князя, выбравшего Путь и повенчавшего Русь со степью, и стала последней дорогой автора «Младшего сына».

Немного по-другому, но об этом же, говорил, возвращаясь в Санкт-Петербург, новгородский поэт Руслан Дериглазов:

— Дмитрия Балашова похоронили в рубашке-косоворотке, а я его представляю лежащим в кольчуге и шлеме, а рядом меч. Потому что этот человек был воином, всю свою жизнь он боролся со злом. Зло неоднократно пыталось убить его. И вот подвернулся случай...

Насчет воина сказано точно. Бесконечно мучительна и прекрасна наша история, составленная из бесчисленных судеб наших сограждан, своим терпением и трудом превозмогающих зло и своеволие. И так было все века русской истории, и так осталось и сейчас...

Дмитрий Михайлович и без кольчуги лежал в гробу как воин... Должно быть, точно так же, как и герой его романа — русский ратник Федор...

«Я больше всего боюсь, что Россия не проснется, — говорил Балашов незадолго до смерти. — Мой учитель Лев Николаевич Гумилев любил повторять, что будущее предсказать нельзя, пока не сделаны поступки, которые определяют это будущее... Причина не всегда порождает определенное следствие, из клубка следствий не всегда может быть выбрано самое оптимальное, логичное продолжение. Поэтому мы не имеем права говорить о завтрашнем дне, пока не родились люди, которые определяют этот завтрашний день».

И хотя Дмитрий Михайлович Балашов писал в основном о прошлом, сам он, несомненно, принадлежал к тем людям, которые наш завтрашний день и определяли.

Кажется, на сороковинах писателя, прозвучал рассказ, что внучке писателя приснился Дмитрий Михайлович. Приснилось, что хоронили его, а он рядом стоит. Только хоть и лето, а на нём — зимняя куртка... Потом уже, годы спустя, мне приходилось слышать и от других людей, что они видели похожий сон...

НА РАСПУТЬЕ

Уже практически всем ясно, что та модель развития (ее можно назвать моделью «вашингтонского консенсуса» в интерпретации Гайдара-Чубайса), которая реализуется у нас последние 25 лет, зашла в тупик. Она уже не может дать экономического роста, и ее продолжение означает неизбежную в скором времени внутриэлитную войну, по итогам которой никто из этой элиты не может себе гарантировать безопасность. И, значит, нужно либо менять радикально модель, либо серьезно ее реформировать.

Но беда в том, что за эти 25 лет сменилось поколение, сформировалась устойчивая государственная элита. В рамках этой модели подготовлены учебные заведения, подготовлены люди. То есть возник устойчивый социальный слой, жестко привязанный к этой модели. И в результате ее изменения неизбежна элитная революция, радикальная смена значительной части правящей элиты. Независимо от того, будет ли поставлена такая задача впрямую или нет, смена модели развития таких изменений потребует!

В рамках этой модели была проведена приватизация, в том числе государственных функций, за счет чего обогащаются чиновники. И Кудрин не зря говорит о необходимости

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

продолжать приватизацию: без нее элита, сложившаяся в последние 25 лет, обойтись не сможет, существующий ресурс государства недостаточен.

С точки зрения Путина, который не просто глава государства, но и лидер политической элиты, революция — вещь крайне неприятная. Я даже не говорю о том, что он совершенно не жаждет еще 10 лет быть руководителем страны в состоянии острого кризиса — это вообще сомнительное удовольствие.

По этой причине перед ним очень сложный (и страшный) выбор. Либо смена модели с неизбежной чисткой элиты сверху (а те, кого будут зачищать, будут сопротивляться, Ходорковский тому пример). Либо продолжение действующей модели с неизбежной внутриэлитной войной. И Путин сам поднял вопрос новой стратегии как попытки модернизировать действующую схему. Он пытается сказать: придумайте мне схему эволюции. И все поданные ему программы — это как раз попытки избобрести такую модернизацию.

Но все попытки придумать что-то эволюционное утыкаются в стену, получается такое убожество, что даже неудобно обсуждать. И это определенная катастрофа для Путина. Я думаю, он понимает, что у него всего два варианта. Или он ничего не делает — и тогда, повторю, всё может закончиться неконтролируемой внутриэлитной войной (жертвой которой он сам может пасть). Или же он должен начать целенаправленное истребление собственной элиты — своего рода культурную революцию, как это сделал Мао Цзэдун.

Вот в чем его проблема! Впрочем это нередкое явление. Например, перед таким выбором оказался Ли Куан Ю в Сингапуре. Он тоже ликвидировал частично свою элиту с таким объяснением: «Пока не посадишь двух-трех ближайших друзей, никто не поверит, что ты это всерьез».

То есть проблема не в экономических программах! Проблема в том, что Путин должен для себя четко понять: нет эволюционного пути исправления экономической ситуации, потому что модель зашла в тупик!

Да, если бы была хоть какая-то альтернатива этой управляемой чистке элиты, он бы, конечно, попытался избежать суровых мер. Похоже, он (не будучи специалистом по экономике) все-таки надеется: а вдруг есть какое-то решение: «Друзья, ну вы же такие умные, найдите!»

Вдруг еще удастся договориться с Западом, чтобы тот дал денег. Вдруг по каким-то причинам подскочат цены на нефть, вдруг еще что-нибудь приключится. Но ничего такого не приключается...

Кроме того не будем забывать, какая заваруха может начаться, если он пойдет в атаку. Вспомните, какой поднялся

вой при устранении одного-единственного Ходорковского. А теперь представьте, что нужно убрать двадцать, тридцать ходорковских!

У всех тех, кто являются сегодняшней элитой — теснейшие связи с Западом. И Путину скажут: как же так, как ты посмел тронуть этого человека?! За ним стоят наши деньги! Путин ответит: а с какой стати ваши люди делают то-то и то-то. А ему: а с такой! Это вообще тебя не касается! Мы договорились с нашим человеком, и ты не имеешь права трогать его.

В этой ситуации Путин может что-то сделать лишь при условии, что он говорит от имени народа — и сформирована некоторая общественная позиция. Но этой общественной позиции нет! Она полностью выхолощена, в том числе теми людьми, которых придется «ликвидировать» в процессе «смены караула».

К тому же людей, понимающих, какая может быть альтернативная модель — очень мало. Невероятно мало! И как их привести к власти — тоже непонятно. Потому что если взять одного, его тут же уничтожат. Надо приводить сразу большую группу, одновременно создавая этой группе «силовое прикрытие».

То есть это очень тяжелая и (чего греха таить) кровавая работа. Напомню: чтобы произвести культурную революцию, Мао Цзэдун не просто подготовил несколько хунвэйбинов. Он подготовил миллионы таких! И действовали они предельно жестоко. А ответственность при подобной акции должен будет взять на себя лично Путин!

Делаются ли уже сейчас шаги по подготовке этих новых людей для привода их во власть? Мы не можем знать наверняка. У нас нет информации, чтобы понимать: где признаки чего-то, а где просто случайные вещи. Всегда складываются какие-то коалиции, какие-то группы. Но то ли это просто люди, которые кучкуются вокруг одной из кремлевских башен, то ли идет операция, за которой стоит Путин... Обсуждать это бессмысленно, но каждая минута промедления перед решением только увеличивает угрозы и цену выбора.

Обсуждение программ Кудрина и Титова показало, что эволюции уже быть не может. У этих лидеров достаточно денег, чтобы купить себе любого человека, который мог бы что-то придумать. Раз не смогли — значит, решения нет в принципе.

И всё это означает, что Путин в очередной раз оказался перед серьезной проблемой. Возможно, самой серьезной за весь его немалый президентский срок. И сманеврировать «малой кровью» у него уже не получится.

ПОЛОВАЯ ПЕРЕОРИЕНТАЦИЯ МИНЗДРАВА

Все злокачественные инициативы, угрожающие национальному суверенитету, рождаются на глобальном уровне и спускаются для реализации в национальных государствах примерно в одни и те же сроки.

Не так давно министр здравоохранения Вероника Скворцова озвучила угрозу начать наказывать родителей за отказ от прививок детям, а всем прочим пообещала предусмотреть наказание за пропаганду иных, кроме мнения Минздрава, взглядов на лечение и вакцинацию на основании уже разработанного в ведомстве законопроекта.

Аналогичные инициативы в эти же сроки выдвигались правительствами Германии и Франции, а в США общественность всколыхнула угроза принятия законов, вводящих принудительную вакцинацию и позволяющих привлекать для этого полицию, что уже окрестили «созданием медицинского полицейского государства».

Инициатива российских чиновников стала пробным шагом, который вызвал ожидаемую и пока ещё адекватную реакцию — общественность возмутилась, и Минздрав срочно заявил в СМИ, что его не так поняли.

Прививочный бизнес, как и любая сфера глобального бизнеса, особо не исхитряется в методах — выбирает те из них, что давно проверены и отработаны. В их основе — абсолютизация права на информацию, создание ложных установок, запрет на альтернативное мнение, тактика запугивания, репрессивные меры.

Навязывание человечеству определённых стратегий развития вовсе не нацелено на его расцвет, но, напротив, реализует планы сокращения населения и придаёт тем из национальных государств, кому жить «позволили», характери-

ки «ограниченного существования», которые допустимы исключительно для производства материальных благ в интересах наднационального привилегированного класса.

На наших глазах в геополитическом пространстве извращенцы из физического меньшинства уже давно превратились в политическое большинство — они успешно навязывают миру свою болезненную повестку.

В начале октября забила в набат православная Греция: парламент в первом чтении принял закон «о свободной смене пола» — теперь для этого достаточно будет просто подать письменное заявление. О своей позиции официально заявил святой Афон, с протестами выступили депутаты и общественность: так, депутат Костас Катсикис пошёл даже против мнения своей фракции, заявив, что «новый закон является угрозой для аватона Святой Горы — издревле установленного запрета на посещение Афона женщинами», и потребовал запретить усыновлять детей лицам, прибегшим к изменению своего пола.

Афон также не допустил визита премьер-министра Греции Алексиса Ципраса в административный центр Святого Афона — Кареа: монахи отказались официально оказать ему почести и принять в соответствии с протоколом, а наиболее ортодоксально настроенные из них, братья из монастыря Дохиар, даже вывесили черные флаги с надписью «Вон антихристов со Святой Горы!». Представитель монастыря Ксиропотам в Священном Киноте иеромонах Павел назвал недопустимым приезд главы правительства, «в наибольшей степени способствующего дехристианизации страны» и «искажению национальной идентичности греков».

Православная Церковь — всё ещё действенная сила сопротивления разрушению мира и насаждению идеологии содомии: так, в 2012 году парламент Молдавии под давлением ЕС утвердил закон «*О равенстве шансов*», запрещающий так называемую «гендерную дискриминацию», то есть наделяющий извращенцев приоритетом прав. Законодательная инициатива вызвала скандал в молдавском обществе, а духовенство во главе с митрополитом Кишиневским и всея Молдовы Владимиром объявило о Малом отлучении от Церкви (запрет на таинство Причастия) политиков во главе с премьером, проголосовавших за этот закон.

Инициатива по законодательному облегчению смены пола была одновременно брошена в правовое пространство и других стран. Так, в России на Федеральном портале нормативных правовых актов для общественной экспертизы с 5 октября размещён проект приказа Минздрава «Об утвржде-

нии формы и порядка выдачи медицинской организацией документа об изменении пола».

Если раньше для людей, в том числе, испытывающих соответствующие клинические симптомы и желающих воплотить свои фантазии в жизнь, фильтром служил суд, который принимал окончательное решение о том, что для данного человека смена пола — единственно возможный путь (только после длительного и масштабного медицинского наблюдения и заполнения специалистами большого количества медицинской документации), то предложенная Минздравом инициатива передаёт право на выдачу справки, заверенной обычной печатью медучреждения, врачам психдиспансера.

В документе сказано, что справку № 087/у, «Справка об изменении пола», сможет выдать консилиум из трёх специалистов: врач-психиатр, врач-сексолог и медицинский психолог, а сама справка действительна в течение года.

В «Порядке выдачи» не указан возраст, с которого пациент может требовать начать считать себя представителем другого пола, там также отсутствует упоминание о каких бы то ни было ограничениях.

Для изменения своей сути гражданину достаточно предъявить документ, удостоверяющий личность, и направление, выданное врачом-психиатром по результатам медицинского наблюдения, срок которого составляет не менее полутора лет. После поступления заявления в течение 30 дней «медицинскими организациями и иными организациями, осуществляющими медицинскую деятельность на основании лицензии», выдается справка.

Комиссия по результатам установления «половой переориентации» выносит одно из двух решений: выдать справку или отказать в выдаче справки, что фиксируется затем в протоколе. В справке сказано, что у гражданина такого-то «произошла половая переориентация с (...) на (...)», что «он (она) нуждается во внесении соответствующего изменения в запись актов гражданского состояния», и что «данная информация является конфиденциальной и разглашению не подлежит».

Первая попытка реализации механизма облегчённой «половой переориентации» была предпринята в России несколько лет назад путём «тихого» размещения пункта «подлежит замене в случае смены пола» на обратной стороне зелёной карточки СНИЛС (пенсионного страхования), которая есть у каждого, но позднее общественность всё-таки добилась признания данной записи незаконной.

Честные учёные, которые во всём мире всё-таки ещё сохранились, утверждают, что истинные врождённые расстрой-

ства половой идентичности составляют всего 0,02—0,03%, а вот социальный механизм заражения (кино, реклама, интернет и т.п.), напротив, стремительно увеличивает эту скверну в геометрической прогрессии.

Если представить себе самый деструктивный сценарий реализации минздравовской инициативы по облегчённой выдаче справок о «смене пола», то скоро мы сможем наблюдать частные медицинские центры, в которых врачебные «революционные тройки» за хорошие деньги штампуют документы о новом теле любому, кто к ним обратится: и тому, кто по-настоящему серьёзно болен, и тому, кто на свою беду запутался в сетях массивированной «гендерной» пропаганды.

Андрей АНТОНОВ

БЕЗ КРЕПКОГО ТЫЛА

В последнее время много говорится о противостоянии США, НАТО, коллективного Запада и России. Приводятся примеры дополнительного размещения натовских войск в странах Восточной Европы, хамских действий властей США по отношению к дипсобственности России на американской территории. Дело доходит почти до открытого противостояния на территории Сирии. Уже более 3 лет действуют санкции США и ЕС в отношении нашей страны.

В то же время мы слышим и читаем об укреплении мощи российской армии, об успехах российского военного корпуса в Сирийской Республике, оснащении сухопутных и морских соединений современными образцами техники, испытаниях новых видов вооружений. Это внушает простому гражданину определённую уверенность: Россия сможет постоять за свои интересы. Да, безусловно, есть успехи последних лет в боевом оснащении российских вооружённых сил, укреплении армии. Но...

Побывавшие в Сирии говорят об износе ресурса наших самолётов. О том, что количество единиц американской военно-воздушной техники на базах НАТО в Турции в разы превышает количество нашей аналогичной техники, передислоцированной на сирийские просторы. Сможем ли мы выдержать длительное противостояние в военной сфере? Да и не только в военной, но и в экономической, политической, информационной, идеологической, духовной. Способна ли Россия с её сегодняшним социально-экономическим устройством выдержать борьбу с агрессивной и алчной западной верхушкой, подмявшей под себя значительную часть планеты?

Мощь вооружённых сил зависит не только от наличия в армейских подразделениях современной техники, но и от экономической, идеологической, духовной мощи страны. Это тыл наших армии и флота. Без надёжного тылового обеспечения любая армия будет бита, обречена на поражение. И что тогда будет с Россией?.. Сценарий можно предположить.

Тыл — это не только развитая промышленность и сельское хозяйство, способные обеспечивать армейские потребности в вооружении, обмундировании, провианте, своевременно восстанавливать их. Но это и боевой дух офицеров, солдат, новобранцев, дух населения, способный противостоять врагам. Это средства информационной работы — газеты, теле-, радиоканалы, а сегодня и блогосфера интернета, работающие во благо народа и страны, несущие гражданам государства светлое и доброе, а не пошлость и безнравственность.

Это надёжная работа учреждений медицины, способных оказывать надлежащую медпомощь нуждающимся, учреждений образования, дающих учащимся не только необходимые знания, но и воспитывающих их в духе патриотизма, любви к Отечеству и прививающих особенно мальчикам качества защитника своего Отечества.

Вспомним не такие далёкие годы Великой Отечественной войны. Разве была способна Красная Армия бить ведомые Германией европейские полчища без самоотверженной работы тружеников тыла. Тогда даже появилась очень сильная смысловая связка «бойцы Красной Армии и труженики тыла». Все были вместе, как единый механизм, и били врага. Конечно, находились предатели, их были тысячи. Но ковавших Победу — более 170 миллионов.

По данным ряда исследователей, уже с 1943 года советская промышленность выпускала больше танков, самоходных артиллерийских установок, артиллерийских орудий, самолётов, пулемётов и автоматов, чем Германия. Наша промышленность работала слаженно и без существенных сбоев,

удовлетворяя потребности боевых частей. Страна представляла собой слаженный организм. Во главе министерств, предприятий, армий находились опытные управленцы и военачальники. Среди этих управленцев и военачальников тоже были предатели и саботажники, в семье не без урода. Но их были единицы.

Классическим примером важности тылового обеспечения войск является Итало-Швейцарский поход великого Александра Суворова в 1799 году. С апреля по сентябрь 1799 года русские войска под командованием Суворова вместе с союзниками добились впечатляющих побед над войсками революционной Франции. Италия была практически очищена от французов. Но союзнички, и прежде всего Австрия, озабоченные возможным ростом влияния России в Европе после суворовских побед, саботировали снабжение русской армии.

После поражения корпуса Римского-Корсакова войска Суворова оказалась в предгорье Альп в окружении превосходящих сил противника без продовольствия и с ограниченным количеством боеприпасов. И тогда русский полководец, спасая армию, повёл её через Альпы. 18 сентября (по старому стилю) в монастыре Св. Иосифа на военном совете Суворов произнёс речь, позже записаную со слов Багратиона:

«Мы окружены горами... Окружены врагом сильным, возгордившимся победою... Со времени дела при Пруте, при Государе Императоре Петре Великом, русские войска никогда не были в таком гибелью грозящем положении... Нет, это уже не измена, а явное предательство... Разумное, рассчитанное предательство нас, столько крови своей проливших за спасение Австрии. Помощи теперь ждать не от кого, одна надежда на Бога, другая — на величайшую храбрость и высочайшее самоотвержение войск, вами предводимых... Нам предстоят труды величайшие, небывалые в мире! Мы на краю пропасти! Но мы — русские! С нами Бог! Спасите, спасите честь и достоинство России и её Самодержца!.. Спасите сына его...»

Так способно ли сегодня российское государство обеспечить крепкий тыл для российской армии в ходе противостояния, возможно длительного, со странами НАТО? Вряд ли. Коррупция захлестывает страну. Вроде с ней борются, а на деле... Воруют даже на подрядах Минобороны на строительстве стратегических объектов, и воруют миллиардами.

Хотя в стране существуют различные госкорпорации — авиационная, судостроительная, промышленность в целом раздроблена, планирование отсутствует. Государство сегодня не способно регулировать и контролировать взаимоотношения между производителями. Многие крупные производ-

ства — в частных руках, нередко иностранных. Возможно ли их мобилизовать в критический период? Маловероятно. Российские и иностранные собственники имеют счета, недвижимость на Западе. И их интересы там, за бугром.

Правоохранительные органы, призванные бороться с коррупцией и саботажем, сами коррумпированы. Что они способны эффективно делать, так это разгонять и задерживать митингующих граждан. А наладить свою работу во имя национальных интересов, защищать простых граждан это уже им, сегодняшним, не под силу. Да и защищать простых людей — дело не прибыльное, приработка не даёт.

Много нареканий вызывают сферы медицинского обслуживания и образования. Об этом столько написано... Минобр практически полностью оттолкнул воспитательную функцию. Оказание образовательных услуг — и точка. А как же с воспитанием защитников Отечества, патриотов страны? Русская армия на протяжении столетий славилась своим боевым духом. Героизм русских солдат известен всему миру. И воспитывался он с детства. На это в царские и в советские времена были ориентированы все образовательные учреждения. А сегодня функция воспитания фактически ушла, вернее её убрали, из российских школ и вузов.

Российская армия — правопреемница русской и советской армии. Сегодня русские — это подавляющее число военнослужащих России. Без них армия и флот ничто. Но их боеспособность и боеготовность воинов иных национальностей определяется не только наличием имеющегося вооружения, но и наличием боевого духа, стремлением защищать родное Отечество. Да и гражданское население должно быть готовым отдать свои силы, знания для защиты Родины. Выражение Николая Некрасова «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан» стоит отнести к людям любой профессии. Качества защитника, гражданина не приходят одновременно. Их, повторяю, воспитывают с юности.

Но в правительстве улучшение работы образовательных учреждений видят в ином. Вице-премьер Ольга Голодец, курирующая здравоохранение и образование, на форуме в Сочи в феврале 2017 года утверждала, что пришло время отказаться от прямоугольности классов. Это, по её мнению, приведёт к глобальному повышению качества работы образовательных учреждений... Можно ли ждать изменений к лучшему, когда правительство возглавляют подобные чиновники? Ответ напрашивается сам собой.

В стране каждую пятилетку, начиная с 2000-х, правительство принимает программу патриотического воспитания

граждан. Сейчас действует «Программа патриотического воспитания граждан РФ на 2016—2020 годы». Но кто из читателей знает хоть что-либо об этих программах? Да о них даже госчиновники регионов ничего не знают.

Указом президента от 31.12.2015 года № 683 принята «Стратегия национальной безопасности». Кто знает хоть что-то об этой стратегии? Знакомят ли с ней учащиеся школ, вузов, обсуждается ли эта стратегия на федеральных и региональных теле-, радиоканалах, в иных СМИ, на общественных мероприятиях? В Кремле что-то издали, а госчиновникам — по барабану.

И, безусловно, стоит ещё сказать о роли русского народа. Президент страны называет его государствообразующим. Именно русские собрали воедино сто земель. Именно они сегодня цементируют российские регионы. Именно русский народ является сегодня гарантом независимости и безопасности страны. Важным атрибутом суверенитета и целостности России является русский язык. Этого нельзя забывать. И русские, повторю, костяк наших вооружённых сил. Они производят подавляющую часть отечественных товаров и услуг.

Но как порою пренебрежительно чиновники федерального и регионального уровня относятся к защите прав государствообразующего народа, его традициям и культуре. Это, считаю, прямое вредительство и измена национальным интересам. Российские просторы заполнили миллионы трудовых мигрантов, которые занимают наши рабочие места, обесценивают труд местного населения, совершают теракты и уголовные преступления. Давно известна эта истина: будут сильны русские — будет сильна Россия, и будут жить благополучно все российские народы. Однако сегодня большинство жителей страны апатичны, русские люди устали от производства и униженного состояния в быту и на производстве. Человек не чувствует себя защищённым перед госчиновником и работодателем. Где ныне профсоюзы, способные побороться за права трудящихся? А опустошённый духовно, уставший от унижений человек — плохой защитник.

Крепкий тыл нашей армии может быть обеспечен только в результате качественных улучшений во внутренней политике страны, в экономической, социальной, духовной сферах. Это национализация крупнейших предприятий, планирование хозяйственной деятельности, проведение социальной политики в интересах всего добропорядочного населения, а не в интересах денежных мешков, ориентация средств массовой информации, всех сфер искусства на патриотическое воспитание граждан и т.п.

Необходимо и очищение госаппарата от мздоимцев, саботажников, представителей сексменьшинств с их извращённым сознанием. Перечисленные мероприятия по наведению порядка в стране вызовут колоссальное одобрение со стороны населения. Всколыхнут позитивную духовную энергию масс. И тогда нам никто не будет страшен.

Если этого не сделать, шансы быть битыми значительно увеличиваются. А в случае поражения трагическая участь постигнет прежде всего высшее руководство страны. Победители с ними не будут церемониться. Их даже в Гаагу, думаю, не повезут, разберутся на месте. Участь Саддама Хусейна и Муаммара Каддафи всем известна.

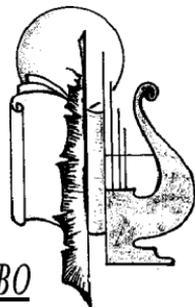
РАССКАЗЫ О РУССКИХ ХУДОЖНИКАХ

КОНСТАНТИН АЛЕКСЕЕВИЧ КОРОВИН
(1861 — 1939)

Константин Коровин был сложной натурой, хотя и казался многим простым и понятным. Правду изрек о нем Федор Шаляпин: «Беспечный, художественно-хаотический человек, раз навсегда заживший в обнимку с природой, страстный охотник и рыбак, этот милый Коровин, несмотря на самые отчаянные увлечения глухарями, тетеревами, карасями и шересперами, ни разу не упустил из поля своего наблюдения ни одного людского штриха».

Никто не видал его с книгой в руках, но в разговорах он поражал огромной начитанностью. Никто не думал, что он обладает писательским даром, а он между тем оставил объемное литературное наследство.

Его одноклассник Михаил Нестеров, вспоминая годы учебы, говорил о Коровине: «Всё в нём жило, копошилось, цвело и процветало. Костя был тип художника, неотразимо действующего на воображение, он «влюблял» в себя... Баловали его профессора-художники, баловали учителя по наукам, которыми он не любил заниматься, сдавая экзамены походя, где-нибудь на площадке лестницы».

ИСКУССТВО

Художническое становление Константина Коровина формировалось под влиянием Алексея Кондратьевича Саврасова. В четырнадцать лет поступив в Московское училище живописи, ваяния и зодчества в архитектурный класс, Коровин скоро сменил его на пейзажную мастерскую Саврасова — кроткого человека с мягким печальным взглядом. Алексей Кондратьевич не связывал учеников ни жесткими требованиями, ни строгой дисциплиной, но учил отыскивать в самом простом поэзию, передавать в этюдах ощущение жизни, добываясь главного — «правды сердца».

Костя Коровин был самым неутомимым его учеником. Его интересовало всё: краски вечера, старушки-липы... За день мог сделать десятки этюдов. Его ученическая работа «Ранняя весна» стала первой «Весной», появившейся после саврасовских «Грачей», — самый простой деревенский пейзаж с мирно бродящими курами и кособокой избушкой пронизан был словно библейским светом.

После ухода Саврасова из училища, пейзажный класс возглавил Василий Дмитриевич Поленов. Он рассказывал ученикам об импрессионистах, показывал репродукции, которые приобрел, будучи за границей. Под его влиянием Коровин создал «Портрет хористки», ставший «первой ласточкой» импрессионизма в России. На Репина этот портрет произвел неизгладимое впечатление: «Покажите мне, кто создал это?! Кто! Покажите...» — восклицал изумленный мэтр.

Постепенно у Константина Коровина сложился свой собственный почерк, которому суждено было сказать новое слово в русской живописи. Вопрос «как писать?» был для него важнее проблемы «что писать?». Любой мотив заслуживал внимания, если заключал в себе хоть искру красоты.

В 1884 году Константин Алексеевич получил звание «неклассного» художника, и хоть пробыл в училище еще два года, высшее звание «классного» ему все-таки не присвоили, как, впрочем, и его товарищу Левитану.

Начиналась самостоятельная жизнь — трудная, поскольку ни Левитан, ни Коровин не располагали деньгами и не имели связей. Но тут помог Василий Дмитриевич Поленов, познакомив их с Саввой Мамонтовым, безумно любящим талантливых людей. Москва с неприязнью смотрела на Мамонтова, не понимая, как может председатель Московско-Ярославской железной дороги содержать частную оперу?

— Опеку бы на него надо, — говорили солидные москвичи.

Мамонтова такие реплики не задевали. Он уже сделал несколько оперных постановок, теперь готовил «Кармен». Коровину он предложил съездить в Испанию и написать с натуры эскизы для постановки.

— Поезжайте... — улыбался Мамонтов. — Что вам? Двадцать три года...

И Коровин оказался в Барселоне, написав об этом в своих «Воспоминаниях».

«Полуночный вокзал, освещенный газовыми фонарями. Носильщик понес мой чемодан, ящик, сложенный мольберт и завернутые подрамники с холстами. Долго мы шли куда-то: через станцию, коридоры, по улице среди высоких домов; в темноте редко-редко мерцал огонек в фонаре. Ноги расплзались на грязи. Башмаки промокли. Наконец, подошли к воротам большого храма и через маленькую калитку вошли в сад. Слева шла колоссальная стена старинного здания. Носильщик постучал в дверь. Дверь отворил какой-то старик в сутане. Старик взял большую свечу, и мы вошли в белые покои с распятием на столе, перед которым горела лампада. В руках монаха были огромные ключи, висевшие на кольце.

Пройдя коридор, он повел нас вниз. Мы остановились у низкой кованой железной двери. Монах вставил ключ в замок, с усилием повернул его и открыл дверь. Я увидел огромный сводчатый зал. Он был мрачный, каменный. Высоко — одно длинное окошко. В углу зала на полу была постлана солома, лежала большая подушка. Монах мне показал на нее, встал в стоящий тут же бронзовый подсвечник зажженную свечу и, уходя, благословил меня. Носильщик поставил мои вещи и сказал: «Спите. Утром я приду». Я дал ему «на чай». Он, поклонившись, поблагодарил.

Оба ушли. Звякнул замок в железной двери... меня заперли. «Хороша история», — подумал я. Не раздеваясь, лег на солому и посмотрел на подсвечник. Он изображал монаха, наверху поблескивала страшная мертвая голова с проваленными глазами. «Вот так подсвечничек!»

Я развернул чемодан, достал альбом и с разных сторон нарисовал его. Думал: «Почему носильщик не повел меня в гостиницу? Странно...» Вокруг колыхались тени столбов, подерживавших своды. В углу темнели разбитые старые деревянные фигуры святых и большой черный деревянный крест. За столбами — ниша и ход. Я был в подвале храма...

Взяв свечу, я решил посмотреть помещение. За столбами открылась ведущая вниз лестница — несколько каменных ступеней, а там опять комната со сводами. Видны были какие-то колеса, ремни с потолка, железные старые кольца. Спустившись по лестнице, я увидел сбоку старый, темный, деревянный стол; за ним деревянное кресло и странную фигуру из чугуна. Чугунная фигура была открыта, и, осветив ее свечой, я увидел, что она пустая внутри, со всех сторон в ней

глядят остря, — «Железная Дева»! Дальше я наткнулся на огромные чугунные башмаки. Опустив свечу, увидел в них грязный слиток свинца. Около — стояла железная кровать с ремнями из железа, жаровня... Я с любопытством смотрел на эти страшные машины инквизиции.

В стороне я увидел коридор и каменную лестницу наверх. Поднялся по ее ступеням — опять мрачный коридор и каменная лестница наверх. Я продолжал подниматься и подошел к деревянной двери. Притронулся к двери — она открылась. В лицо повеяло свежим ветром — улица! Каменные плиты, травка, стена... Отойдя, увидел на углу улицы нечто вроде таверны — бочки вина, и на прилавке бочонок с серебряным краном. За столиком в глубине сидели трое испанцев, а за прилавком — молодые, с высокими гребнями и розами в волосах, две веселые девушки.

Я спустился по лестнице в таверну. Девушки с удивлением посмотрели на меня. Я спросил вина.

— Мазанилья? — удивленно вскрикнули они и, смеясь, налили из бочонка с серебряным краном в очень длинный и узкий стакан густое, как патока, вино. Одна из них подбросила передо мной вино из стакана кверху и, смеясь, ловко его поймала в тот же стакан. Вино зашипело.

Я выпил стакан до дна и спросил еще. Потом предложил и девушкам выпить. Они налили себе другого вина, и подсели ко мне. Я попытался объяснить им, что мне нужно ехать в Валенсию. Услышав слово «Валенсия», одна из девушек щелкнула кастаньетами, стукнула каблучками по полу и запела. В песне, по-видимому, говорилось о чарах прекрасных обитательниц Валенсии. Окончив пение, она прошла в легкий танце, взяла мой стакан и налила мне еще мазанильи.

Когда я расплатился и поднялся уходить, ноги мои что-то не шли. Одна из девушек накинула черную мантилью, взяла меня под руку, и вывела на улицу. Дорогой она мне что-то говорила, я ее не понимал и все твердил: «Станцион... Валенсия...»

На станции было пусто. Ночь. Девушка провела меня в первый класс и посадила на длинную мягкую скамью. На прощанье я хотел дать ей монету. Она не взяла. «Станный народ, — подумал я. — Похожи на русских».

Я так устал, что заснул мертвым сном. Меня растолкал носильщик. Он, смеясь, мне что-то говорил и хлопал по плечу. Я понял, что он сказал, что пойдет за багажом. Через полчаса он пришел, взял у меня деньги на билет и посадил в поезд. В окне вагона в раннем утре голубело море. В долинах, освещенных радостным утренним солнцем, были видны сады, как бисером осыпанные мандаринами. За долинами возносились голубые плоскогорья. Была какая-то особая

радость в блистании утренней природы и в смуглых красивых лицах народа. Испания!..

Валенсия оказалась очень красивым городом. Узкие улицы, цветные домики, то голубые, то розовые балконы, завешанные цветными жалюзи. Всюду клетки с птицами. Мелькнула большая стена и огромная статуя Богоматери, мраморные, в скульптуре, дома, огромные храмы поразительной красоты.

Мне дали хорошую чистую комнату в гостинице. Разобрав свои вещи, я вышел посмотреть город. Мужчины в черных плащах: сверху, на отвороте подкладки, красноватый плюш. Женщины в черных мантильях. Бедные люди — в толстых серых плащах. У некоторых круглые шляпы с шерстяными шариками по краям. Вернувшись в гостиницу, я спросил швейцара, не может ли он найти мне модель — испанку. Через час он привел мне в комнату двух молодых девушек. Одна — Ампара — была в черной длинной мантилье с капюшоном; наряд другой — Леоноры — был победнее: узкий корсаж и широкая черная юбка. Войдя ко мне, они встали у окна моей комнаты как-то вбок. Я попросил их стоять в тех же позах. Достал краски и начал писать. Когда я стал писать их ноги, Леонора покраснела: у нее были худые, в заплатах, башмаки.

Окончив сеанс, я хотел дать девушкам денег. Они обе вспыхнули и отказались. Мы вместе вышли на улицу. Отправились на базар. У лавки, где в окне была выставлена обувь, я предложил девушкам зайти. Полная женщина, хозяйка магазина, достала с окна шеголеватые женские ботинки с высокими каблуками. Леонора стала их примерять, но они ей были малы. Выбрали другие. Пока выбирали, девушки сказали хозяйке, что я русский художник. Она с удивлением хлопнула себя по коленям, и, раскрыв рот, смотрела на меня. Потом побежала внутрь магазина и, вернувшись, подала мне завернутый в бумагу кусок пирога с вареньем — в подарок. «Как у нас в России!» — поразился я.

Мои натурщицы, желая развлечь, повели меня на торговую площадь, где стояли балаганы — такие же, как у нас в России где-нибудь под Новинском.

На другой день я снова писал Леонору и Ампару у балкона. Они были очень недовольны, что вечером я ходил в ресторан, где случаются частые драки и поножовщина. Но зато я видел испанские танцы, слушал испанские песни...

В гостиницу к обеду пришли уже знакомые мне художники Запатэр и Леонард и еще шесть человек. Все приветствовали меня, а, выпив, уговаривали остаться жить у них в Валенсии. Снова вспомнилась Россия.

После обеда, за которым было весело, Ампара и Леонора пели и танцевали, как вчера танцевали в ночном саду женщины: стуча каблуками, то перегибаясь назад и ногой подбрасывая юбки кверху, то подбоченясь одной рукой, гордо и серьезно шли одна за другой. В этом была Испания — я нигде не видел такого танца.

Окончив картину и наброски для декораций, я собрался уезжать. Предложил деньги Ампаре и Леоноре. Они обе покраснели и опять не взяли денег. Тогда я снова пошел на базар и купил им большие шелковые платки в узорах, с длинной бахромой. Они с восторгом надели их на себя, смотрелись в зеркало, ловко себя закрывали и танцевали, стуча каблуками.

Подошел день моего отъезда. У подъезда ждал экипаж как большая черная бочка. Покуда размещали в него мои вещи, появились Ампара и Леонора. В руках у них были большие пучки срезанных зеленых веток, усыпанных мандаринами. Они отдали их мне».

В Россию Коровин вернулся с таким материалом для «Кармен», что Савва Мамонтов без устали душил его в своих объездах. Премьера оперы состоялась 22 декабря 1885 года. Художественное оформление спектакля привело москвичей в изумление. «Декорации «Кармен» дают полную иллюзию, унося зрителя в «страну кастаньет и тореадоров», — писали газеты.

Через пять лет законченная картина «У балкона. Испанки Леонора и Ампара» получила золотую медаль на Всемирной выставке в Париже.

Константин Алексеевич был прирожденным стилистом. Не хуже японцев и вовсе не подражая им, он с удивительным остроумием и пониманием сокращал живописные средства до минимума и достигал тем самым высшей определенности. Это и решило выбор Мамонтова, когда встал вопрос, кого из художников отправить на Север? Савва Иванович был инициатором строящейся железной дороги от Вологды до Архангельска, планы его охватывали рыбные промыслы Лапландии и Норвегии.

— Я приговорил вас, Костенька, в Сибирь, в ссылку, — объявил он. — В Нижнем Новгороде будет Всероссийская выставка, и я предлагаю вам сделать проект павильона «Крайний Север». Вот и Антон Серов хочет ехать на Север. Покуда Архангельская дорога еще строится, вы поедете от Вологды по Сухоне, Северной Двине, а там, на пароходе по Ледовитому океану.

— Сдавайся, Константин, — сказал Серов. — Мы с тобой в эскимосы поступаем.

Сборы были недолги, и вскоре художники выехали в Вологду. От Вологды до Архангельска уже вели железную дорогу: широкой полосой были прорублены леса, проложены рельсы, по которым ходил небольшой паровоз с одним вагоном. Кое-где были построены бараки для рабочих и сторожки для стрелочников. С пяти утра начиналась порубка леса. Свалив деревья, рабочие оттаскивали их в сторону с просеки. И каждый день вместе с рабочими на порубку выходил из чаши огромный медведь: помогал, думал — нужно. Когда рабочие кончали работу, уходил и он.

Инженер Чоколов сказал Коровину:

— Скоро поедем в Котлас, на Северную Двину. Там есть очень красивое село Шалукта.

И вот — перед художниками деревянная высокая церковь, ее купола, покрытые дранью, как рыбьей чешуей, по бокам церковь украшена бурым, желтым и зеленым кантом. Как она подходила к окружающей природе! Трое стариков-крестьян учтиво попросили гостей зайти в соседний дом. В доме — большие комнаты и самотканые ковры на полу изумительной чистоты. Большие деревянные шкафы в стеклах — библиотека. Среди старых священных книг Серов и Коровин увидели Голая, Пушкина, Достоевского, Лескова, Толстого...

В горницу вошли доктор и учительница, познакомиться с художниками. «Что за удивление, — шепнул Коровину Серов. — Это какой-то особый народ». Один из стариков спросил, не хотят ли они поехать на лодке по реке?

— Здесь есть красивое место, наши девицы покатают вас, покажут реку. — Махнул рукой, подошли четыре нарядные молодые девушки.

Доктор сказал Коровину:

— Здесь так принято встречать гостей.

Все сели в большую лодку. Девушки смело взмахнули веслами, и лодка быстро полетела по тихой прозрачной воде. Берега реки были покрыты лесом. В прогалинах — луга с высокой травой.

Причалили у больших камней, заросших соснами. Какая красота была на широкой тихой реке, в ровных берегах! Как чудесно лежали прибрежные луга, осыпанные цветами! А запахи трав, воды!.. Вдали на отлогих возвышениях, как яркие точки, светились избы далеко раскинутых деревень. Россия!.. Ширь!

Константин Алексеевич сделал несколько этюдов, которые стали потом красивой песенной картиной «Северная идиллия». На ней изображены те самые девушки, что так радушно показывали художникам окрестности Шалукты, и та самая природа, поразившая раздольем.

Но грустно звучит картина. Коровин прекрасно понимал: железная дорога, проведенная сюда, разрушит самобытность края. Не будет этих удивительных одежд, непуганой тишины, безбоязненной открытости — цивилизация всё подомнет под себя.

Из Архангельска путь художников был на Мурманск. Медленно отходил океанский пароход «Ломоносов» от высокой деревянной пристани. Шумели винты, взбивая воду, оставляя за паромом дорогу белой пены. Архангельск с деревянными крашеными домиками и большим собором с золотыми главами уходил вдаль.

— Скажите, — обратился Коровин к капитану. — Скоро будет Полярный круг?

— Круг? Да мы его сейчас проходим.

Художники быстро поднялись на палубу. Кругом — беспредельный, тяжкий океан, словно покрытый шёлком. Недалеко вывернулась чудовищная тень кита: сильным фонтаном он пустил воду вверх. Как плавно и красиво огромный кит выворачивается в своей стихии!

— Валентин, — обратился Коровин к Серову, — что же это такое? Где мы? Это же сказка...

— Да, невероятно... Но и жутковатые всё же места.

Рано утром мокрые скалы весело заблестели на солнце. Они были покрыты цветными мхами, яркой зеленью, алыми пятнами. В лодке художники причалили к берегу. Глубоко виделось дно, а под водой какие-то светлые гроты, большие узорчатые медузы, розовые, опаловые и белые. За низкими камнями у берега открывались песчаные ложбинки, а в них низенькие избы. Константин Алексеевич взял палитру. Было так необычно: избы на берегу океана!

Вдали, у океана, писал Серов. Внезапно он громко окликнул:

— Костя, иди сюда!

Коровин подошел и увидел, что стоит Валентин Александрович, а перед ним, подняв голову, большой тюлень: смотрит на Серова круглыми добрыми глазами, похожими на человеческие, только добрее. Тюлень услышал шаги Коровина, повернул голову, посмотрел на него и сказал:

— Пять-пять, пять-пять...

Вышедшая из избы старуха поморка позвала тюленя:

— Васька, Васька! — И Васька, прыгая на плавниках, быстро пошлепал к избе. Там художники кормили его мойвой, любовались честными красивыми глазами, гладили по голове. Коровин даже поцеловал тюленя в холодный мокрый нос. Васька повернул набок голову, заглянул ему в глаза и сказал:

— Пять-пять...

И снова океан. Безграничный Ледовитый океан! Над ним прозрачное холодное небо, к горизонту оно зеленоватое, далекое. Слева идет угрюмый скалистый берег Лапландии, покрытый мхом. Серов и Коровин поместились у кормы парохода, смотрели на длинных белых тюленей — белух. Богат господин Ледовитый Океан!

Пароход вошел в тихую широкую гавань у скал залива Святого Трифона. На палубе уже собрались поморы с мешками и багажом. Художники простились с капитаном, сели в лодку и вскоре причалили к берегу, где их приютил деревянный домик Печенгского монастыря. Около крыльца монастырского дома стоял небольшой олень. Его рога, похожие на сучья дерева, были словно покрыты бурым бархатом. Умно и приветливо смотрели карие олени глаза. Константин Алексеевич не смог не погладить его.

— До чего любопытно кругом! — удивлялся.

Утром они с Серовым и одним из монахов поехали на лошадях в монастырь. Дорога шла каменной тундрой: между камней — болото и мелкий кустарник. В монастыре Св. Трифона в чистой горнице, настоятель угостил их свежим, только что пойманым в речке лососем. После закуски Коровин и Серов приготовили краски.

— Вот что, — сказал им отец Ионафан. — Вы, ежели списывать тут будете, не пугайтесь, милостивцы... Медведи тут ходят, семь их. Так вы, милостивцы, медведей не пугайтесь: они тут свои и человека никак не тронут.

Художники с изумлением посмотрели на него.

— Как медведи?... Почему свои?..

— Медведи, известно, милостивцы, не наши, а лесные звери, вольные, — продолжал настоятель. — Ух, и здоровые! Как горы! А только они заходят и сюда к нам, на двор монастырский. Скамейку большую видите там, под стеною? Сидим мы на этой скамейке, февраля двадцатого, все в сборе, братия, то есть. Ждет братия, как после зимы и ночи непроходимой солнышко впервые заиграет, благодатное... А они, медведи, тоже рядом тут сидят и на небо глядят. Как только солнце выглянет из-за горы, мы молитву поем, а кто из нас что вспомнит, тот и поплачет. И медведи тоже бурлыкать зачнут: и мы, мол, солнышку рады...

Вечером того же дня монах с фонарем в руке нес из монастырской кладовой испеченные хлебы в трапезную, куда художники были приглашены на ужин. Вдруг они услышали, как этот монах закричал внизу у ворот:

— Эва ты, еретик этакой!.. Пусти!

Оказывается, медведь отнимал у него каравай, а монах угощал зверя фонарем по морде.

— Я ему уже дал хлеба, — объяснил художникам монах, — так он всё тащить хочет. Тоже и у них, медмедей, не у всех совесть-то одна. Отнимает хлеб прямо у дому, чисто разбойник. Другие-то поодаль смотрят, у тех совесть есть, а этот, Гришка-то, он завсегда такой озорной.

— Ты заметил, Костя, — сказал Серов, когда укладывались на монастырских койках, — милый монашек, браня медведя, говорил о нем, как о человеке.

— Да, Тоша, заметил. Какой чудесный край Север дикий! И ни капли злобы здесь нет от людей. И какой тут быт, подумай, и какая красота!.. Тоша, я бы хотел остаться жить здесь навсегда!

Дальнейший маршрут Коровина и Серова лежал в Норвегию и Швецию. На пароходе они обогнули крайнюю северную точку Европы — мыс Нордкап, трехсотметровую скалу, обрывающуюся в море, и вышли к Гаммерфесту — центру зверобойного промысла на севере Европы, откуда норвежские промышленники ходили за морским зверем на Шпицберген, к Земле Франца-Иосифа, на Новую Землю и в Карское море. Было начало северной осени, и Коровин с восторгом запечатлел обычное для этих широт северное сияние.

Оба художника были потрясены величием северной природы, открывали в ней бесконечное разнообразие, улавливали движение, скрытое за неподвижностью и безмолвием: везде дыхание, везде — жизнь!

Вернувшись в Москву, представили Мамонтову свои работы, тем самым проложив путь другим русским мастерам в край ледников и снега. Потом занимались оформлением павильона «Крайний Север», построенного по проекту Коровина в Нижнем Новгороде. Этот павильон стал самым впечатляющим на Всероссийской художественной и промышленной выставке 1896 года.

Константин Алексеевич мог наконец отдохнуть, съездить в деревню, поохотиться и порыбачить. У него в Ярославской губернии был собственный дом, вблизи протекала речка, и он называл это место «Мысом Доброй Надежды». К нему приезжали друзья, которым тут отдыхалось особенно хорошо. Весело проходили поздние вечера, когда, порыбачив, сварив ухи, все располагались у костра! Память Коровина хранила буквально сокровища всевозможных юмористических сцен. Прекрасным рассказчиком был и Федор Шаляпин, гремевший на всю страну своим гениальным талантом оперного певца.

Одни знаменитости были гостями Коровина, но здесь, на «Мысе Доброй Надежды», они становились простыми людьми.

ми, так что даже крестьяне к ним относились запанибрата. Крестьянин Василий, входя к Коровину в дом, браво вешал на гвоздь у двери свой картуз и начинал деловой разговор: где теперь больше рыбы. Серов как-то раз подшутил, вытащил гвоздь, и вместо него появился гвоздь нарисованный. Привычно войдя, Василий повесил картуз, но тот почему-то упал. Он поднял и снова повесил, и снова картуз свалился. Приглядевшись, увидев, что гвоздь нарисован, Василий сказал с обидой:

— В голове у их мало. Одно вредное. С утра всё хи-хи да ха-ха. А жалованье все получают во какое!

Молодость духа Коровин, Серов, Шаляпин сохраняли всю свою жизнь. Это и помогало выдерживать немислимые нагрузки.

Константин Алексеевич был приглашен в Петербург, а позже в Москву — писать декорации оперных постановок, и, как обычно, «попутно», создал множество ярких картин, украшающих ныне главные музеи России.

Произошедшую в стране революцию, как и впоследствии эмиграцию, Федор Шаляпин и Константин Коровин переживали очень тяжело. Серова уже не было в живых — не увидел, как художников лишают мастерских, как прячут их лучшие полотна в загашники музеев. Поселившись в Париже, Коровин и Шаляпин постоянно в мыслях возвращались к милым российским образам. «Помнишь речку Рекшу? — спрашивал Коровин. — Я ходил купаться на нее. Стрекозы летали зеленые, пахло лугом, водой и лесом. Не рай ли это был! А мужики разве были плохие люди? Добрые люди. Ах, как оболгали Россию. Много отнял у меня времени театр, лучше бы я писал картины русской природы. Я, в сущности, не знаю и не пойму, чем уж я был виноват. Работал я много и не сделал греха перед народом. Не пойму я людей, живущих на прекрасной и тайной земле нашей».

И все-таки Константин Алексеевич до последних дней сохранял оптимизм и надежду на светлое будущее: «В жизни и трудно, и горько, и нужда, и незадача, и неправда живет меж людей. А вот есть Рождество, есть надежда, есть свет разума. Обойдется всё это злое, нечестное, житейское, низменное. И придет и воссияет правда, воскреснет приязнь и дружба человеческая, смягчится душа человека, и обнимет чувство любви душу, и возлюбят друг друга».